2_Лэя (Пирамиды астрала – 2)

Виктор Юрьевич Кувшинов

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Это вторая книга серии Пирамиды Астрала. Вот только проблема – к ней нельзя писать анонса. Любой анонс испортит дело. Единственная инструкция – перед прочтением ознакомиться с первой книжкой, чтобы было понятно, что к чему. Жанр тот же – что-то вроде научного фэнтези. В этой книге, как мне кажется, больше действия, больше интриги и больше любви. Мне хочется думать, что Лэя получилась красивой. И имя у нее красивое, как у одной настоящей Лэи – псевдонима Лилии Фархай, с ее разрешения. Знаете, как я вам завидую, что вы вот так, можете взять книгу и прочитать? Мне-то ее пришлось три месяца писать-читать, а первый раз – он должен быть на одном дыхании. Так что счастливого вам путешествия через Пирамиды астрала и Вселенную в удивительный мир Лэи!

- Виктор Юрьевич Кувшинов
  - ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ВЕДЬМА?
  - ГЛАВА 2. ИНКВИЗИЦИЯ
  - ГЛАВА 3. ИЗГНАНИЕ
  - ГЛАВА 4. СТРАННЫЕ СНЫ
  - ЧАСТЬ ВТОРАЯ: ИНОПЛАНЕТЯНИН?
  - ГЛАВА 6. ДЕЛА ЗЕМНЫЕ
  - ГЛАВА 7. МИССИЯ ВОЗМОЖНА
  - ГЛАВА 8. КЛЮЧИ ОТ МИРА
  - ГЛАВА 9. ПРИНЯТЬ РЕШЕНИЕ
  - ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ: РАБОТА НАД ОШИБКОЙ
  - ГЛАВА 11. НАПЕРЕГОНКИ СО СМЕРТЬЮ
  - ГЛАВА 12. ВОСПИТАНИЕ МОНАРХА
  - ГЛАВА 13. МЕССИЯ-ЭГОИСТ
  - ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ: СТРАНА ВЫСОКИХ ГОРИЗОНТОВ
  - ГЛАВА 15. СКВОЗЬ ДОЖДИ, ЛЕСА, СТРАХИ И ВОСТОРГ
  - ГЛАВА 16. НАЙТИ СЕБЯ
  - ГЛАВА 17. НАД МИРОМ
  - ГЛАВА 18. НАЙТИ ДРУГ ДРУГА.
  - ЭПИЛОГ
  - ЛЭЯ
  - Глава 16. Найти себя

Виктор Юрьевич Кувшинов

Лэя (Пирамиды астрала – 2)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ВЕДЬМА?

ГЛАВА 1. ЛЭЯ

Речка, играя яркими бликами теплого летнего солнца и весело спрыгивая с небольшого порожка, успокоено разливалась по широкой запруде. Послеполуденная жара немного отпустила, и сейчас было самое лучшее время расслабленно отдохнуть на лужайке у берега. Лэя лежала на спине, закрыв глаза и вслушиваясь в звуки неторопливого летнего дня. Легкий ветерок шуршал временами в кронах деревьев и иногда, добираясь до лужайки, слегка покачивал травинку принимавшуюся щекотать ее щеку. Но Лэя терпела это шкодничество невидимого хулигана, не желая даже пошевелить рукой. Расслабившись, она впитывала в себя все очарование природы, не нарушаемое ничьим присутствием. Лукошко с грибами осталось в стороне под кустом, спрятанное в тени. Скинутый сарафан служил подстилкой. Раскинутые, как попало, руки и ноги утопали в мягкой, еще по-весеннему шелковистой траве. Где-то рядом тихонько стрекотало какое-то насекомое, а высоко в небе выводила трели маленькая пичуга – привычные звуки лета успокаивали мысли.

Лэя уже с полчаса лежала здесь – в ее любимом с самого раннего детства месте, и пыталась найти то беззаботное детское ощущение, которое всегда ассоциировалось с этим укромным уголком. Сегодня ей исполнилось девятнадцать – год совершеннолетия.

Это было, одновременно, и волнующе радостно, и грустно. Она становится самостоятельной женщиной, имеющей право сама за себя решать свои проблемы и выбирать свой жизненный путь. С другой стороны, окончилось детство – пора жизни, от которой у нее останутся только светлые воспоминания, не считая каких-то маленьких детских переживаний и обид.

Сколько лет она убегала сюда при первой возможности! Это место было недалеко от их дома и входило в частные владения их семьи, так как другие деревенские дети приходили сюда, только если она сама звала их с собой. К тому же, речка бежала дальше, петляя вдоль всех других домов деревни, так что почти каждой семье доставался свой укромный и любимый участок у воды.

В голове неспешно проплывали картинки детства. Почему-то в памяти оставались не пышные празднества и громкие события, а

какие-то, казалось бы, самые обыкновенные моменты жизни. Вот она утром, еще совсем маленькая, умывшись и правильно, как учили, почистив зубки, вбегает в гостиную комнату и бросается в ласковые объятия мамы, получая такую необходимую порцию доброты, заряжающую ее бодростью и счастьем на весь день.

– Мамочка!

– С добрым утром, лапушка! Ты уже умылась? Завтрак уже ждет тебя на столе!

Она только согласно кивает, прижимаясь к животу мамы и подставляя головку под нежные и заботливые руки. Отец уже сидит за столом и, весело подмигивая, поворачивается к дочке. Она, получив свою долю ласки от мамы, с радостным криком устремляется в протянутые папины руки. С разбегу запрыгнув к нему на колени, обнимает его за шею и, требовательно смотря в глаза, по-детски серьезно спрашивает, используя подслушанную у взрослых фразу:

– Что у нас в планах на сегодня?

Отец, пряча улыбку в глазах, тоже "серьезно" отвечает:

– Привет, котенок! Как спалось?

– Хорошо! – отвечает Лэя, трясь щечкой о папину грудь, как настоящий котенок.

– А планы давай составлять вместе! Как на счет занятий? Сразу всё пройдем с утра или разделим уроки на две части?

– А давай, сегодня не будем заниматься? – осторожно, без какой-либо надежды на успех, спрашивает Лэя.

Отец притворно нахмуривается и отвечает уже привычной фразой:

– Игры и развлечения нужно заработать. Ты же не хочешь остаться недоразвитым созданием, как какая-нибудь кошка или обезьянка?

– Нет – со вздохом отвечает Лэя. – Давай, тогда сегодня будем смотреть картинки про древнюю историю!

Лэю страшно интересовали всякие тайны и древние легенды, и она готова была слушать и читать часами старинные истории про древние народы и войны, про колдунов и монахов, борющихся с нечистой силой. Особенно ей нравились легенды о бесстрашных рыцарях, освобождающих простых людей от гнета деспотов и завоевателей.

– Хорошо, – соглашается отец и тут же ставит свои условия. – Но сначала мы поучим умножение и деление, потом ты почитаешь мне, а уж после этого я тебе расскажу что-нибудь новенькое и интересное. А теперь иди, садись кушать, а то твоя каша уже стынет.

Лэя бежит на свое место у окошка за большим, тяжелым

столом. Ее ждет тарелочка с парящей ароматной кашей и кружка молока. Так вкусно готовить умеет только мама.

Лэя замерла на своем месте и наблюдает, как утреннее солнышко чертит светлые полосы на темной поверхности стола и белых салфетках, незаметно подкрадываясь к чашке с молоком. Но дождаться, когда свет коснется чашки, не удается. Мамины заботливые руки подают ей кусочек свежеиспеченного хлеба и гладят по голове:

– Ау! Засонюшка, ты кушать будешь? А то смотри, следующий раз еду только в обед получишь!

Лэя, очнувшись от своих наблюдений, улыбается маме:

– Извини, мам! – хватает маленькой ручонкой ложку и принимается за еду. – Вкусно!

***

Вот она постарше – уже умеет читать и писать, умножать и делить. Вдвоем с отцом они занимаются на верхнем этаже в библиотеке. Он надевает круглые очки, когда читает – без них папа не видит буквы. Они сидят друг против друга, Лэя – с раскрытой тетрадкой, в которую записывает диктант. Отец, в простой белой холщевой рубахе и суконных штанах, сидя напротив, читает ей мудреный текст. Она пытается успеть и не наделать ошибок с кляксами – усердно выписывает пером ровные ряды строчек, помогая себе высунутым язычком, который старательно облизывает верхнюю губку.

В их доме огромная библиотека. Лэя вдруг задумывается, почему здесь так много книг, а у других ребят и дома маленькие, и книг в них нет, и родители днем почти всегда в поле, на скотном дворе или в мастерских.

– Пап, а зачем нам столько книжек? – не удержалась Лэя, удивившись этой мысли.

– Почемучка ты моя! Это хорошо, что ты спрашиваешь, но не на все вопросы можно получить ответы сразу, тогда жить будет неинтересно. Пока я тебе скажу часть ответа: я люблю читать. И я очень хочу, чтобы и ты полюбила читать и узнавать о мире, как можно больше. Однако это не все причины, но о других ты узнаешь, когда повзрослеешь. Вот исполнится тебе девятнадцать лет, тогда я и расскажу тебе, почему у нас такая большая библиотека.

Такой ответ Лэя довольно часто слышала от родителей на

многие свои "почему". С детства ее окружала какая-то тайна. Какая – она не могла понять, но с возрастом ей становилось все яснее, что их семья сильно отличается от обычных крестьян или ремесленников. Но не были они и землевладельцами или хозяевами крестьян. Соседи относились к ним очень хорошо, уважительно, но все-таки держа некоторую дистанцию. Со временем, Лэя начала понимать, что это было просто уважение к высокой образованности и воспитанности родителей – чего не доставало простым работягам и вызывало у них некоторое стеснение в общении с семейством Альк.

Однако, между соседскими детьми такой дистанции не было, даже наоборот, Лэя была единственной обладательницей настоящего лонка – а это получше любой игрушки или зверюшки.

"Да! Кстати, где пропадает этот проказник?" – Лэя очнулась от воспоминаний и приподнялась на локте, оглянувшись вокруг: "Где-то по лесу слоняется. Не натворил бы чего опять!" Валяться без дела надоело, а рядом плескалась уже по-летнему теплая вода. Лэя с веселым возгласом бросилась к берегу. Замерла на минутку, опершись на ветку дерева, и заглянула в отражение гладкой поверхности воды в маленьком заливчике. Какая же девушка не воспользуется возможностью хоть на мгновение взглянуть на себя? Вода, конечно, не зеркало, но много и не надо, чтобы полюбоваться стройным телом, покрытым короткой, плотной и шелковистой коричневато-золотистой шерсткой, темнеющей на спине, и резко меняющую расцветку на белую спереди. Участок белого цвета красиво обрисовывал снизу контур золотистой груди и, как бы зауживая талию, немного расширялся ниже пупка и сходясь красивым белым треугольником книзу. Она повернулась, любуясь на себя в профиль: да, ее маленький хвостик, коричневый сверху и белый снизу, вполне может свезти с ума любого мужчину-сэйла. Да еще, если учесть, на какой стройной и соблазнительной фигурке он расположен!

Пока никто не видит, она могла себе позволить полюбоваться собой чуть подольше.

Она повернулась лицом к воде и наклонилась, разглядывая лицо. Шея спереди и подбородок тоже были белые, а на щеках шерстка была золотистой и совсем пропадала ближе к прямому точеному носу и выразительным губам. Она внимательно посмотрела на отражение своих больших, слегка вытянутых к вискам, глаз с изумрудными радужками и вертикальным зрачком, опушенных густой щеточкой ресниц.

Точеные брови красиво контрастировали с белыми веками. Сверху голову украшала шикарная грива золотисто-коричневых волос с легким оттенком красной меди, которая спускалась сзади

по шее и немного продолжалась на спине, сужаясь и пропадая в районе лопаток. Лэя была уже достаточно взрослой, чтобы понимать, насколько она красива. Она уже не раз замечала, как у юношей, первый раз встречавших ее, перехватывало дыхание при виде ее стройной и сильной фигуры. А когда им доводилось заглянуть в ее изумрудные очи, они лишались всякого покоя.

Поэтому, сберегая спокойствие окружающих, как мужчин, так и ревнивых женщин, она носила легкий сарафан, хотя крестьянские женщины обычно пренебрегали такой одеждой – зачем одеваться, если и так тепло! Другое дело наряды знати и богатеев – они служили, больше, для демонстрации драгоценностей, чем для прикрытия тела, даже наоборот, подчеркивая наиболее соблазнительные места.

Любуясь своим отражением в воде, Лэя вдруг почувствовала сильный толчок в спину и ощутила себя летящей в воду, прежде чем что-либо сумела сообразить. Вынырнув из воды, она увидела знакомые круглые глаза, невинно уставившиеся на нее, как будто ничего не произошло.

– Ах ты негодник! Хлюп! Я же могла удариться и утонуть!

– Не-а! Ты здесь каждый день тонешь – и все никак не можешь этого сделать. Еще скажи, что не собиралась купаться! – пуговицы глаз сощурились в ехидной усмешке.

Перед Лэей корчил рожицы ее дорогой, любимый, личный лонк – друг и вечный ребенок, защитник и проказник одновременно. Смешное и шустрое бурое плюшево-шерстяное создание было чуть выше пояса Лэе, на толстых ногах и с крепкими руками. Круглые уши и глаза с темной кнопкой носа делали его вид уморительно забавным. Даже когда он грустил, так и казалось, что он прикидывается и готовит очередную проказу. Лонки были вторым разумным видом помимо сэйлов. Они уступали сэйлам в сообразительности, будучи неспособными к чтению или письму. К счастью, вместо того, чтобы уничтожить лонков, сэйлы поняли, что из них получаются лучшие друзья и считали их чем-то вроде священных созданий. А лонки платили за это сэйлам преданностью. Сэйлы были самостоятельны и вели свою сложную социальную жизнь, а лонки обладали свойством привыкать к одному хозяину, смена которого для них была равносильна смертному приговору. Позволить себе взять в семью лонка могли только очень состоятельные сэйлы. Лонков было мало. В лесах жили их дикие племена, но очень немногочисленные, так как они не могли успешно противостоять крупным хищникам. Те же, что жили с сэйлами, так сильно привязывались к хозяевам, что не могли образовывать пар и, соответственно, иметь детей. Только иногда, когда в одной семье

сэйлов жила пара разнополых лонков, они могли заводить потомство, и тогда они старались за других – рожали, чуть ли не по ребенку в год. К четырем – пяти годам лонки почти достигали потолка своего развития, как физического так и умственного, оставаясь на всю жизнь на уровне пяти- семилетнего ребенка-сэйла. В это время они уходили из семьи и встречали своего будущего хозяина. Если хозяин им нравился, то через некоторое время, лонка нельзя было больше с ним разлучить надолго, иначе он впадал в депрессию, часто оканчивающуюся летальным исходом, от которого его могла спасти только особь противоположного пола. То есть, альтернативой было только создание новой семьи. Лонки жили почти столько же, сколько и сэйлы. Так что, друг, слуга и ребенок зачастую и для хозяина становился самым близким существом на свете.

Догнав единственного старшего братика по росту, Лэя сообразила, что братик вовсе и не братик, а ее личный лонк. Позже она заметила, что ни у кого в округе не было своего лонка, даже у ее родителей. Это заставило ее задуматься. Как-то деревенские ребята, рассевшись стайкой на обочине дороги, стали наперебой хвастать, у кого какой братик или сестричка. Когда дошла очередь до нее, одна девочка, махнув рукой, заявила:

– А у Лэйки нету ни братьев, ни сестер!

На что ее же старший брат и ответил:

– Что бы ты, дуреха понимала? У нее есть свой лонк! А лонки есть только у королевских родственников, ну вельмож всяких, придворных… – пытался он вспоминать незнакомые слова.

– Так что? Получается, что Лэйка – королева какая-то! А что она тогда у нас в деревне делает? – горячо обсуждали ребята и потом, как по команде, повернулись к Лэе:

– Ты кто? – серьезно насупившись, спросил самый старший парнишка, лет двенадцати от роду.

– Я… не знаю! – растерявшись, Лэя не знала, что ответить и, чуть не плача, метнулась домой.

Она помнила, как наткнувшись на маму на кухне, схватила ее за платье и, уткнувшись в живот, захныкала:

– Почему у меня нет братика или сестрички?! Почему они меня королевой обзывают?! – приставала она к маме, рассержено топая ножкой.

– Ну не всем удается заводить детей, сколько им вздумается! – ответила грустно мама. – Видишь ли, у нас не будет больше детей, поэтому Хлюп будет всегда тебе и братом, и другом, и слугой. Только ты не обижай его – у него нет другого выбора.

Он не может сменить хозяина.

– А почему ни у кого нет лонков, а у меня есть? – продолжала капризничать маленькая Лэя.

– Мы знали, что ты останешься единственным нашим ребенком и поэтому решили, во что бы то ни стало, найти тебе друга на всю жизнь. Нам посчастливилось приобрести маленького Хлюпа, который и стал твоим лонком. И потом, у тебя есть двоюродный брат – Зар, и у него есть маленькая сестричка, так что не горюй – тебе всегда найдется, с кем поиграть!

– А почему меня обзывают королевой? – уже почти успокоившись, выясняла Лэя.

– Не обращай внимания! – смутившись, мама помолчала немного, гладя маленькую головку дочки, и добавила. – А ребятам скажи, что мы тебя очень любим и, поэтому, подарили тебе в детстве лонка… а ты никакая не королева, а простая девочка, – последние слова она с трудом выдавила из себя.

***

Лея плавала посреди пруда, одновременно и сердясь и смеясь – Хлюп, как всегда, в своем репертуаре! Жаль, что он, несмотря на то, что умеет прекрасно плавать, не терпит этого делать – было бы весело с ним поплескаться в воде. Лэя наслаждалась первыми, по-настоящему теплыми днями большого лета. После череды смен суровых зим и жарких лет, четырехлетний цикл, наконец, приблизился к своей лучшей поре, когда в Эриане – самом большом государстве и одновременно материке, воцаряется лето, продолжающееся полтора года. Полтора года не будет снега. Полтора года можно купаться, ходить за грибами и ягодами, наслаждаться ожившей природой.

Причем, большое лето не бывает изнурительно жарким, как обычные, короткие летние периоды. Просто в это время два лета становятся прохладнее, а зима между ними теплеет до уровня поздней весны. Вот и получается так, что большое лето – самый лучший период в Эриане. С этим временем связывалось и другое важное явление. К концу первой трети большого лета многие женщины беременели и в начале последней трети в семьях сэйлов появлялись малыши. Иногда рождались двойни, но в основном женщина могли заиметь одного ребенка в четыре года, то есть максимум шесть – семь детей за всю жизнь. И Лэя знала, что через несколько месяцев, она в первый раз могла бы забеременеть, но пока это было невозможно по одной простой

причине – ей еще ни один юноша не понравился так, что бы она смогла назвать его своим избранным.

Лэя любила плавать. Сильное молодое тело само просилось на нагрузки в воде, и она с удовольствием ныряла, подолгу могла быть под водой и делала стремительные броски, плавая разными способами. Наконец, она почувствовала усталость и вышла на берег. Вытерев воду взятым с собой маленьким полотенцем, она легла на прежнее место, обсохнуть и согреться на солнышке. Хлюп опять убежал, прячась от праведного гнева хозяйки.

Лэя закрыла глаза, и мысли о последних часах накатились на нее. Сегодня один из важнейших дней ее жизни. Она стала совершеннолетней. Однако не только это волновало ее. Отец много раз обещал, что ответит на все ее вопросы, когда ей исполнится девятнадцать. И вот, сегодня вечером, после праздничного ужина, отец должен это сделать, а вопросов у нее накопилось множество и не потому, что ее плохо учили, а потому, что ее жизнь постоянно окружала какая-то тайна.

Их семья была другая – не такая, как все в деревне. Сначала она поняла, что все дети учились три года в церковной школе соседней деревушки. Она же училась дома, и не три года, а все годы, сколько себя помнила, и учителями у нее были мама с папой, да еще, дядя Илаир, который учил ее искусствам борьбы, самообороны, конной выездки и владению оружием. Мама учила ее искусству одеваться, правильно вести себя в обществе, танцевать, пользоваться косметикой и украшениями. Лэя помнила, как удивилась, когда первый раз увидела маму в восхитительном наряде из тонкого шелка, украшенного жемчугом и бисером. Потом она заметила, что ее родители никогда не работали в поле или в мастерских. Они были самые богатые в деревне и жили в огромном доме в два этажа с большим двором и конюшней. И даже имели помощников (слугами их назвать не поворачивался язык), роль которых выполняла семья дяди Илаира. А такой библиотеки не было наверно даже в ближайшем городе Рестане. Становясь старше, Лэя все больше отдалялась от деревенской ребятни. Ей становилось скучно с ними, и она все больше находила себя в обществе родителей и двоюродного брата Зара, который худо-бедно, но тоже обучался. По крайней мере, в военных искусствах ему не было равных. Ну и конечно, ее лучшим другом всегда был Хлюп.

Но не только их семья Альк была не такой, как все. Сама Лэя была не менее странной и загадочной, даже сама для себя. Ее мысли сами собой вернулись к страшному и прекрасному событию, случившемуся с ней в пятилетнем возрасте…

– Мама! Можно я пойду купаться с ребятами из деревни?! –

маленькая Лэя отпрашивалась у мамы тоном, не терпящим возражений.

Она уже все распланировала, и если мама что-нибудь начнет возражать, то у нее в запасе есть несколько просто убийственных доводов: "Во-первых, она сделала с утра все заданные на сегодня уроки, во-вторых, она прибрала свою комнату, в-третьих, помогала мыть посуду, в-четвертых,… чего бы еще "в-четвертых" придумать? Ну да ладно – для начала хватит! Остальное соображу по ходу разговора" – маленькая Лэя была, не по годам, смышленая и умела постоять за себя в словесных баталиях. Но все приготовления оказались напрасны. Мама сдалась, не затевая пререканий – видимо, зная характер девчушки, посчитала, что на этот раз будет легче просто отступиться.

– Ладно, но ты еще не умеешь хорошо плавать! Поэтому возьмешь с собой Хлюпа, – мама старалась подстраховать неугомонную дочурку.

– Зачем мне Хлюп?! Он же воды боится! – удивленно вскинула бровки Лэя, пытаясь в любой момент сорваться на бег во двор.

– Боится-то, боится. Только тебя он больше любит, чем воды боится! Так что, в критический момент полезет в воду. А лонки с рождения плавать умеют.

– Ну хорошо, с ним даже веселее! – Лэя уже топнула ножкой, чтобы слететь стрелой с крыльца, как мама остановила ее вопросом.

– Куда вы купаться пойдете?!

– На большой пруд!

– Нет, туда нельзя без взрослых! Там сильное течение и большая глубина. Идите лучше на ближний или к покосам. Там вода теплее!

– Но там же мелко – негде и поплавать даже! – заупрямилась опять Лэя.

– Все! Или туда, или сиди дома! Маленькая еще – взрослым возражать! – мама спокойно любовалась дочкой, облокотившись на косяк двери, и ждала ее взвешенного ответа, пряча улыбку и делая строгое лицо.

"Ну вот! Как что – так сделай то, сделай это – ты уже большая. А как гулять или забавляться, так сразу еще маленькая. Конечно, эти взрослые всегда правы, сила-то на их стороне!" – Лэя, насупившись, обдумывала безвыходное положение и ковыряла ножкой половик в прихожей. Ничего не оставалось делать, как согласиться, а обманывать родителей ей не приходило в голову. Что-то говорило ей, что стоит раз потерять их доверие, и это будет ей аукаться всю жизнь.

– Хорошо мама, – притихшим голосом согласилась Лэя и пошла искать Хлюпа.

Хлюп жил в своей комнате и был довольно большим чистюлей. Но вот жить он предпочитал по-своему. Он пользовался стульями и столами в доме, но в комнате у него не было ни одного предмета мебели, кроме полок на стенках. Пол был накрыт половиками, а спал он на матрасе в углу. По нужде бегать тоже предпочитал по кустикам и только зимой, в морозы использовал туалет по назначению. Он с охотой помогал в хозяйстве и хорошо справлялся с простыми работами – благо силушкой его бог не обделил. Хлюп был "высокообразованным" лонком – на него было положена уйма усилий, и он даже знал некоторые буквы и считал до десяти – по числу пальцев на руках, хотя читать так и не научился.

Лэя выбежала на двор, даже не заглянув в комнату Хлюпа. Она знала, что днем его там нечего и искать. Набрав побольше воздуха в легкие она звонко крикнула:

– Хлюп! Ты где?!

От конюшен раздался радостный басок:

– Иду! Лэя! – и почти тут же показалась смешная круглая физиономия, с опилками, застрявшими в шерсти. – Что делать собираешься?

– Пошли купаться! Мама сказала, чтобы ты со мною шел! – Лэя сразу пресекла возможные возражения.

Лонк сморщился, как от какой-нибудь кислятины, но возражать не посмел. Только вдохнул и попробовал внести контрпредложение:

– А может, за грибами пойдем? – Хлюп был заядлый грибник. Он обожал слоняться по лесу и собирал большую часть грибов для дома. И хотя Лэя любила собирать их не меньше его, Хлюп умудрялся все время находить новые места, почти всегда оставляя урожай несобранным и прибегая за Лэей, чтобы идти за грибами вместе. Ведь любое дело в десять раз интересней, если делаешь его с друзьями, а не один!

– Ну, по пути можешь пособирать, если найдешь! – смилостивилась Лэя. – Пойдем скорей, а то ребята уже, наверно, собрались.

– Сейчас! Только папе скажу! – и Хлюп припустил к конюшне. Интересно, что он звал взрослых так же, как и Лэя. Если для нее кто-то был папой, то и для лонка он был папой. Лэя потихоньку отправилась со двора. Выйдя на дорогу, она услышала топот и пыхтение Хлюпа: "Молодец – не заставляет себя ждать!" На перекрестке уже крутилась стайка девятилетних и пятилетних ребятишек. Самый авторитетный – Зар, Лэин кузен, выразил

общую мысль:

– Ну наконец-то! Мы тут уже все жданки съели! Все, идем на большой пруд!

Лэя встала, набычившись, и, чуть не плача, заявила:

– Меня не пускают на большой пруд!

– Подумаешь! – сразу ответил какой-то мальчишка. – На то они и родители, что бы их не слушаться.

Однако Зар лучше знал Лэю и ее родителей и сразу понял, что на большой пруд она не пойдет. Подумав, он предложил:

– Может нам разделиться, маленькие на маленький пруд, большие – на большой?

Лэя облегченно согласилась и, забрав двух подружек и одного паренька, отправилась в сопровождении Хлюпа на ближний маленький пруд. Они, весело щебеча, бежали по тропинке среди некошеного поля. Хлюп вырвался вперед и пытался иногда катиться кубарем, что ему довольно неплохо удавалось. Выбежав на песчаный берег, ватага без задержки ринулась в воду. Только Хлюп забрался на дерево, чтобы его не обрызгали, и подсматривал оттуда за ребятней. Вода была теплой, а дно мелким.

Так что ребята резвились во всю, брызгаясь, дразнясь, ныряя и барахтаясь, насколько хватало сил. Когда они уже порядочно набултыхались, Лэя заметила плывущую по течению палку, и к ней сразу же пришла в голову новая идея:

– Слушайте! Давайте пускать кораблики! Сделаем каждый себе, из чего найдем, и пустим по течению. Чей кораблик будет быстрей – тот и победит!

– Ура-а! – подхватила ребятня, и все пошли на берег, искать что-нибудь подходящее. Скоро все были вооружены, кто куском коры, кто сучком, кто дощечкой.

У Лэи был самый красивый кораблик – спасибо Хлюпу. Он отыскал полешко и обстругал его ножом, который он носил всегда с собой на пояске в ножнах. А главное, он воткнул сверху настоящую мачту, так что, если прищуриться, то в полешке можно было ясно увидеть настоящую каравеллу или даже бриг. Лэя, правда не очень знала, что это за корабли, но она не раз слышала от папы, какие они красивые – в точности, как ее парусник!

Настал момент старта. Лэя выстроила всех ребятишек в линию, в пруду, перед истоком ручья, и они одновременно опустили кораблики в воду. Течение, сначала медленно, а потом все быстрее понесло их флот по ручью. Ребята поспешили вдоль берега за своими питомцами. Кораблики то и дело натыкались на камни или коряги, кружили и опять выскакивали на стремнину.

Лэе пришлось один раз зайти по колено в воду, чтобы вытащить ее застрявшего фаворита. И все-таки, ее парусник оказался самым быстрым. Она не заметила, как вдруг ее бриг первым выскочил на простор большого пруда и медленно поплыл прочь от берега.

– Он уплывает! – в отчаянии Лэя провожала взглядом удаляющийся прекрасный корабль.

И неважно, что он сделан из наспех обстроганной деревяшки. Он все равно был самым красивым, потому что они сами, с Хлюпом, его сделали. Она не стала раздумывать и бросилась в воду. Не обращая внимания на жалобный вопль "Лэя!", изданный Хлюпом сзади, девочка продолжала яростно барахтаться, медленно приближаясь к кораблику, а тот, как будто издеваясь, потихоньку уходил от берега.

Вдруг Лэя почувствовала, как ее ногу свела судорога, она закричала "Помог!.." и тут же хлебнула воды. До берега было ужасно далеко, и ноги не доставали до дна.

Она сделала еще несколько конвульсивных гребков и, вдохнув обжигающую воду в легкие, пошла ко дну, уже не слыша, как Хлюп кричал Зару на другом конце пруда, чтобы тот бежал за отцом Лэи. Как он, преодолевая свой страх, бросался в воду разыскивать и спасать свою хозяйку.

После короткого шока, Лэе вдруг стало легко. Она престала чувствовать боль в ноге и в легких. Лэя внезапно всплыла и, не задерживаясь в воде, поднялась в воздух, увидев, как Хлюп, смешно барахтаясь, плывет к ней. "Зачем?" – удивилась девочка: "Мне так хорошо!" Она полетела дальше, к дому, и увидела бегущего Зара.

"Сейчас наверно папа с мамой перепугаются! Вот мне влетит!" – а потом засмеялась:

"А как они меня здесь догонят?! А здорово-то как летать!" Ее внимание отвлекли какие-то воспоминания или видения, она видела себя как будто совсем маленькой, может быть годик или два отроду в каком-то незнакомом замке или дворце – в таком какие рисуют в книжках. Вокруг были какие-то шикарно одетые люди, и даже дядька в короне, как король с картинки, который на нее посмотрел. Но она не успела испугаться, так как будто провалилась или переместилась на красивую лужайку – такую же, как их нескошенное поле, по которому они бежали, только это место было другое – вокруг не было домов или деревьев.

Ей навстречу вышел добрый дяденька. В том, что он добрый, не было никакого сомнения. Доброта от него прямо исходила светом, так что можно было в ней греться, как на солнышке! Он ласково посмотрел на нее, улыбнулся и сказал:

– Ну, здравствуй, Лэя!

– Ой, откуда ты знаешь мое имя?! И потом, мама мне велела не разговаривать с незнакомыми дяденьками!

– Молодец твоя мама! – еще шире улыбнулся дяденька. – А меня зовут Арсен – я твой ангел спаситель или буду ангелом-хранителем, если ты вернешься к маме с папой.

– Ой, как здорово! Я никогда раньше не видела ангела! – счастливым голосом воскликнула Лэя. – А ты настоящий? И чудеса делать можешь?!

– Настоящий, настоящий! – смеялся дяденька ангел. – А чудеса ты и сама можешь здесь делать!

– Как это?! – оторопело спросила Лэя.

– Это не сложно, стоит только захотеть! Но тебе важно решить сейчас: хочешь ли ты вернуться на Сэйлар в реальный мир, или тебе интереснее быть здесь?

– Ой, здесь конечно интересней! – Лэя не сомневалась ни минуты.

– А ты хорошенько подумай: там остались папа с мамой и Хлюп, ты ведь будешь без них скучать!

Лэя задумалась. Конечно, чудеса – это здорово, но потом, мне обо всем надо будет рассказать маме и папе. Иначе, зачем эти все чудеса смотреть, если никому не похвастаться? К тому же, я уже и так много видела – уже есть, о чем рассказать!

Ангел Арсен сидел на лужайке, скрестив ноги, и спокойно ждал ее решения. Вдруг Лэю посетила догадка:

– Слушай! А я смогу еще сюда приходить, если вернусь обратно?

– А ты наверняка этого хочешь? Ведь ты станешь тем, кого сэйлы называют ведьмой!

– А это плохо?

– Нет, это не плохо и не хорошо. Просто ты станешь другой, а других, не таких как все, сэйлы не любят. Тебя будут бояться, если узнают, кто ты такая.

– А если я никому не скажу?

– Есть еще такие же, как ты. И они смогут почувствовать тебя, если будут рядом.

– А я могу просто ожить и стать нормальной?

Ангел подумал, как будто прислушиваясь к себе, и сказал:

– Нет. Уже нет. И у тебя осталось еще несколько минут, чтобы вообще вернуться.

Потом дорога будет закрыта… Выбирай!

– Хорошо, я хочу вернуться. Теперь я буду знать, что мне надо бояться таких же, как я. Но я не прощаюсь, ты будешь меня ждать?

– Хоть каждую ночь! Только позови: "Арсен!" и я сразу приду

к тебе во сне. А теперь, закрой глаза.

Лэя послушно закрыла глаза и почувствовала, как ее ударила боль в ноге, горле и легких. Она закашлялась, лежа на животе через отцовское колено. Ее рвало.

Большие отцовские руки аккуратно и нежно положили ее на траву, и Лэя увидела перед собой его глаза, в которых одновременно смешались все чувства на свете: страх и радость, злость и нежность, отчаяние и счастье…

– Дыши, миленькая! Дыши! Радость ты наша! Что бы мы без тебя делали?!

До Лэи стало доходить, что весь мир, оказывается, крутиться вокруг нее! Она вдруг поняла, что папа и мама всю свою жизнь отдают только ей, не говоря уже о Хлюпе, который не смог бы жить без своей хозяйки. Как же она хорошо сделала, что вернулась домой!

– Пап, я люблю тебя! – хрипло шепнула Лэя отцу и впервые увидела, как он плачет.

Когда она отошла от впечатлений ужасного происшествия, ей захотелось похвастаться и она, отловив маму, стала ей рассказывать:

– Мам, ты представляешь! Когда я утонула, то встретила ангела! Его Арсен зовут!

Он хороший, добрый! Он сказал, что будет ко мне во снах приходить, когда я захочу, – восторженно делясь чудесными приключениями, Лэя не сразу заметила, что мама смотрит на нее с болью и страхом в глазах. – Мам, я что-то не то сказала?

– Доченька! За что же нам такое горе!- воскликнула мама, обнимая ее за плечи.

Затем, опомнившись, и сказала, все так же крепко обнимая Лэю. – Но ничего, главное, что ты жива, а об этом мы никому не скажем. Это будет наша самая большая тайна! Только обещай мне сейчас, что ты никому, кроме нас с папой, никогда, ни при каких условиях не расскажешь, что ты видела ангела!

– Хорошо мамочка! – Лэя пыталась успокоить маму. – Я никому не скажу!

– Доченька, ты не понимаешь! Если кто-нибудь узнает об этом, нам не жить!

Инквизиция уничтожает всех ведьм и их ближайших родственников! Ты еще маленькая, но запомни одно: если ты хочешь, чтобы мы жили счастливо, никто не должен узнать о нашей тайне!

***

Лэя продолжала лежать, отдыхая после купания. Сейчас было смешно представить, что эта небольшая запруда оказалась такой коварной ловушкой для нее в пятилетнем возрасте. Сейчас она переплывала ее поперек за несколько минут. Перевернувшись на живот, она дальше предалась воспоминаниям…

После этого происшествия начались ее удивительные сны. Они приходили не каждую ночь, но стоило Лэе о чем-нибудь встревожиться вечером, как ночью, во сне она попадала в какой-нибудь мир, где ее тревоги могли рассеяться или наоборот, обрести реальность. Иногда, если сновидения оказывались страшными, то она звала Арсена, и он тут же приходил на помощь.

Однажды во сне, после дневных уроков придворного этикета с мамой, Лэя попала в какой-то дворец, выглядящий совсем как на картинке, которая была нарисована в книжке. Она была наряжена в такое же платье, как и то, что показывала ей мама днем. Во дворце было много сэйлов, одетых в шикарные одежды. Она вошла в огромную комнату, или, вернее, зал с высоченным потолком, большими мозаичными окнами и факельными светильниками по стенам. Все вокруг сверкало золотом и зеркальной мозаикой в отблесках огней. Откуда-то из конца зала доносилась красивая музыка. Это не было пиликаньем мамы или бренчаньем дяди Илаира, под которые она училась танцевать. Это было волшебное созвучие многих незнакомых инструментов, сливавшихся в легкую, плывущую по залу мелодию.

Лея осторожно прошла вдоль стенки чуть поближе к играющему оркестру, заворожено наблюдая, как в центре зала много пар кружилось в сложном бальном танце. Она даже узнала фигуры и па – они разучивали однажды такой танец с мамой. Но Лэя не могла даже предположить, насколько он красив во дворце, исполняемый тремя десятками танцоров сразу! Она стояла, как под гипнозом, мысленно кружась под музыку со всеми.

– Не желает ли маленькая фея поучаствовать в нашем танце? – раздался сзади доброжелательный мужской голос.

Лэя испуганно оглянулась и увидела высокого мужчину, улыбающегося ей приветливой и ободряющей улыбкой. Что-то в чертах лица этого сэйла было неуловимо знакомым.

Черная пышная грива волос, волевой подбородок, нос с горбинкой и изумрудные глаза, внимательно ее изучающие, казались привычными. Одет мужчина был в шикарный камзол, увешанный какими-то то ли наградами, то ли знаками отличия. Лэя, спохватившись, сделала реверанс, как учила ее мама, и поприветствовала его, в соответствии с этикетом обращения к

незнакомому сэйлу из высшего круга.

– Добрый день, уважаемый лорд! Меня зовут Лэя. Лэя Альк.

Незнакомый дяденька удивленно посмотрел на гостью и, наконец, сообразив что-то, ответил:

– Очень приятно познакомиться, маленькая фея! Оказывается мы родственники!

Представь, моя фамилия тоже Альк! И я, кажется, догадываюсь, чья ты дочка!

Твоего папу случаем не Саларом зовут?

– Да-а, – изумленно ответила Лэя.

– Ну вот и прекрасно! А меня зови дядей Гленом. И обязательно передай привет папе от меня. Скажи ему, что с его братом и его семьей здесь все в порядке!

– А как Вы догадались, что я могу передать ему привет? – удивилась Лэя.

Дядя Глен усмехнулся и заметил:

– А ты большая умница! Такая маленькая, а все понимаешь. На самом деле это не трудно. Тебя я вижу здесь впервые. Твои папа и мама еще тут не появлялись, потому что они живы. А то, что ты не умерла, видно по твоей ауре – ты в плотной оболочке.

Лэя ничего не поняла из объяснений про какую-то плотную оболочку и продолжала смотреть удивленным взглядом на дядю. Он, заметив это, в шутку слегка нажал на кончик ее носика, улыбнулся и объяснил:

– Ну, просто, ты немного светишься – от тебя энергии много идет. Да, и зови меня на "ты", я же все-таки тебе родной дядя!

– Подожди, так ты умер?

– Да! Как и все эти сэилы. И ничего страшного в том нет, как видишь!

– А почему же я здесь?

– Потому что ты фея! Волшебница! Обычно это случается, когда сэйл почти умирает и его душа, побывав здесь, возвращается в тело. После этого, плотная оболочка слабо связана с телом и начинает во снах странствовать по небесам.

– А мне ангел сказал, что меня начнут ведьмой обзывать!

– А ты и с ангелом встречалась! Тогда ты далеко зашла! Значит, будешь очень сильной волшебницей. А ведьмами вас называют на Сэйларе по скудомыслию, да из страха перед вашей силой. Ты просто никому не говори о своих способностях, кроме папы с мамой, и все будет в порядке. – Дядя Глен задумался на минутку. – Да, пожалуй, и здесь тебе не стоило бы показываться многим. Ты еще не устала? Ты же теряешь много сил, путешествуя в небесах.

– Нет, я не устала! Дядя Глен, можно и мне потанцевать?! Я

никогда такой красоты не видела! – Лэе было жалко уходить отсюда, так и не осуществив своей мечты.

– Хорошо! – согласился дядя, только давай, немного изменим твой вид. Закрой глаза и представь себя немного повыше… вот так. Теперь, представь, что у тебя носик удлинился, а глаза стали чуть меньше… все, теперь можем танцевать! – дядюшка, еле скрывал смех.

– Что, я такая страшная теперь? – засомневалась Лэя.

– Это ничего, мы-то знаем, какая ты красавица! А танцевать теперь можешь сколько угодно – никто тебя не узнает! Так что, разрешите пригласить?! – дядя вычурно поклонился и протянул руку Лэе.

Потом ее подхватил вихрь танца, временами затихая и давая сделать несколько плавных па, и снова унося ее в кружащемся потоке по залу. Украшенные колонны и витражи зала смешались с мишурой нарядов танцующих. Лэя все продолжала кружиться, пока видение зала не растаяло в дымке сна, и она не почувствовала себя проснувшейся в своей кровати. С криком восторга она вскочила и понеслась в спальню к родителям:

– Мама, папа! Я сейчас так танцевала! В таком восхитительном дворце! Там был дядя Глен! Он просил передать вам привет и сказать, что у них все в порядке! Он такой добрый! Он вальсировал со мной! – Лэя забралась в постель к родителям и тормошила их. Они, явно, были ошарашены такой новостью и не знали, как на это реагировать. Наконец мама спросила испугано:

– Откуда ты узнала про дядю Глена?

– Да от него самого! – продолжая восторженно подпрыгивать на кровати Лэя.

– Но он же умер!

– Конечно! Да не бойся ты! Он изменил мне лицо и прибавил мне роста, чтобы меня никто не узнал, и мы спокойно танцевали! А еще, он сказал, что я никакая не ведьма, а маленькая фея! Вот!

– А что он тебе еще говорил? – озабочено спросил отец.

– Да ничего особенного, потом мы танцевали, так что мы много и не говорили!

– Это хорошо, что он тебя оберегает там, – задумчиво произнес отец. – Главное, чтобы никто не знал о твоих ночных путешествиях!

– Да знаю я, пап! А кто он такой, этот дядя Глен и почему он умер? И почему вы раньше мне ничего не говорили о нем?

– Ну, понимаешь, – задумался отец. – Это очень грустная история. Он и вся его семья погибли во время пожара. Они тогда жили в столице – городе Венле. После этого, мы переехали с тобой, совсем маленькой, сюда – на чистый воздух!

При этих словах, отец горько усмехнулся. Лэя знала, что Венла – это большой город в двухстах милях от их деревушки. Он, кажется, был столицей всей Эрианы, их страны – большого королевства, или даже империи.

– А мы что, когда-то жили в городе? – удивилась Лэя.

– Да, – с неохотой сказал папа. – Но прошу тебя, никому об этом не говори!

– Почему? – продолжала задавать свои неудобные вопросы Лэя.

– У нас много врагов, которые с удовольствием нас уничтожат, если узнают, где мы живем! Большего я тебе пока не могу сказать. – Лэя опять уткнулась в стену недоговорок и тайн. Если бы не дядя Глен, она бы и этого не узнала!

Было много и других странных снов. Она часто встречалась с ангелом хранителем и дядей Гленом, но они, словно сговорившись, не рассказывали ей всех тайн, а отправляли ее с вопросами к отцу. Вообще-то такие четкие сны бывали редко.

Обычно, она смутно понимала, что ее окружает. Часто она общалась во сне, не видя собеседников, только разговаривая с ними, а бывало, ей показывали какие-нибудь картинки.

Но не только снами ограничивались Лэины странности. Первый раз новая странность напугала Лэю, когда она собирала грибы с Хлюпом. Они впервые в том году пошли за грибами. Хлюп уже разведал, что в лесу появились первые травянки – самые вкусные из ранних летних грибов, которые обычно росли в траве у молодых хвойных деревьев.

Лэя немножко завидовала Хлюпу – он, первый в этом году, нашел несколько молодых травянок. Ей так хотелось найти самые лучшие грибы! Она бежала по знакомым местам впереди Хлюпа и вот, наконец – первый гриб! Молодой, крепкий, большой и душистый! Хлюп не подавал виду, что ему завидно. Но после пятого красавца подряд, найденного Лэей. Хлюп начал бурчать:

– Вот приведешь в лес на все готовое, так еще и все твои же грибы у тебя уведут! – в его корзинке было три неказистых опенка. Так сбор и продолжался, пока Лэе не стало уже тяжело таскать свою ношу, и им пришлось возвращаться. Придя домой, они оставили корзинки в прихожей, чтобы пойти помыть руки и позвать маму с папой – показать, какой урожай они насобирали.

– Лэя! Чего ты тут насобирала? – донесся удивленный возглас мамы из прихожей, пока Лэя возилась с водой. Вернувшись с Хлюпом, они уставились на корзинки в недоумении: Грибы у Хлюпа как-то выросли в размере и улучшились в качестве, а вот в Лэину корзинку лучше было не заглядывать – там, на дне валялись какие-то поганки и только пара маленьких травянок.

– Что это? – удивленно-обижено воскликнула Лэя. – Кто мои грибы украл, а вместо их насыпал этой дряни?! И откуда у Хлюпа хорошие травянки?!

Мама внимательно смотрела на дочку, потом на Хлюпа, и вдруг, будто спохватившись, наигранно засмеялась:

– Ладно, признаюсь! Это я пошутила! Молодцы, я грибы сама разберу и приготовлю!

Хлюп, тебя папа искал в конюшне! Лэя, а ты мне поможешь, только сначала поднимись ко мне в комнату – я забыла тебе один урок рассказать.

Услышав про уроки, Хлюп пулей выскочил на улицу, пока и ему не перепало поучиться лишний раз. Ничего не понимая, Лэя послушно поднялась наверх, идя за мамой. Зайдя в комнату, мама плотно прикрыла дверь и озабоченно посмотрела на Лэю.

– Лапушка моя! – обняла мама свое беспокойное чадо. – Расскажи мне, пожалуйста, как вы собирали грибы?

– Как – как?! Обычно! Я просто больше, чем Хлюп набрала! – возмутилась Лэя. – И зачем ты все у меня в корзинке подменила?

– В том-то и дело, что никто грибов не менял! Ты такие сама и набрала!

– Нет, не может быть! Я же сама видела, что собираю! – обиделась Лэя.

– А скажи мне, ты хотела собрать такие хорошие грибы?

– Конечно! Очень хотела! – согласилась Лэя.

– Вот в этом-то и разгадка! – сказала мама, почему-то не радуясь, что разгадка тому, куда подевался урожай, найдена.

– Ничего не понимаю! В чем разгадка? – Лэя озадаченно смотрела на маму.

– Смотри! Возьми эту веточку! – сказала мама, протягивая тонкий прутик Лэе, и та послушно взяла его в руку. – Теперь, спрячь его за спину… и скажи, какие цветы ты больше всего любишь?

– Я… – подумала Лэя, держа руку с прутиком за спиной, – Наверно, леолэи, меня ведь так же зовут?!

– Да, твое полное имя Леолэя, и ты у нас такая же красивая, как эти цветы.

Теперь представь, что ты держишь в руке самую красивую леолэю, какую только когда-либо видела!

Лэя зажмурила глазки и постаралась представить, что она держит в руке прекрасный цветок, с нежными розовыми и голубоватыми лепестками.

– А теперь, – услышала она голос мамы. – Покажи мне этот цветок!

Лэя послушно открыла глаза и достала из-за спины

спрятанную веточку. Но веточки не было. Вместо нее в руке был прекраснейшая леолэя! Свежая, с капельками росы – как будто только что сорванная с грядки. Лэя смотрела на нее, вытаращив глаза.

– Откуда она взялась?! – в панике крикнула она.

– Не бойся, моя девочка! Это не страшно! – мама обняла дочку, пытаясь скрыть свои слезы. – Это называется гипноз. Просто ты заставила себя и меня видеть то, что тебе хочется! Вот и грибы ты собрала, какие тебе хотелось, а не те которые росли!

– Но ведь, так никто не умеет делать!

– Некоторые умеют. Только, не дай бог, кто-нибудь узнает о твоих способностях!

Доченька, обещай мне, что ты не будешь ничего так сильно желать при посторонних людях!

– Да, мама, я понимаю, – Лэя, действительно, была уже не такая маленькая, чтобы не понимать, чем это ей может грозить.

Но это было еще не все. Самое неожиданное свое свойство Лэя открыла, спустя еще несколько лет, совершенно случайно, и никому об этом, кроме своего ангела-хранителя не рассказала. Они с Хлюпом возвращались с дальнего похода. Лэя любила природу, и Хлюп в этом от нее не отставал. В тот раз они добрались до дальнего горного озера в двадцати милях от дома. Туда пришлось пробираться по звериным тропам, и временами, карабкаться по крутым склонам.

По пути им встретился большой хищный солк. Хорошо, что это не была самка с детенышами – обычно, эти сильные хищники, легко лазающие по деревьям и быстро бегающие, все же предпочитают не связываться с сэйлами, иначе, у Лэи было бы мало шансов с одним луком и коротким мечом против такого зверя. Хлюп, конечно, тоже встал бы насмерть на защиту своей хозяйки, но, все равно, исход схватки был бы неясен. К счастью, солк тоже принял решение не связываться с сомнительной добычей и, недовольно рыкнув, степенно удалился, будто ему не было никакого дела до двух кусков аппетитного мяса, свободно разгуливающих по лесу.

Когда они добрались до озера, то поняли, что не зря потратили столько сил на этот поход. Утопая в зелени прибрежных зарослей, гладь воды отражала горы, вздымающиеся сразу за озером. Рядом с местом, где они вышли, была большая лужайка, по-видимому, образовавшаяся после лесного пожара. Лэя с Хлюпом радостно припустили к ней – что еще лучше можно было придумать для разбивки лагеря? Там они провели день и ночь, а на следующее утро небо стало затягивать тяжелыми тучами. Выглянув из шалаша на поляну, Хлюп серьезно

посмотрел в небо и глубокомысленно заявил:

– Дождь, однако, будет! – и покачал головой, как будто выговаривал кому-то на небесах. – Домой надо бежать!

– Да ты что?! – из палатки спросила Лэя, сонно потягиваясь. – Вчера такой закат был хороший!

– Не веришь – сама посмотри!

Лэя выглянула из палатки и обмерла. Тучи не предвещали ничего хорошего, и Хлюп был прав своей сермяжной правдой – надо было уносить ноги, если, конечно в их планы не входило блуждание по мокрому лесу под холодными потоками дождя.

– Ладно, быстренько едим и бежим! Жаль, что не получилось долго побыть, но озеро мы посмотрели, и то хорошо!

Они перекусили всухомятку и быстренько скидали вещи в заплечные мешки. Если бежать весь день, они могли добраться в деревню поздно вечером. Где-то на пятом часу их марафона начался дождь, сразу обрушившись на них шквальным потоком воды.

Лэя с Хлюпом были уже недалеко от дома, когда на их пути возникло непреодолимое препятствие. Маленький ручеек, который они просто перепрыгнули по пути на озеро, вздулся бурным потоком, и теперь, его, не то, что перепрыгнуть, перейти вплавь, было невозможно. Хлюп в ужасе уставился на летящую мимо него воду. Видя, что ее лонка просто парализовало от страха перед водой, Лэя приказала Хлюпу идти за ней, а сама пошла вперед, высматривая место для переправы. "Хоть бы какой ни будь мостик попался!" чуть не в панике думала она и, как по волшебству, за очередным поворотом русла оказался хороший мостик из двух длинных бревен, перекинутых через бурный поток. Лэя обрадовано крикнула Хлюпу:

– Смотри! Здесь мы свободно переберемся! – и смело пошла вперед. Бревна пружинили под ногами, но свободно выдержали ее вес. Перейдя на другую сторону, она позвала Хлюпа. – Теперь давай ты! Бегом!

Хлюп, решившись, с разгона перемахнул по бревнам на другую сторону и продолжил, не останавливаясь, нестись от страшного потока. Лэя, засмеявшись, крикнула ему:

– Подожди, мой смелый защитник! – и двинулась следом за ним. Настроение сразу поднялось – до дома оставалось каких-то пару миль. Лэя так и не поняла, что ее заставило, уходя, оглянуться на мостик. Поток продолжал нести свои бурные воды, но мостика нигде не было…

Эту ночь, во сне, она жалобно звала Арсена, и он пришел. Они встретились все на той же лужайке, что и в первый раз.

– Арсен! Помоги мне! Я не знаю, что со мной происходит! –

жаловалась ангелу Лэя.

– Я понимала, что могу внушить себе и окружающим какую-то картинку, но это были только картинки! Что же произошло сегодня?!

– Не бойся моя девочка. Ты уже большая и поймешь, что я тебе объясню. Те грибы и тот цветок, которые ты вообразила в первый раз, не были просто галлюцинацией или гипнозом. Они, как бы, были по настоящему некоторое время, пока действительность не вернулась к своему равновесию. Просто, ты выросла, и у тебя теперь больше сил.

А когда ситуация принуждает тебя что-то выдумывать изо всех сил, ты создаешь то, что тебе нужно со всей достоверностью. Этим свойством обладают все существа попадающие на небеса. А в реальном мире это возможно только частично, и только в вашей стране, и только сэйлам, пережившим смерть и немного освободившим, тем самым, души от оков своего тела.

– Значит я действительно ведьма? – расстроено спросила Лэя.

– Для тех, кто тебя боится – да! Но для тех, кто тебя любит – ты фея и добрая волшебница! На самом деле, ты просто еще не ощутила в полной мере всю чудесность твоего дара!

Так она и стала жить со своей тайной, взрослея и понимая все больше, какое клеймо церковного проклятия висело над ней. Родители старались не касаться двух тем в ее обучении: своей родословной и тонкостей религии, обходясь только общими фразами и понятиями и всегда оговариваясь, что все расскажут ей, когда она станет взрослой. Из своих снов Лэя стала смутно догадываться, что родословная у них имеется, так как дядя Глен, наверно, был каким-то придворным. Так же она хорошо усвоила, что должна прятать свои способности в первую очередь от церкви, но почему – это она не очень понимала. Зная об осторожности, она позволяла себе попрактиковаться в превращениях, только уходя в лес и убеждаясь, что Хлюп убегал по своим лонкским делам. А еще, она научилась иногда чувствовать предметы или зверей. Она могла взять что-нибудь в руки или посмотреть внимательно на зверя и вдруг понять, кто сделал этот предмет или сколько осталось жить зверушке. На людей она боялась так смотреть, чтобы никто ее не заподозрил ее ненормальность.

Последние годы Лэе все чаще стали сниться грустные или мрачные сны. Она никак не могла понять, о чем они, но столько в них было тоски и безысходности, что Лэя, бывало, все утро ходила печальная. А вчера ей приснился вообще страшный сон.

Будто бы где-то случился пожар, и она оказалась в горящем здании, пытаясь из него выбраться. Она, наверно, всю ночь прометалась по дымным душным коридорам, спасаясь от каких-то

сэйлов в черных одеяниях, и проснулась в поту задолго до рассвета.

ГЛАВА 2. ИНКВИЗИЦИЯ

Лэя полностью просохла на солнышке и собиралась вставать, когда почувствовала что-то мокрое и холодное у себя на спине. Она стремительно вскочила и сбила с ног подкравшегося к ней Хлюпа. Он приземлился на заднюю точку и обиженно вытаращил глаза на Лэю, стряхивая воду с рук.

– Ты чего так прыгаешь? – как будто не он сам сейчас принес в своих мохнатых руках воды и поливал Лэину спину.

– Ах ты, проказник! – как всегда, Лэя не знала, смеяться или злиться из-за шуточек Хлюпа. – У меня теперь спина вся мокрая, а солнце уже низко! Скоро гости соберутся. Мне надо переодеться в праздничный наряд. Что я буду теперь делать?!

Хлюп серьезно на нее посмотрел своими круглыми глазенками и, после длительного раздумья спросил:

– А зачем тебе вообще тряпки надевать? Ты и так красивая, однако!

– Ой, ладно! Тебя не переубедишь! Вытрусь сейчас полотенцем – может, до вечера и просохну.

Вытерев спину, Лэя надела платьице и взяла корзинку. До дома надо было еще идти полчаса быстрым шагом. Хлюп побежал вперед, мурлыча какой-то веселый мотивчик.

Они не прошли и пяти минут, как навстречу им показался бегущий Зар, чуть не лоб в лоб столкнувшись с Хлюпом. "Хорошо, хоть платье одела!" – успела подумать Лэя и радостно крикнула:

– Привет, Зар! Ты что, на праздник не собираешься?

Зар был старше ее на четыре года и за последнее время возмужал, превратившись в завидного жениха. Он был высок, силен и красив своей мужественной красотой.

Почти любая девушка пошла бы с радостью за него замуж. Лэе было видно, насколько неравнодушен он был к ней, хотя изо всех сил и скрывал свои чувства. Однако, несмотря на все его военные и физические таланты, Лэе не доставало в нем чего-то главного. Может быть, проницательности или глубины ума, а может, просто, не лежало сердце и все. Да и близкое родство не слишком приветствовалось в браках – все-таки он был ей двоюродным братом. Поэтому, они так и оставались хорошими друзьями – почти родными братом и сестрой.

Лэя хотела сказать еще что-нибудь веселое или приветственное, но слова замерли у нее на устах. Такого встревожено-озабоченного выражения у Зара на лице она никогда не видела. Так что, вместо шутки, из уст сам собой вылетел

вопрос:

– Что-то случилось?!

– Да! – Зар перевел дыхание, было видно, что он долго и быстро бежал. – В деревне инквизиция! Твой отец послал меня, предупредить и увести тебя к нам на хутор.

Сэйлы селились в деревнях вольготно, ставя дома на сотни метров друг от друга.

Родительский дом был в полумиле от самой деревни, а до хутора семьи дяди Илаира, отца Зара, и вовсе, надо было за милю топать. Но сэйлы очень быстро ходили и бегали, и такие расстояния были им не в тягость.

– А как же мама?! Где сейчас родители?! – первая пришедшая мысль была, конечно, о них.

Зар нахмурился и сказал:

– Мы с ними должны встретиться у нас на хуторе. Но тебе нельзя в деревню. Отец приказал нам идти лесом.

– Хорошо, раз папа сказал, значит так надо.

– И еще, твой отец просил передать тебе вот это, – Зар протянул амулет – подвеску из золота с гравюрой, изображающей красивого солка, стоящего на задних лапах и держащего солнце в зубах. Это было единственное украшение, которое носил отец и, обычно, прятал под рубахой.- Отец велел одеть его, спрятать под платьем и носить, не снимая.

Лэя задумалась. Праздничным ее совершеннолетие уже точно не будет. "Что же инквизиция делает в их деревне?" – сердце вдруг замерло от страшной догадки: "Это же пришли за ней!" Эти монахи, которые находят ведьм, могли ее сейчас почувствовать! Хорошо, что она еще не занималась в лесу своими фокусами! Лэя начала лихорадочно обдумывать, как кружным путем выйти к хутору Зара.

– Обойдем вокруг пруда и пройдем полмили вдоль ручья, – предложила Лэя.

– Давай! А там я уже хорошо знаю дорогу! – согласился Зар. И они припустили, почти бегом, по зарослям кустарников и деревьев, растущих около воды. Они старались выбирать тропинки, где это было возможно, но все равно, ветки нещадно хлестали их по лицам, а ноги то запинались за корни, то проваливались в ямы – выбирать путь было некогда. Наконец Зар крикнул Лэе:

– Дальше поведу я! Я знаю здесь одну тропинку. Сейчас она должна появиться справа, – с этими словами он прошел вперед и, через несколько шагов, действительно, обнаружил узкую тропинку, ведущую наискосок к их хутору.

– Но она уводит правее? – спросила непонимающе Лэя.

– Так будет быстрее. Прямо – топкое место – больше времени потеряем! – объяснил Зар, и они двинулись по тропинке: Зар впереди, а Хлюп сзади, как бы охраняя свою спутницу. В лесу, под темными кронами больших деревьев потихоньку начали подкрадываться сумерки. Вдруг впереди раздалось мычание коней, и они оказались на поляне, на которой стоял дядя Илаир, держа в привязи трех лошадей. Он, хмуро глядя на Лэю, сказал:

– Тебе нельзя оставаться близко от деревни! Любой монах может тебя почуять в пределах мили, а они теперь рыщут по округе, разыскивая именно тебя. Сейчас мы поедем в одну охотничью избушку, где ты поживешь некоторое время.

– Где папа с мамой?! – прервала его объяснения Лэя.

– Они в деревне, – спокойно сказал дядя Илаир. – Они в безопасности, пока инквизиция не поймет, кто ведьма. То есть, пока ты далеко. Нам нужно спешить, как можно быстрей, пока тебя не нашли здесь их ищейки.

– Дядя Илаир, откуда ты знаешь?.. – до Лэи вдруг дошло, что дядя говорит о ней, как о ведьме. Она испуганно замерла, не зная, что делать.

– Я обеспечиваю безопасность твоей семьи, и Салар доверил мне эту тайну. Так что, не бойся – я ничего не подслушивал и не подсматривал, – хмурое лицо на миг осветилось одобряющей улыбкой.

– Тогда чего мы ждем?! По коням! – воскликнул Зар.

Дядя Илаир подал Лэе уздечку от самой лучшей кобылы, в нетерпении переступающей своими ногами с раздвоенными копытами в подковных башмаках. Лэя погладила ее гладкую шею, почесала за ухом и, кажется, заработала у той некоторую симпатию.

На большее знакомство у них попросту не было времени. Вскочив в седло, она протянула руку Хлюпу, который отработанным приемом вскочил на круп лошади позади седла. Лошадь успела только возмущенно мыкнуть. Видимо, лонков ей катать еще не приходилось.

Их маленький отряд двинулся по темнеющему лесу. Лэя с Хлюпом ехали между дядей Илаиром и Заром. Лошади неслышно ступали по мягкой хвойной подстилке. Все время нужно было пригибаться, чтобы ветки не хлестали в лицо. Тропинка была еле видна.

Было непонятно, как дядя Илаир ориентировался в почти полной темноте. В одном месте они долго двигались по ручью, и проследить их путь было фактически невозможно. Лэя все время думала о родителях. Она чувствовала, что они в опасности и беззащитны.

Чем дальше они уходили в лес, тем больше нарастало чувство беспокойства и страха.

Время шло вместе с надвигающимися сумерками, и скоро нельзя было разобрать даже деревьев. Только краснеющее зарево заката еще чуть-чуть подсвечивало округу.

Вдруг беспокойство, нарастающее внутри, взорвалось острой болью. Лэя, вскрикнув, остановила лошадь. Мысли в панике метались в голове и внезапно выкристаллизовались в одно ясное и неодолимое желание: "Я должна быть там! С родителями случилось что-то ужасное!" Она крикнула Зару и дяде Илаиру:

– Простите, но я не могу, я нужна дома! – повернула кобылу, одновременно скинув Хлюпа с лошади, и пустила своего скакуна в галоп через темную чащу. Она не знала, где скачет, но это было все равно – она чувствовала, куда надо спешить. Ветви деревьев хлестали в темноте по ее лицу, размазывая слезы отчаяния. Лошадь жалобно мычала, но боялась хоть как-то противиться. Лэя же, не видя ровным счетом ничего, почти с закрытыми глазами, уверенно гнала ту через лес, не замечая, как огибает впадины, завалы, скалы и топкие места, не давая лошади даже споткнуться. Мысли ее были заняты другим. Она чувствовала, что не успевает, что уже поздно, и она ни чем не сможет помочь папе с мамой…

***

Брат Шиами был одним из лучших нюхачей ордена Чистого источника веры, который являлся по своей сути ядром Инквизиции. Верой и правдой Шиами служил ордену не один десяток лет, разыскивая еретиков и нечестивых, спутавшихся с дьявольскими силами и занимающихся колдовством. Он не был самым умным, не был и самым чутким нюхачем. Он был, как раз то, что нужно для ордена. Поэтому его уважали и давали ему самые сложные поручения.

Вот и сейчас, он выехал с отрядом воинов Инквизиции по поручению самого епископа.

Дело было странное. Эта странность заключалась не в том, что нужно было схватить и уничтожить особо опасную ведьму, а в том, что о ней уже знали, и его роль была не главная. Шиами привык, что его посылали на сложные дела. Его функцией было искать ведьм, а что ему делать, если ее уже нашли, он не знал. Необходимости его присутствия было только одно объяснение: ведьма, как и ее родители, очень важна.

В этом случае, он может понадобиться для подстраховки, если она надумает сбежать.

Было и еще одно сомнение: семья, подлежащая уничтожению, носила фамилию Альк.

Мало ли сколько сэйлов с такой фамилией в королевстве, но, если это не случайное совпадение, то все становилось ясно, и ему лучше, не задавая вопросов, выполнить задание в точности.

Монахов – нюхачей в ордене делали просто. Брали мальчиков из крестьянских семей на службу в орден, и в один прекрасный день их тайно душили, или топили на несколько минут. Метод был отработан чуть ли не столетиями. Но все равно, было очень много брака. Почти четверть детей просто не оживала после смерти, несмотря на все усилия монахов. Остальные выжившие представляли из себя разнообразную группу травмированных детей, от полных дебилов до абсолютно нормальных. И только один процент начинал проявлять признаки, необходимые нюхачам для работы. Но и здесь было много выбраковки. После инициации, детей некоторое время очень хорошо обихаживали и ласково расспрашивали об их снах и том, что они чувствовали во время приключившегося с ними "несчастного случая".

Дети доверчиво рассказывали добрым монахам все, что им снилось, и что они чувствовали. При этом, те дети, которые ощутили только приятные переживания во время остановки сердца, и видели только неопределенные, хотя и красивые сны, отсылались на учебу в обычных монастырях на обычных братьев – монахов, и это была самая счастливая группа инициированных. Если ребенок во время инициации или во снах общался с ангелами, то его участь была незавидной – он подлежал уничтожению, как, возможно, попадающий под власть дьявола. И только где-то десятая часть инициированных годилась для дела нюхача. Это была золотая середина.

Эти дети во время короткой смерти обычно или оказывались в каком-то красивом месте, или видели себя со стороны и могли описать происходящее с ними. Обычно они видели, как их спасают монахи. Но они не общались с ангелами и видели сны, в которых могли путешествовать по округе и даже довольно далеко, но не в небесных сферах или кругах ада. Шиами повезло – он как раз угодил в самую середину, и его судьба была определена до скончания дней, как верного брата самого таинственного и страшного ордена всей церкви.

Вот и сейчас, он выполнял почти обычную свою миссию, сидя в качающейся карете Ордена, сопровождаемой десятком конных, вооруженных мечами монахов. Через пару миль должна показаться и их конечная цель – деревня, в которой проживала

ведьма – Леолэя Альк. Воины знали свое дело. Десятник и так смотрел на него слегка снисходительно – мол, знаем мы таких чистоплюев в каретах. Таким образом, Шиами только оставалось дремать дальше, предаваясь неспешным раздумьям.

Двенадцать заветов церкви Воссожжения лежали в основе их жизни, когда в мир пришел великий посланник божий Сэйлан, чье имя было созвучно с миром Сэйлар и сэйлов, его населяющих. Он собрал десять учеников и проповедовал свои заповеди, творя чудеса исцеления и укрепления веры. Однако две заповеди были превыше всего: не колдуй, и не ходи к центру земель Эрианы. Хотя они-то, как раз и не были новыми, не раз повторяясь в ветхих заветах. Дожив до расцвета лет, Сэйлан был схвачен королевской стражей и, как еретик, сожжен на столпе, вместе с тремя его учениками. После чего, его учение стали называть верой Воссожжения. Где-то уже тогда положил свое начало монашеский Орден чистого источника веры, обязавшийся претворять в жизнь и следить за исполнением двух наиважнейших заповедей.

Но как отличить ведьму или колдуна от праведных верующих? Не нашлось никакого другого средства, как создавать самим таких колдунов с ограниченными колдовскими возможностями, способными отличить ведьму от простой женщины. К ним подходила поговорка "свой свояка чует издалека". Однако свои они были только отчасти.

Монахи-нюхачи были легальными, подневольными и ограниченными в колдовстве слугами церкви. Ведьмы же сами распоряжались собой. Шиами глубоко в душе завидовал ведьмам и диким колдунам. Он чувствовал их души и видел, какими свободными и зачастую прекрасными в своих чувствах они были. Его всегда в глубине грыз червь сомнения: "Зачем нужно лишать жизни этих прекрасных юных созданий, да еще и отправлять на столп всю их семью? Ведь обычно, ничего предосудительного по отношению к другим людям у них не было даже в мыслях!" Его размышления были прерваны остановкой кареты. К окну подскакал десятник и то ли отрапортовал, то ли скомандовал, скрывая усмешку:

– Я с шестью монахами поскачу вперед, чтобы внезапно захватить ведьму с семьей.

Вы с тремя оставшимися, подождите немного и выдвигайтесь потихоньку, чтобы предстать перед еретиками и отступниками веры со всей возможной значительностью!

– Хорошо! – Шиами только махнул рукой и откинулся на спинку сиденья. Зачем перечить или ставить на место излишне ретивого военного монаха? Легче спокойно подождать, пока он

сам себе не свернет шею. А если не свернет, то может то, что он не показывал этому вояке зубов, окажется и для Шиами полезным. Так или иначе, но строить из себя важную особу, пусть и изнеженную и даже глуповатую, необременительно и во всех смыслах удобно. Спустя четверть часа он махнул рукой в окно кареты, давая знак двигаться за первой группой монахов.

Деревня не представляла из себя ничего особенного: разбросанные вдалеке друг от друга дома, пыльная проселочная дорога и только один дом побольше, по-видимому, выполняющий роль и трактира, и таверны, и постоялого двора в одном своем захудалом лице. Шиами только поморщился. Время уже за полдень, а поесть, наверно, придется нескоро, да и сомнительно, какого качества будет еда. К тому же, предстоящая процедура не подымала настроения. Проехав всю деревню он заметил, что не чувствует присутствия ведьмы – значит ее нет в деревне или ее убили. Но вот вдали показалась и основная цель их путешествия: большой дом – почти усадьба.

Карета без остановки въехала на двор. Один из монахов подскочил к дверце кареты и распахнул ее, даже изобразив легкий поклон.

Брат Шиами степенно вышел из кареты, оглядел двор и, не спеша, вошел в дом.

Стоявший на страже солдат указал вежливым жестом на дверь в гостиную. Войдя в большую комнату, он увидел двух сэйлов со связанными руками. Увидев гордое и независимое лицо мужчины, он нахмурился: "Да, кажется, самые худшие предположения сбываются!" Он долго в упор смотрел в глаза сэйла. Потом со вздохом огорчения пробормотал:

– И за что мне этот грех брать на душу? – и уже громче спросил. – Альк… Салар, вы обещаете, что не будете предпринимать попыток к бегству?

– Да! – с гордой усмешкой ответил мужчина.

Шиами резко повернулся к довольно улыбающемуся десятнику и солдатам, стоящим на страже и рявкнул на них тяжелым, командирским голосом, которого от него явно не ожидали:

– Развязать пленникам руки! И все вон из комнаты!

Испуганные солдаты немедленно вышли. Десятник, и так подавленный тем, что не удалось схватить ведьму, чуть не чеканя шаг, проследовал за ними. Шиами подошел к дверям, убедился, что все отошли на порядочное расстояние, и плотно прикрыл дверь. Обернувшись к пленникам, он протянул руку в скупом приглашающем жесте и сказал:

– Извините, что приходиться распоряжаться в Вашем доме, но

прошу Вас присесть.

Хозяева сели за стол со своей стороны. Шиами вытащил стул – со своей, и спросил:

– Надеюсь, эта солдатня не нанесла Вам сильного оскорбления и ваша дочь еще жива?

– Нет, мы не видели причин сопротивляться, – ответил Салар и саркастически усмехнулся. – Знаете, как-то не к лицу драться с толпой мужиков, да еще и будучи невооруженным.

– Ну, положим, братья монахи не такие уж и мужланы, но, в общем-то, Вы правы. И им лучше не знать, с кем они имеют дело. Да, надо было Вам сменить фамилию, может быть, это помогло бы.

– Нет, это означало бы отречение от всей прошлой жизни, а так, у нашей дочери останется хотя бы имя. Кстати откуда вы узнали меня?

– У меня очень хорошая память, да и пост в ордене занимаю немалый. Так что, знать таких людей в лицо – это моя обязанность. – Шиами грустно улыбнулся, задумавшись. – А я еще сомневался, не тот ли это Альк и зачем меня посылают на простое, заранее разведанное дело. Теперь понятно – руководство решило поступить хотя бы здесь по благородному, подставив мою седую голову под тяжкий грех. Вы хоть понимаете, что я беру на душу? Мне ведь это не искупить никакими молитвами!

– Ну, это ваши профессиональные обязанности – брать на себя грехи! – ухмыльнулся Салар Альк и позволил себе последнее любопытство. – Откуда же Вы узнали о нас и Лэе?

– Если бы я знал сам. Скорее всего, кто-то из тупиц в деревне все-таки сообразил заработать на кляузничании. Вы не замечали в последнее время в деревне каких-нибудь новых плюгавеньких да незаметных типчиков? – несколько брезгливо скривил губы Шиами. – Орден любит вести предварительную разведку такими способами.

– Да, сейчас припоминаю. Был один такой. Привозил нам молоко. Говорил, что он племянник молочника, – наконец хоть что-то произнесла потухшим голосом женщина.

– Он мог быть слабеньким нюхачем, и вычислить Вашу дочь, – рассуждал Шиами. – Да, все так грустно. Вы понимаете, что орден, в данном случае, выполняет не только свою волю?

– Естественно, без брата не обошлось.

– Кстати, принося дань уважения, могу я исполнить какую-нибудь Вашу последнюю просьбу? – спросил монах.

– Сохраните жизнь Лэе! Ей сегодня исполнилось девятнадцать! – последовал твердый ответ, не терпящий возражений.

Шиами замялся: "Боже! За что ребенку в самый лучший день ее жизни такой подарок!" Но то, что от него требовали, было против главной цели всего похода. Однако он сам неосмотрительно предложил выполнить последнюю просьбу. А нарушить обещание таким сэйлам было равносильно совершению самого тяжкого греха. Шиами почувствовал себя в ловушке. Уже моля взглядом, он произнес:

– Вы требуете от меня невозможного! Она – основная цель всей карательной экспедиции!

– Тогда не надо было спрашивать! Все равно Вам ее уже не найти! – холодно взглянув на нарушителя своего слова, ответил Салар.

Но Шиами не был бы столь уважаемым братом, если бы не мог найти выход из каждого логического тупика. Он сидел некоторое время, задумавшись, и спросил:

– Вы действительно уверены, что солдатам не удастся найти ее?

– Абсолютно.

– Хорошо, тогда я сейчас отправлю солдат прочесывать окрестности. А сам приступлю к "допросу". Надеюсь, Вы позволите нанести гипнотические следы на ваши лица?

– Каким это образом? – насторожился Салар.

– А Ваша дочь не показывала вам, как это делается?

– Да, я понимаю, – ответила женщина. – Вы заставите всех видеть то, чего нет – следы побоев на наших лицах.

– Я могу Вам пообещать, что не буду усердно искать месторасположение Вашей дочери. И еще я могу сделать одну вещь для Вас. Я умею останавливать сердце людей, если они не сопротивляются моим гипнотическим способностям. Согласитесь ли Вы, чтобы я сделал это с Вами перед самым сожжением? Это все, что я могу для вас исполнить! – Шиами тяжелым взглядом уперся в гордые глаза Салара.

– Большего и не нужно. Благодарю Вас. Приятно принять смерть от благородного сэйла, – произнес Салар.

Шиами кивнул, слегка поморщившись. Себя он не причислял даже близко к благородным – ни по происхождению, ни по поступкам. И сейчас гордиться было абсолютно нечем. Он вздохнул, встал и вышел отдавать распоряжения.

***

За окном стояла беззвездная ночь, и только маленькая луна Зела кровавым глазом смотрела с черного неба, как будто специально придавая темному пейзажу дьявольский красный оттенок. Сидя в одиночестве за столом трактира, Шиами предавался самым мрачным воспоминаниям. Как никогда прежде, он чувствовал себя убийцей. По крайней мере, никогда он не поднимал руку на таких сэйлов. На самом деле, он все больше чувствовал, насколько вся их суета напрасна. Что-то страшное надвигалось на весь мир. Он это ощущал в своих снах и, перед этим ужасным будущим, все казалось столь неуместным, что он был готов бежать куда угодно, лишь бы не было этих кошмаров по ночам.

А перед глазами все стояли сцены "благородного" разграбления дома "на благо ордена", разукрашенные его магией несчастные жертвы их карательной акции. Два костра под столбами и третий столб – ждущий своей жертвы. К счастью – пустой. Он вспоминал свое облегчение, когда ему удалось незаметно умертвить этих двух несчастных благородных сэйлов, перед самым моментом, когда пламя коснулось их ног. И все-таки на душе был мерзкий осадок. Даже вино, из погреба разграбленного и сожженного дома, не могло его заставить забыть подробности сегодняшнего вечера.

Хорошо хоть все упились на дармовщину, а то он мог бы и не выдержать и, в сердцах, умертвить какого-нибудь, особо бравого и хвастливого вояку.

Неизвестно, сколько Шиами просидел, тупо смотря на пустую кружку из-под вина, когда внутри начало появляться смутное беспокойство. Знакомое чувство волной стало подниматься в груди. Все внутри ощутило очередную родную душу, вечным врагом которых он являлся. "Это она! Зачем же юная ведьма пришла сюда?! Она не оставляет ему выбора! Он должен выходить на охоту!" – он сидел и боролся сам с собой. Данное обещание и его долг перед орденом вступали в неразрешимый конфликт.

Он сидел еще какое-то время, до того, как пронзительный всплеск боли пронзил его сердце. "Она нашла костры!" – только успел подумать Шиами, и ноги сами понесли его из дома под призрачный красный свет Зелы. Пройдя полсотни метров в сторону небольшой площади, он заметил легкую фигуру девушки, склонившейся у прогоревших кострищ: "Это она! Лэя!" Монах сделал по инерции еще несколько шагов и остановился, впервые не зная, что делать. Девушка, заметив его, вскочила и в несколько прыжков подбежала к нему.

Несмотря на то, что она была перепачкана в золе, он

разглядел, как божественно красива и яростна была она. Впервые он ощутил настоящий страх. Только сейчас он в полной мере ощутил ее магическую силу и почувствовал себя мелким зверьком перед огромным разъяренным хищником. Он понял, что уже ничего не сможет от нее скрыть и ничего не сможет ей противопоставить. Они с этой легкой и хрупкой девочкой были в слишком разных весовых категориях. Он успел только приготовиться к смерти.

– Это ты! Убийца! – прекрасные глаза прожигали его огнем ненависти.

***

Лэя летела сквозь черную чащу леса, как стрела – стрела, потерявшая свою цель.

Все внутри ее умирало, затопляемое омутом отчаяния. Время остановилось для нее, и перед глазами стояли только любимые лица родителей. Она выскочила из чащи леса напротив хутора дяди Илаира. Красная Зела стала всходить над горизонтом и освещать дорогу. Лэя, не останавливаясь, повернула в сторону родного дома.

Каков же был ее ужас, когда она увидела на месте дома только остатки забора и дворовых построек. Она, влетев на двор, спрыгнула с лошади и упала на колени в толстый слой жирного и еще теплого пепла. Родной дом, как бы прощаясь с ней, согревал ее теплом своего пепелища. Лэя перебирала руками золу и чувствовала, что это все, что осталось от ее детства. Но острая тоска звала ее куда-то еще: "Нет, родители не здесь!" Она, почти не видя ничего вокруг, опять вскочила на лошадь и припустила дальше к деревне. Летя по улице, она вдруг, на всем скаку остановила кобылу, подняв ту на дыбы. Сердце затопило отчаянием – перед ней были два прогоревших кострища. Лэя свалилась с лошади на колени прямо к ближней горке золы. Перед глазами стояла сцена горящей в пламени мамы. В голове все плыло. Она переползала от костра к костру, повторяя "Мамочка! Папа! Вернитесь!" Но никто ей не отвечал.

Вдруг Лэя почувствовала, что рядом стоит кто-то, обладающий той же силой, что и она. Лэя сразу догадалась, что это тот монах-инквизитор, который убил ее родителей. Волна ярости захлестнула ее сознание. Она вскочила и одним прыжком оказалась перед этим чудовищем. Выкрикнув ему обвинительные

слова, она наткнулась на взгляд немолодого мужчины и почувствовала в нем страх, но уже не могла остановить свой порыв:

– Так, гори же ты сам, как горели твои невинные жертвы! – ее глаза застилал кровавый туман, и Лэя не сразу поняла, что монах закричал, охваченный ярким пламенем. Она в ужасе отступила, наблюдая за ею содеянным. В голове окончательно все помутилось от смешения отчаяния, тоски, ярости и страха. На грани сознания она услышала топот приближающихся копыт и почувствовала бережные руки Зара, говорящего:

– Бедненькая! Возьми, попей, это успокоит тебя! – и все провалилось в мрак тяжелого сна…

***

Лэя очнулась на своей любимой лужайке, где они иногда встречались с Арсеном. Она никак не могла понять, с ней ли приключились все эти ужасные события, или это был кошмарный сон. Она жалобно позвала:

– Арсен, милый! Выйди, помоги мне! – ноги подгибались от душевной усталости. Она присела на траву и, обхватив колени руками, уткнулась в них лицом.

Ее горестные думы были прерваны прикосновением к ее волосам. Чья-то ладонь ласково гладила ее по голове и она услышала знакомый голос:

– С днем рожденья, принцесса!

– Ты пришел?! – Лэя, подняв голову, удивленно взглянула на Арсена. – Почему ты зовешь меня принцессой, как маленькую девочку?

– Ты не маленькая девочка, ты теперь взрослая самостоятельная женщина! – ангел успокаивающе улыбался. – И потом, как я должен называть принцессу? Так что, привыкайте Ваше величество!

– Значит, это не шутка, – Лэя мрачно уставилась на вечнозеленую траву. До нее стал доходить весь страшный смысл недавних событий. – Я бы все отдала, чтобы не быть ей никогда! Я послужила причиной смерти своих родителей!

Лэя поняла, почему у нее не было братьев или сестер, почему она была другая.

– Лучше бы мне было утонуть тогда, в детстве! – с горечью воскликнула она.

– И лишить твоих родителей единственной цели в жизни? Нет, девочка моя, ты сделала тогда правильный выбор. Их цель достигнута – ты совершеннолетняя принцесса!

– Но какой ценой?! – со слезами на глазах спросила Лэя.

– Не печалься так. Просто теперь, мы будем праздновать день рождения твоих родителей вместе с твоим!

– Как это? – оторопело спросила Лэя и вдруг, радостная догадка осветила ярким лучом ее душу. Еще боясь поверить в это, она робко прошептала. – Я увижу маму и папу здесь?

– Почему здесь? Вы встретитесь в более подобающем месте – в дворце небесной Эрианы! Где официально возвестят о рождении двух новых душ семьи Альков и вступлении тебя в права принцессы – наследницы престола Эрианы!

– Я не хочу быть принцессой! Не хочу быть родственницей Инорта Алькалара!

– Успокойся, девочка моя! Никто не заставляет тебя становиться королевой! Тем более есть и другие желающие.

– Но получается, что я ничего не знаю о своих родственниках, – и она вдруг догадалась. – Так дядя Глен тоже?..

– Тоже! – утвердительно тряхнул своей серебристой гривой Арсен. – Но давай, лучше тебе обо всем расскажут твои родители. Так будет правильней!

– А я могу уже сейчас их увидеть?! – обрадовалась Лэя.

– Сейчас я выясню! – ангел прикрыл глаза и как будто задумался. Потом обрадовано взглянул на Лэю, оценивающе прищурился и кивнул. – Да, они уже в раю, отдыхают в своем доме. Да и ты сегодня, пожалуй, сможешь, как никогда долго быть на небесах и четко все воспринимать. Нет худа без добра! Понимаешь, – объяснил ангел. – У тебя произошел нервный срыв и Зар с Илаиром напоили тебя снотворным. Кстати, правильно сделали. Вообще, если бы не твои волшебные способности, ты, скорее всего, могла повредиться в уме от таких переживаний. Но вместо этого, твоя душа сейчас почти вырвалась из оков тела и свободно разгуливает по небесам, четко все воспринимая. А благодаря необычно глубокому сну, надеюсь, что это твое посещение будет достаточно долгим, чтобы прояснить все твои вопросы. Ведь отец задолжал тебе ответы на них! – хитро подмигнул Арсен. – Ну что, полетели к родителям?

– Да! – восторженно отозвалась Лэя, вскочив и взявшись за руку ангела.

Лужайка на мгновение сменилась чернотой, как в беззвездные и безлунные ночи на Сэйларе, и затем они очутились в пышно цветущем саду перед симпатичным домом. С крыльца дома, навстречу им, уже выходили Лэины родители. С криком

восторга Лэя кинулась на шею к маме, и тут же, прижимая ее одной рукой, другой обняла подошедшего отца, и повисла на них, шепча сквозь слезы:

– Мамочка! Папочка! Как хорошо! Как я рада!

Родители же, видимо, от переполнявших их чувств, не могли толком ничего говорить.

Арсен только радостно улыбался, глядя на счастливую встречу. Только, спустя долгое время, отец, наконец, отважился сказать, смеясь:

– Доченька, ты так выросла, что можешь нас задушить! – и Лэя снизошла до того чтобы немножко ослабить объятия.

– Да как же я вас теперь здесь задушить смогу? – уже радостно шутила она и, посмотрев на отца, выговорила ему притворно укоризненно. – Хотя тебя, папа, и следовало бы наказать, за то, что скрывал от меня все!

– А что? Это тебе ангел проболтался? – Салар взглянул вопросительно на Арсена.

– Извините, не удержался! – смутился Арсен. – Так было жалко смотреть на девочку, и вот, проговорился, что она принцесса! Но все остальное она должна услышать из Ваших уст. Ведь Вы же ей обещали!

– Хорошо! Пройдемте все в дом, там и поговорим! – пригласил отец.

– Спасибо, нет! – ответил ангел. – Я лучше всех предупрежу, чтобы они с празднованием подождали! А вам, я думаю, и без меня найдется, о чем поговорить!

Как наговоритесь, позовите меня, и я приду. До встречи!

Арсен, махнув рукой, исчез из виду, и они остались втроем у дома. Откуда-то с дерева спустилась красивая маленькая обезьянка и стала им строить рожицы. Лэя рассмеялась – она никогда не видела раньше таких уморительных животных.

Протянула к ней руку и погладила по голове – та не испугалась, а только подставляла голову для ласк.

– Возьми ее с собой в дом, если хочешь! – сказала, улыбаясь, мама. – Они доверчивые и безобидные. Если только по кухне не начнут шастать!

Лэя протянула руки, и обезьянка с радостью прыгнула в объятия, угнездившись на Лэином плече. Так они и зашли в дом вчетвером. Лэю удивило чувство уюта. Как будто она снова попала домой, хотя обстановка и отличалась от той, что была в их доме. Они сели за столом, а мама принесла с кухни фрукты, видимо, собранные тут же в саду. Отец внимательно посмотрел на нее и сказал расстроено:

– Прости, что твой праздник не состоялся!

– Как не состоялся? – удивленно спросила Лэя. – Разве вы не знаете, что праздник сейчас готовиться?!

Настало время удивляться отцу.

– Кажется, ты знаешь больше нас! Мы не предполагали ничего такого. Да и вообще, мы только несколько часов, как на небесах! Кроме этого сада и дома ничего еще не видели. Мы только встретили в самом начале родных, дядю Глена и других. После этого, ангел спаситель доставил нас сюда и сказал, что будет обучать нас три дня, как себя здесь вести.

– Да я сама мало, что знаю! – не могла многим похвастаться Лэя. – Мне трудновато здесь ориентироваться. А так четко все воспринимать и перемещаться мне вообще в первый раз удается! Это Арсен, мой ангел-хранитель рассказал, что здесь хотят устроить празднество в честь нас! И обозвал меня принцессой!

– Лэя, прошу тебя, отнесись к этому серьезно. Хорошо ли, плохо ли это, но это факт, к которому нужно отнестись с пониманием. Я расскажу тебе о нашей семье. У нашего отца Алькалара Четвертого было четверо детей. Старший сын Инорт – правящий сейчас Алькалар Пятый, второй сын Глен – твой дядя, которого ты встречала здесь, я – третий сын, и младшая дочь Наир, теперь единственная, оставшаяся в живых. К сожалению, бог наказал старшего брата за его жестокость!

Он бесплоден и у него нет прямых наследников. Боясь, что престол Эрианы может отойти Глену или его сыновьям, он разом уничтожил соперников. Инорт со временем повредился в уме, его мучает мания величия и преследования. Он везде видит заговоры против себя. Вот и заслужил имя деспота. Так или иначе, но ты старшая из наследников престола. После тебя идет Ренк – старший сын Наир. Ему сейчас пятнадцать, и ему еще четыре года до совершеннолетия. Так что, пока он в безопасности. У него еще должны быть братья или сестры, но мы не знаем этого наверняка.

Как же хорошо мы жили, пока батюшка был на престоле! – отец мечтательно закрыл глаза. – Эриана – самое большое королевство, считай империя, занимающая самый большой материк Сэйлара. А Венла – самый богатый город королевства, как и положено быть столице. Наши корабли бороздили все моря и океаны на расстоянии тысяч миль от родины. Нам фактически не с кем было воевать. Все внутренние междоусобицы закончились с окончательным объединением всех княжеств еще двести лет назад.

А какие пышные приемы и балы устраивала наша матушка! Послы всех государств мира стремились в Венлу, засвидетельствовать нам свое почтение. Эриана была так сильна и богата, что отец дал нам полную свободу в выборе наших

спутников жизни, не нуждаясь ни в каких матримониальных связях!

– Не хочешь ли ты сказать, что взял в жены безродную замухрышку? – хитро посмотрела на отца мама.

– Знаешь, если бы ты была даже простой селянкой, я женился бы на тебе!

Единственное, что имело значение – это твое согласие! Если не веришь – посмотри на свою дочь – она больше чем наполовину ты! – серьезно возразил отец.

– Доченька, не подумай, пожалуйста, что он подобрал меня на улице! – засмеялась мама и, шутливо приосанившись, сказала. – Я все же, как-никак, тоже княжеского рода!

– Да! Какую пышную свадьбу мы сыграли – полкоролевства упилось в стельку!

– Ну, это ты хватил! – притормозила фантазию отца мама, потом, подумав, усмехнулась. – Хотя, половину или нет, а четверть-то точно! Потом родилась ты, и вся наша жизнь была готова закружиться вокруг нашей маленькой дочки!

– Да, но случилось непоправимое, – помрачнев, продолжил отец. – Наш батюшка, всеми любимый император Алькалар Четвертый неожиданно скончался от простуды, подхваченной им на зимней охоте. С приходом к власти старшего сына Инорта, все изменилось. Я думаю, всему виной было его бесплодие. За пару лет пребывания у власти он полностью изменил всю жизнь королевства, превратив его в какую-то военизированную машину. Главное, что было не понятно, с кем и за что воевать? Но воевать он решил в первую очередь с нами – его родственниками, опасаясь, что недовольные новыми порядками, мы можем устроить переворот. После якобы случайного пожара, в котором сгорела вся семья брата Глена, мне стало ясно, что на очереди мы.

– Значит, только после этого вы решили сбежать в деревню? – спросила задумавшегося отца Лэя.

– Да. Я попросил самого верного своего слугу, моего приятеля еще по детским проказам, Илаира, подготовить тайное место, куда мы могли бы сбежать незаметно от брата. Перед самым отъездом, мы достали тебе Хлюпа. Ты, кстати, сама так его назвала, когда увидела его первый раз еще крошечного, забавно хлюпающего молоко из кружки. Ты и сама еще была крошкой, так что он сразу стал твоей любимой игрушкой, а потом и братиком. Мы решили больше не иметь детей, чтобы не обрекать их на тяжкую судьбу вечных изгнанников. Так ты и осталась нашей единственной надеждой – нашим светом в окошке среди тьмы изгнания.

– Подожди, пап! Так, что же, дядя Илаир вовсе и не дядя, а Зар не двоюродный брат мне? – начала переосмысливать свою жизнь Лэя.

– Да, ты правильно догадалась. Они сейчас твои единственные слуги и защитники.

Доверяй им, как мне. Они всегда будут служить верой и правдой наследнице престола.

– Я не хочу быть наследницей престола! – опять возмутилась Лэя.

– Ты знаешь, что говорил мой отец? – спросил Салар дочку. – Он говорил: "Нельзя давать власть человеку, который ее жаждет. Власть должна быть бременем и обязанностью для ее носителя. Иначе властитель превратиться в тирана!" Я думаю, если бы не скоропостижная смерть батюшки, Инорт никогда не получил бы престола.

Так то вот, дочка, именно потому, что ты не хочешь быть наследницей и не стремишься к власти, ты лучше всего подходишь на эту роль. И я горжусь, что мы вырастили столь достойную дочь!

– Но я, действительно, не хочу играть в эти грязные игры! И потом, я – ведьма!

Кто захочет иметь в правительницах ведьму?!

– Никто тебя и не заставляет. Держись только подальше от власти. Но может быть и так, что когда ты повзрослеешь, ты поймешь, что можешь прекратить эти грязные политические игры и облегчить жизнь простого народа. И тогда, судьба может сказать тебе: "Решайся! Сейчас или никогда!" Тогда ты и решишь для себя – сделать что-нибудь большое в жизни или нет. А пока доверься Илаиру. Он отведет тебя в тайное убежище в горной долине, за несколько дней перехода от нашего дома.

Туда мы перенесли все самое важное: книги, сбережения, запасы еды… Поживи там, пока не успокоятся наши враги. Илаир говорил, что там очень красиво: горное озеро, водопад, большая поляна вокруг дома. А мы отсюда будем тебе помогать, чем сможем. Так что у тебя теперь будет целый сонм ангелов-хранителей!

– Лучше бы вы оберегали меня не с небес, а живыми! – взгрустнула Лэя.

– Ничего. То, что ты можешь с нами общаться, делает нас счастливыми, несмотря ни на что! – ободрила ее мама. – Подумай, ты всегда будешь знать, что мы вместе с тобой, и, если понадобиться, всегда можем перемолвиться словечком!

Лэя снова воспряла духом, поддерживаемая маминими словами. Про себя она заметила, что начинает уставать, и

предложила:

– Ну, раз я теперь знаю главное о своей жизни, давайте, пойдем на праздник, а то я боюсь, что моих сил не хватит на самое интересное, и я исчезну с праздника не попрощавшись!

– Хорошо, Лэя. Только знай, что это далеко не все тайны, которые тебе нужно узнать. Но ты права, о других вещах ты сможешь узнать в новом доме, в котором ты будешь жить. Там, как раз есть все нужные для тебя книги. И начни с "Тайн центра Эрианы", а потом я тебе подскажу, что еще почитать. А сейчас, действительно, нехорошо заставлять гостей ждать!

Лэя позвала ангела, крикнув ему про себя: "Арсен, мы готовы! Идем на праздник?!" Он не заставил себя долго ждать, позвав с улицы:

– Все готово! Прошу! – они вышли в сад. Арсен критически посмотрел на них и заметил. – А наряды-то вам нужно бы сменить!

– Ой! И правда! Как же нам переодеться?! – забеспокоилась Лэина мама.

– Не стоит волноваться! – несколько театрально произнес Арсен и взмахнул руками, как придворный комедиант. Все, в одно мгновение, оказались одеты в самые роскошные наряды.

– Как красиво! – восхитилась Лэя, крутнувшись вокруг себя на носочке изящной туфельки. Платье веером развернулось, переливаясь перламутровыми оттенками розового и голубого.

– Не будем задерживаться! Вас уже ждут! – с видом церемониймейстера, провозгласил Арсен, и они оказались среди уже знакомой Лэе огромной залы, наполненной пышно одетыми лордами и дамами. Арсен громко стукнул, неизвестно откуда взявшимся у него в руках, посохом и не менее громко объявил:

– Их высочества, сегодня-рожденные принц Салар с супругой и их дочь, крон-принцесса Эрианы Леолэя Алькалар!

Заиграли фанфары, и Арсен широким жестом указал им путь к трону, стоящему во главе залы. Лэя только успела удивиться, что ее фамилию произнесли точно так же, как и правящего монарха. Они степенно шли сквозь ряд рукоплещущих придворных – Лэя на полшага впереди. Она слышала отовсюду восхищенные вздохи по поводу ее красоты, и все больше смущалась. Голова кружилась, как от вина. У трона их встретил дядя Глен. Он взял Лэю за руку и, повернувшись ко всем, громогласно произнес:

– Сегодня принцессе Леолэе исполняется девятнадцать лет, и она вступает в права наследования престола! Поэтому она, сегодня, как единственная здесь действительная наследница престола, по праву займет главное место в этом зале! – с этими

словами, под звуки очередных фанфар, провел Лэю к главному трону и усадил окончательно смущенную девушку на него. Приглашающим жестом он попросил отца с мамой занять места слева и с права от трона. По их лицам было видно, что это самый счастливый, за долгие годы, момент в их жизни.

– А теперь, – продолжил дядя Глен, обращаясь к Лэе так, чтобы было слышно всему залу. – Ваше высочество, разрешите начать бал?!

Лэя только сумела кивнуть, смущенно пряча счастливую улыбку. Отец поймал ее взгляд и хитро подмигнул, мол: "Еще скажи, что тебе не нравиться быть принцессой!" А в зале, тем временем, начался бал. Прозвучали первые звуки прекрасной мелодии, и все пары встали на свои места в ожидании чего-то. Лэя заметила, что все смотрят на нее. К ней опять подошел дядя Глен и громко спросил:

– Не позволит ли Ваше высочество предложить Вам начать бал первым танцем с вашим покорным слугой?! – и склонился в глубоком поклоне.

Этого Лэя уже не могла снести и несколько нервозно вскочила. За что заработала смешливо осуждающее покачивание отцовской головы. Оправившись от смущения, она слегка присела в легком реверансе, как учила ее мама и, плавным естественным жестом, протянула руку кавалеру. И кажется, заработала очередной вздох восхищения у публики. Дядя Глен, явно любуясь племянницей, подхватил ее руку, и они вышли в центр залы. Потом музыка продолжилась, и Лэе, летящей в танце, некогда было замечать восхищенных взоров окружающих. Танец сменялся танцем, партнер партнером, а молодая принцесса забыла про усталость, чем несказанно радовала публику.

Грен подошел к брату и восхищенно-озабоченно спросил:

– Как бы нам нашу юную принцессу зазвать в банкетный зал?

– Да-а! – протянул Салар и довольно улыбнулся. – Дорвалась пчелка до патоки!

Представь, каково девушке живущей в деревне, знать все о танцах и ни разу не побывать ни на одном балу?!

– Хорошо вы ее обучили танцевать, просто загляденье!

– Ну, это комплимент не по моему адресу! – Салар с благодарностью взглянул на светящуюся от гордости жену. – Давай, я приглашу Лэю на танец, и всем станет понятно, что пора к столу!

Грен согласно кивнул, и Салар прошел в круг танцующих. Тут же, очередной кавалер, помня об этикете, подвел Лэю к отцу. Музыка на мгновение стихла, и отец, нежно беря руку дочери, торжественно объявил:

– А сейчас, последний танец принцессы, после чего, все гости приглашаются в банкетный зал! Маэстро! – Салар кивнул капельмейстеру, и музыка вновь захватила Лэю в свой волшебный плен.

– Доченька! Ты не устала? Заботливо спросил отец, ведя юную партнершу – Немножко, но я так счастлива! – шептала в ответ Лэя. Затем удивленно взглянула на отца. – Откуда ты так хорошо танцевать умеешь?

– Лэя, это же моя, можно сказать, профессиональная обязанность! Не всю же я жизнь в деревне жил! А вот ты сегодня, действительно, всех покорила!

Они прошли на последний круг и, когда достигли центра зала, музыка стихла. Отец кивнул брату и объявил:

– Прошу всех к столу! – а сам, увидев, что дядя Глен подал руку его жене, удовлетворенно кивнул и повел дочь в соседний зал.

Лэя не могла сдержать удивленный вздох, когда они вошли в банкетный зал. Он превосходил красотой все виденное ранее Лэей. Отец, кажется, тоже был немало удивлен. Сзади послышался довольный голос дяди Глена:

– Здесь у нас побольше возможностей, чем на Сэйларе!

Неимоверная высота потолков, хрустальные люстры и канделябры создавали неописуемую гармонию форм и цветов. Красиво оформленные столы и сказочные гобелены довершали картину, придавая залу неповторимый уют, несмотря на его значительные размеры. Отец, увидев во главе стола стулья с особо высокими спинами, вопросительно оглянулся на брата, и, получив утвердительный кивок, провел дочь к ним. Опять Лэя оказалась в центре внимания. Чередой произносились тосты во здравие принцессы и поздравления новорожденных. Лэя даже устала улыбаться и отвечать всем кивками. Они никогда не пила так много вина. Наконец, почувствовав, что совсем уже не может справляться с усталостью, спросила отца:

– Пап, мне кажется, я сейчас под стол упаду!

– Ты у нас и так молодец! Такую программу выдержала! Теперь не грех и уйти! – а сам, кивнув предупредительно Глену, громко объявил:

– Искренне благодарю за поздравления! Но нам, к сожалению, нужно удалиться!

Принцесса Лэя устала и ей нужен покой! – с этими словами он подал руку Лэе, затем – маме и степенно повел их залы.

Как только они вышли в небольшую комнату, Лэя бросилась на шею к отцу, потом поцеловала маму, счастливо причитая:

– Папочка, мамочка, как я счастлива! Только не пугайтесь,

если я сейчас исчезну!

Я так устала.

– Да, тебе пора на Сэйлар! Тебя еще ждут большие дела! – раздался сзади знакомый голос ангела. – А мы будем помогать тебе отсюда.

Лэя обернулась к Арсену. Он поднял руку и положил ладонь ей на голову. Все сразу подернулось дымкой сна, и Лэя провалилась в глубокое беспамятство.

ГЛАВА 3. ИЗГНАНИЕ

Лэя постепенно выходила из глубокого сна. Перед глазами проплывали сцены прекрасного бала. До ее сознания стали доноситься какие-то звуки. Затем, звонкий детский крик окончательно вывел ее из дремы. Открыв глаза, она увидела хвойные ветки над головой. Повернув голову, Лэя разглядела, что лежит в наспех сооруженном шалаше, с одной стороны прикрытым лапником, а с другой – пологом из прочной водостойкой ткани. Лэе вспомнились произошедшие с ней события. Сердце опять сжала тоска по родителям. Конечно, она могла теперь легче пережить все случившееся, но она четко осознавала, что осталась один на один с этим большим и враждебным миром. Ее совершеннолетие, действительно, не оставляло ей шансов оставаться ребенком. И все-таки, несмотря на суровую действительность, она знала, что ее родители счастливы, а она, пусть и во сне, но побывала настоящей принцессой. И пусть она была по-прежнему убеждена, что никогда не приблизится к престолу и власти, осознание своей значимости придавало ей сейчас силы и давало новое ощущение, что ее жизнь не кончается на этом и, может быть, ее еще ждет впереди что-то важное и прекрасное.

Внезапно мысли вернулись к последним мгновениям перед тем, как она впала в беспамятство: "Она же убила сэйла! Да не просто так, а сожгла!" Лэя ужаснулась своим новым способностям. Ей больше не казалось, что клеймо ведьмы на ней такое уж несправедливое. Пусть монах был убийцей и врагом, но это все равно не оправдывало ее действий. Конечно, по неопытности, она сама не ожидала, что сможет зажечь монаха, как факел. Но тот, увидев ее глаза, кажется, все понял. Он даже не сопротивлялся. Лэя вспомнила посланную инквизитором перед самой смертью мимолетную мысль облегчения и благодарности. Как будто бы она освободила его от тяжкого бремени. Как бы то ни было, на душе у нее остался тяжелый осадок вины.

Лэя вздохнула поглубже, борясь со слабостью, вызванной снотворным, и вышла из палатки. Перед ней предстала картина походного бивака. Вся семья дяди Илаира сидела у костра и, по-видимому, готовилась к завтраку. По свежести воздуха и теплу в палатке Лэя догадалась, что, скорее всего, сейчас утро. Дым от костра донес до нее соблазнительный запах жареного мяса. Вдруг, кто-то толкнул ее в бок и крепко обнял за талию.

– Жива-здорова, однако! – раздалось довольное урчание

Хлюпа.

"Конечно! Без коронного "однако!" здесь не обойдется!" – радостно подумала Лэя, вылавливая из-под мышки своего мохнатого друга.

– Привет, мой защитник! – прошептала в большое пушистое ухо Лэя, ласково гладя Хлюпа по круглой голове. Хлюп, преисполненный гордости от высокой оценки его боевых способностей и получив свою долю ласки от хозяйки, деловито отодвинулся и, взяв Лэю за руку, повел ее к костру на правах хозяина. Все уже заметили ее пробуждение, но радости в настороженно ждущих глазах было мало. Над всеми довлела ужасная смерть их хозяев.

И все-таки их лица осветила надежда, когда они увидели Лэю вполне здоровой. Лэя почувствовала, что, несмотря на свой юный возраст, она становится центром этой маленькой компании, и она не имеет морального права разрушать надежды, связанные с ней – единственной, оставшейся в живых представительницей семьи Салара Альк.

Илаир встал и, несколько смущаясь, подошел к ней с церемонным поклоном.

– Рад тебя видеть в добром здравии, принцесса Леолэя!

– Здравствуй дядя Илаир! Здравствуйте, мои дорогие! – Лэя подошла к нему и обняла. – Спасибо вам за все! Вы спасли мне жизнь, а тем самым, и жизнь моих родителей тоже оказалась не напрасна!

– Только не называй меня больше дядей! – попросил сэйл. – Зови просто Илаир. Я твой слуга и я готов исполнять все твои повеления, моя госпожа!

– Вот только без госпожи, пожалуйста! – взмолилась Лэя. – Не хватало мне еще, чтобы и вы от меня отдалились! Ведь у меня на всем Сэйларе никого ближе не осталось! Да и хорошая же я госпожа в этом оборванном платье!

– Твои лучшие платья ждут тебя в новом доме! – пообещал ей Илаир, явно обрадованный, что юная госпожа хочет сохранить между ними доверительные отношения.

– Спасибо, Илаир! Сейчас, я должна вам всем рассказать о своем сне, тем более что о моих способностях знает инквизиция и мне нечего скрывать от вас. Но сначала расскажите, что произошло с тех пор, как монахи нагрянули в деревню?

– Нет, Лэя, – возразил Илаир, делая пригласительный жест в сторону костра. – Сначала, поешь чего-нибудь, а то ты проспала больше суток!

Зар тоже встал и, приготовив ей лучшее место у костра, предложил:

– Ты пока поешь, а мы расскажем тебе, что и как случилось! – и они стали поочередно вспоминать пережитые события.

Инквизиция нагрянула внезапно. В этот момент Салар находился на втором этаже и вместе с Заром ремонтировал шкаф для книг. Увидев через окно конных вооруженных монахов, он только успел снять амулет и, быстро дав его Зару, приказал:

– Прыгай в окно на задний двор и беги через калитку к прудам! Лэя, наверно, там!

Она не должна прийти сюда! Уходите с ней в леса, ты знаешь куда! – с этими словами он толкнул Зара к окну на противоположной стороне дома. Так что, когда инквизиторы въезжали во двор, Зар уже кубарем скатился по крыше пристройки и, прихватив по пути младшего брата Лина, выбежал через заднюю калитку в лес.

Отправив мальчишку в дом их отца – Илаира и, напугав его словом инквизиция, Зар побежал к Лэе. К счастью, она была у прудов, как и предполагал лорд Салар.

Мальчишка тоже не подвел и сообщил своему отцу страшную весть вовремя. Илаир, по заранее обговоренному на такой случай плану, взял лошадей и, погрузив на них всех домочадцев, отправил их в лес по известной только им тропинке. А сам, взяв под уздцы остальных скакунов, пошел навстречу Зару и Лэе. Понимая, что противостоять десятку вооруженных монахов бесполезно, Илаир сосредоточился на спасении Лэи.

Спасение принцессы шло без сучка и задоринки. Скача сквозь ночь, они должны уже были встретиться с остальными членами семьи, когда Лэя, внезапно сбросив Хлюпа, умчалась прочь, пустив кобылу галопом напрямик через лес. Путники растерянно остановились. Им было непонятно, как она могла найти дорогу домой в темном лесу.

Но делать было нечего и, подобрав Хлюпа, они поспешили обратно в деревню, приготовившись к самому худшему. Их опасения подтвердились, когда они рассмотрели в темноте пожарище дома Альков. Но Лэи, как и инквизиторов, нигде не было видно, и они продолжили путь до деревни. Тут-то они и увидели горящего, как факел, монаха, и Лэю, стоящую в оцепенении перед ним. Вся перепачканная сажей и смотрящая безумным взглядом на сотворенный ею живой факел, Лэя выглядела пугающе.

Видневшиеся в свете живого факела два кострища не оставляли сомнений на счет судьбы старших Альков. Зар подбежал и подхватил почти падающую и полубезумную Лэю. Илаир вспомнил, что прихватил с собой снотворного, на тот случай, если Лэя будет сопротивляться, и понял, что сейчас, это,

наверно, лучшее средство, чтобы спасти ее разум от окончательного помешательства. Ничего не замечая вокруг, Лэя послушно проглотила несколько глотков из фляги, предложенной Илаиром, и ее ноги подкосились, больше не слушаясь хозяйку.

Илаир сел на своего коня и вместе с Заром посадил впереди себя Лэю, привязав ее к себе веревкой, чтобы она не упала с коня во время скачки. Зар подхватил тихонько подвывающего от переживаний за хозяйку Хлюпа, и взял за уздечку пойманную кобылу Лэи. После чего, они поспешили покинуть деревню. Им повезло, "доблестные" инквизиторы крепко спали, перепившись отличного вина из погреба Альков, а деревенские жители предпочитали не высовывать носа из дома. Темная беззвездная ночь была беглецам на руку, хоть и несколько затрудняла передвижение. Так они и двигались, осторожно пробираясь через чащу леса и оберегая свою драгоценную ношу.

К утру им удалось достичь места встречи со всей семьей. Они приостановились, чтобы соорудить Лэе ложе, подвязав ее к спине лошади так, чтобы она могла спать лежа во время пути, и сразу возобновили движение.

Беженцы продолжали ехать весь день, с небольшими привалами для еды и только к ночи решились на долгую стоянку. Лэя продолжала спать мертвым сном, не реагируя ни на звуки, ни на движение, и даже не проснулась, когда Лика обтирала ей лицо от сажи, а Илаир перенес ее в палатку на ночлег. Все переживали, увидят ли они еще ясный Лэин взгляд, не замутненный помешательством. И только сейчас, наутро следующего дня, она порадовала своих, совсем уже приунывших спасителей, выйдя из палатки и удивив их своим спокойным видом и ясным взглядом.

После того, как все выговорились, у костра повисла тишина. Только сучья вяло потрескивали в тухнущем пламени, подернувшемся пленкой легкого пепла. Лэя задумчиво оглядела поляну. Утренний туман потихоньку таял под первыми теплыми лучами оранжевого солнца. На дальней стороне поляны паслись стреноженные кони.

Все замерли, ожидая ее слова – большая семья в пять душ, лишившаяся родного крова: Илаир с женой, старший двадцатитрехлетний сын Зар, пятнадцатилетняя дочь Лика и семилетний младший сын Лин. Все похожи, с темными, отливающими медью гривами волос, крупными, но приятными чертами лиц. Только Лика отличалась изяществом и более светлым тоном окраса, а Зар с Илаиром – мощью мужских тел.

Лэя ясно ощутила, что это ее люди. Они ждут изъявления ее воли, так как жизнь приучила их служить семейству Альк, а значит и ей. Она же, должна научиться принимать решения за

других и давать поручения ждущим их людям. Надо только научиться не приказывать прямо – Лэе была противна мысль командования людьми.

Она верила, что каждый сэйл достоин быть независимым, вот только жизнь приучает их к рабству.

Но сейчас это не было столь насущным вопросом. Гораздо важнее было рассказать им об отце и маме, о том, что родители с ними и не оставят их одних в беде. Нужно было приободрить их и внести в их жизнь хотя бы призрачную цель. Лэя вспомнила счастливые лица родителей, когда ее провозгласили принцессой, и ее лицо осветила мечтательная улыбка. Все удивленно и заворожено смотрели на Лэино лицо и, постепенно, их удрученные лица тоже начали светлеть. Вытесняя отчаяние, в их сердцах начала зарождаться надежда. Они уже с нетерпением ждали Лэиного рассказа, и она не обманула их надежды. Слегка прикрыв глаза и вспоминая свое небесное путешествие, она рассказывала о нем затаившим дыхание слушателям, как прекрасную сказочную историю, хотя ни слова выдумки она не произнесла. В правдивости ее рассказа слушателей не надо было убеждать, так как это делали за нее факты, которые успела узнать на небесах Лэя. Под конец рассказа, все уже радостно улыбались, и Лэе осталось только передать последние наставления отца:

– Сейчас мы должны укрыться в лесах и мне предстоит завершить свое обучение в библиотеке, вывезенной туда. А тебе Зар, нужно достичь в мастерстве своего отца!

Сейчас необходимо переждать время, пока нас ищет инквизиция. Родители с ангелами будут нам помогать с небес. Так что, собираемся и уходим дальше!

Все с новым воодушевлением принялись за сборы. Илаир подошел к Лэе и сообщил, что до первого дома остался один дневной переход. Вскоре все вещи были упакованы, и отряд возобновил свое движение, но уже совсем в другом настроении. Лошади после ночного отдыха бодро бежали по все выше забирающейся тропе. Вокруг начали вздыматься горные вершины.

Лэе нравились горы, и она никак не могла налюбоваться их величественностью.

Серые грани скальных уступов сменялись черными разломами и склонами камнепадов.

Вершины были еще укрыты снегами. Большое лето постепенно вступало в свои права, подтачивая ледники, которые окончательно растают только к концу первой его трети.

Снизу горы утопали в пышной зелени долин и ущелий. С обеда, маленький отряд шел почти всю дорогу по руслу ручья, стараясь не оставлять никаких следов и, ближе к вечеру, они,

выйдя из потока, и пройдя по каменной поверхности когда-то стертой ледником, встали у скального склона. Лэя озадаченно смотрела на непроходимые нагромождения утесов и повернулась к довольно улыбающемуся Илаиру.

– И куда дальше? – растерянно спросила она.

– Сейчас мы спешимся и возьмем коней под уздцы. Здесь есть узенькая тропинка, ведущая в восхитительную долину!

Все последовали примеру Илаира, и отряд растянулся длинным караваном, петляя между скал по пробитому когда-то водой, а сейчас полностью высохшему, руслу. В одном месте лошадей пришлось, чуть ли не силком протискивать через узкую прореху в скалах. Наконец отряд вышел из каменного лабиринта и у всех вырвался вздох изумления – перед ними развернулась прекрасная долина, местами заросшая лесом, а местами зеленея горными лугами. Вдали виднелась гладь озера, отсвечивающая бликами лучей заходящего солнца. Недалеко от них стоял симпатичный бревенчатый дом.

– Когда же вы успели построить здесь дом? – Лэя опять удивленно посмотрела на Илаира.

– И не один, а два! Второй дом для тебя! Ты не помнишь, сколько лет мы с Заром бывали в отлучке?

– Да, действительно, вы пропадали на долгое время, только иногда появляясь в деревне, – вспомнила Лэя.

– Но не будем задерживаться. Надо еще печь протопить, да на ночлег устроиться. А к твоему дому пойдем утром! – сказал Илаир, и они поспешили к своему новому пристанищу под радостное гиканье Лина.

Новый сруб встретил их прохладой и запахом свежих бревен. Он был на удивление уютен, и хорошо обставлен мебелью. Лэе с Ликой на ночлег нашлась своя уютная спаленка с двумя душистыми сенниками. Пока женщины споро устраивались в доме, Илаир затопил печь, а Зар распряг и отвел в конюшню лошадей. Хлюп с Лином осваивали окрестности, играя то ли в войну, то ли в разбойников. Они очень подходили друг другу и по росту и по интересам. Лэя только посмеивалась, глядя, как Хлюп кубарем свалился с лошади после неимоверно длинного для него перехода и блаженно развалился посреди лужайки.

– Хорошо, однако! – урчал довольный малыш.

– Отдыхай, мой защитник! – ласково сказала Лэя, вспоминая, как всю дорогу Хлюп мужественно терпел, озабоченно вздыхая и что-то тихонько бурча у нее за спиной.

– Надо бы тебе научиться самому ездить на лошади!

– Я уже умею! – гордо заявил Хлюп, опять смеша свою хозяйку.

Он всегда, попробовав какое-нибудь дело, сразу заявлял, что он уже умеет это.

Причем, это не было просто хвастовством – он на самом деле был абсолютно уверен в своих способностях. Но если случался казус, и его очевидное неумение выплывало наружу, он, нисколько не смущаясь, говорил: "Ну, может, еще немножко подучиться надо, а так я умею, однако!" Лэя давно почувствовала, что их братско-сестринские отношения со временем менялись, и теперь, она относилась к нему, почти как мать к своему ребенку, прощая ему все его проказы.

Наконец они все, уже поздно вечером, сидели за столом под потрескивание дров в печке. На лицах читалась если и не радость, то облегчение и спокойствие от ощущения вновь обретенного очага. Илаир выразил общую мысль, сказав:

– Если бы не предусмотрительность лорда Салара, остались бы мы сейчас, считай, голыми посреди леса. Как жаль, что им самим не удалось воспользоваться этим убежищем. Здесь, среди гор нас можно было бы безуспешно искать десятки лет.

– Не надо расстраиваться! Им хорошо там, на небесах и, я надеюсь, они незримо присутствуют с нами сейчас! – приободрила всех Лэя.

Для нее самой было немного странно, что она поддерживает всех, удрученных смертью ее родителей, тогда как должно быть наоборот. Какое это все-таки счастье, самой убедиться, что с родителями все в порядке, и они, действительно, счастливы!

И даже, если бы она сомневалась, что это всего-навсего сон, то те знания, что она получила там, убеждали ее и всех в реальности ее небесного путешествия.

Утром, взяв под уздцы двух лошадей, нагруженных поклажей, беженцы отправились к новому Лэиному дому. Пройдя чуть больше мили, они вышли на изумительной красоты место. Перед ними был большой луг, одной стороной выходящий на берег озера, дальний берег которого скрывался в легкой дымке утреннего тумана. Зеркальная поверхность воды отражала уступы гор, расположенные на дальней стороне долины. С другой стороны стояла огромной стеной гора, белея наверху снегами. На лугу стоял большой дом с антресольными комнатами под крышей – в полтора раза больше, чем тот, в котором они только что ночевали.

– Это место лучшее в долине! – с гордостью сказал Илаир. Долина протянулась с востока на запад, так что отсюда хорошо видно рассветное и закатное солнце. А вот эта гора с юга будет немного прикрывать луг от палящего солнца в полдень. И не надо бояться снежных лавин или оползней! Вот тот утес, под самой

горой надежно прикрывает лужайку от них. Зато, дальше, вдоль берега много красивых лугов – видимо, снег и вода иногда выкашивают леса в долине. Хотя за последние годы мы не наблюдали никаких оползней или лавин.

Лэя вполуха слушала Илаира, с каждой секундой все больше влюбляясь в это место.

Если еще и в доме окажется так же уютно, как в том, что у входа в долину, то нельзя ни о чем лучшем и мечтать. Здесь невероятно красиво! Как жаль, что родители не смогут быть с ней сейчас. Или все-таки могут? Она обязательно спросит их об этом. Она вдруг, до боли в сердце, вспомнила, как они просиживали по полдня с отцом, постигая различные премудрости в библиотеке на втором этаже.

У нее сам собой слетел с уст вопрос:

– Илаир, а там, на втором этаже, библиотека?

– Как ты догадалась? – удивился, на миг прервавший свои объяснения, Илаир. – Твой отец распорядился в первую очередь сделать на втором этаже библиотеку, чтобы книги были всегда в сухом помещении. Ох, и перевозили же мы сюда этих книжек – все запретные и тайные рукописи, какие были! Все это теперь твое!

Лэя, недослушав, побежала к дому. Хлюп припустил за ней. Она открыла незапертую дверь и вошла в свой новый дом. Он встретил ее прохладой, легким запахом сухой смолистой древесины и ароматом сушеных трав. Она прошла в большую центральную комнату. Простая, но удобная мебель. Стол, накрытый белой льняной скатертью.

Печь с такой большой топкой, что ее можно принять за камин. Милые занавеси на окнах. Все создавало неповторимый уют. Лэя пробежала к лестнице и взлетела наверх. Налево была библиотека с немалым количеством книг. Направо еще комната: спальная или гостевая. Дом был чудесен. Лэя только молилась, чтобы родители могли увидеть, как она рада и благодарна им за этот подарок.

Потом она сбежала вниз, и бросилась к Илаиру с объятиями:

– Спасибо Илаир! это прекрасный дом!

– Ну, это не только меня надо благодарить, – смущенно-обрадовано ответил он. – Дом планировал твой батюшка, а строили мы с Заром вдвоем.

– Спасибо и тебе, Зар! – Лэя, спохватившись, приобняла Зара, чем ввела его в страшное смущение. Заметив, что парень тупит очи долу, она улыбнулась ему и перевела разговор на другую тему. – Только не оставляйте меня совсем одну здесь!

Ведь без мамы и папы мне одной не справиться. Может, Лика

и Зар составят мне компанию на первое время?

– Хорошо, разделимся так, – согласился Илаир, – Я должен проверить, не было ли за нами преследования и займусь нашим домом. Может быть, еще перекрою проход в долину. А Лика с Заром, действительно, могут помочь тебе освоиться здесь. Только Зару нужно продолжить тренировки со мной – воину нельзя терять форму. К тому же, – хитро взглянув на сына, добавил отец. – Как заметил лорд Салар, Зару еще есть чему поучиться у меня! – за что заработал возмущенный взгляд сына.

***

Прошло уже около месяца с тех пор, как Лэя поселилась в новом доме. Несколько первых дней они с Ликой и Заром обследовали окружающую местность. Вернее, Зар показывал им, что уже сам разузнал раньше. Они совершали походы и пешком, и верхом на конях, забираясь в самые удаленные уголки долины, по пути собирая грибы и ягоды, купаясь и просто греясь на солнышке. К счастью, крупных хищников здесь не водилось, и можно было чувствовать себя вольготно, не обременяя себя таскaнием оружия. Вокруг было множество красивых мест: цветущие горные луга, тенистые леса, озеро с кристально чистой водой, полное самых разнообразных рыб.

Одним из самых замечательных уголков был водопад, падающий с высочайшего склона горы в колодец, выбитый водой.

Единственное, что огорчало ее первые дни – это невозможность связаться с родителями во сне. Как не настраивалась она на прогулки по небесам перед сном, ночью она просто спала, и ей никак не удавалось ни с кем пообщаться.

Освоившись в доме и вокруг, Лэя принялась за исследование библиотеки. Первым делом, она нашла посоветованную отцом книгу. Книги были заботливо расставлены на полках по алфавиту – так что это не составляло труда. Постепенно, Лика с Заром взяли на себя ведение хозяйства, а Лэя погрузилась в разгадывание тайн своего мира. Хлюп счастливо бегал и всем мешал своей деловитой помощью, но отгонять его, ни у кого не поворачивался язык, настолько искренен он был в своих порывах.

Лучшее взаимодействие он нашел с Лином – тут он был на высоте и пользовался большим авторитетом, как великий проказник. Таким образом, все были при деле, и у Лэи выработался свой распорядок дня. Днем она читала с большим

перерывом на купание или прогулку, а вечер проводила в кругу друзей в беседах, играх и других развлечениях.

Первая же рекомендованная отцом книга "Тайны центра Эрианы" захватила разум Лэи своими загадками. Книга была весьма древняя, еще доинквизиторская, видимо, переписанная лет двести назад с адаптацией к современному языку. Но все равно, многое в ней оставалось непонятным из-за вычурности фраз и непонятных ссылок на неизвестные места и события. В книге было много частных, несущественных описаний, и Лэе приходилось продираться до истины через темный лес нагроможденных фраз и даже делать выписки, чтобы потом осмысливать выбранные крупицы достоверных данных. Главное, что вынесла из книги Лэя, было то, что в центре материка Эрианы располагалась, окруженная высокогорьем, огромная область – около двух тысяч миль в диаметре, которую в древности звали страной или землями Высоких Горизонтов.

Как поняла Лэя, название эта местность получила за то, что, будучи плоской равниной, все горизонты визуально поднимались вверх, и местность была видна на расстояние до сотни миль, как будто сэйл, находящийся там, стоял на дне огромной впадины. Причем, этот визуальный обман сохранялся на всей территории загадочной страны, если только вокруг просматривались горизонты. То есть, где бы наблюдатель не находился, он всегда чувствовал себя на дне огромной впадины.

Но загадки странной местности на этом не заканчивались. Посреди "вогнутой" равнины было внутреннее море, и тоже вогнутое, с такими же поднятыми горизонтами.

Как это могло быть, у Лэи не укладывалось в голове. Книга тоже не давала ясных ответов, громоздя одну нелепую гипотезу на другую. Кроме того, в книге приводились легенды о большом острове, расположенном в центре моря, на котором стояла гора, подымающаяся до самого неба, и чья вершина всегда скрыта тучами.

Верить ли этому – Лэя не знала. К тому же, там говорилось о том, что сэйл, зашедший вглубь этой страны, терял вес, то есть становился легче.

Однако, попасть к острову не удавалось почти никому, так как в море водились какие-то гигантские твари, а в воздухе летали не меньшие птицы. Все это напоминало какую-то сказку для маленьких, и Лэя, зевая, просто перелистывала страницы с описаниями сказочных чудовищ. Сказки про эту страну так же описывали жуткой силы волшебников и фей, живущих на побережье внутреннего моря, и будто могущих творить все, что им вздумается. Это Лэю заинтересовало, как и то, что в книге

колдуны и ведьмы упоминались под более уважительными именами. Про возможности ведьм она знала не понаслышке. Однако в книге говорилось, что ведьмы и колдуны жили только в этой загадочной стране. По-видимому, в остальной Эриане, да и на всем Сэйларе их не было.

Это ее удивило. Она решила выяснить, как далеко от этой страны они живут, если у нее тоже проявляются свойства ведьмы. Она нашла атлас карт Эрианы. Материк был более четырех тысяч миль в поперечнике. В середине было обозначено большое, почти две тысячи миль в диаметре кольцо холмов и гор постепенно спускающееся к низине в сторону центра. Вся центральная часть, диаметром в полторы тысячи миль была обозначена болотом. Что было столь же неестественно, как и рассказы в старинной книге.

Она нашла на карте столицу страны – Венлу. Она располагалась на востоке Эрианы, на берегу одноименной судоходной реки, впадающей в океан. Лэя знала, что они жили довольно недалеко от Венлы – чуть больше двухсот миль на запад. Она отсчитала расстояние по карте, и ее палец уперся в область равнины, глубоко вдающейся в горное кольцо, окружающее земли Высоких Горизонтов. Фактически они жили на краю этой загадочной страны! Лэина догадка полностью подтвердилась. Что же, значит, и все остальное в книге было правдой? Лэя почувствовала, что все ее представление о мире переворачивается вверх тормашками. Она долго сидела, шокированная этой информацией, и не знала, что делать дальше.

Так и не придя в себя, она отмалчивалась весь вечер, чем вызвала тревожные взгляды ее друзей. Почти ничего не поев, она отправилась наверх к себе в спальню.

Она долго лежала в темной комнате, а мысли хаотично метались в голове, как стая ночных мотыльков. Она не заметила, как уснула и, наконец, после многих дней, оказалась на своей привычной лужайке.

– Арсен! – позвала она ангела, пребывая в растрепанных чувствах. А мысли сразу метнулись к маме с папой. Не успела она их позвать вслух, как все трое появились перед ней, ангел с одной стороны, а родители – с другой. Все, сначала, удивленно посмотрели друг на друга, а потом рассмеялись. Лэя тоже улыбнулась, с облегчением глядя на своих гостей.

– Ты так отчаянно нас звала, что мы слетелись, бросив все дела! – смеялся Арсен.

– Ой, я нечаянно! – смутилась Лэя.

– Глупышка! – ласково сказала мама, обняв Лэю и гладя ее по голове. – Будто бы мы не пришли, если ты не была бы так расстроена!

– Я так рада, что сегодня мне удалось попасть на небеса, да еще и увидеть вас! Я несколько дней даже поговорить не могла ни с кем! – призналась Лэя.

– Ну, на это не надо жаловаться! – успокоил ее ангел. – Все равно, ты, наверно, самая лучшая путешественница Сэйлара на небесах! И потом, твои родители только-только завершили обучение молодых душ. Так что ты, в любом случае, не смогла бы с ними связаться раньше.

– Я заметила, что легче попадаю на небеса, когда мое внутреннее равновесие нарушено, как сегодня, – продолжила признание Лэя.

– Что же тебя так взволновало? – настороженно спросил отец.

– Посоветованная тобой книжка!

– Да?! И что же в ней такого волнительного?

– Все! Неужели, хотя бы четверть, описанного там, правда?

– Да, пожалуй, как раз около этого и будет, – согласился отец.

– Значит, мы живем в этой странной области, и я ведьма, пока я нахожусь здесь? – несколько обвиняющее сказала Лэя.

– Да, скорее всего, так и есть, – признался отец. – Но понимаешь, мы не могли просто так покинуть эту область, кроме как уйти дальше, вглубь горного массива, что мы и планировали, как запасной вариант. Но, как видишь, не все планы осуществляются!

– Да, – грустно промолвила Лэя.

– Но ты не горюй! – ободрила ее мама. – Мы уже навещали вас там. Это очень красивое место! Мы даже создали себе здесь нечто похожее на вашу долину, чтобы попробовать в этом месте пожить. А теперь, мы почти все время можем быть с тобой и говорить, когда только ты сама сможешь!

– Это так здорово! – обрадовалась Лэя. – А то я все мечтала и надеялась, что вы сможете увидеть наши места, но все-таки сомневалась.

– Доченька, расскажи лучше сначала, что тебя беспокоит, чтобы успеть обсудить с тобой самые важные проблемы, – вспомнил отец о насущных вопросах.

– Самая большая проблема была увидеть вас снова! – улыбнулась Лэя и, не удержавшись, опять обняла папу, да так и осталась стоять, прижавшись к его большой груди. – Но, если серьезно, то я хотела спросить, это правда про чудовищ, колдунов и высокие горизонты в этой стране?

– Похоже, что довольно большая часть, правда. Наверняка, даже ангелы всего не знают, – отец кивнул развалившемуся на лужайке одному из представителей этого славного семейства. – Арсен! Ты что по этому поводу можешь сказать?

– Честно говоря, довольно мало! – смутился ангел и, повернувшись к собеседникам на локте, продолжил. – Могу вам сказать только то, что там огромная впадина и, действительно, высокие горизонты, а что в центре зоны мы сами не знаем наверняка, так как, если полезть туда с астрала, то можно навсегда там и остаться, чего даже ангелам не очень хочется!

– Ой, темнишь ты что-то?! – укоризненно сказала Лэя.

– Темню, – признался ангел со вздохом. – Но немного. Понимаете, насчет гравитационной компенсации или четвертого измерения, я вам не смогу внятно объяснить, да и не уполномочен, если можно так выразиться.

При этом он указал пальцем куда-то вверх. Действительно, эта его абракадабра, ничего Лэе не объяснила, и в первый раз Лэя серьезно обиделась на ангела. Видимо, он заметил это, так как встал, подошел ближе и уже очень серьезным тоном и даже грустью сказал:

– Прости меня за непонятные слова, но это была не шутка и не издевательство.

Просто в мире есть столько непостижимых вещей, что и мне, ангелу, известна только маленькая их толика, – потом помолчал, раздумывая, говорить или нет, и все же решился. – Над всем вашим, впрочем, как и нашим, миром нависла страшная беда, и все ангелы сбились с ног или с крыльев, в общем, с чего там у них есть, пытаясь спасти ситуацию, но пока не находят решения…

Он огорченно вздохнул и добавил:

– Так что учись, Лэя! Может, и твои волшебные способности пригодятся! Как знать, не придется ли тебе еще спасать нас, а не нам тебя! Извини, но сейчас не могу большего рассказать.

Лэя, как и ее родители, молчала, не зная, что сказать. Вываленная ангелом на их головы информация была настолько серьезная, что все их проблемы показались им мелким копошением насекомых за мгновение перед надвигающейся на них подошвой сапога. Видя, что переборщил, Арсен попытался скрасить ситуацию и отвлечь собеседников:

– И все же мы не теряем надежды. Не теряйте и вы. Лэя, я повторяю: учись, прочти книги по истории инквизиции. Главное, пойми, ведьма может оказаться надеждой этого мира, вместо того, чтобы быть тем проклятым существом, которым объявила ее инквизиция.

Лэе вдруг вспомнился тот монах, которого она сожгла. Ее лицо передернулось от страшного воспоминания. Она даже заплакала и прошептала:

– Арсен, я убила сэйла! Я сожгла живьем того монаха, который казнил папу с мамой.

– Знаю, это неприятно, конечно, но ты была не в себе и не контролировала свои поступки! Да и он, надо сказать, заслужил такое возмездие за свою долгую карьеру!..

Вообще-то, это интересный случай! – вдруг улыбнулся ангел. – Ты знаешь, что своим поступком, сняла с его души огромный груз, и он не угодил в ад, который уже его поджидал!

– Как это?! – удивилась Лэя.

– Понимаешь тут какая штука. Несмотря на то, что он отправил к нам много прекрасных юных созданий, сжигая их на кострах, он был совестливым человеком… да, как это ни странно.

– Да, я заметил, что ему в тягость его работа, – поддакнул отец. – Он даже отправил нас на небеса до того, как нас начал терзать огонь, тем самым, ослабив мучения. Действительно, если и есть в инквизиции достойные сэйлы, то это был один из таких.

– Так вот, убив его, когда он особенно остро осознавал свою вину, ты сняла часть его грехов, отягощавших его душу. Вот и получается что, он должен быть тебе благодарен за освобождение от адских мук! Вот как, оказывается, бывает! Никогда не знаешь, как может повернуться судьба. Ты винила себя за это, а оказалась его последним шансом… Ну что, полегчало? – он с заботой и нежностью взглянул на несколько воспрявшую духом Лэю.

– Да, я поняла, надо просто принять все эти обстоятельства, как данность, и постараться разобраться во всем, в чем смогу.

– Да ты, дочка, пожалуй, скоро оставишь своих родителей далеко позади по своим знаниям и талантам! – гордясь за нее, воскликнул отец.

– Как это и должно быть! – подытожил ангел.

– А можно, мы покажем Лэе нашу небесную долину?! – спросила мама ангела.

– Ну, если вы уже обсудили самые главные дела, то можно попробовать. Только не удивляйтесь, если она исчезнет посреди экскурсии. По-моему, она и так уже здесь довольно долго задерживается!

– Хорошо, полетели! – попросила Лэя.

Арсен махнул рукой, и они очутились в такой же долине, что была на Сэйларе. Лэя не могла поверить, что это другое место, настолько здесь все было точно, как и в реальной долине. Даже дом был копией того, в котором жила Лэя. Они гуляли на берегу озера, когда Лэя, все-таки, выскользнула из небесной жизни и вернулась в реальность, проснувшись от теплого прикосновения утреннего солнышка, настойчиво заглядывавшего в окошко.

Следующие дни прошли в трудных поисках истины среди множества противоречивых текстов. Лэя даже научилась, как нужно было отбрасывать в книгах бахвальства и восхваления

заинтересованной стороны. Некоторые книжки сплошь состояли из такого хвастовства и вранья. Но почти всегда находилась хотя бы крупица правды, которая была неудобна автору, но и не упомянуть о которой, тот не мог из-за остатков совести. Единственным критерием выяснения истины была сверка данных, приведенных в разных источниках.

Ей все же удалось кое-что выяснить. Так, например, хождение к центру страны Высоких Горизонтов всегда запрещалось религией еще задолго до прихода последнего мессии. Инквизиция же возвела этот завет в абсолют и совершала туда походы Святого огня, уничтожая колдунов и ведьм. Кроме того, они регулярно прочесывали округу предгорий, вылавливая всех новеньких ведьм и колдунов и сжигая их вместе с целыми семьями на святых кострах, наподобие того, как сожгли мессию. Для поиска ведьм они держали специальных монахов – нюхачей, которые могли почувствовать ведьму или колдуна на небольшом расстоянии. Теперь Лэя знала, кто был сожженный ею сэйл. Это был слабенький колдун, монах-нюхач. То-то Лэя почувствовала его мысли перед смертью – ведь они с ним были одного поля ягоды.

Иногда Лэе удавалось во сне говорить с мамой или папой, но путешествовать в астрале она больше не смогла ни разу. Они так и продолжали жить в доме, втроем с Ликой и Заром. Хлюп с Лином постоянно кочевали, то ночуя в доме у Лэи, то – у Илаира. Все были заняты делами, Зар совершенствовал свои боевые умения с Илаиром, Лика следила за хозяйством, а Лэя все так же нагружала свою голову в библиотеке, только иногда присоединяясь к разучиванию физических или боевых упражнений или к сборам лесных даров.

***

Наступал конец периода черных ночей. Красная маленькая луна Зела, убегая за горизонт, почти не светила по ночам, а большая желтая Дала еще не появилась.

Ночи стали совсем черными. Лика с Заром готовились к звездному рассвету. Это восхитительное зрелище должно было произойти первый раз сегодня ночью. Это особенная ночь, случающаяся один раз в году. В эту ночь девушки гадали на возлюбленных, а юноши часто делали предложения своим суженным. Во всяком случае, ни один уважающий себя молодой сэйл примерно от тринадцати до двадцати двух лет, не упускал

случая провести это время на природе, всю ночь ожидая звездного рассвета, если конечно, не успел еще жениться.

Не всегда эта ночь удавалась, иногда испорченная тучами, а то и дождем. Но в этом случае праздник переносили на следующую ночь или две – ведь звездные рассветы, однажды начавшись, повторялись каждую ночь, приходя все раньше, пока, в конце концов, не начинались сразу после захода солнца. Однако, всю ценность имел именно первый звездный рассвет, так как он наступал после нескольких месяцев черных ночей и ждать его приходилось почти до утра, всю долгую, темную ночь. В этом году, эта ночь должна быть особенная, так как она еще будет и безлунной, что бывало очень редко – раз в несколько лет.

Пока Лэя с утра сражалась в непролазных дебрях древних и не очень, рукописных и печатных творений, Лика с Заром уже вели бурную подготовку к самой волшебной ночи в году. Зар нашел лучшее место для наблюдения: небольшую лужайку на берегу озера, с которой открывалась гладь воды в восточном направлении – откуда приходят рассветы. Он приготовил очаг из камней, чтобы можно было без труда разместить шампуры с закусками, и сиденья из бревен – одно посередине, самое удобное – для Лэи, а так же заготовил гору дров.

Лика суетилась, готовя закуски, питье, а самое главное, необходимые вещи для гадания. Если им повезет, то они смогут ворожить самым верным способом – на глади воды. Чем больше водная поверхность, тем лучше, так что озеро было идеальным местом для этого гадания. Единственно, в чем им нужна была удача – так в том, чтобы ночью не было ни ветринки. Для волшбы нужно водяное зеркало. Она пошла на берег посмотреть, где Зар выбрал место для ночевки. Да, оно было идеальным, но гадания они должны проводить с Лэей одни, где-нибудь в стороне.

Пройдя чуть дальше по берегу, она заметила немного выступающий в озеро мысок, свободный от деревьев. "Вот лучшее место! Костер, как и подглядывающие взгляды, не будут мешать. А здесь можно будет поставить свечи!" – удовлетворенно решила Лика, заметив пару камней, выступающих из воды.

К вечеру и Лэя присоединилась к суете сборов, хотя почти все уже было готово.

Так что она только сходила на берег, осмотреть место ночевки, и проверила, что из провианта было заготовлено. Главной проблемой было избавиться от суетливой компании Лина и Хлюпа. И если с Лином помогли справиться его родители, то Хлюпа все же пришлось взять с собой. С другой стороны, он был более управляемый, так как ни за что не стал бы специально огорчать хозяйку. Заподозрив вечером, что молодежь ведет какие-

то сборы, он хвостом стал ходить за Лэей, бурча что-то вроде: "Вот, всегда так, как что-нибудь интересное, так сразу и не нужен, а как учиться, так сразу Хлюп!" и, видимо от волнения всюду, куда надо и не надо, вставлял свое "однако". Затем, совсем расстроившись, начал дергать Лэю за подол платья и просто клянчить:

– Лэя, ты меня любишь? Ну скажи, куда вы собираетесь?! Я же старше тебя! Ну почему ты обижаешь меня?

Лэя наконец не выдержала:

– А ты не скажешь Лину? Учти, если ты пойдешь с нами, то никаких проказ и полное послушание мне! Ты согласен?!

– Да! Да! – сразу стал приплясывать от восторга Хлюп. – Ничего не скажу, однако!

Буду слушаться!

– Ну хорошо! Ты принят в компанию, только молчок до заката солнца! – Лэя обняла своего довольного плюшевого шалуна, и тот припустил вприпрыжку вокруг двора.

Тем временем солнце уже почти коснулось дальних гор, и нужно было выходить к озеру. Все собрались внизу: Зар с заплечным мешком, набитым запасами провизии, Лика тоже, с заплечной сумкой. Лэя прихватила несколько пледов, на случай, если станет прохладно, а Хлюп вооружился своим кинжалом и каким-то, только ему нужным, барахлом. Осмотрев всю компанию, Зар кивнул и первый пошел к приготовленному месту. Когда они расположились у костра, солнце как раз скрывалось за горами, и с разведением костра не следовало медлить, а то скоро нельзя будет ничего разглядеть. Зар умело смочил кусочек коры земляным маслом из маленькой бутылочки и высек искру кремневой зажигалкой. Масло весело вспыхнуло, и Зар быстро сунул горящую кору под уже заранее приготовленную растопку. Скоро огонь весело заплясал на подкинутых сучьях. Лэя, удовлетворенно хмыкнув, пошла к воде и вгляделась в озерную гладь.

– Кажется, нам сегодня очень везет, – Лэя показала на убегающую за солнцем Зелу.

– Мало что ночь безлунная, так еще и погода теплая, как и вода. Так что, тумана не должно быть.

– И туч пока не видно! – радостно согласилась Лика.

– А какое красивое озеро во время заката! – заметил Зар, наконец, отойдя от костра и присоединившись к любующимся пейзажем девушкам.

Озеро отражало розовеющие горы на севере, окрашенные красным светом заката.

Справа уже входила в свои владения ночь, скрывая дальний

восточный берег. Слева красно-лиловый закат быстро затухал после ухода солнца за горизонт. Поверхность озера все темнела, и только розовые вершины контрастно вырисовывались в черноте воды. Наконец, даже последние сполохи заката затухли, оставив только тоненькую розоватую изломленную ниточку, да пурпурный серп Зелы спешил к горизонту, догоняя солнце в его вечном пути.

Все вернулись к костру. Их ждала впереди долгая ночь рассказов, шуток, мечтаний и ожидания чуда. Сначала суетились, располагаясь на импровизированных сиденьях.

Зар указал Лэе на ее место. Лэя засмеялась:

– Ну ты мне тут трон соорудил – прям как королеве!

– Нет, как принцессе! – довольно заявил Зар. – Попробуй, откажись!

Лэя прикусила язык. И в самом деле – нечего сказать. Она вдруг ясно ощутила одну вещь:

– Спасибо вам ребята, за то, что вы не помните, что я принцесса. Я тоже об этом с вами забываю! Как это было бы ужасно, если бы все вокруг ко мне относились, как какому-то величеству! – она даже передернулась от такой перспективы.

– Ладно о грустном! – пошутила Лика. – Давайте, лучше разберем провиант!

Все радостно накинулись на вещмешок, принесенный Заром, и оттуда быстро появились железные шампуры, овощи для запекания, соль, маринованное и порезанное мясо и даже бутылочка вина.

– Эй, Лике нельзя – маленькая еще! – немного возмутилась Лэя на такую инициативу Зара.

– Зато мне можно! – сразу заявил суетящийся вокруг Хлюп.

– Да что ты, здесь всего-то – понюхать только каждому достанется! – рассмеялся Зар. – И потом, всегда жить по правилам невыносимо скучно! Так что, давайте, малость схулиганим.

– Ладно! – согласилась Лэя. – Займемся спаиванием младенцев!

– Кто это здесь младенец?! – тут же возмутилась Лика.

Потом Зар нанизывал мясо на вертела, а Лика устанавливала их рядом с пламенем запекаться. Лэя резала овощи и подавала Зару, который насаживал их между кусками мяса. Хлюп бегал вокруг по кустам и отгонял невидимых и не существующих чудищ.

Наконец, мясо потихоньку пеклось у костра, а все устроились на местах, и настало время разговоров. Здесь Хлюп брал ситуацию в свои крепкие руки и мог рассказывать, не замолкая, о каждом мгновении прошлого дня, месяца или года.

Всем другим приходилось его притормаживать, чтобы вставить свое слово в разговор.

Потом подоспело мясо с овощами, и они устроили маленький пир с вином и произнесением тостов. После чего, наевшегося Хлюпа начало явно клонить ко сну.

Сначала он устроился поудобней набок, завернувшись в плед и привалившись головой к Лэиному "трону", слушать разговоры, но через несколько минут, и его пару невразумительных фраз, спутники заметили, что мохнатый компаньон уже тихонько посапывает, видя сладкие сны. Лэя заботливо подоткнула ему плед и сказала:

– Ну теперь и другие смогут поговорить. У Хлюпа замечательно крепкий сон – для несения караула он явно не пригоден.

Разговор зашел, как и зачастую у молодежи, о планах на будущее. Каждый мечтал о своем. Зар хотел когда-нибудь стать настоящим воином, командиром отряда или даже полководцем. Лэя со вздохом усомнилась в ценностях военной карьеры:

– Неужели даже ради самой высокой цели достойно убивать сэйлов? По-моему нет ничего ценнее в жизни, чем сама жизнь. А распоряжаться чужими жизнями нам никто не давал права, – грустно рассуждала Лэя.

– Но не все так думают! – возразил Зар. – И мой долг защищать тех, кто нуждается в такой защите!

– Да, ты прав, мир жесток! Но вспомни свои слова, когда кто-нибудь прикажет тебе нападать на беззащитных!

– Я буду служить только тебе! А ты никогда такого не прикажешь!

– Но я не собираюсь заводить полки и штурмовать неприятеля, – возразила Лэя.

– Значит, и я не буду! Но никогда не надо зарекаться.

Потом, в притихший разговор вступила Лика.

– А я мечтаю выйти замуж за великого война или ученого. Главное, чтобы он был добрый и красивый.

– И богатый! – подхватил Зар, подтрунивая над сестричкой.

– Ну и богатый! Чем плохо? Но это не главное! – немного обиделась Лика.

– Ладно вам ссориться, не портьте такую хорошую ночь! – смеялась Лэя.

Ночь незаметно перевалила на утреннюю половину. Лика вскочила и побежала по естественной надобности в кустики. Лэя тоже встала и подошла к самой воде. От заката не осталось и следа. Перед ней висела черной стеной непроницаемая темнота ночи – ни единого огонька, ни на небе, ни на воде. Только на

поверхности воды чуть-чуть мерцали легкие блики отсвета костра, оставшегося за спиной. Вдруг Лэя увидела справа, на уровне воды желто-зеленоватое свечение. Она, осторожно, на ощупь, двинулась вдоль берега по узенькой тропинке. Через пару десятков шагов Лэя нашла то, что светилось в темноте. Это был светлячок – довольно большой жук с ярко светящимся брюшком. Она осторожно взяла его на ладонь так, что он даже не подумал убегать.

Стоя у воды, Лэя замерла, очарованная призрачностью окружающей природы. Темная гладь воды отражала освещенные костром деревья, переливаясь тенями в такт со сполохами огня. Костер мерцал, пробиваясь сквозь стволы деревьев. Она осторожно двинулась обратно и вдруг испуганно застыла. Перед ней среди ветвей, напротив дальних бликов костра, вырисовался темный силуэт стоящего мужчины.

– Лэя! – услышала она знакомый голос и вздохнула с облегчением.

– Ох, и напугал же ты меня! – засмеялась Лэя.

– Лэя… – опять повторил Зар. В его голос немного дрожал от волнения.

– Что Зар? – уже серьезно и заботливо спросила Лэя и, как бы помогая тому выговориться, добавила. – Ты хотел что-то сказать мне?

– Ты знаешь… этой ночью юноши делают предложения своим возлюбленным…

Лэя напряглась. Она ждала этого разговора. Давно прошло то время, когда они считали друг друга только братом и сестрой. У них было много общего. Лэя знала, что если бы она захотела принадлежать Зару, то ее не остановило бы то, что он оказался ее слугой. Ей было глубоко наплевать на придворные порядки. И она любила Зара, как брата. Радовалась его успехам в постижении воинских наук и физического совершенства. Она и сама была сторонницей хорошей физической подготовки, понимая, что в жизни вполне могло пригодиться и владение оружием, и хорошая физическая форма. Но в последнее время она все острее чувствовала пропасть, начинающую их разделять.

Отношения оставались прежними. Дело было в другом – в их разном отношении к жизни. Зар оставался по-детски прямолинеен, деля мир на черное и белое, размахивая мечом и радуясь своим физическим достижениям. Лэя стала замечать, что может читать по его лицу все чувства и мысли, как открытую книгу. А ей хотелось общения с кем-то, кто смог бы глубоко думать и чувствовать – с таким, как ее отец. Может быть, в этом были виноваты ужасные события недавнего прошлого, а может,

Лэя просто повзрослела и по-новому оценивала все в жизни. И еще одно чувство вклинилось между ней и Заром. Он ждал приказов и был готов приказывать сам. Лэя не выносила приказов и ей противело их отдавать. Эта внутренняя свобода ставила ее на совершенно другой уровень восприятия мира, и она чувствовала, что может связать свою жизнь только с таким же внутренне свободным сэйлом. Тем не менее, ей страшно не хотелось огорчать Зара – все-таки он был ей, как родной брат.

– Да знаю… – тихо и немного грустно ответила Лэя. – Знаешь, ты мне всю жизнь был старшим братом.

Зар почувствовал оттенок легкой печали в голосе Лэи и, к счастью, понял, что сердце Лэи не отзовется на его чувства. Он взял ее руку и тихо произнес:

– Я знаю… я чувствую, что мне не достичь высоты твоей души. Я… не прошу тебя выйти замуж за меня. Но никто не запретит назвать тебя моей любимой! Просто знай, что я буду служить тебе всегда, не требуя ничего взамен!

– Спасибо тебе, что ты понимаешь меня! – Лэя расчувствовавшись, обняла Зара и поцеловала его в щеку. – Прости, что не могу ответить тебе взаимностью! – Она гладила его мокрую щеку. – Твоя любовь, это твой первый шаг к свободе. Сделай еще второй! Постарайся относиться к окружающим так же, как ты хотел бы, чтобы они относились к тебе. Тебе станет труднее наносить удары, но тогда ты будешь получать гораздо большее удовольствие от побед. Особенно от побед над самим собой!

– Я не понимаю… – смущенно вымолвил Зар.

– Сейчас не надо понимать. Просто запомни. Но я надеюсь, что постепенно, ты сможешь стать свободным. Научись уважать всех вокруг тебя, особенно тех, кто слабее, глупее или имеет меньше власти, чем ты.

– Хорошо, спасибо за теплые слова, моя принцесса! – грустно согласился Зар и, взяв ее за руку, повел к костру.

– Ой, я же светлячка нашла! – вспомнила вдруг Лэя, раскрывая руку и показывая Зару несчастное, забытое и полузадушенное насекомое. Но светлячок не сдавался, и продолжал ярко светить в темноте.

– И правда, светлячок! Не так уж часто их встретишь! – обрадовано воскликнул Зар и крикнул сестре. – Лика, иди сюда! Лэя светлячка нашла!

Лэя была благодарна насекомому, так удачно разрядившему обстановку после сложного выяснения отношений. Лика страшно обрадовалась светлячку. Она еще никогда не видела таких больших светящихся жучков. Рассмотрев своего пленника,

молодежь решила отпустить его на волю, и все вернулись к костру продолжать долгие посиделки.

Когда до рассвета оставалось час – полтора, Лика вдруг встала и, подойдя к Лэе, зашептала ей на ухо:

– Лэечка, милая, только пообещай мне, что не откажешь!

– В чем? – насторожилась Лэя.

– Ну пообещай, а потом я скажу. В этом ничего плохого нет! – клянчила Лика.

– Ну хорошо, обещаю! – начиная догадываться, о чем будет просьба, согласилась Лэя. Естественно, она прекрасно знала, что в эту ночь можно увидеть своего суженного, однако почему-то она опасалась раньше гадать. Но сейчас, после всех событий, случившихся с ней, чего еще ей было бояться? Она сама не очень знала, как проводить гадания, да и было много разных способов ворожбы, но раз рядом нашелся "специалист", то почему бы и не поучаствовать?

– У меня уже все готово! – уже радостно продолжала нашептывать Лика. – Значит, ты согласна?!

– Сначала скажи, на что ты меня подбиваешь? А то мне кажется, что тебе самой страшновато! – смеялась Лэя.

– Ну и так же ясно! Пойдем гадать! – Лика уже вскочила, схватив Лэю за руку, но, вспомнив, обернулась к Зару и предупредила. – А ты, только попробуй подсматривать!

– Дорогая, если я даже и подсмотрел бы за тобой, то у меня есть все-таки совесть, не подсматривать за принцессами, – усмехнулся Зар, покачав головой. – Идите быстрее, а то самое лучшее время упустите!

Лэя не стала сопротивляться и послушно пошла за Ликой налево вдоль берега. Та прихватила толстый смолистый сук, ярко горевший и освещавший им путь. По дороге Лика продолжала инструктаж:

– Такой темной ночи перед звездным рассветом может не быть несколько лет. Мы наверняка должны что-то увидеть, смотри какая тишина стоит! Да еще если ты со своими способностями поможешь!

– Ой, не знаю, хорошо это или нет. Монахи гадание не поощряют! – решила немножко поворчать Лэя.

– Тебе ли попов да монахов бояться?! И потом, им всякие заветы и пророчества делать можно, а нам даже на себя погадать нельзя?! Несправедливо как-то!

– Ладно, чего это я, сторонником своих гонителей сделалась! – смеясь, согласилась, Лэя. – Интересно, получиться у нас что-нибудь или нет?

– Обязательно должно получиться – сейчас все сходится

самым лучшим образом!

Пока они так переговаривались, Лика привела Лэю к намеченному месту.

– Держи! – сказала она Лэе, вручив ей гаснущий сучок. – Нужно скорее зажечь свечи, пока наш факел не потух!

Она достала несколько свечей и стала зажигать одну от другой, втыкая их широким полукругом вокруг одной точки на берегу. Две последние свечи она закрепила на дощечках, зажгла и, зайдя в воду, поставила их на камни слева и справа вперед от центра полукруга находящегося у самой кромки воды.

Лэя зачарованно наблюдала за кругом свечей. Две свечки почти замыкали круг, оставляя на воде темный проход между собой. Они отражались, мерцая в воде и создавая иллюзию полета над зеркальной поверхностью. Лика почему-то шепотом, волнуясь, сказала:

– Брось факел, он будет мешать! Я попробую первой – встану в центр круга и буду читать заговор, а ты стой рядом и мысленно помогай мне увидеть то, что отразиться в воде между тех двух свечей.

Встав лицом к воде, она взяла две зеленые ветви хвойного куста, вытянула вперед руки и стала напевать тихим голосом:

Тихая вода
Звонкая слеза
Отразись как в зеркале
Тайная судьба
Черная вода
Яркая свеча
Милый мой неведомый
Покажись сюда
Звездный свет над водами
Серебристой мглой
Незнакомец суженый
Встань передо мной

Лэя заворожено смотрела, как в мерцающих на воде отблесках света стал вырисовываться какой-то образ. Лика продолжала медленно повторять строки, и они обе вглядывались в изображение. Лэя ощутила, что ее желание рассмотреть этот образ начало усиливать его и насыщать красками, пока, наконец, они не увидели, отражающегося, как в зеркале, молодого, красивого, одетого в парадный придворный мундир сэйла. Лика вскрикнула в радостном удивлении и немного оступилась. По воде побежала легкая рябь, стирая изображение…

Лика бросилась к Лэе в объятия, радостно шепча:

– Какой красавец! Он наверно военный или какой-то

придворный!

– Поздравляю! Как хорошо получилось! Не зря старалась, – поздравляла ее Лэя.

– Это ты помогла. Я даже о таком не слышала, чтобы кто-нибудь так мог суженого увидеть! Теперь твоя очередь! Надо спешить – скоро рассвет! У тебя должно еще лучше получиться, ты старше и тебе не так долго до замужества, как мне.

Лэя почувствовала, как от страха слегка сжалось сердце. Потом подумала, что она изрядная трусиха, раз эта девочка не побоялась, а она… Она взяла ветви из рук Лики и встала на то же место.

– Вытяни руки с ветвями и пытайся разглядеть свое отражение под ногами, а потом, как бы вытягивай его перед собой в полный рост! Это и будет твой суженый. А я буду читать заговор.

Лика начала напевно произносить заклинание. Лэя всматривалась в мерцающее отражение вытянутых рук с ветвями, пытаясь мысленно поймать его и вытянуть в длину. А в голове кружились стихи напеваемые Ликой. Вдруг она почувствовала, как изображение удалось "ухватить", Она стала его "подымать" от себя и оно стало меняться. Оно плыло, пока вдруг не сфокусировалось, показав в полный рост Зара.

Лэино сердце упало: "Неужели она все-таки выйдет за него?" Но изображение потекло дальше, пока опять не сфокусировалось и стало четким…

Лэя озадаченно уставилась на него. Лика тоже остановилась на полуслове, со страхом всматриваясь в воду. На них смотрел какой-то больной и очень странно одетый сэйл или не сэйл вовсе. Неприятное, абсолютно голое, бледное лицо. Можно сказать отвратительные, бесшерстные, искореженные складками круглые уши.

Коренастая фигура. Но маленькие глаза с круглыми зрачками смотрели внимательно и открыто. Этот взгляд чем-то приковывал внимание Лэи. В нем читался ум в сочетании с независимостью, что создавало ощущение внутренней силы. "Это не сэйл!" – поняла Лэя. "Но это и не лонк. Такому взгляду позавидовал бы любой житель Сэйлара. Кто же это тогда?" – мысли лихорадочно метались в голове, пока она внимательно разглядывала неправдоподобно четкое изображение. Сбоку послышался всхлип. Лика, видимо, не могла больше наблюдать это зрелище. Лэя на секунду обернулась, проверить, все ли с той в порядке. Лика, закрыв глаза, плакала то ли от страха, то ли жалея Лэю. Повернувшись обратно, Лэя увидела только черноту озера…

Почему-то Лэя не расстроилась. Видимо, этот взгляд

незнакомца настолько заворожил ее, что она как-то не заметила остального уродства этого… не ведомо кого. Она подошла к Лике, обняла ее за плечи и утешительно сказала:

– Не обращай внимания! Я же ненормальная! Видела, сначала было изображение Зара.

Так что ж мне теперь за двоих сразу замуж идти?! Хороши женихи – один слуга, другой урод! – немного наигранно засмеялась Лэя. Это подействовало, и Лика перестала хныкать. – А теперь, собираем свечки и бежим к Зару, а то прозеваем рассвет! Да, и ни слова брату, а то он размечтается, о чем не нужно! И вообще – никому ни слова!

Они быстренько подобрали свечки и поспешили к костру. Зар встретил их заинтересованно-вопросительным взглядом. Не давая Лике сказать лишнего, Лэя сразу отрапортовала:

– Ну, готовьте приданное! Лике такой кавалер придворный показался, пальчики оближешь!

– Правда?! – обрадовано переспросил Зар, и напряженным голосом спросил. – А кто у тебя?

– Не поверишь! – весело отмахнулась Лэя. – Плохо ведьмой быть! Такая чушь шла!

Изображения все время менялись! Какие-то уроды! В жизни замуж за таких не пошла бы!

– Ну и ну! – только хмыкнул Зар, не зная верить или не верить.- Лика, неужели, правда?

Лика только часто закивала и выдохнула:

– Правда, уроды! Жуть просто! Я даже глаза закрыла от страха!

– Ладно болтать, рассвет не прозевать бы! – прервала обсуждение ее гаданий Лэя.

– Давайте, тогда по кружечке сандры и пойдем на берег, смотреть! – согласился Зар.

Больше в костер дров не подкладывали, чтобы свет не мешал рассмотреть первые признаки звездного рассвета. Через полчаса Зар заметил легкое посветление на восточном горизонте. Лэя разбудила Хлюпа, и они все вышли на кромку берега, встав рядком и затаив дыхание.

На востоке стала видна линия горизонта. Постепенно, небо над ним светлело холодным, чистым, серебристым светом. Но вот раздался общий вздох – на горизонте появилось две тонких ярких белых полоски. Постепенно, они, утолщаясь, слились в середине, образуя форму огромной серебристой птицы.

– Звездный орел! Он вернулся! – счастливо воскликнул Хлюп.

Спустя некоторое время, за большой птицей стало подыматься мощное серебристое сияние, и скоро, вся кромка неба

стала усеяна яркой и густой россыпью звезд. Эти звезды отражались в зеркале воды, удваивая эффект. Вокруг стало светло, как при ранних сумерках. Хлюп бросился всех обнимать от радости и все последовали его примеру.

– К нам вернулись звездные ночи! Теперь будет красиво, однако! – ликовал Хлюп, и все радостно засмеялись такому искреннему выражению чувств.

– А ты чуть все не проспал! – пожурила его Лэя.

– Кто спал?! Я не спал! Я только чуть-чуть прикорнул, однако! А ты сразу – спал! – возмущенно оправдывался Хлюп.

– Смотрите, второй рассвет! – опять привлек общее внимание к небу Зар.

Усыпанная серебром восточная кромка неба стала розоветь, а звезды стали гаснуть.

Наконец, почти все звезды пропали, и появилось оранжевая кромка солнца.

– Ура-а! Вот и солнышко теплое! – восторженно запрыгал Хлюп.

Все с удовольствием подставили лица под ласково-теплый оранжевый свет. На этом и закончилась их самая волшебная ночь в году, но никто не печалился, так как у них был теплый летний день впереди…

ГЛАВА 4. СТРАННЫЕ СНЫ

Лето продолжало свое наступательное шествие по долине. Урожаи грибов и ягод радовали беженцев, а вода в озере становилась все теплее. Так что скучать не приходилось. Всем хватало и дел, и развлечений. Лэя все меньше занималась в библиотеке. Летняя пора звала на природу – луга, леса, озеро и горы манили ее, а мир книг все больше убеждал, что многие тайны так и останутся невыясненными из-за путаницы в головах их авторов. Лэе даже казалось, что, чем больше она пытается читать, тем дальше от истины уводят эти многоэтажные, высокопарные, ни на чем не основанные, рассуждения. Поэтому, она все больше помогала Илаиру и Зару на сенокосе, Лике – по дому, а с Хлюпом занималась сбором грибов и ловлей рыбы. И конечно же, она каждый день плавала в озере. Никогда еще ей не доводилось купаться в таком большом водоеме, и сейчас она наверстывала упущенное, делая далекие заплывы, чем частенько расстраивала Хлюпа и других свидетелей ее безрассудства.

– Вот уж, делать нечего, как только мокнуть в этой воде, однако! Ну чего ты в ней нашла? Там даже рыбы жить не хотят! – бурчал на нее Хлюп, нервничая в очередной раз, когда она возвращалась с заплыва.

– Как, не хотят? – удивленно смеялась Лэя, выходя из воды.

– Я знаю! Там же темно и сыро! Рыбы просто не умеют жить на суше, вот им и приходится сидеть в воде, однако! – развивал свою философию, маленький мыслитель.

– А что ты там делаешь? Никому не понятно!

Нелады Хлюпа с водой было невозможно исправить. Врожденные инстинкты ничем не выкорчуешь! Однако Лэе пришла в голову одна мысль. Она давно мечтала опробовать свои колдовские способности, но это было фактически невозможно в деревне. А сейчас, все окружающие знали об этом, и ничто не мешало ей потренироваться. Ведь это могло оказаться очень полезным в будущем! Она встала по грудь в воде и хитро посмотрела на Хлюпа, сидевшего в аккурат на середине мостков, сохраняя одинаково удаленную дистанцию до левого и правого края. Беспокойство за хозяйку гнало его на берег, но неприязнь к воде заставляла его держаться на безопасном расстоянии от краев деревянного настила.

Пристально смотря на Хлюпа, Лэя, как бы, стала думать за него. Она представила себя Хлюпом и вызвала ощущение желания искупаться. Хлюп, ничего не понимая, заерзал на месте, потом

подошел к самому краю мостков и посмотрел на воду. Лэя, не отпуская взгляда, представила, как Хлюпу хочется прыгнуть в воду и проплыть к ней. Хлюп, набрав в грудь побольше воздуха и, крикнув что-то вроде "Хе-Хе-Хей!", прыгнул с мостков, подняв тучу брызг. Отчаянно молотя по воде руками и ногами, он довольно быстро добрался до Лэи. Она радостно подхватила его под руки и крикнула:

– Получилось!

Видимо, она ненароком ослабила контроль, предавшись собственным мыслям, так как, буквально через мгновение, Хлюп заголосил:

– Ой, Лэя! Тону! – и в панике начал за нее хвататься.

Она засмеялась и опять взяла Хлюпа под контроль, представив, как ему хорошо в воде. Он сразу успокоился и, уже довольный, барахтался, держась за ее руку. Так они, оба счастливые и выбрались на мостки. Только там Лэя окончательно "отпустила" Хлюпа из под своей "опеки". Хлюп вдруг недоуменно и брезгливо посмотрел на свои мокрые руки и ноги, жалобно спросил:

– Это что? – и начал рыдать.

Лэе стало стыдно. Она, бросившись с полотенцем к своему верному другу, стала его успокаивать:

– Прости Хлюп, миленький. Это я, глупая, над тобой пошутила. Думала, ты купаться полюбишь! – Она обнимала и заодно вытирала намокшую густую шерсть Хлюпа. "Да, пожалуй, с такой шерстищей ему сохнуть полдня придется!" – виновато думала Лэя.

– Я что, в воду упал?! Я не помню! – почти в панике спрашивал Хлюп.

– Нет, успокойся! Это я виновата! Я закрыла тебе память, и ты стал купаться – тебе очень нравилось! – пыталась ему объяснить Лэя.

– Но, я не люблю купаться! – хныкал Хлюп.

Лэя поняла, что ничего не сможет толком объяснить расстроенному малышу, и просто сказала:

– В общем, так! Я во всем виновата! Но ты ничего не бойся, я больше никогда тебя в воду не потащу! Хорошо!

– Хорошо! – сразу стал успокаиваться Хлюп. Это ему было легче понять.

Инцидент был улажен, но это заставило Лэю задуматься: "До каких же границ достигают ее способности внушать? Надо попробовать на других, но осторожно, чтобы не травмировать ничью психику".

Следующий опыт она поставила на Лике, когда они ходили за

ягодами. Идя впереди, Лэя заметила одну полянку полную спелых плодов, красневших на маленьких кустиках.

Она постаралась ярко вообразить, что на поляне вообще ничего нет. И действительно, через мгновение поляна зеленела девственной листвой. Идущая позади Лика, так и прошла поляну, ничего не заметив. Лэя повернулась к ней и попросила обернуться и посмотреть, нет ли на поляне ягод. Лика послушно посмотрела за спину, и вопросительно взглянула на Лэю:

– Зачем, спрашиваешь? Не было же ничего!

Лэя сняла с поляны наваждение и кусты снова заалели сочным урожаем.

– А теперь?! – улыбаясь, спросила она.

– Что теперь? – не поняв, переспросила Лика.

– Теперь есть что-нибудь или нет?! – засмеялась Лэя.

Лика послушно обернулась и удивленно ахнула:

– Да как же это? Мы ведь только что прошли это место, и ни одной ягоды не было!

– А теперь есть! – довольно смеялась Лэя.

– Это твои штучки?! – то ли испуганно, то ли обрадовано спросила Лика.

– Да! Конечно! Я же ведьма! Хотя нет, ангел говорил – я волшебница! И верно, я не хочу причинять никому боли и вреда. Я буду волшебницей!

– Погоди, так ты сама эти ягоды наколдовываешь или наоборот, спрятала от меня?

Или просто делаешь так, чтобы мне показалось? – Лика сумела сходу задать правильные вопросы, заставив Лэю хорошенько задуматься.

– Ну, этого я и сама точно не знаю. Помню только, что когда-то сумела внушить Хлюпу и себе, что у меня шикарные грибы, а на самом деле были какие-то поганки.

Сейчас, скорее всего, я тебе тоже внушила, что ничего нет, – рассуждала Лэя, уже не зная, что и думать.

– А ты можешь сделать настоящие ягоды так, чтобы потом их съесть можно было?

– Не знаю! – Лэя вспомнила случай с выдуманными мостками, по которым они с Хлюпом перебрались через поток воды.

Она задумалась, как же отличить, меняет ли она окружающие вещи или просто внушает что-то себе и другим в каждый отдельный момент? Ведь, когда она сожгла монаха, тот сгорел не понарошку! И как самой избегать самовнушения, жертвой которого она легко могла стать? Ягоды могли оказаться хорошей проверкой. В результате спустя час у них с Ликой были две

корзинки, наполненные ягодами с настоящих и придуманных кустов. Чтобы не влиять на чистоту опыта, Лэя пошла в библиотеку, продолжать поиск крупиц знаний в болоте древних и не очень древних измышлений, а Лика отнесла корзинки Зару – на пробу. Тот с удовольствием приложился к деликатесу и вынес только одно суждение:

– Дай еще попробовать, а то что-то не могу отличить! – хитро улыбался брат сестре.

– Ты, давай, не придуривайся, а скажи, какие вкуснее?! – догадалась о хитрости брата Лика.

– Да все вкусные! Только мало! – уже просто клянчил Зар.

– Все! Опыт завершен! – строго прикрикнула на облизывающегося брата Лика. – Значит, ты не видишь никакой разницы в этих корзинках?!

– Нет, конечно! А какая разница должна быть? – удивленно спросил Зар.

– Да никакой, просто они были собраны в разных местах, – наполовину говорила правду, наполовину врала Лика. – Ладно, я их пока до-завтра уберу на холод, а то сейчас других дел полно!

Но, оказалось, что опыт на этом не закончился. Самая большая неожиданность ждала Лику на следующий день, когда она с утра решила заняться ягодами и сварить из них варенье. Зайдя в холодный подвал, где они хранили еду, она обнаружила одну корзину пустой. Это была именно та, в которой были "наколдованный" урожай. Не веря глазам, Лика схватила корзинки и выскочила во двор. Наткнувшись там на Зара, она сразу напустилась на него:

– Ты чего это, все ягоды слопал?!

– Да ты что?! С такого количества только понос заработаешь! Да и больно нужно по погребам лазать, как мальчишка! – даже обиженно воскликнул Зар.

– Правда не ты?! – прищурившись, оценивающе рассматривала брата Лика.

– Да не я! Сколько тебе говорить?! – отмахнулся от нее Зар. – Спроси лучше Хлюпа.

Может он их умял?

Лика побежала в дом и нашла там Хлюпа, возившегося в своей комнате.

– Хлюп! Ты ягод не ел?! – сходу решила выбить признание из него Лика.

– Каких? Этих? – скривился Хлюп, заглянув в корзинки. – Я таких не ем, однако! Я вообще ягод не люблю!

Лика озадаченно вспомнила, что Хлюп не только не любил собирать ягоды, но и ел их с неохотой. Она растерянно пошла к

Лэе в библиотеку. И постучавшись в дверь, совсем расстроенным голосом спросила:

– Лэя, можно тебя побеспокоить?

Услышав расстроенный голос Лики, Лэя сразу отложила пыльные фолианты и подошла к растерянно стоявшей в дверях подружке.

– Что-то случилось? – озабоченно спросила она.

– Да! Смотри! – выдохнула девушка, часто кивая, и протянула две вчерашние корзинки Лэе.

Та озадаченно посмотрела на них и спросила первый же пришедший на ум вопрос:

– Кто-то полакомился?

Лика только отрицательно мотала головой, зажмурив то ли от страха, то ли от удивления глаза. До Лэи стал доходить весь парадокс ситуации.

– Так что же, Зар наелся ягод, которые потом у него в животе пропали? – ужасаясь содеянному, спросила Лэя. Действительно, получалось, что Лэя могла создавать предметы, но они не жили долго и исчезали через некоторое время. Она спросила тревожно. – Но как же Зар? Ему не стало плохо от этого? Где он?

Услышав от Лики, что он на дворе, она быстро спустилась с лестницы и выбежала из дома.

– Зар! – окликнула она Зара и замялась, не зная, как спросить. – Слушай, ты вчера много этих ягод съел?

– Ну, прилично… – протянул он, вспоминая. – А что, нельзя было есть?

– Скажи, только честно – это очень важно! Ты хорошо себя чувствуешь? Ну, там, несварения пищи или боли в животе нету?

– Да нет ничего такого, а что, должно было быть? – прислушиваясь к себе, спросил Зар и вспомнил. – А чего это, Лика с пустой корзинкой прибегала, спрашивала, не я ли все съел?

– Ой, и сама не знаю, как тебе объяснить. Дай мне подумать, а потом я сама все расскажу, – произнесла Лэя и отправилась обратно в библиотеку, мимо, все так же растерянно стоявшей с одной корзиной ягод Лики.

Усевшись на стул, она не стала читать книги, а глубоко задумалась. Пора было делать первые выводы. Первое, что она могла – это внушать окружающим или себе, что они видят что-то другое, вместо того, что было на самом деле. Второе – она действительно могла создавать предметы или явления, но, по-видимому, они были короткоживущие, хотя в их реальности можно было не сомневаться.

Надо было как-то проверить эти выводы, и лучше – проверить на себе. Лэе на глаза попалось яблоко, принесенное Ликой и

лежащее на столе. Тут же пришла идея: надо "навыдумывать" себе еды и питаться до вечера только ею! Если это не настоящая еда, то она быстро проголодается или у нее разболится живот. Она зажмурила глаза и представила себе, что стол сервирован к обеду и на нем разнообразные яства.

Послышался звук чего-то мягко падающего. Открыв глаза, она удовлетворенно кивнула: вместо книг, стол был уставлен посудой из фаянса и тонкого серебра, в которой был полный набор шикарных и разнообразных блюд. Лэя озадаченно вспомнила о книгах. Привстав, она нашла их упавшими за столом. Значит она "выпихнула" книги со стола, когда придумала заполнить его едой. Сев на прежнее место, она придвинула к себе тарелку ароматного супа с дорогими специями и, набравшись смелости, приступила к трапезе…

Лика с Заром удивленно за ней наблюдали, когда сначала она отказалась есть в обед, а потом и ужин, но спрашивать не решались. Хозяйке виднее, и потом, они догадывались по ее таинственному виду, что здесь что-то не так. Еще вечером, Лэя с удовольствием наелась до отвала всяческих магических вкуснятин и чувствовала себя прекрасно, но под утро, она проснулась от сосущей боли в животе. Сначала испугавшись, что теперь заболеет или вообще умрет от своих опытов, Лэя спустя мгновение поняла, что она просто страшно хочет есть. Она метнулась в библиотеку – стол для чтения книг был первозданно пуст. Все стало ясно. К утру вымышленная еда рассосалась, и организм не простил ей такого надувательства. Она, выбежав во двор и умывшись, радостная вернулась на кухню, заморить червячка. Лика уже накрывала на стол, и, видя, как Лэя схватила яблоко, засмеялась:

– Ну что, проголодалась? Не поделишься, что ты там за эксперименты ставила?

– Поделюсь! – шепелявя набитым ртом, охотно согласилась Лэя.

– Ладно, ешь яблоко, за столом расскажешь! Заодно и Зар узнает про твои способности!

За завтраком Лэя рассказала о своих опытах, чем удивила и заинтересовала Зара.

Он подал одну интересную мысль:

– Тебе надо понять, насколько большие объекты ты можешь создавать.

– А и правда, давай пойдем на улицу и я "выдумаю" гору! – обрадовалась Лэя.

– Только подальше от дома! – испугалась Лика.

Через час они стояли на большом лугу и Лэя, закрыв глаза,

представляла себе гору.

Зар только изумленно вскрикнул. Оказывается, он не зарыл глаза и увидел, как прямо перед ними ниоткуда образовалась стена огромной горы. Открыв глаза, Лэя увидела, как луг уперся в крутой гранитный склон. "Нет, не может быть, чтобы я могла "создать" такую громадину! Надо проверить, настоящая это гора или только всем нам кажется!" – подумалось Лэе. Чтобы проверить свою мысль, она попросила Лику не открывать глаз и, взяв ту за руку, подвела к каменной стене. Затем приказала осторожно идти вперед, так и не открывая глаз. "Если гора настоящая, Лика упрется в нее, а если это только мой гипноз, то она не знает о препятствии и пройдет скалу насквозь" – рассуждала Лэя. Лика послушно выполнила просьбу и, осторожно перебирая ногами, прошла насквозь сквозь "гранитную" стену. Лэя звонко засмеялась:

– Это гипноз! Я просто заставила всех поверить, что перед нами гора! – с этими словами она подбежала к горе и сама прошла сквозь нее. Потом "задумалась" на мгновение и гора исчезла. – Как же определить насколько большую гору я могу по-настоящему выдумать?

– А ты начни с маленького холмика, мы его попробуем на прочность, а потом увеличивай его постепенно – так и определим, где границы твоих возможностей! – предложил Зар.

Так они и начали экспериментировать: Лэя "подращивала" холмик, а Зар каждый раз пробегал по нему, пока, наконец, холм не вырос в два роста Зара и он, при очередной пробежке, "утонул" в нем по колено, идя по высоте предыдущего холма.

– Все ясно! – крикнула Лэя Зару. – На большее я не способна!

– Не обязательно! – раздался за спиной голос Лики, с видом судьи рассматривавшей творение Лэи. – Тебе надо попробовать что-нибудь полегче создать!

– Точно! – обрадовалась Лэя. – Давайте, я дерево "сделаю" а вы пробуйте его! – и она тут же представила себе небольшое деревце, которое, однако, было гораздо выше холма.

Лика подбежала к дереву и похлопала его ладошкой:

– Пойдет! Теперь побольше вырасти!

Лэя "стерла" очередное свое творение, "выдумав" на его месте огромное развесистое дерево с дуплом. Однако, оно не прошло испытание на прочность, оказавшись простой галлюцинацией.

– Ну, примерно, мои пределы ясны! – сказала Лэя, но Зар не дал ей передохнуть и пристал со следующим предложением:

– Но это были твердые предметы, а что насчет воды и огня?

– На счет огня, я как-то не сомневаюсь! – Лэю передернуло от мрачного воспоминания.

– И все же, давай проверим, так сказать, в мирных целях?! – Зар нашел изрядную сухую ветку и принес ее Лэе. – Вот, смотри, я положу ее перед тобой, а ты попробуй ее зажечь!

Лэя закрыла глаза и почувствовала треск горящей древесины и тепло пламени. А ее друзья неустанно придумывали все новые опыты. Лика попросила ее "выстрелить" молнией не закрывая глаз, что ей удалось со второй попытки. Потом Зар сказал, что не сомневается, что она может заставить их увидеть какую угодно большую тучу, но сможет ли она изобразить настоящий дождь? Лэя долго мысленно собиралась и, действительно, скоро с неба на них полил довольно сильный и вполне мокрый дождик.

В конце концов, Лэя почувствовала себя опустошенной и взмолилась.

– Ой, вы мои верные слуги! Пощадите свою принцессу, а то я тут сейчас маршировать буду, выполняя ваши приказы, пока не помру! – устало смеялась она.

Лика и Зар смутились, поняв, что загоняли Лэю своими просьбами, и бросились к ней с извинениями и предложениями помощи. Тем не менее, благодаря своим друзьям, она теперь знала о себе гораздо больше, чем раньше. За ужином они, довольные проведенными исследованиями, обсуждали результаты, когда в дом забежали Хлюп с Лином. Они благополучно отсутствовали почти сутки, хулиганя в доме Илаира и его окрестностях, так что не мешали проведению опытов. При виде Хлюпа, Лэю посетила одна проказная идея, но ее она решила припрятать до завтра, невинно спросив Хлюпа, не сходить ли им на следующий день вдвоем за грибами. Очень помогло ее плану то, что никто больше на эту прогулку не увязался.

Назавтра они с Хлюпом возвращались с леса довольные и счастливые. Они набрали много настоящих хороших грибов, и им было весело возвращаться домой с большой добычей. Не доходя немного до дома, Лэя попросила Хлюпа взять и ее корзинку, а сама побежала искупаться, чтобы смыть с себя лесной мусор и пот – в долине стоял разгар теплого лета.

Зар мастерил оглобли для телеги, когда на двор зашел незнакомый мальчик лет семи-восьми с корзинками, полными грибов, и деловито протопал к крыльцу дома. Зар так и остался стоять с открытым от удивления и испуга ртом, не понимая, откуда в долине чужой молодой сэйл.

– Э-э! – только и сумел он оторопело протянуть. На что молодой сэйл по-мальчишески важно ответил:

– Зар, смотри, сколько я грибов нашел!

Зар совсем онемел. Выскочившая на незнакомый голос, Лика

тоже замерла, наткнувшись на неизвестно откуда взявшегося мальчика.

– Чего уставились, однако? – звонким голоском, уже обиженно спросил мальчик, а со стороны озера послышался заливистый смех Лэи.

– Это вам за то, что меня вчера загоняли! – продолжала смеяться, подбежавшая и еще мокрая после купания, Лэя, любуясь разыгравшейся сценой.

– Ты чего смеешься? Кто это? – спросил недоуменно Зар и, вдруг, охнув схватился за живот и покатился со смеху. – Ну ты даешь! Всех провела!

Лика, еще некоторое время, не понимая, смотрела то на смеющегося Зара, то на незнакомого мальчика. Наконец, до нее дошло, и она, опершись на косяк двери, заразительно засмеялась. Так что, уже все трое смеялись без остановки. Только мальчик, недоуменно оглядываясь по сторонам, вдруг бросил корзинки на крыльцо, и с плачем бросился в дом, крикнув:

– Всегда надо мной смеетесь, однако!

Лэя, охнув, помчалась за ним в дом. Лика с Заром последовали за ними и нашли рыдающего Хлюпа в объятиях успокаивающей его Лэи. Всем пришлось приложить немалые усилия, чтобы уговорить Хлюпа, что они смеялись не над ним, а над собой и Лэиной шуткой. Но когда до него дошло, что Лэя на несколько минут "превратила" его в сэйла, то он даже сам запросился еще попробовать, и дать ему посмотреть в зеркало. Это соответствовало далеко идущим планам Лэи, и она обрадовано, заговорщицким тоном предложила ребятам взять Хлюпа, "загримированного" под мальчика-сэйла, и отвести его к дому Илаира.

– Я хочу проверить, действует ли мой гипноз на расстоянии, то есть, увидит ли Илаир Хлюпа или чужого мальчика?

Все заинтригованно засобирались осуществить маленький Лэин проект. Так что, спустя несколько минут, Лика с Заром вели юного сэйла по дорожке к дому Илаира.

Лэя же осталась ожидать результатов эксперимента, поднявшись к себе в библиотеку.

Делегация вернулась где-то через час. Лэя с огорчением увидела из окна второго этажа идущего со всеми Хлюпа в обычном своем виде. "Значит, ничего не получилось!" – расстроено подумала она. Однако, спускаясь вниз, она поняла по галдящим голосам, что все же что-то интересное произошло.

Хлюп первый вошел и накинулся на Лэю:

– Ты чего меня обманула! Лин меня сразу узнал! Так не интересно, однако! – бурчал маленький ворчунишка.

– Подожди Хлюп! – остановила его Лика. – Сам же хихикал, когда тебя Илаир не узнал!

– Подождите! – уже заинтригованно вступила в беседу Лэя. – Давайте, по порядку, и кто-нибудь один!

– Я буду говорить! – сразу ухватила инициативу в свои руки Лика. Зар только хмыкнул, насмехаясь над прыткостью сестры, но ничего не сказал. Бедного Хлюпа, естественно, даже никто не спросил. Так что Лика единолично захватила роль рассказчика. – Ну, подходим мы, значит, к родительскому двору, а там, как раз, папа что-то делает. Вот смеху-то было!

– Да, если бы я на вас не шикнул вовремя, вы бы всю шутку своим смехом испортили! – вставил свой комментарий Зар.

– Ну, подводим мы с серьезными лицами, нового мальчика к папе, познакомиться. А ему чуть худо не сделалось!

– Да, пожалуй, мы тут переборщили! – опять встрял Зар. – Пришлось сразу же говорить, что это Хлюп, а мы все вроде как загипнотизированные тобой.

– Ну, ты все испортил! – надулась на брата Лика. – Теперь сам рассказывай!

– Нет уж, раз вызвалась, то договаривай! – поддержала обидевшуюся девочку Лэя. – А ты Зар, будь добр, дай уж сестре рассказать интересную историю.

– Да там и рассказывать нечего! – сокрушенно сказала Лика. – Папа маму сразу крикнул. Она, конечно, тоже, как Хлюпа увидела, так чуть в обморок не упала от страха. Они же на охране долины совсем помешались.

– Лика! Они же о нас заботятся! – увещевала Лэя подружку.- Нельзя родителей судить! Просто ты не понимаешь, что если один чужой здесь появиться, то за ним, не заметишь, как и десяток придет!

– Так вот, папочка сразу ей и сказал, что это Хлюп, – продолжила Лика.

– Ну и молодцы, и Зар, и Илаир! Заботятся друг о друге!

– Потом, мы зашли в дом. Родители все Хлюпа рассматривали – пытались найти хоть что-то знакомое. А ему это надоело, и он побежал Лина разыскивать, того пугать!

А вернулся с Лином, чуть не зареванный весь! А главное, опять стал выглядеть самим собой!

– Что же случилось? – спросила уже у Хлюпа Лэя.

– Да я побежал Лина искать, – весь расстроенный, Хлюп вспоминал свою неудачу. – Кричу ему: "Лин!" А он мне сразу кричит: "Хлюп!" Я его спрашиваю: "Как ему мой новый вид?" А он ничего не понял, что я сэйлом стал! Глупый какой-то! Я ему говорю, что я сэйл, а он – смеяться!

– Значит, ты изменился обратно, как только ушел от Зара с Ликой! – прервала, готового опять разрыдаться, Хлюпа Лэя. – Ничего, не переживай! Если тебе понравилось, я буду из тебя иногда сэйла делать!

– Ура! – сразу повеселел Хлюп. Лэя хорошо знала своего защитника, и быстро повысила тому настроение. Обняв плюшевого счастливца, она подвела итог эксперимента:

– Получается, что вы несли в себе мой гипноз и, тем самым, заставляли видеть родителей придуманную мною картинку, а как только Хлюп оказался один, он тут же "потерял" свой новый внешний вид. А может, конечно, и время с расстоянием сыграли свою роль. Но, все равно, важно, что гипноз может действовать и без моего присутствия на довольно большом расстоянии.

Теперь Лэя примерно знала свои колдовские возможности, и это придавало ей дополнительные силы и уверенность в себе. Вечером, сидя одна на мостках и смотря на закат на западе, она обдумывала свои достижения. Лэя обратила внимание на далекий силуэт птицы, зависшей в полете над почти зашедшим солнцем. Сегодня днем был небольшой дождик, и по другой стороне озера клубился и полз туман. Фиолетово-лиловые сумерки начинали скрывать ущелья. Одно облако, замешкавшись, и оторвавшись от других туч, осело белой ватой между двумя вершинами.

Лэя смотрела на запад и остро ощутила огромную тайну мира, скрывающуюся за дальними отрогами, в загадочной стране Высоких Горизонтов. Потом взгляд вернулся к птице, парящей на огромной высоте в невероятной дали. Вглядываясь в этот силуэт, она вдруг почувствовала, как от страха по ее спине скатилась струйка холодящего пота. Она стояла, не двигаясь, и никак не могла оторвать взгляд от этого далекого силуэта. Лэя с ужасом представила, каких размеров была эта птица!

Даже если она ошибалась в расстоянии, все равно, размеры этого гиганта не укладывались в голове! Размах крыльев должен был быть, по крайней мере, с пять Лэиных ростов! Значит, та книга не врала о живущих в этой стране чудовищах. Вот оно, одно из чудовищ, перед ней! И неважно, что до него много миль. Она-то знала, что глаза ее не обманывают…

***

Дни пролетали веселой чередой, но ночи частенько мучили Лэю своей безысходностью перед чем-то мрачным,

надвигающимся над всем миром. Она хорошо помнила несколько слов оброненных ангелом Арсеном во время их последней встречи. Девушка пыталась связаться с ним и расспросить об этом, но снами было почти невозможно управлять.

Большинство ночей или просто проходили в безмятежном сне, или мучили ее какими-то непонятными переживаниями.

Наконец, в одну из ночей, ей удалось дозваться до ангела, но увидеть его она не смогла – удалось только переговорить. Лэя сразу похвасталась своими достижениями в колдовском искусстве, за что удостоилась всяческих ангельских похвал. Затем она, как маленькая, стала ему жаловаться на тяжелые сны и тут же вспомнила слова Арсена о беде. Ангел помолчал немного, затем, видимо решившись, сказал:

– Девочка моя, ты еще так молода, что меня мучает совесть вовлекать тебя в эти страшные дела, но, кажется, у нас нет другого выбора…

Лэя почувствовала, что ангел собирается сказать что-то важное и помогла ему:

– Не беспокойся за меня. Я повзрослела за один день и теперь, надеюсь, крепче держу удары судьбы.

– Ты права, излишне оберегая тебя от знаний, я не уважаю твой выбор… Тогда, слушай то, что должна узнать.

– Я вся – внимание! – подбодрила ангела Лэя.

– Ты, несмотря на свою юность, лучшая и может быть единственная надежда на спасение Сэйлара в беде. Первая весть о ней пришла из глубин астрала. Из книги Сэйлара пропали записи. Они обрываются где-то через тридцать лет, если считать с нынешнего времени.

– Прости, Арсен! Я не понимаю. Какая книга? О чем ты? – недоуменно спросила Лэя.

– Это ты меня прости! – ангел вздохнул и продолжил. – Я хотел объяснить понятнее, но, кажется, еще больше запутал тебя. Понимаешь, будущее не предопределено, но все же, его отражение в высших сферах небес читается великими астральными сущностями. Так вот, сюда, в нижний уровень небес до нас дошла весть, что Сэйлар перестал отражать будущее дольше тридцати лет.

– Как это? – спросила Лэя.- Наш мир перестанет существовать?

– Близко к этому, но не совсем. Скорее всего, сама планета останется на месте, но в этот момент, должно что-то случиться, что может сильно изменить судьбу всего мира. Но возможно, по крайней мере, два равноценных решения ситуации. Эти два различных будущих путают картину, то есть будущее становится

абсолютно непредсказуемо, и тогда оно не просматривается.

– Но почему ты решил, что Сэйлар ждет что-то ужасное?

– Ты сама это чувствуешь, но не умеешь пользоваться своими возможностями, чтобы понять это. Ты должна научиться еще одному твоему важному свойству! Отражение будущего остается на всех объектах, живой и неживой природы. Ты можешь его считывать. Это отражение мрачного будущего начало давить на тебя во снах, и поэтому, тебе так тяжело. Сейчас все живое, которое должно прожить дольше тридцати лет начинает отражать свою гибель в одно и то же время. Это не очень страшно, если считывать будущее одного дерева, животного или сэйла, но все вместе они создают резонанс в астрале, который ты чувствуешь.

– Но что же я одна смогу сделать? – в отчаянии воскликнула Лэя.

– Понимаешь, не все так плохо. Поскольку, будущего в масштабах цивилизации вообще не просматривается, значит, еще возможны различные варианты развития.

Если бы гибель была неминуема, книга описывала бы ее точно.

– Но все-таки, чем я могу помочь вам, высшим существам? – уже не так отчаянно спросила Лэя.

– Это еще как посмотреть, кто тут высший! – усмехнулся Арсен. – Ты сейчас, чуть ли не единственная, с такими талантами – всех остальных уничтожила инквизиция. А твои способности могут очень пригодиться. Так что, прошу тебя, научись еще считывать будущее с деревьев, животных, сэйлов. Это не должно оказаться очень трудным для тебя. Возьми за руку сэйла, прикоснись к дереву, или просто смотри и сосредоточься на объекте. Потом закрой глаза и представь картинки будущего или прошлого. Не все ты сможешь увидеть – многие вещи еще не определены, но наиболее вероятные картины ты сможешь считать.

– Но что же я должна сделать кроме этого?

– Не торопись, я тоже всего не знаю! – ангел уже успокаивал рвущуюся на спасение мира девушку. – Как только мы придумаем что-нибудь путное, я первый тебе расскажу.

– Ой, как же там мама с папой?! – вдруг вспомнила Лэя. – А то с ними я тоже несколько дней, как не говорила!

– У них все отлично, скучают только немного, но в отличие от тебя они могут за тобой наблюдать, когда только захотят. Сейчас я их позову!..

Но поговорить с родителями не удалось, так как контакт разорвался, и Лэя провалилась в глубокий сон без сновидений. В тот же день она постаралась научиться видеть будущее и

прошлое, как учил ее ангел. Начала она с деревьев.

Подойдя к одному большому дереву, она обняла его руками и, закрыв глаза, сосредоточилась на его прошлом. Перед глазами проплывали однообразные картинки леса, потом она ясно увидела, как пламя охватывало лес и остатки черных обгорелых стволов. "Это дерево пережило лесной пожар!" – ясно поняла Лэя. Она попыталась заглянуть в будущее и увидела четкую картинку пилы, пилящей дерево в основании, потом топоров обрубающих ветви, каких-то сэйлов снимающих кору. "Это же Илаир!" – вдруг узнала одного она. Многие деревья и даже скала смутно показали поток грязной воды, сметающий все вокруг, но картинка будущей катастрофы была нечеткой и обрывочной.

Поняв, что у нее неплохо получилось смотреть будущее деревьев и скал, усталая Лэя пошла к себе наверх отдохнуть и проспала беспробудно до вечера. Видимо, такое "рассматривание" будущего и прошлого отнимало не меньше сил, чем "создание" предметов. Проснувшись, она увидела по склонившемуся к горизонту солнцу, что время приближается к ужину. "Сколько же она проспала?" – попыталась прикинуть она: "Наверно, часа четыре!" Зато она чувствовала себя бодро и еще, ей страшно хотелось есть. "Я же еще не обедала!" – вспомнила она. Бодро вскочив с кровати, она спорхнула вниз по лестнице и натолкнулась на Лику, накрывающую на стол.

– Ой! Ты проснулась! Здорово! – обрадовалась та Лэе, не прекращая расставлять посуду. – А то мы полдня на цыпочках проходили! Я уже и не знала – будить тебя к ужину или нет? Ты ведь даже не обедала!

– Знаешь, у меня есть одно жутковатое предложение! – Лэя решилась потренироваться в предсказаниях на друзьях. – Как ты смотришь на то, чтобы я почитала ваше прошлое и будущее? Меня ночью ангел Арсен учил это делать. Может и получиться!

– Правда?! – удивилась Лика, приостановившись, и восхищенно посмотрела на Лэю. – Ты можешь заглянуть в будущее?! Так тебе что, и гадать не надо было?

– Я еще не знаю, сумею я заглянуть в будущее или нет. – Лэя задумалась. – Мне кажется, свое будущее я не смогу увидеть. В общем, если найдутся желающие, то я могу вечером попробовать!

– Ой, давай, прямо сейчас! – Лике уже не терпелось узнать про свою судьбу.

– Нет уж! – засмеялась Лэя. – Сначала накорми, а то я тебя с боку начну грызть с голоду!

Потом подошли Зар с Хлюпом, и все дружно помогли Лике накрывать на стол. За ужином Лэя выдала свои намерения и остальным друзьям. Никто не возражал, хотя Хлюп, наверно, так

и не понял сути эксперимента. В конце концов, когда с ужином было покончено, а грязная посуда унесена на кухню, все, как паиньки, уселись на прежние места и вопросительно уставились на Лэю. В глазах приятелей читалось любопытство, смешанное со страхом – все были страшно заинтригованы, но не знали, что и как будет происходить. Лэя, напустив на себя таинственности и важности, низким голосом, медленно произнесла:

– Кто первый не побоится узнать тайны своего будущего?! – и, не удержавшись, прыснула звонким веселым смехом. – Вы так забавно выглядите! Будто я какая-то страшная колдунья!

– Ну, ты не колдунья, но волшебница, да еще и принцесса в придачу! – смущенно парировал Зар. – Так что, вообще-то, есть, чего побаиваться! А как бы тебе было?

Не страшно, если кто-то собрался бы рассказать твою судьбу!

– Да уж! – смутилась Лэя, подумав про себя, что момент-то, и действительно, был серьезный! – Ладно, я начну с Хлюпа. Он мне ближе всего!

И не дав своему верному лонку улизнуть, она протянула руку и ухватила его за мохнатое плечо. Хлюп сразу испуганно притих. Лэя повернувшись к нему, пробормотала, что-то одобряюще-успокоительное, а сама, закрыв глаза, сосредоточилась на мысленных картинках…

В прошлом Хлюпа были хорошо известные видения, и Лэя не стала на них задерживаться, устремившись мысленно в будущее. Ей стало понятно, что Хлюп будет все так же дружить с ней. Потом, вдруг, перед глазами появилась сцена, в которой Хлюпа хватает и несет огромная птица, вроде той, что видела Лэя на закате. Лэя даже немного вскрикнула от неожиданности, но продолжала смотреть дальше. Затем перед глазами появился Хлюп, с раной на боку и Зар склонившийся над ним. Под конец, она увидела его с лонком-женщиной, счастливого и с маленьким детенышем на руках. Тут она рассмеялась и отпустила Хлюпа:

– Ну, Хлюп, надо тебе приданое готовить!

– Как это?! – удивился малыш.

– Будет у тебя возлюбленная, семья и детишки! Поздравляю!

– Жена – это хорошо, однако! А как же ты?! – обрадовался и сразу обеспокоился Хлюп.

– Ой! Не бери в голову! – успокоила его Лэя. – Твоя жена мне не помеха, как-нибудь под одной крышей проживем!

– Все! Следующая я! – крикнула Лика. Спрыгнув со своего стула и ураганом облетев стол, она схватила свободный стул, приставила вплотную к Лэе и плюхнулась на него. Посмотрев строгим взором на брата, как бы предупреждая, чтоб и не думал оспаривать ее очередь, заявила. – Я готова!

Зажмурив глаза, она сидела, боясь лишний раз вздохнуть и ожидая волшебного диагноза. Лэя, вздохнув, посмотрела, как бы извиняясь на Зара. За что получила одобрительно-снисходительную улыбку – что, мол, с сестрой поделаешь! Юная прорицательница не стала оттягивать начало процедуры – повернулась к Лике и положила руки ей на голову, сосредоточившись сразу на видениях будущего.

Одновременно она попробовала задавать про себя вопросы. Сначала перед ее взором проплывали сцены из их жизни в долине. Потом она как бы спросила: выйдет ли та замуж? В ответ прозвучало мысленное "Да", и перед ней появился знакомый молодой красавец сэйл. Картинка была как бы живой. Лэе очень понравился открытый, веселый взгляд этого сэйла. Потом она подумала о детях, и ей пришел ответ-мысль: что-то вроде "много" или "несколько" и тут же появилась изображение, где Лика была вместе с этим сэйлом и двумя маленькими детишками – от всех исходило счастье и благополучие. Дальше в будущее Лэя почему-то постеснялась лесть.

Только спросила: долго ли Лика проживет? Но лучше бы и не спрашивала. Пришедший ответ сначала испугал ее: "тридцать лет", но тут же он сменился на сто лет, а потом информация вообще поплыла. Лэя прекратила сеанс, сняв руки с головы Лики.

Она задумалась: "Вот она, эта цифра в тридцать лет! Значит, есть шанс, что Сэйлар избежит катастрофы и Лика проживет целых сто лет! Из задумчивости ее вывел нетерпеливый тычок в бок.

– Ты что там увидела?! Что-нибудь плохое? – Лика с тревогой всматривалась в Лэино лицо, уже готовая расплакаться.

– Нет! Честно говоря, у меня дух захватило от твоей судьбы! – поспешила успокоить Лику Лэя, улыбнувшись ей так жизнерадостно, насколько это только было возможно. – Помнишь того красавца?!

– Да! – выдохнув только один слог, Лика вся обернулась в полнейшее внимание, боясь пропустить хоть одно слово. Она даже схватила руку своей предсказательницы и прилипла взглядом к Лэиному лицу.

– Ну, так вот! – Лэя многозначительно тянула слова, продолжая улыбаться. – Я его сейчас снова увидела, и смогла его рассмотреть получше. Короче, несмотря на то, что он красавчик и богатенький, я рассмотрела его глаза и могу сказать, что этот взгляд не может принадлежать плохому человеку! Поздравляю! Хороший муж, много деток, и, скорее всего, очень долгая жизнь – лет эдак сто еще проживешь!

Лика так и цвела от счастья. Потом вскочила, бросилась к Лэе

и чуть не задушила ту в объятиях. Лэя подумала, что если даже и сбудется первое пророчество про тридцать лет, то, все равно, некому будет уличить Лэю в неправде. Она, отдохнув немножко в Ликиных объятиях, вопросительно взглянула на Зара. Видно, что он немало волновался, но не хотел показывать своего страха девушкам, и послушно подошел на место своего заклания, сев и обреченно свесив голову. Лэя, вдруг отчетливо поняла, как ему страшно окончательно узнать, что она не выйдет за него замуж.

Но отступать было поздно, и Лэя положила свои руки Зару на голову. Она просто попыталась подсмотреть что-нибудь из его будущего, боясь задавать вопрос про жену или долголетие. Ее сразу захватил водоворот странных гротескных картин.

Сначала вокруг появились какие-то горы из светлого камня с прямыми углами, потом она с ужасом поняла, что эти горы похожи на дома с огромными окнами и дверями внизу. Картинка сразу сменилась на другую: она-Зар садилась в какую-то гладкую, скользкую коробку со странными окнами, и эта коробка несется куда-то со страшной скоростью. Она даже "зажмурилась" от страха. Сцена тут же сменилась на такую, что у Лэи от возмущения все перевернулось внутри: она-Зар сидел на лугу и при свете звезд и двух лун смотрел… на обнаженную Лэю, танцующую танец любви, с которым она была знакома по древним книгам. Только Лэя, задохнувшись от негодования, захотела что-то выкрикнуть, как изображение опять сменилось, и она на миг увидела, как Зар висящий в полнейшей темноте, как бы растворяется и на его месте проявляется тот урод, которого она видела при гаданиях ночью. Потом видение окончательно исчезло. Лэя сняла руки с головы Зара и продолжала сидеть, закрыв глаза.

Она никак не могла понять, был ли хоть какой-то смысл в этих сценах, или она просто начала сходить с ума, перетрудившись с этими предсказаниями. В душе был полный сумбур. Наконец, она почувствовала, что ее руку кто-то взял. Открыв глаза, она увидела Зара, с тревогой смотрящего на нее. Она инстинктивно, слишком резко выдернула свою руку из его, и, увидев искорку боли в его глазах, виновато взяла обратно и погладила его ладонь.

– Ой, и не спрашивай, что я видела! Я, кажется, совсем тронулась! Наверно, перестаралась с опытами! – наигранно засмеялась она. – Ровным счетом ничего не могу сказать! Даже нормальных картинок не было! Все какие-то глупости!

– Ну хоть какие?! – взмолился любопытствующий Зар.

– Какие-то гигантские, как горы дома, такие же огромные деревья. Ничего определенного! – Лэя не могла больше рассказать

ничего Зару. Ну не говорить же ему про свои танцы перед ним и об этом уроде! А самой стало совсем не по себе, какое же будущее ждет их, если эти видения правда? Нет, этого не может быть…

События странного вечера, видимо, настолько вывели ее из себя, что не успев толком уснуть, она уже стояла на знакомой полянке.

– Арсен! Мама! Папа! – она решила не терять ни минуты, и несказанно обрадовалась, почти мгновенно увидев их всех перед собой. Она, без слов, бросилась к маме в объятия, всхлипывая. – Мамочка, я так соскучилась!

– Что-то случилось, доченька? – мамино сердце не обманешь. Она сразу почувствовала, что Лэя расстроена.

– Нет, все уже хорошо! Я просто переволновалась, пытаясь просмотреть будущее Зара!

– И что же ты там разглядела? – заинтересовался Арсен. Лэя, надув в обиде губки, ответила:

– Ну и научил же ты меня! Лучше бы вообще ничего не уметь!

– Ты увидела что-то страшное? – спросил отец, взяв ее руку.

– Не столько страшное, сколько непонятное! – ответила Лэя, укоризненно глядя на ангела.

– Да, я забыл тебя предупредить, что для того чтобы смотреть будущее сэйлов, тебе нужно набраться мужества и приготовиться к разным неожиданностям! Ведь ты, например, можешь увидеть, как твоего клиента назавтра убьют! А тебе решать, говорить ему об этом или нет. Но нужно всегда помнить, что то, что ты видишь, только наиболее очевидная вероятность, и сэйлы, узнав свою судьбу, могут ее изменить!

– Как все сложно! – со вдохом призналась Лэя.

– Нет, не сложно, а еще сложнее! – пошутил Арсен, и продолжил. – Мне, кажется, придется еще больше усложнить твою жизнь. С разрешения твоих родителей, я прошу тебя помочь астралу, то есть небесам, спасти Сэйлар от катастрофы!

Лэя вопросительно посмотрела на отца. Тот кивнул ей утвердительно. Она перевела взгляд на Арсена, подумала немного и твердо, как будто только что не жаловалась на свои слабости, ответила:

– Я согласна. Что мне нужно делать?

– Если бы я сам знал! Но одну вещь я тебя попрошу сделать сейчас. Тебе нужно научиться свободно бывать в астрале – стать его полноправным жителем! Но, не умирая при этом! Нам нужна прямая связь с реалом, то есть миром Сэйлара, а твои визиты слишком редки и связь с тобой нечеткая.

– Но разве возможно жить и на небесах и на Сэйларе одновременно?! – удивилась Лэя.

– Нет, это невозможно! Так мы думали до недавнего времени. Но существуют тайны, которых и мы ангелы не знаем. Как раз сейчас, я должен рассказать тебе такую тайну, разглашение которой будет стоить жизни всей системе Сэйлара. Готова ли ты хранить эту тайну в полном секрете?

– Да, – просто ответила Лэя.

– На одной планете, в другом конце нашей галактики был найден способ проходить свободно из реала в астрал и возвращаться обратно. Этот способ дает возможность непосредственного вмешательства в жизнь реала. На данный момент мы фактически исчерпали все свои ресурсы для спасения мира Сэйлара, и все тщетно. Необходимо прямое вмешательство в развитие нашей цивилизации. И мы (при этом Арсен указал пальцем куда-то вверх) решили попросить помощи у другой цивилизации.

– Ты говоришь непонятными словами, но я согласна помочь! В чем же заключается моя помощь?

– Ты должна научиться полноценно выходить в астрал и возвращаться обратно! И поможет тебе в этом один инопланетянин. Способ выхода должен остаться известен только тебе. Даже я или твои родители не должны об этом знать – это обязательное условие, выставленное той стороной.

– Хорошо! Я согласна!

– Тогда, ты готова встретиться сейчас с этим инопланетным сэйлом, то есть человеком?

– С кем? – Лэя не расслышала странного слова.

– С человеком – так они называют себя, как мы называем себя сэйлами. Только не пугайся, они выглядят немного не так, как мы.

– Да, я готова!

– Подожди немного, я свяжусь с ними, – Арсен замолчал на минуту, как бы прислушиваясь к себе. Потом, кивнув, сказал. – Они идут!

И вот на лужайке появились два странных создания. У Лэи перехватило дыхание – перед ней стоял тот уродливый незнакомец, которого она видела уже дважды. Он посмотрел на Лэю внимательным, слегка любопытным взором, как будто читал в глазах ее душу. Потом вдруг улыбнулся заразительно-веселой улыбкой и сказал:

– Всегда мечтал спасать таких обворожительных красавиц!..

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: ИНОПЛАНЕТЯНИН?

ГЛАВА 5. ДЕЛА АСТРАЛЬНЫЕ

Женька Котов, в просторечье "Кот" и иногда даже "в сапогах", прикрыв глаза в блаженной неге, развалился на уютном диване и вдыхал тонкий аромат кофе. Аромат усилился, и одновременно он услышал легкие шаги. Открыв глаза, он увидел перед своим носом округлившийся животик Таши. А подняв взгляд, встретился с насмешливым выражением серых глаз:

– Ну что, Жека, я уже не кажусь тебе такой привлекательной?! – спросила Таша, заметив его изучающий взгляд и ставя кофейник на стол. Хотя по ее счастливому лицу было никак не заметить, что она сомневается в своей красоте. Женька заподозрил, что ей, как и всякой женщине, приятно было слышать комплименты, и она, непроизвольно, на них напрашивалась.

– Да ты что?! Как ты могла подумать такое?! – он закатил глаза в приступе притворного возмущения. – Ты теперь совсем в другом качестве предстаешь! И знаешь, по-моему, ты только красивее стала! В тебе что-то такое значительное появилось! Ты вот ходишь и, как будто, все время прислушиваешься к себе. Так что, даже мне хочется послушать, есть там кто живой?

– Ну, ты как всегда, горазд на комплименты! – счастливо рассмеялась Таша, затем ойкнула и положила руку на живот, потом схватила Женькину руку и приложила туда же. – Слушай, он толкнул меня!

Женька обалдело держал ладонь на Ташином животе и через мгновение почувствовал под ней легкий толчок. Потом обнаружил, что не может равнодушно держать руку на, хоть и раздавшейся, но все равно, прекрасной Ташиной талии, и поспешно снял свою клешню, восторженно заявив:

– Точно! Кто-то маленький там стучится!

– Опять ты Славку опередил! – вдруг расхохоталась Таша. – В якорь мой первый зашел, с изнанки меня первый услышал, теперь – первый толчок нашего ребенка почувствовал! Видать, судьба у вас со Славой такая – тебе все время первому быть!

– Ну это ты, брось: "везде первый"! Я об этом даже и не мечтаю. Был бы я везде первый!.. – Женька мечтательно облизнулся, как кот на сметану, чем несказанно насмешил Ташу.

– Хорош слюни пускать! Мне вредно так много хохотать! –

Таша уже не на шутку схватилась за свой симпатичный кругленький животик и присела на стул. – Дай хоть кофе попить – ведь остынет!

– Да! Я бы на месте Славки одну тебя не оставлял! И вообще, я себе заведу какую-нибудь жинку пострашнее, чтобы потом спокойно по астралу шляться! А то, с такой красавицей, одни хлопоты – того и смотри, приятели уведут!

– Прошу тебя! Смени пластинку! – уже стонала от смеха Таша. – Учти, мне даже не надо ему на тебя жаловаться! Он в курсе всех твоих холостяцких происков в отношении моего беззащитного женского тела, да еще и в положении!

– Пардон, конечно! Забыл, что вы постоянно на прослушке, извиняюсь! С виду-то ведь и не скажешь! Вполне нормальная женщина! – Женька деланно вздохнул, как бы выражая Таше свое сочувствие.

– Ах ты негодник! Теперь ты сомневаешься в моей нормальности! – опять на него напустилась Таша.

– Все, все, все! Нельзя уже и помечтать! Я от всего сердца, так сказать, а меня уже бить собираются! – Женька решил, что действительно, неплохо бы и ароматного кофе попить, пока он не остыл, и потянулся к кофейнику. Ташка притворно хлопнула его по протянутой руке и сама взялась разливать горячий и ароматный напиток по чашкам. Так что, они успокоились и, наконец, могли нормально поболтать за чашечкой кофе. Он только признался. – Серьезно, извини. Может, действительно, тебе нельзя много смеяться?

– Да ты что?! Когда это смех стал вреден для организма, тем более, для астрального? – удивилась Таша. – Спасибо, что скрасил мне компанию!

– Ну, все-таки, здесь жесткая наведенная реальность и твой "организм" подчиняется правилам мира Отраженного реала, – вспомнил Женька законы этой пирамиды.

– Ерунда! – махнула на это рукой Таша.

Они со Славой уже полгода, как жили в этом мире, твердо решив завести побольше детишек, чем успешно начали заниматься. Но правила этого мира были очень жесткими. Таша не могла покидать его, пока не родит ребенка, да и потом, их отлучки были весьма ограничены. Главное ограничение было в том, чтобы никто не замечал их выходов за пределы пирамиды, и в первую очередь, их собственные дети.

Поэтому, внешне, они сосредоточились на почти стопроцентно реальной жизни в Отраженном реале. Однако, это не мешало Славке разгуливать по астралу – это позволял им делать статус мелкопоместного божества, после их слияния в

одну астральную сущность. Таше было труднее удирать из мира. Как уж они там управлялись, никто точно не знал. Но и она могла как-то покидать этот мир, частично меняясь своей сущностью со Славкой. То есть, получалась вообще сумасшедшая ситуация: Славка, в ее теле, сидел беременный в мире Отраженного реала, а Таша, в это время, как бы будучи в его теле, носилась по астралу, меняя свой вид, как ей вздумается. Для этой операции обмена душами и для выхода из своего мира, они, не без помощи Буля, завели комнатку, в которую входили и занимались там своими хитростями, так что, окружающим, когда они видели Ташу одну, оставалось только догадываться, кто перед ними на самом деле. Тем более что они сами почти всегда отвечали вопросом на вопрос: "А какая разница?".

К своей гордости, Женька почти никогда не спрашивал, кто там скрывается. Он как-то сразу чувствовал разницу. Может быть, потому что, и действительно, не ровно дышал в Ташину сторону? Как бы то ни было, его друзья были счастливы, а значит, и он радовался вместе с ними. Сегодня Славка пропадал с Булем, утрясая одно, совместное, очень интересное дельце в пирамиде Службы Равновесия. Таким мелким сущностям, как Женька, туда ходу не было. Так что он, с удовольствием, решил скрасить Ташин досуг, пока ее ненаглядная половина дефилировала по высшим сферам.

– А что сейчас Федюньчик-то делает? – успокоившись после Женькиных охальничаний, Таша естественно начала любопытствовать про их земные дела.

Женька продолжал расслабленно наслаждаться неторопливой беседой, когда не нужно никуда спешить, и можно посидеть за столом с прекрасной и умной собеседницей.

Таша умела создать уют в доме. Какие-то, простые, но очень гармонично сочетающиеся друг с другом шторы, мебель, обои и даже симпатичные пушистые половички на полу, так и приглашали побыть здесь еще и еще немножко. Если учесть, что к этому добавлялось Ташино, воистину, сверхъестественное обаяние, то можно понять, что выпихать Женьку из этого дома было трудновато, и под силу было только его собственной совести, иногда просыпавшейся в его, в среднем, довольно бессовестной душе. Поэтому, зная свою слабость, он старался не злоупотреблять радушием хозяев, и даже завел себе правило, не появляться у них чаще двух раз в неделю, хотя выполнять этот зарок было трудновато.

– Ты что это? Не уснул случайно? – вывел его Ташин голос из состояния полной релаксации.

– Ой, прости! Тут у вас так хорошо, что я просто выпал из

реальности! А у Федьки все в порядке! Что с его полями сделается?! Представляешь, ему все еще интересно заниматься своими физическими экспериментами! Мне так, эта биохимия с физиологией надоедать начинают. Все, конечно, очень сложно, но не интересно.

Прямо беда – начинаю ходить на работу только за зарплатой, а это первый шаг к полной деградации в науке. С другой стороны, и не было у нас особой науки! Так – сбоку на подхвате. Тестировали чужие препараты – сама знаешь!

– Ну ладно, подумай, в любом случае, ты проживаешь сразу две жизни параллельно: в реале и в астрале! Твоя жизнь в два раза богаче, чем у обычного человека.

– То-то вы со Славкой и с одним телом в реале не управились!

– Тут ты прав, не удержались от соблазна быть все время вместе. К тому же поддерживать тело в реале было бы почти невозможно, когда мы поселились в этом мире. Мы должны присутствовать здесь большую часть времени, чтобы наши дети думали, что этот мир надежен и реален. Это очень важно для их полноценного развития. Иначе, они будут только играть, подменяя настоящие чувства и отношения бесконечными фантазиями. И так-то у нас здесь всякой фантастической всячины для удобства напихано везде.

– Кстати, как вы здесь финансово управляетесь, если не секрет?

Женька спросил об этом, так как знал, что в этом мире нужно было зарабатывать деньги. Он тут был гостем, да еще под Булевым прикрытием, а вот Таша со Славой как-то прожили здесь уже полгода, и, судя по всему, вполне успешно.

– Слава уже первые деньги стал приносить в дом. Добытчик! – хихикнула Таша. – На самом деле, у нас были большие подъемные субсидии – сразу по нескольким статьям.

Первая – как новичкам, вторая – как молодой семье и третья – на первого ребенка.

И это только разовые пособия, а сейчас платят еще прожиточный минимум, а мне – двойной! Так что, Славке еще постараться надо столько заработать!

– Да, в общем, на домик в Альпах и флаер хватило! – подытожил Женька Ташину бухгалтерию.

– Еще как хватило, да еще столько же осталось! – довольно ответила Таша.

– Слушай, Славка там еще неизвестно, сколько проболтается, а я у вас еще нигде и не был, только что из шкафа и обратно лазаю! – Женька имел в виду, что приходя в гости к Славе с

Ташей он появлялся в их чуланчике для путешествий, и дальше их приусадебного участка своего носа пока не совал. – Если тебе не трудно, прокати меня на вашей машинке – мне на таких, еще не доводилось летать!

Его клянченье возымело действие, так как, по-видимому, оно совпало с авантюрными желаниями самой Таши, и она, отодвинув чашку с недопитым кофе, сразу согласилась:

– Классная идея! Полетели! Покажу тебе окрестности! – желание похвастаться так и распирало Ташу изнутри.

Женька решил поухаживать за беременной женщиной и скидал посуду со стола на поднос, отнеся его на кухню. Таша, тем временем, сбегала на второй этаж переодеться, и скоро предстала перед ним в легком спортивном костюме, смешно обтягивающем ее выпирающий вперед животик.

– А тебе живот мешать не будет? – озаботился Женька, бесцеремонно уставившись на ее округлость.

– Ерунда! Полетели! – скомандовала Таша и выбежала на улицу.

Выйдя за ней, он вновь очутился в изумительном по красоте горном ландшафте. С трех сторон альпийский луг ограждали нагромождение горных пиков, хребтов и склонов. Самые высокие из них были убелены снегами. Ярко зеленый луг, на котором стоял дом, постепенно переходил в склон и заканчивался низким кустарником, за которым вдали и где-то внизу, виднелось далекое море. Таша, не мешкая, подбежала к машине, похожей на самолет с маленькими крыльями, и, откинув колпак, крикнула Жене. – Ты долго еще баранов считать будешь?

– Каких баранов? – опомнившись, подбежал он к флаеру.

– Несуществующих! Хотя один, кажется, нашелся! – хихикала Таша, явно намекая Женькину неповоротливость на лужайке. – Все, пристегивайся и полетели!

Таша захлопнула колпак, и, не прогревая двигателей, сразу рванула наискосок вверх.

– Ох! Можно немного поплавней, а то мутит немного! – охнув от неожиданности, пожаловался пассажир.

– Кто тут беременный? – с легким превосходством заметила Таша. – и безжалостно вдавила педаль акселератора в пол.

Женька тут же обнаружил себя крепко вцепившимся в сиденье и, все же, через "не могу", замечающим красоты разворачивающегося пейзажа. Таша заломила лихой круг над лужайкой, и он рассмотрел ее домик, кажущийся игрушечным с такой высоты.

Потом она направила флаер прямо на край луга и они, на бреющем полете, стремительно вылетели над краем пропасти, в

которую обрывалось плато.

– Слушай, а ты водить-то умеешь? – до Женьки вдруг дошло, что Таша может и не знать, как управлять такой штуковиной.

– Не боись! Не уроню! – ответила, довольная произведенным эффектом, Таша. – Я что, зря месяц на курсы вождения ходила!

Они по дуге стали спускаться вдоль зеленых склонов гор к морю. Под ногами появилась кромка прибоя, накатывающего на пляжи и скалы, и Таша стала выруливать на посадочную площадку, ловко расходясь со встречными флаерами.

– Сейчас искупаемся! Вода должна быть теплой! – скомандовала она, весело взглянув на Женькин, зеленоватый вид, и не раздумывая, побежала к воде.

Он поспешил за ней, лихорадочно вспоминая, какие семейные трусы на нем окажутся, когда он снимет свои джинсы. Женька как-то не озаботился о своем купальном наряде, когда входил в пирамиду Отраженного реала, а теперь даже не мог предположить, есть ли что там, под джинсами кроме его белесых телес. Он так и застыл в раскоряк, на пляже, раздумывая: "Снимать иль не снимать?", пока Таша, на ходу скинув одежду, вихрем влетала в воду. Глядя на нее и чувствуя, что вот-вот опозорится перед дамой, он решительным жестом расстегнул молнию на джинсах. "Ура!" – там оказались вполне пристойные, хотя и не совсем купальные трусы. Женька облегченно скинул остальные предметы своего одеяния и последовал за Ташей и другими купальщиками принимать водные процедуры.

Оказалось, что пока они весело барахтались в море, их мобильники, оставленные во флаере все иззвонились, дозываясь своих хозяев. Бултыхающаяся, как заправский тюлень, Таша, наконец, восприняла прямые мысленные призывы Славы и, внезапно встав по грудь в воде, задумалась с видом почти Роденовского мыслителя. Потом кивнула неизвестно кому и, по ее засветившейся улыбке, Женька понял, что это наверняка Славка ей какие-нибудь шуточки транслировал прямо в голову.

Надо сказать, что реальность здесь воспроизводилась настолько жестко, что обмен мыслями между обыкновенными душами был невозможен. Хочешь общаться – звони. Даже с остальным астралом связь была возможна только через мобильник. Конечно, мобильник этот был непростой, но все же, это не то, чтобы мысленно вызвать человека целиком на связь. Да и мобильник можно потерять, разбить или просто забыть в флаере. Тем не менее, это правило Таши со Славой не касалось. Поскольку они были двумя половинками одного астрального существа, то имели постоянный контакт в любом месте.

– Жень! – махнула рукой длинноволосая русалка на сносях. –

Нас уже дома ждут!

Пошли к флаеру!

Прервав купание, как и положено, на самом интересном месте, Женька поплелся на берег. Хотя не известно, какое у купания самое интересное место, но так всегда кажется – только что-нибудь начнешь делать, а тут "Бац!" и на самом интересном месте… и дальше по закону подлости: или начальник вызовет, или телефон прозвонит или, в общем, что угодно, занудное и противное случиться. Почему-то подлые законы жизни имеют нахальное свойство продолжать свое существование даже в астрале. В результате, они с Ташей, мокрые и почти счастливые, мстили своим приятелям, тесно обжимая их в своих холодных и сырых объятиях, при этом сколько-то подсушиваясь сами.

– Эй, чего это ты какой-то обнимательный стал?! – заподозрил Славка Женьку в излишне интенсивном выражении чувств.

– Да ладно тебе! Ну подумаешь, и я с вами сольюсь в экстазе астральной приязни!

Нам душевным ангелам это раз плюнуть! – хохмил Женька, выставив губы трубочкой, закрыв глаза и вытянув шею в сторону Славкиной рожи.

– Ладно, понял. Если фен с полотенцем нужен, дак так бы и сказал, а не лапался здесь, как лягушка-прилипала, – догадался о Женькиных тайных целях Славка.

– Фи, как грубо! – вихляя бедрами и расставляя крылышки своих клешней, как заправская гетера, Женька пошел наверх досушиваться, где и был вознагражден полотенцем, феном и смехом его временного союзника, скрывшегося в душевой.

Булю до всего этого было, как до лампочки – он со сноровистостью хозяина шастал по Ташиным шкафам и выкидывал оттуда все съестное на кухонный стол. "Непонятно, и откуда только такие нахальные ангелы берутся? Хотя, с кем поведешься… Да, неча на зеркало пенять, коли рожа… ну, так себе!" – подумал Женька, мимоходом заглянув в зеркало. Совсем кривой свою единокровную харю просто язык не поворачивался назвать.

– Интересно, Федька подрулит, или у него более важные дела в реале? – спросил Славка, уже отошедший от Женькиных признаний в мокрой любви.

– Так чем там у вас переговоры окончились? – спросил Женька, когда его пустую голову вдруг посетила здравая мысль: "Уж не первые ли это признаки склероза? Там, может быть, решалась наша дальнейшая судьба, а я тут со своими глупыми шуточками пристаю. Судя по количеству накиданной на стол

снеди, у них там что-то получилось. Не стал бы Буль тризну с таким размахом отмечать!" – Экий ты, сначала забывчивый, а теперь уже и нетерпеливый стал! – прогудел Буль из шкафа, в котором пребывала его голова в поисках, чего бы еще такого достать пожрать.

"Вот ведь "бесплотное создание"! Как куда в гости попадет, так и начинает обжираться и упиваться! Конечно, чего его несуществующему здоровью сделается?

Чего это я? Будто у самого здесь здоровье есть?" – таким образом, Женька пришел к выводу, что пора и ему присоединиться к разграблению Ташиного хозяйства: "Да простит сие, действительно, ангельское создание террор настоящих астральных бродяг! Аминь!" К появлению посвежевшей хозяйки дома, стол был накрыт в стиле "а ля холостяцкий разгуляй". Таша со скрытым ужасом "любовалась" надругательством, совершенным Булем над ее продовольственными запасами. Увидев ее удивление, Буль виновато потупил свои зеленые очи.

– Ну и обжоры! – вдруг рассмеялась Таша.

У Женьки отлегло от сердца. То, что он принял за Ташин ужас перед разграблением, оказался ужасом перед физиологическими последствиями употребления этого огромного количества пищи. Хотя Таша все еще мыслила стереотипами, впрочем, как и он. Какая, к ангелам, физиология может быть у ангела?! Сейчас сожрет все, что есть, потом выйдет в астрал, и даже отрыжки у него не будет, не то, что запора или заворота кишок! Да и каких кишок?

– Везет же некоторым! А мне, какой-никакой, а диеты надо придерживаться. Мое раздавшееся боди отсюда нельзя вывозить! – смеялась Таша.

– Сочувствую! – захныкал Женька. – А я, наоборот, вот сейчас объемся, а как в реале проснусь, так опять желудок от голода скрутит.

– Во всем надо находить свои положительные стороны! – ехидно успокаивал нас Буль, а сам уже выбирал первую жертву своего обжорства на столе.

– Кстати, мы так и не заслушали доклад начальника транспортного цеха! – вспомнил Женька древнюю, виденную еще в детстве, репризу Райкина про собрание на ликероводочном заводе.

– Ладно! – согласился Буль, с неохотой отрываясь от аппетитного, истекающего соком, куска копченой курицы. – Тогда предлагаю тост: За новую Службу! Он даже встал и торжественно поднял бокал кверху.

– Значит, удалось?! – утвердительно спросил Женька.

– Удалось! – поддакнул Славка.

– А как там, на втором уровне? – заинтригованно спросил Женька.

– Честно сказать – не очень! – признался Славка, – Пока что непривычно. Бешенные потоки информации, которыми трудно управлять. Такое чувство, что тебя штормит все время. Мысли у этих существ тоже сложные, сразу в несколько параллельных потоков, и ответы такие же, многоплановые. В общем, беседу все-таки вел Буль, и он, надеюсь, донесет до нас суть решения в понятных терминах.

– В общем, нам разрешено создать новую астральную межцивилизационную, межпирамидную и межгалактическую, но пока еще очень маленькую Службу Помощи в Кризисных Ситуациях. Служба будет тайной. Сами понимаете почему. Прикрывать ее деятельность будет внешняя контора психологической помощи душам, которую возглавят Слава с Ташей. У нас будет своя маленькая пирамидка, как мы и планировали. А заказы на крупные дела буду принимать я из верхних уровней астрала. Там я уже пустил такую неопределенную инфу в виде рекламы, что, дескать, есть место, куда можно обратиться в случае чего. Жаль, Федя еще не подошел – было бы неплохо вместе и отметить! Ну да ладно. Вздрогнем, что ли! – закончил свою речь Буль, поднимая бокал.

***

Надо сказать, что идея такой службы родилась сама собой и уже несколько месяцев витала в воздухе, осаждаясь в их умах захватывающими перспективами. Буль все лелеял свои ангельские планы помощи кому ни попадя. А в астрале было, кому помогать. Пообретаясь немного, Женька заметил, что здесь частенько такие внутри- и межпирамидные конфликты закручивались, что только успевай отскакивать, пока тебя не задело! А Буль все твердил о тьме цивилизаций, загубленных просто потому, что не было возможности прямого вмешательства в их жизнь. Эти авантюрные горизонты манили их, как манит котов валериановый куст. Они мяукали и орали друг другу свои планы, которые были и опасны и трудны, но пока что, далеки от осуществления. Так что, до сих пор, Женькина отчаянная смелость легко побеждала разумно-осторожную трусость, и он рвался в бой наравне со всеми.

Пирамиду они планировали создавать на основе своих якорей. Свои якоря они объединили почти сразу, как попали в астрал, не задумываясь над тем, что начинают создавать свой мир. Но когда они снова встретились со Славой и Ташей после памятного месяца астральных репрессий, первое, что предложил Славка – это довести до ума создание своего мира. Об их якорях знало пока что пара родственников да пара ангелов с Санта Клаусом, и о секретности нового мира можно было почти не беспокоиться, тем более что их божество: Слава-Таша установило постоянную защиту вокруг объединенных якорей. Это, их собственное божество обещало установить и поддерживать реальность их мира со второго уровня астрала, и превратить его, хоть и в маленькую, но настоящую пирамиду.

Таше уже приходилось, в основном, сидеть в Отраженном реале, поэтому ребята, по большей части, "работали" со Славой. Это было забавно. Славка со второго уровня брал "под контроль" всю пирамиду и подключался к Женьке с Федькой. Те бродили внизу и представляли, как увязать якоря так, чтобы они представляли собой единый мир. Начать пришлось с разрушения прежних связей-тропинок. Они были слишком близкие.

Легче всего было соединить Женин и Федин якоря, так как они были на пресных водоемах и примерно в одной климатической зоне. Они просто выехали на Федькиной сверхскоростной чудо-лодке и, прогнав километров тридцать, зарулили в русло реки.

Затем, пронеслись еще с десяток километров, петляя по красивейшим пейзажам и широким разливам, и выскочили к Женькиному домику. Славка, тем временем, домалевывал сверху окружающую действительность.

Полюбовавшись на домик, они вернулись к Федьке и, пересев в его бентли-ментли, понеслись к Женьке по асфальтовой дорожке. Через километров сорок, дорога уперлась в парковочную площадку, от которой во все стороны разбегались тропинки.

– Эт-чо такое? – озадаченно уставился Федька на тупик.

До их голов донеслась мысль "сверху": "Кот в сапогах оставил у себя установку – никаких асфальтовых дорог! Так что, сами разбирайтесь – дальше только триста метров бывшей тропинки!" "Отлично!" – ответил Женька. – "Мы пойдем, проверим!" "Валяйте!" – то ли послышалось, то ли помыслилось высочайшее разрешение.

Пробежав по тропинке, они вышли к дому, посмотрели на вечно плодоносящие бананы и вернулись к машине. Дальше Федька взял дело в свои руки, погнав машину обратно.

На полпути он свернул на откуда-то взявшуюся свертку и

вырулил на рампу эстакады прямого, как стрела автобана. Там он припустил под пару сотен километров в час, а впереди стали быстро приближаться горы. Сверху раздалось хихиканье и божественный комментарий: "Таша хотела добавить горных пейзажей, и я заодно "приподнял" ваши якоря над уровнем моря, так как у вас климат несколько прохладнее, а у нас, на море, теплее. Поэтому рекомендую снизить скорость до ста двадцати или хотя бы до ста пятидесяти!" – Это почему?! – возмущенно спросил Федька, но ногу с газа снял. И вовремя сделал, так как они вплотную подлетели к горам, и дорога, плавно изгибаясь, стала пронизывать скалы туннелями, вылетая над пропастями на эстакадах. Они закладывали лихую дугу, по-видимому, снижаясь к уровню моря. В их буйных на фантазию головах раздалось: "Советую притормозить, а то проскочите интересное зрелище!" Федька вовремя среагировал и начал притормаживать. С очередного виража вдоль отвесной гранитной стены, они выскочили к обзорной площадке. Хорошо, что Федька держал ногу на тормозе, а то пришлось бы их отскребывать от скал где-нибудь несколькими сотнями метров ниже. А так, они только чуть не выбили лбами лобовое стекло, когда Федька судорожно ударил по педалям…

Машина, заглохнув, успокоилась на площадке, нависшей над трехсотметровой пропастью. Но не это было причиной их шока. Под ними плескалось безбрежное лазурно-изумрудное море, но и его они почти не замечали, так как дальше по склону перед ними открывался вид на медленно падающий могучий поток воды, окруженный ореолом брызг. Картина была просто мистическая. Женька, сначала, никак не мог понять, почему вода падает так медленно. Потом вдруг в голове прояснилось – перспектива! Водопад был просто гигантский! Широченная, метров в двести – триста, река выкатывалась на отвесную стену черной скалы, обрывающуюся прямо в море. Высота водопада была больше четырехсот метров. Так что, при таких масштабах, казалось, что вода летит вниз, как в замедленной съемке. Туман брызг относило чуть-чуть в сторону и, на фоне черных скал, на нем ярко сверкала радуга.

Довершала сказочную картину зелень кустарников и деревьев, местами угнездившихся в скалах и сплошной массой растущих наверху и у подножья водопада. Они вышли из машины и, наверно, с полчаса, молча, наблюдали за этим, нереально красивым пейзажем, слушая мощный далекий рокот встречающихся двух водных стихий: пресной и соленой.

"Ну как, удался пейзажик?" – раздалось довольное замечание в голове. "Более чем!" – мысленно ответил Женька и получил

объяснение: "Я когда приподнял относительно моря, местность с вашими бывшими якорями, то реку надо было куда-то девать. Так как она, по вашим требованиям, была судоходной, и ее нельзя было постепенно снижать по порогам, то пришлось резко ее обрушивать в море. Так вот и совместил, приятное с полезным! Кстати, советую и на море посмотреть под ногами!" Женька перегнулся через перила и взглянул в другую от водопада сторону. Было видно, как дорога, прилепившись к скале и изогнувшись серпантином, петляла под ними, опускаясь к уровню моря. Под ногами была видна кромка прибоя и светлые ярко изумрудные коралловые отмели. Дорога вела в маленькую гавань, в которой стояли несколько небольших скоростных судов и яхт.

"Из этой гавани на скоростной лодке в тихую погоду, вы за полчаса достигните нашего острова!" – услышал он комментарий "сверху".

"Хорошо, но долго!" – ответили они с Федькой почти хором.

"Тогда летайте!" – ехидно посоветовало неверующее божество.

"Да! Самолетами Аэрофлота! Ты еще и взлетные полосы организуй и сами самолеты!" – начал насмехаться Женька, но получил ответ быстрее, чем съехидничал:

"Уже!"

"Что уже?!" – не понял он.

"Маленькие площадки для флаеров и сами флаеры на них!" – Женька ошеломлено молчал на эти слова, то есть мысли: "Что тут возразишь Великому и Ужасному!

Придется учиться летать"…

***

…– Жень! Ты не уснул часом? Может, перекупался? – голос Славы вывел его из розовых воспоминаний сотворения мира к действительности беседы в гостях у Таши.

Их мелкопоместное божество видимо, о чем-то спрашивало Женьку, а тот так предался мечтам, что выпал из хода беседы.

– Ой! Извините, я что-то призадумался. Так, на чем мы там остановились? – с невозмутимостью старого профессора, пришедшего на лекцию в домашних тапочках, спросил Женька.

– Остановились на твоем отсутствующем сознании! – не очень довольно прокомментировал Славка и, видимо, повторил вопрос. – А кто будет главным исполнителем операций?

Все выжидающе посмотрели на Женьку. Он как-то сразу

вспомнил, что никогда не набивался в герои и тихонько спросил:

– А бить больно будут?

– Бить будут аккуратно, но сильно! – процитировал Папанова ангел.

"Откуда только успел ознакомиться с творчеством великого Гайдая? Ах да! Великий режиссер ведь тоже давно уже где-то здесь живет!" – подумалось Женьке.

Заваливать их грандиозное начинание очень не хотелось, и он понимал, что других кандидатур кроме Федьки и его на эту почетную, но очень хлопотную должность попросту нет. Изобразив упавшее и размазанное по полу лицо, он согласился не менее упавшим голосом:

– Хорошо, понимая возложенные на меня надежды, я согласен разгребать г… ну, в общем – что придется. А вы, мои дорогие друзья, принимайте за меня лавры и почести от благодарных клиентов!

– Ладно, лавры и сам примешь, а вот твою безопасность сверху и снизу мы обеспечивать будем! – подтвердил Буль. – Ну, ты же сам знаешь, у нас нет других ходоков в реал и обратно, кроме тебя с Федькой!

– Хорошо! Спасибо, что вам стало стыдно! Мне этого достаточно, – с видом коммуниста на расстреле, Женька гордо задрал голову и смахнул, скупую мужскую слезу.

Как ни странно, никто не съязвил на счет его трагической судьбы, и он даже испугался, что все приняли всерьез его увещевания. Женька, сменив театральную позу, озадаченно уставился на друзей. Все виновато прятали глаза.

– Да вы что?! Серьезно подумали, что я отдам кому-нибудь такую развлекуху?! – оторопело спросил он.

– Но мы понимаем, что твоя деятельность будет связана с немалым риском, – извиняющимся тоном проговорила Таша.

– Знаешь, появившись на свет, всегда рискуешь когда-нибудь помереть! – небрежно по-философски ответил Женька. – Давайте лучше дела обсуждать, чем попусту с кислыми минами сидеть!

– Хорошо! – ответил Буль и заметил. – А вы знаете, что это будет первая не ангельская служба, а душевая!

– Какая-какая? – переспросила Таша.

– Ну, – он запнулся и исправился, – Душная!

– Чего?! – тут уже Женьке стало смешно от такого склонения русского языка. – Ты еще скажи душевная или душистая!

– Слушайте, а ведь любое слово классно подходит! – хохотала Таша и повторила каждый вариант прислушиваясь к звучанию: Душевая служба – Душная служба – Душевная служба – Душистая… Просто класс! Хоть как называй!

Так и родилась их Душевная Служба Помощи. Женька только надеялся, что при таком милом, названии, их служба все-таки будет хоть немножко "и опасна и трудна", как пелось в одном старинном сериале про ментов.

***

Женька развалился в кресле личного кабинета в их, пока еще новом офисе такой же новой душевной службы. Даже ноги закинул на стол. Не хватало еще только плевать в потолок. Комната была обставлена "с иголочки". Диван, кресла, компы, аудио-видео и всякая такая лабуда – все по высшему разряду. Из окна во всю стену открывался прекрасный вид на центр города. Только вот хозяин кабинета подкачал – полный лох в стиле старорежимного советско-пролетарского руководства: в потолок плевать умеет, а вот чего-нибудь еще – это навряд ли. Ну да ладно – будущее покажет, сгодится он на что, или нет.

Офис располагался в центральном районе самого большого города, расположенного на русских равнинах Отраженного реала: Новом Китеже. На целых сто тысяч жителей!

Интересно, что народ в этом мире не хотел селиться в городах – монстрах, и Москва, например, представляла собой небольшой городок, населенный только отъявленными патриотами. Большинство населения предпочитало жить, как Таша со Славой, где-нибудь на лоне природы, подтягиваясь в города на работу или для развлечений (что часто было одним и тем же) на каком-нибудь быстроходном транспорте.

Поступившись чувством реальности перед практичностью, "высшие силы" понаустанавливали "телепортационных" станций через каждые пятьсот километров для мгновенного перемещения граждан по миру. Там же можно было и покидать мир, и входить в него из астрала. Таких личных чуланчиков для выхода в астрал, как у Таши со Славой, почти ни у кого не было. За это Славка, да и все остальные должны были благодарить Буля. Хотя теперь, второй их личный "портал" располагался в этой конторе на вполне легальных основаниях.

Между такими "телепортирующими" порталами народ ездил на машинах и летал на флаерах. Здесь, тоже пришлось немного поступиться реальностью "изобретя" способ ослабления гравитации в этих маленьких, почти бескрылых, летающих машинках. Если честно, Женьке до ужаса нравился этот мир

именно тем, что он сохранял чувство стопроцентной реальности, обзаведшись только некоторыми техническими "усовершенствованиями", значительно повышающими качество жизни.

Наконец, насладившись полным бездельем в своем личном кабинете и окончательно прочувствовав свой начальственный дебилизм, Женька решил заглянуть в местный интернет. Снял ноги со стола, сдул пыль с клавиатуры компа, который собственно и состоял, что из клавиатуры и тонкой пластинки экрана, и ткнул пальцем в кнопку, по-видимому, долженствующую запускать оный агрегат. Он угадал. Экран сразу засветился стандартными обоями и парой иконок для чайников. Пока он раздумывал, с какой иконки начать, комп сам включил браузер, сильно смахивающий на реальные аналоги. Читая строчки новостей и рекламы, Женька натолкнулся на сводку финансовых событий.

Кликнув на нее, он понял, что, все равно, не разбирается в банковских и биржевых операциях. Но вот само наличие денежной системы сильно его забавляло. Ведь столько ее костили и коммунисты и религия, что де да мол, деньги – зло, и бесами придуманы. А без них жизнь становилась скучной даже здесь, в астрале. Конечно, деньги не ангелы придумали. Когда здесь появились души и начали ваять астрал под себя, они привнесли сюда и денежное обращение. Все прекрасные утопии, основанные без участия этого "желтого дьявола", довольно быстро начинали или чахнуть, или принимали денежную систему в той или иной форме, хотя бы простого товарообмена.

Оказалось, что деньги что-то вроде крови в сосудах человека. Они – универсальное мерило способностей и достижений. Они привносят дух соревнования и риска в жизнь, без которых она превращается в болото. И именно в мире Отраженного реала был найден тот баланс "государственной" помощи и свободного бизнеса, при котором всем участвующим сторонам было интересно, но и не "смертельно" обидно, в случае проигрыша. Женька даже размечтался, а не будет ли и на Земле в будущем так же хорошо, как и здесь?

Да, деньги оказались нужны, причем не только внутри пирамид, но и во взаимоотношениях между ними. Пришлось даже ангелам завести общий астральный банк пирамиды Земли. Правда, деньги там были чисто виртуальные, но они связывали курсы валют разных пирамид. При этом, всякая душа, попадающая в астрал первый раз, снабжалась ангелами стартовой суммой на карманные расходы, которую ребята всегда находили в кармане, когда впервые знакомились с бесконечными мирами

пирамид астрала. Вообще межпирамидные деньги представляли из себя, что-то вроде ангельского энергетическо-информационного потенциала, который душа могла использовать.

Женька поймал себя на мысли: "Нужно было в астрал выбираться, чтобы и здесь штаны просиживать за компом?! Вот уж фигушки!" Он аж подпрыгнул от обиды и выбежал в коридор, нацелившись на их внешние апартаменты. Надо сказать, что они, как и всякая уважающая себя тайная служба, работали под миловидным прикрытием Славкиной психологической помощи, которая носила то же самое название – Душевная Служба Помощи (сокращенно ДСП – что-то вроде древесно-стружечной плиты). Поэтому никто не догадывался, что слово "Служба" в данном случае может означать службу, равную пирамидам основных ангельских служб.

Оказалось, что и в астрале души зачастую нуждались в поддержке или подсказке.

Буль снабдил Славку несколькими маленькими ангельскими сущностями для выполнения роли клерков. Они были поумнее обычных животных, но все же уступали тому же Санта-Клаусову Рудольфу. Главная их функция была радушно принимать клиентов и расспрашивать по программе об их делах. Одновременно они отслеживали психический фон, и если он начинал зашкаливать в минус, то клиента препроваживали под ясны очи их "божественного" психотерапевта Славки.

Женька вылетел из их тайного "заднего" отделения в Славкины апартаменты и направился к нему в кабинет. На Женькино счастье, от Славки, как раз выходила одна симпатичная молодая особа. Надо сказать, многие дамы, естественно, немного "подправляли" свою внешность, перед поселением в этом мире. Женька, недолго думая, воспользовался случаем, и прошмыгнул в приоткрытую дверь.

– Славка, спасай! – проорал он испуганно. – Ты не представляешь! Мне стало скучно в астрале! Это симптом! Ты вот только не знаешь чего?!

– Да-а батенька, зажрались, так сказать! Скучно Вам стало?! – Славка ехидно улыбался. – А ты не из кабинета своего часом, гражданин начальничек?

– Из кабинета. А что? – не понимая, спросил Женька.

– Ну, тогда у тебя здоровая аллергическая реакция нормального человека на кабинетную жизнь.

– Какая такая реакция? – тупил Женька дальше.

– Ты подвергся влиянию безделья в замкнутом пространстве! Выйди на улицу!

Посмотри вокруг! Перед тобой огромный мир! Катись, хоть налево, хоть направо!

Слетай к Таше в гости, расскажи ей пару анекдотов! Не нравиться этот мир, иди, развивай нашу пирамиду – я подсоблю. Не хочешь это, селись в любом из сумасшедших миров на выбор и пытайся там выжить! Короче, не лезь ко мне со своей дурью, и не мешай серьезными делами заниматься!

Да! Умел Славка терапию проводить. Эдакого пинка выдал Женькиной хандре, что он сам с удивлением думал: "И чего это я так раскис?" Его проблема, наверно, была в том, что он сразу размечтался поучаствовать в чем-нибудь грандиозном, а пока что,

"работы" не было. Потому-то Женька и чувствовал себя эдаким липовым мультяшным агентом.

ГЛАВА 6. ДЕЛА ЗЕМНЫЕ

"Хорошо, конечно, витать в небесах, да не всегда после этого мягкая посадка бывает!" – думал Женька, растирая затекшие мышцы своего несчастного тела, после очередного возвращения "оттуда". Было раннее утро и его тело, с одной стороны хорошо выспалось, а с другой, ныло от неподвижного лежания всю ночь. Спасибо Федьке – они с ним на пару скумекали механизм, временами слегка наклоняющий кровать в разные стороны, за счет чего, их тела, пребывая в отключке, чуток меняли положение, тем самым, заставляя кровь циркулировать по телу. Им бы настоящие массажерные кровати были нужны, да где их достанешь, и за какие деньги?

Так что пока они обходились своими самоделками – все лучше, чем ничего. Женька почти каждую ночь выходил в астрал, а днем выполнял реальные обязанности, ходя на работу, в магазин, чем-то питаясь и опять удирая в астрал вечером. В общем, как заметила Таша, жил двумя жизнями одновременно.

Единственным, полностью понимающим его человеком в реале был Федя. Хотя тот все же больше уделял времени реальной работе и развлечениям. Что наверно и правильно – астральными-то делами они всегда успеют назаниматься, когда придет их час. Но Женька не мог уже адекватно воспринимать реал. Астрал манил его своим, бесконечным разнообразием и необузданностью фантазий его жителей и творцов.

Однажды, вернувшись с работы в свою пустую холостяцкую квартиру, он вдруг отчетливо понял, что больше не может ходить на скучную работу. Просто не может видеть эти бесконечные анализы и мучительство животных, которое, по большой ошибке называли наукой. В расстроенных чувствах он набрал Федькин номер и стал изливать тому душу:

– Карабас, спасай! Совсем тошно стало на работе. Что бы такое придумать, чтоб поменьше работать да побольше денег получать?! – задал Женька извечный вопрос.

– А ты клад найди и живи себе, как хочется! – пошутил Федька.

Посреди разговора повисла тишина. Только в трубке были слышны какие-то шорохи и попискивание. Наконец Женька справился с удивлением и сказал:

– А это мысль! Как ты догадался?

– Да я пошутил просто! – стал почему-то оправдываться Федька.

– Ты хоть понимаешь, что ты придумал? – уже орал Женька в трубку. – Да мы же будем первые астральные кладоискатели! – и тут же прикусил язык. – Все! Не по телефону! Я к тебе или ты ко мне?!

– Ты че, окончательно с катушек съехал? – озадачено спросил Федька.

– Точно, съехал, – признал Женька свою глупость. – Тогда встречаемся "наверху" у меня на даче через часик! Я еще должен свое тело привести в порядок и накормить.

Он усмехнулся про себя: "Что-то мы совсем к нашим телам стали относиться, как к машинам – "надо помыть", "надо заправить едой", "надо прогонять на стенде физической нагрузки"! Все-таки нормальными жителями реала мы больше не являемся!" – Ну, тогда и я тем же займусь! До встречи! – попрощался Федька.

Женька, уже в приподнятом настроении, рванул по квартире, с целью приготовить и поесть, принял душ и даже немного покачался на купленном недавно тренажере.

Наконец, приняв лекарство и надев электроды на голову, он лег, повернувшись немного на бок, чтобы не задохнуться ненароком.

Думы о безопасности тела были прерваны его перемещением на изнанку мира, а оттуда, не задерживаясь, в их тайную пирамиду на уже до боли знакомую и родную лужайку, окруженную елово-пальмовым лесом. Женька не стал ничего здесь менять: тот же дом, та же банька, и маленькая лодочка. Только в кустах, за баней Федька припрятал быстроходный глиссер на случай дальней и быстрой водной прогулки.

Фактически, эта поляна стала их родильным домом в астрале, не считая, конечно, пирамиды Рождества. Здесь они впервые ощутили себя жителями астрала и научились в нем жить. Поэтому это место и оставалось неприкосновенным. И все друзья приходили по первому зову Женьки, будучи неспособными отказать себе в удовольствии побывать здесь лишний раз. Лужайка Женькиного якоря стала для друзей, как бы заменой даче Славкиных родителей на Земле, связывая их общими, самыми ранними воспоминаниями.

Сидя на своем любимом месте (кстати, придуманном Ташей) в плетеном кресле, в тени большущих берез, Женя наблюдал за медленно плывущей вдоль берега водой, которая несла мелкие травинки мимо островков зеленых листьев, увенчанных белыми цветами водяных лилий. Федя не заставил себя долго ждать и появился прямо на полянке в пижонском костюме миллионера на сафари.

– Ты все шикуешь? – усмехнулся Женька.

– А чего не пошиковать, если такой случай представляется! – весело парировал Федька.

– Верно, а у меня, наоборот, проблемы – как бы совсем не забыть одеться!

Запросто можно перед дамами в голом виде предстать.

– Да брось ты! – насмехался Федька. – Сам знаешь, что здесь, кто как хочет, так и представляется – хоть лицо, хоть пол каждый день меняй!

– А вот не скажи! Ведь почти никто не меняет без нужды, хоть и можно. А знаешь почему?

– Ну?

– Подумай сам: в последнее время ты почти не напрягаешься, что одеть и как выглядеть. Ведь верно?

– Ну, положим, – озадаченно согласился Федька.

– Вот и я, не напрягаясь, выгляжу, как охламон, в драных спортивках и мятой рубахе с вороньим гнездом на голове. Это наиудобнейший вид для меня. Понимаешь, несмотря на возможность менять свой вид до бесконечности, в конце концов, мы выглядим в астрале именно такими, какие мы есть! То есть, какими хочет видеть себя наша душа – усредненным оптимальным реальным образом. Поэтому-то здесь и нет засилья голливудских красавцев и красоток – слишком тяжело маску носить.

Получается, что в астрале даже труднее скрыть свою суть, чем в реале, где можно пластику и макияж какой угодно навести.

– Вот не подумал! А ведь верно, я, значит, таким павлином на поверку оказался! – Федька изумленно себя оглядел. – Все время в каких-то новых прикидах!

Было видно, что Федька сильно смутился и был готов разочароваться в себе, как в мужчине, и Женьке тут же пришлось поспешить к нему на помощь:

– Нет Федь, ты не совсем понял мою идею. Твое самовыражение в постоянно меняющейся стильной одежде, машинам, дизайну и интерьерам дома, как раз говорит о твоем колоссальном творческом потенциале и чувстве твоего модернового вкуса. Я вообще думаю, в тебе погиб на Земле хороший модельер или дизайнер.

– Зато неплохой физик родился! – уже воодушевленней отшутился Федька.

– А вообще-то это не противоречит одно другому, – заметил Женька. – Это просто другая сторона того же таланта.

– Ну спасибо! Я уж думал, что из меня совсем никчемный мужик, а оказывается, это просто талант такой! – в конце концов,

Федька напыжился от удовольствия, как индюк.

Женьке только и оставалось, что скрывать свой смех. Лучший друг, вел себя, как ребенок, хвастаясь и принимая за чистую монету все Женькины похвалы. Но с другой стороны, перед кем еще Федьке так расслабиться и непринужденно себя вести? Ведь он сам же только что, плакался приятелю насчет тяжелой судьбины и получил блестящий совет! Кстати, насчет совета:

– Барабас! Так что, насчет кладов?! Пошустрим?

– Слушай, вот уж посмеялся, называется! Думал, просто шучу! – Федька удивлялся сам себе. – Теперь у самого руки чешутся, чего-нибудь такого найти!

– Тогда давай, какой-никакой план действий разрабатывать! Я думаю начать с поисков в астрале. Вот только как?

– Спросим у Буля, он-то своей ангельской головой получше соображает, где найти необходимую информацию.

На том и порешили, начав вызывать Буля в гости. Ангел, видимо, был занят какими-то делами, и приятели услышали только быстрый мысленный ответ: "Сейчас занят, буду через десять минут!" – Ну и ладненько. Давай-ка лучше подумаем, что и где мы будем искать? – предложил Федька.

– Я думаю, на первой, нам надо просто обеспечить свое скромное материальное положение на несколько лет жизни в реале. Так что это не должно быть что-то грандиозное.

– Грандиозное не подходит еще и по другим причинам – нам нельзя привлекать к себе лишнее внимание!

– Особенно всяких рэкетиров и бандюганов!

– А в первую очередь, спецслужб и инспекций!

– Не вижу разницы, – с видом знатока пожал плечами Женька. Ему давал право так судить собственный опыт агента аналогичной службы, хотя и астральной.

– Ладно. Понятно, что клад должен быть небольшой, желательно денежный, имеющий, так сказать, нумизматическую ценность, и желательно в нашем городе.

– Правильно, как раз в нашем городе ничего грандиозного скорее всего и не найдется! Я думаю, надо делать ставку на послереволюционное время. Тогда более обеспеченные граждане пытались прятать сбережения, а их, несчастных, бравые и вооруженные пролетарии отправляли сюда досрочно – а вместе с ними, и знания о припрятанных ценностях.

– Слушай, я уже чувствую себя кем-то вроде Кисы или Остапа, обкрадывающего не очень бедных обывателей! – рассмеялся Федька.

– Да хороша парочка! Кто только из нас Киса, а кто Остап Бендер? – спросил Женька.

– Догадайся с трех раз?! – хитро глянул приятель.

– Чего уж тут догадываться? И так ясно: я, если только на Кису и потяну, – вздохнул Женька.

Пока они так болтали, появился Буль и сразу возмутился:

– Это как это вы ангела встречаете?! Даже пива на столе нет?! Я все дела бросаю, лечу на крыльях к своим подопечным, а тут… Вот щас развернусь и уйду!

– Остынь! – небрежно бросил ему Федька.

– Раскомандовался, понимаешь ли! Где ты тут подопечных нашел?! – вторил ему Женька, и Буль был вознагражден общим ржанием. Ангел как-то сник, понурив невидимые крылья и, плюхнувшись на кресло рядом с друзьями, сказал убитым голосом:

– Совсем ангелы девальвировались! Нет к нам никакого уважения!

– Ладно, не плачь! На, тебе твое пиво! – Женька вытащил из-под стола пару банок этого напитка алкавшему ангелу. – И кончай придуриваться, мы к тебе с серьезным делом.

– И с каким же, если не секрет?

– Какие секреты могут быть от ангелов! Мы клады собрались искать!

– Что?! – тут уже настал Булев черед ржать над приятелями. – Кладоискателями решили стать, значит?!

– А что, классное занятьице! Тем более, Женька решил с работы линять. Ему совсем, понимаешь ли, невмоготу животных мучить! – прокомментировал Федька Женькино заявление о кладоискательстве.

– Но это же нечестно! – продолжал хихикать ангел. – Решили здесь подсмотреть, где клады зарыты, а там – только раскапывай!

– Ну и что? Мы же ни у кого не отбираем. Эти клады так и пропадут втуне, если мы их на свет божий не вытащим. А нам много и не надо. Главное, обеспечить себе тихое-мирное существование, чтобы не отвлекаться на реальные будничные дела.

– А что, в этом есть резон! – задумался о чем-то своем Буль. "Вот-вот, всегда он о чем-то своем ангельском думает. Свои мыслишки-делишки, не для наших душевных ушей и мозгов!" – только и успел подумать Женька, как Буль улыбнулся своей хитрющей ангельской улыбочкой и дал свое высочайшее согласие. – Пожалуй, надо попробовать! Давайте ваши соображения на этот счет!..

Как это ни странно, но с наскока у них не получилось почти ничего. Буль блуждал по высшим сферам, куда переместились многие души, предположительно предавшие в былые времена

свои сохранения сырой земле или каменным кладкам домов. Но высшие существа не хотели понимать маленького упрямого ангела и выдавали ему какую-то размазанную информацию, сопровождая ее комментариями типа: "На кой вам этот прах, тлен и злато?" А причину он, само собой, разглашать не мог.

Так что, на следующий день они опять устроили совет озадаченных астральных кладоискателей. И тут на Женьку снизошла верная мысль:

– Чего ж мы олухи сразу Навигатора не спросили?! Айда в пирамиду Службы Ориентации и Информации! – и, не дожидаясь приятелей, прыгнул прямо к занавеске этой пирамиды. Повиснув перед стеной северного сияния, он обнаружил появившихся следом товарищей по кладоискательству. – Ну что, идем искать?!

Все трое ввалились в знакомый офис ангела-навигатора. Буль сразу выдвинул тому идею про поиск сокровищ:

– Мы хотели бы знать месторасположения зарытых или спрятанных богатств на Земле в районе на восток от города Москвы! – выдал он просьбу после традиционных приветствий.

Кажется, дело довольно сильно озадачило навигатора. Он задумался, потом ответил:

– То, что вы называете богатством или ценностями, на самом деле, не имеет никакой ценности в астрале, и поиск не дает никакого толка, – ответил навигатор.

– Попробуйте по-другому сформулировать задачу!

До Женьки вдруг дошло:

– Надо искать души, прятавшие клады!

– Мы этим уже занимались, и ты знаешь, чем это кончилось! – угрюмо ответил Буль.

– Мы здесь полгода проведем, пока чего-нибудь путного добьемся!

– А у меня идея получше! – воскликнул Федька. – Давайте, поищем не тех, кто клады оставлял, а тех, кто их искал. Почти наверняка, в астрале найдутся энтузиасты этого дела!

– А ведь и верно! Ведь это их игра, хобби, а выкопать хоть один клад на Земле они отсюда не могут! – обрадовался Буль и, повернувшись к Навигатору, попросил.

– Милейший Навигатор, не настроитесь ли вы на ощущение желания найти клад этих двух недостойных кладоискателей? Не найдутся ли похожие души в пирамиде Земли?

Навигатор, с явным удовольствием, приступил к поиску, почти мгновенно выдав своим гостям результат:

– Наиболее подходящей по запросу является пирамида кладоискателей! Никуда и ходить не надо! – он, снисходительно улыбаясь, смотрел на нас, как на маленьких детей, не

справившихся с элементарной задачкой.

– Давайте занавеску! – со вздохом двоечника, стоящего у классной доски, попросил Буль.

Навигатор, взмахом руки, развернул яркий полог переливающегося всеми цветами радуги северного сияния. Офис при этом исчез, и все его посетители зависли в черноте астрала.

– Это искомая вами пирамида. За сим разрешите откланяться? – с легкой иронией в голосе спросил Навигатор. Все только благодарно кивнули.

– Ну что, идем беседовать? – спросил Буль и, не дожидаясь ответа, устремился к с занавеси мира кладоискателей… …В пирамиде их встречал какой-то ковбой, сидящий на заборе загона для скота и распевающий песенку в стиле кантри под бряцание своего банджо. С неба пекло нещадное солнце, а по пыльной прерии ветер гонял пучки сушеной травы. Мы подошли к этому американизированному персонажу, и Буль с ходу взял ситуацию в свои крепкие ангельские руки:

– Ангел?

– Ангел, – сплюнув жвачку, и приподняв свою ковбойскую шляпу, недовольно буркнул сельский певец.

– Так, быстро свяжи нас с тем, кто смыслит в кладах на Земле! И поплюйся еще тут, программа недоделанная! – рявкнул Буль строго.

– Так вам кого? По Америке спеца или Азии?

– По России! И давай быстрее, пока не развоплотили! – сурово продолжил ангел.

"Однако, что-то Буль разошелся. Видно, сильно ему Навигатор хвост прищемил, да еще эта программка хамоватая. Можно, конечно, и рассердиться!" – подумал Женька и, хихикая, прокомментировал ситуацию:

– Картина достойная Версаля: "Ангел раздает горячие плюхи на астральных разборках!" Критика подействовала, и Буль, выпустив пар, уже мирным тоном спросил:

– В общем, нужна душа, знающая расположение кладов в реальной России.

– Так бы и сказали! Щас сделаем! – уже стоя "во фрунт" перед начальством, бойко ответил ковбой и, достав мобильник, отрапортовал туда. – Ангельское начальство до Василь Ивановича! Он сможет принять? Хорошо, тогда посылаю! – и, повернувшись к Булю, со счастливой улыбочкой, как будто ничего и не произошло, сказал. – Ловите образ и идите по нему – вас ждут!

Не совсем понятно как, но Буль поймал образ и перенес Женьку с Федькой во двор большой бревенчатой избы, на крыльце

которой важно восседал сам Василий Иванович с его великолепными усами. Оглянувшись вокруг, Женька заметил, что они находились в классической русской деревне, состоящей из двух рядов бревенчатых домов, стоящих вдоль грунтовой дороги. Чуть в отдалении, на пригорке красовалась маленькая православная церковь.

– Доброго дня Вам, Василий Иванович! – поприветствовал усатого командира Буль.

– И вам того же, коли не шутите! – хитро сощурив глаза, отвечал почти былинный советский герой.

– А вы кому в церкви молитесь? – не удержался Женька от ехидного вопроса.

– Как кому? – оторопело спросил Василий Иванович. – Богу, конечно!

– То есть себе? Или им вот? – кивнул в сторону Буля Женька, продолжая удивляться.

– А что, бог на тебе кончается? – еще хитрее прищурившись, спросил военноначальник. Женька задумался: "А и вправду, что изменилось? Здесь еще лучше понимаешь божественное начало мира!" Красноармеец, заметив его озадаченность, усмехнулся:

– Мне, например, за то, что в астрал допустили, всю оставшуюся астральную жизнь молиться надо. Одно и спасло душегуба, что по недомыслию хотел лучшую жизнь эдаким манером построить! Но, все равно, пару лет из Инферно выкарабкивался. Так что, молитва – она очень даже иногда способствует душевной гармонии. Ведь здесь можно и за родственников на Земле помолиться, и за добрых ангелов, и за суетливых душ! – совсем насмехаясь, закончил отповедь Чапаев. – Ну ладно, хватит лирических отступлений, давайте к делу. Какая такая причина привела сюда эдаких добрых молодцев?!

– Да вот, интересуемся месторасположением кладов в одном русском городе на Земле, – повел переговоры Буль.

– А что вам за интерес о них знать-то? Все равно – не выкопаешь!

– Я сейчас прошу Вас помочь нам от имени Службы Развития и Коррекции Цивилизации, – подумав, очень серьезным тоном сказал Буль, и добавил заговорщицким тоном. – К сожалению, я не могу вам сказать под страхом развоплощения, зачем нам эти данные, но поверьте, по пустякам я бы не стал Вас беспокоить.

Женька чуть не рассмеялся, услышав столь проникновенно-серьезные слова ангела: "Вот бестия ангельская, знает, как впечатление произвести! Бедному полководцу мозги совсем запудрил!" Однако Василий Иванович серьезно отнесся к просьбе ангела.

Видно военная выучка приучила его не спрашивать, когда начальство говорило "Надо".

Он подумал, кивнул, достал мобильник и долго с кем-то перезванивался, только спросив, какой город и что искать. Наконец, довольно крякнув, сказал:

– Нашелся эксперт, который все про ваш город знает! Сережкой кличут. Вы к нему подскочите? Я тогда его предупрежу.

– Подождите! – взмолился Федька. – А Вы, действительно и есть тот легендарный Чапай?!

– А что, непохож?! – довольно улыбнувшись, выставил плечико, как заправская кинозвезда, красный командир.

– В том-то и дело, что похож! А расскажите, как ваша судьба так сложилась, что вы тут в кладоискателях оказались?

– Да я сейчас за дежурного здесь! – рассмеялся Чапай. – Координирую работу поисковиков. Знаете, презабавное дело – клады искать. У нас здесь целый мир этим занимается! Сюда попасть ой как не просто. Только два пути: быть энтузиастом на Земле или, как я, накопить достаточно сбережений, чтобы внести свой вклад, вернее клад в этот мир. Самое смешное, что нашедшие клад и могущие его проматывать долгие годы, чаще всего, по новой перепрятывают его и снова пускаются во все тяжкие с розыском, причем, частенько собственного клада. Мы ухитрились так устроить дело, что после припрятывания сокровищ, сам владелец все о них забывает. А какие криптограммы, карты и прочие хитрости придумывают при захоронении этих кладов! Сам Индиана Джонс обзавидовался бы! Кстати, если ребята, создавшие этот фильм, начиная с Форда захотят к нам, им припасены вакансии на самых лучших условиях!

– А почему мы ничего не знали про столь увлекательный мир?! – требовательно спросил Женька ангела. Тот только руками в недоумении развел.

– Вы его не корите! – улыбался довольный усач. – Сюда никого не зовут. Это почти закрытый мир. Знаете, и так желающих больше, чем возможностей. Большинство, которые без денег, идут сюда просто жить, чтобы слушать счастливчиков, нашедших сокровища или просто обсуждать истории про розыски. Работают тут в забегаловках, или в обслуге замков и дворцов. Знаете, в средствах мы уже давно не ограничены, так что и сами сокровища зачастую баснословно богаты и весь антураж, привлеченный из астрала очень разнообразен, начиная с животного мира и кончая обслуживающим персоналом и страшилками, навроде ковбоя, распевавшего песенки при входе к нам в мир.

Захватывающие картины тотального поиска несметных сокровищ взбудоражили Женькину голову так, что ему стоило усилий вспомнить о самом Чапае:

– Грандиозно! – воскликнул он, но все же вернулся к вопросу: – Василий Иванович, а как же Вы? Как Ваша собственная судьба сложилась?

– Да вообще-то забавно. Я ведь хоть и дослужился до значительных чинов, как в царской, так и в красной армии, но особой известностью при жизни, естественно, не страдал. Это все спасибо Фурманову да фильму. Я ведь все-таки много греха на душу брал, хоть и не со зла. Ну, вот и угодил в инферно, но, слава богу, дальше первого мира не провалился. А там, как стал с чертями за справедливость людей воевать, так им мало не показалось! А этими их карцерами меня не напугаешь – и не тем пуганные! Короче, как черти не пыжились, а пришлось им меня по ускоренной программе оттуда выпихивать! – заразительно засмеялся Василий Иванович. – Да, уже позже, я столкнулся с интересным явлением – забавная метаморфоза приключилась. Повалил сюда в астрал народ, которому, хлебом не корми – но дай на Чапая посмотреть! Особенно детишкам. Ну вот, смотрят они на меня и все время говорят, что я де поддельный. Они-то меня по кино знают, а там-то не я, а этот, как его, Бабочкин, артист! Вот и стал я замечать, что у меня лицо меняться со временем начало! Это, значит, так на меня мои почитатели повлияли. Так вот теперь и выгляжу: то ли на себя похож, то ли на артиста. Сам не знаю! А жил я поначалу там же, где и все – в Отраженке. Потом сюда перебрался – сагитировал меня один дружок. А сейчас, так – дурака валяю. Вот, с внуками за компанию! – махнул он рукой в сторону пары сорванцов, бегущих по дороге. А в церкви душу отводим. Тут у нас такой православный хор организовался – заслушаешься! Ну ладно, заболтался я что-то. Готовы к переброске?

Гости согласно кивнули. Тогда Чапай встал с крыльца, вытащил из-за спины шашку наголо и как резанул по шеям своих собеседников! Не успел Женька испугаться, как мрак сковал его душу. Потом в голове просветлело и оказалось, что они стоят в саду какого-то дворца или замка.

– Ну и шуточки! – хрипло сказал Федька, потирая шею. – И вообще, сколько они еще будут нас швырять по миру? Мне уже надоело.

– Тебе же надо! Чего же тогда жалуешься? – проворчал Буль, тоже, видимо, не очень обрадованный последней шуточкой кавалериста.

– Привет! А вы че ребята, по делу от Чапая или так,

покалякать? – путешественники не заметили, как к ним подрулил молодой черноволосый парень в джинсах и рубашке в непритязательную клеточку.

– Ох! Надеюсь, это последний этап нашего путешествия! – обрадовался Женька. – Привет земляк! Сережа, спасай наши заблудшие в вашем мире души!

– Нет проблем! Вперед за мной на штурм этой хоромины! – провозгласил Сережа, после обычных приветствий.

– А ты что, живешь здесь? – недоверчиво спросил Женька, оглядывая огромное красивое здание, выстроенное в стиле то ли возрождения или то ли ампира, с колоннами, портиками, арками и купидонами, чередующимися в самом причудливом порядке. Этот домик, расположенный в большом парке, был вполне сравним с загородным дворцом каких-нибудь коронованных особ.

– Ага! – Сережа обернулся к гостям и продолжил объяснения, гулко отдававшиеся эхом под высоченными потолками. – Да не обращайте вы внимания на всю эту хрень.

Я тут вроде сторожа и домоуправа в одном лице. Здесь, где-то, как впрочем, и где угодно в другом месте, может быть спрятан клад. А я присматриваю за всем этим хозяйством. Надо же все страшилки, ловушки и лабиринты в порядке содержать. Да и застрявших кладоискателей иногда из них вытаскивать – бывает и по кускам! Ха-ха!

Давайте, сюда пройдем, посидим, поболтаем. Вы недавно с Земли, расскажете, что знаете, а то я последние десять лет пропустил – как-то не интересовался, а теперь вот любопытство заело.

Так, выливая на гостей неукротимым потоком свою болтовню, он привел всю компанию в маленькую комнатку, представляющую собой что-то вроде подсобного помещения, с низеньким потолком и маленьким окошком, выглядывающим на какие-то задворки.

– У меня уже фобия на эти залы. Неуютно в них. Только приемы да балы устраивать, а жить невозможно, по крайней мере, нормальному, не венценосному, человеку. Я здесь на работе. Деньжат на вклад не хватило, а на Земле особыми заслугами не блистал, вот и зарабатываю на свой первый клад – слежу за ангельскими слугами, зверьми и программками. Ну все, падаем здесь, щас организую выпивки, и начинайте рассказывать! А то от меня тоже ничего не дождетесь!

Женька, конечно, сильно сомневался, что этот говорливый симпатичный субъект, сможет замолчать и не скажет ничего, если с ним не поделиться последними новостями, но все же было жалко пацана, и он, собравшись, прочитал тому краткую сводку

последних российских сплетен. После чего, расчувствовавшийся парень готов был рассказывать, что угодно. А узнав, что гостей интересуют конкретно клады, припрятанные в его родном городе, он вообще, что называется, сел на любимого конька.

Парень и впрямь оказался земляком и, действительно, знал все, что, наверно, можно было знать о кладах в их округе. Поскольку земные сокровища были ему равно недоступны, а три пары благодарных ушей еще более равнодоступны, то он излил на нас целый фонтан полезной информации, подкрепленной картами и схемами.

– Вы что, думали, вот так – раз, и найдете в астрале всю необходимую информацию?! – довольно выговаривал нам Сережа. – Я ее годами по крупицам собирал, лазал по всяким пирамидам, души разыскивал, ангелов, чуть ли не подкупал!

– Как это?! – опешив, спросил Буль.

– А! – отмахнулся Сережка, – Если знать, что ангелу нужно и представить дело так, чтобы он не сомневался в его добродетели, почти из любого ангела веревки вить можно!

– А ну, к примеру?! – набычившись, спросил Буль.

– Ну, например, нужно тебе добраться до определенной души, находящейся в малодоступном месте. Скажем в инферно, или райском санатории, или другом закрытом мире. Находишь подходящего ангела, который мог бы это устроить, и начинаешь ему в жилетку плакаться, про родство душ, какие мы несчастные в разлуке, а сам, между прочим, нахваливаешь этого ангела, какой он хороший и любящий своих братьев меньших, сиречь нас, душ. Что хочешь даю на отсечение – ни один ангел не устоит, от такого прямого подкупа лестью, смешанной с состраданием!

– А и правда! – Буль уже во всю ржал, видимо, представляя, как такая прохиндейская душа начинает его уговаривать на что-нибудь эдакое. – Вот изуверы!

Это ж надо до такого догадаться. Подкупать сочувствием и расположением!

– Духовная энергия – те же деньги, товар. Так что, называя это подкупом, я сильно не ошибаюсь! – хихикал Сережка.

Женьку, что-то в этом сильно коробило. Нет, не должно быть так! И вдруг до него дошло:

– Нет, это не подкуп! Я понял, в чем тут разница! При подкупе ты даешь взятые откуда-то деньги, ценности или информацию и расплачиваешься ими с другим существом. А в данном случае, ты расплачиваешься своей духовной энергией, чувствами. И, если ты, даже привираешь, выставляя себя за родственника, или близкого человека тому, кого хотел повидать, то это здесь не имеет значения.

Ведь ангелу наплевать, в каких биологических отношениях вы состояли, ему важны твои чувства, и если они искренни, двери перед тобой открываются.

– А если я так спектакль разыгрываю перед ангелом? – ехидно спросил Сережка.

– Тогда ты великий актер, и твой спектакль, как и уровень применяемых чувств, заслуживает того, чтобы тебе поверили. Знаешь, для хороших актеров, зачастую, сцена становится жизнью, а ангелу все равно, по какому поводу возникли твои чувства, ему важно, какие чувства!

– Вот не ожидал, что окажусь объектом такого психологического анализа! – прервал смехом наши споры Буль. – Хватит об ангелах, давайте к делу!..

В результате, через пару часов, возвращаясь из мира сокровищ и кладоискателей, они были уверены, что дело окончательно в шляпе…

***

Спустя пару дней, Женька с Федькой, вооруженные странными инструментами, позаимствованными из дому и Федькиной лаборатории, топали по направлению обыкновенного старого дома в центре города. Одеты они были в стандартные синие рабочие костюмы. Вид у них был, как у заправских интеллектуальных слесарей сантехников или газовщиков. По крайней мере, они так надеялись. К тому же, в карманах у них были красные корочки с различными печатями, подписями и фотографиями, удостоверяющими их широкие полномочия в деле расковыривания подвалов и стен домов, улиц и вообще чего угодно, где могли бы быть хоть какие-то признаки нахождения водо- и газопроводов.

– Да, не тянем мы на настоящих слесарей! – заявил Женька, стоя перед первой намеченной целью и разглядывая Федьку. – Рожу бы тебе поглупее!

– Ничего, зато мы не тянем и на лиц кавказкой национальности, а то нас быстро бы замели за подозрительное ковыряние в подвалах.

– Вот несчастные люди! Ведь сколько профессоров или докторов наук грузин, армян и чеченцев. Вот каково им вечно отмазываться, типа: "Я лицо, да не то лицо, а совсем другое лицо!" А каждый второй мент, рад повыпендриваться: "Не ваше

лицо!

Документы просрочены! А тут запятую перед точкой в паспорте не поставили!" – Ты что это, на сходке нацменов что ли? – Федька изумленно посмотрел на напарника по кайлу и лопате. – Кончай базар, а то и вправду сторожевые бабушки проснуться – будет тебе допрос с пристрастием!

Поскольку они уже стояли у двери вожделенного подъезда, Женьке ничего больше не оставалось, как набрать код, ставший известным им по данным астральной разведки, а проще – в результате простого подглядывания с изнанки реала. Точно так же был и изготовлен ключ от подвала. Федька сумел залезть внутрь замка и запомнить нужную конфигурацию ключа. Как ему это удалось, Женька не понимал, но факт оставался фактом – у них на руках было несколько таких ключей, изготовленных Федькой в его мастерской.

– Ну, с богом! – сказал Женька и вошел в чистенький подъезд.

Тут же сориентировавшийся на местности, Федька прошел к низенькой двери, ведущей в подвал, и стал открывать замок. Через пару секунд дверь была открыта, а на ее ручке красовалась табличка: "Осторожно! Проверка утечек газа и воды! Гор.Инсп.Труб.Вод.Газ".

Друзья-авантюристы включили налобные фонарики и пошли, пригнувшись, по подвалу.

Женька сверялся по начерченной на память схеме. После пары минут петляния по подвалу, они стояли у нужного угла.

Каково же было их разочарование, когда они разглядели, что через нужное место в стене проходит труба водопровода. Клад был оставлен после революции и, значительно позже, дом капитально ремонтировали, вот и проложили трубу по самому удобному месту – тому же, где были припрятаны ценности.

– Может, покопаем? – безнадежно жалобным тоном предложил Федька.

– Чего копать-то? Это ж надо такими идиотами быть! – возмутился Женька. – Все предусмотрели! Замки, документы, схемы подвалов, а сами места кладов не проверили!

– Так, сам знаешь, проверяли пару подвалов – ничего там не видно, одна темнота!

– Федька расстроено оправдывался. – А остальные клады поленились проверять.

– Ладно, пошли отсюда, пока шухер не пошел!

Однако шухер уже пошел. Подъездная сторожевая служба была на высоте. На выходе из подвала их уже поджидала строгая бабуля.

– Здравствуйте, молодые люди! Это как вы в подъезд

проникли и подвальную дверь открыли?

– Смешно бабушка! – улыбнулся ей открыто Федька. – Мы же вас оберегаем от несчастий, а вы на нас набрасываетесь. Где взяли – в Жэке, конечно. – Федька, конечно, имел в виду Жеку, который стоял рядом, но бабуля, естественно, об этом не догадывалась.

– Я вам не бабушка, – возмущенно вздернул сморщенный маленький носик, потертый жизнью, но еще стойкий, пенсионный одуванчик. – Вы там какую-нибудь бомбу подложили, а теперь убегаете!

– Никуда мы не убегаем! Вот наши документы. Осуществляем профилактический осмотр подвалов на предмет утечки газа или воды. Кстати, можете спать спокойно, утечек нет!

Кажется, красные корочки возымели действие, и бабулька сменила тон беседы со строгого на доверительный. Что, впрочем, оказалось нисколько не легче. Увидев представителей кой-никакой власти на доступной дистанции, бабушка обрушила на них просто водопад каких-то жалоб и сплетен:

– Ой, как хорошо-то! Теперь хоть спокойней будет, а то только и слышишь, как дома от этого газа взрываются! А вы насчет вывоза мусора не уполномоченные будете? – и, несмотря на отрицательные жесты горе-трубопроводчиков, она понеслась костить языком все и вся вокруг. – А ведь не вывозят по три дня.

Вонища стоит на весь двор! А квартплату повышают чуть не каждый месяц! И горячую воду намедни отключали, никого не предупредили! Как тут пожилому человеку управиться?! В магазине одно бесстыдство, нормальных продуктов не найдешь, а найдешь, так по таким ценам! Вот когда мы молодые были, тогда порядок во всем был!..

Федька спокойно закрывал подвальную дверь под звуки этого нескончаемого словоизвержения. Женька только стоял, вежливо улыбаясь и думая: "А может придушить старушку? Ведь наверняка доброе дело всем сделаю. В астрале, глядишь, помолодеет и "мозги" прочистятся, а на Земле, сколько соседей и родственников вздохнет легче! Да, иногда и Раскольникова начинаешь понимать! У него-то старый орешек еще покрепче попался. Здесь не то, что из-за денег, а просто от отчаяния до смертоубийства дойдешь!" Наконец, Федька закрыл дверь и уложил все "инструменты" в сумку. Можно было уходить, что приятели и сделали, не мешкая, и даже попытавшись вежливо попрощаться с надоедливой мухой пенсионного возраста, продолжающей жужжать у них в ушах.

– Уф! – вздохнул Женька. – Еще бы чуть-чуть, и порешил бы старушку!

– Да, теперь я понимаю, что значит убийство в состоянии

аффекта. Тут любой с ума за пять минут сойдет!

– Что дальше делать будем?

– Что-что! На следующую точку поедем! – ответил Федька и потопал к машине.

Но фортуна решила не баловать их в этот день. Две совершенные вылазки не окончились ничем, если не считать задушевной беседы с бездомным бомжем, на счет удобства теплых подвалов для жизни не обремененного суетой, философствующего человека, да стычки с любопытными мальчишками, которые и сами были не прочь поискать клады или, хотя бы, поиграть в шпионов или войну на пересеченной местности подвалов. Под вечер, унылые и грязные, ставшие гораздо больше походить на настоящих слесарей газопроводчиков, Женька с Федькой разбрелись по своим квартирам, решив встретиться в астрале.

Совещание на астральной полянке перед Женькиным домом дало неожиданные результаты. Еще до этого, ребята пытались считывать информацию с мест предполагаемых кладов, но она была настолько перемешана, что было ничего не разобрать. Оказалось, что деньги тащат на себе жуткую смесь неопределенных картинок, к тому же окружающие стены и почва "пачкались" информацией от клада и фонили почти также даже после его раскопки.

Буль, оценив сложности разыскивания клада, придумал сделать маленькие программки, которые прощупывали место предполагаемого клада, считывая оттуда информацию.

Программки должны были быть ориентированы только на деньги и драгоценности, а так же пытаться уловить хоть какое то магнитное поле, исходящее от металлов. Эти-то астральные ангелочки-программки и нашли, наконец, два нераскопанных клада.

Причем один, по всей вероятности, весьма существенный.

Так что, на следующий день ребята шли наверняка. Самое смешное, что им не потребовался ни антураж, ни фальшивые документы для проникновения к месту клада.

Зато понадобились ломы и лопаты. Дом оказался старой заброшенной и полуразрушенной пригородной усадьбой, заросшей местами полынью и иван-чаем. Клад был очень хорошо замаскирован, и поэтому, сохранился за долгие годы нераскрытым.

Федьке с Женькой пришлось пробираться через пустые проемы окон, раскапывать завалы кирпичей и обрушившихся балок. Но они точно знали, где и как копать, и через пару часов, оказались владельцами деревянного, по всей видимости,

дубового ларца. Не открывая ящика, кладоискатели погрузились в машину и отправились на квартиру к Феде.

Устроившись на кухне, они воздвигли ящик на стол. Сундучок был закрыт на внутренний замок, ключ от которого, естественно, был утерян. Но не будь Федька физиком, если бы не умел разбираться с железом. Он взял прихваченную с лаборатории маленькую дрель, вставил в нее вместо сверла тонкий абразивный диск на стерженьке и перерезал язычок замка прямо по щели стыковки крышки и ящика.

Крышка сама приоткрылась, когда маленькая импровизированная фреза с визгом довершила свое надругательства над антиквариатом. Под крышкой обнаружилась ткань, прикрывающая ценное содержимое.

Клад очень хорошо сохранился, даже бумажные, еще царские, деньги можно было толкнуть нумизматам. Самое ценное, почти наверняка, представляли собой украшения, но определить стоимость камней новоиспеченным кладоискателям было не по зубам.

Золотые и серебряные монеты, тоже царской чеканки, предстояло еще оценить. Перед ними встала в полный рост проблема, как сбывать товар так, чтобы не засветиться ни у криминала, ни у государства. Но в этом им несказанно помог Сережа: он вспомнил своих знакомых из мира ювелиров, нумизматов и любителей антиквариата, заодно посоветовав, как оценивать и сбывать вещи, чтобы не оставлять концов.

Этим всем занялся Федька, будучи по природе более ушлым, а Женька только облегченно вздохнул, как всякий лентяй, когда видит, что дело само за него делается, а ему достается только пожинать плоды.

***

Кроме кладоискательства еще одна бредовая идея постепенно захватывала разум Женьки. Может, все и обошлось бы, но случайно она срезонировала с психотерапевтической деятельностью Славки и даже нашла, если не отклик, то по крайней мере понимание в душе Федьки. В результате, в один прекрасный день, все собрались у Таши и стали осаждать Буля с новым проектом. Самое смешное, что души доказывали ангелу, что нужно помогать людям! Видимо, вредная ангельская привычка, помогать налево и направо, оказалась заразной и для

душ. А вот ангел при этом сомневался.

– Понимаешь, Буль! Реал полон людей, страдающих от разлуки с близкими, преждевременно ушедшими в астрал! А нам им помочь, как два пальца обо… переплюнуть, вот! – наседал Женька на ангела.

– Самое интересное, что и по эту сторону разлученные души не меньше расстраиваются, особенно, когда видят страдания своих родных в реале, – со своей стороны приставал Славка.

– Мы собрались серьезными делами заниматься, а вы с ерундой лезете, – пытался быть серьезным и ворчливым Буль.

– Слушайте, ребята! – предложила Таша, поглаживая свой подросший животик. – Давайте, лучше подумаем, как можно осуществить это и не проколоться?

– И я о том! – поддакнул Буль – Как можно анонимно связать людей и души в астрале?

– "Элементарно, Ватсон!" – распонтившийся Федька довольно ухмылялся. Вы забываете об Интернете! Нет ничего более анонимного, чем мировая сеть!

– Ну и как ты себе это представляешь? – спросил уже заинтересовано Буль.

– Очень просто. Даем анонимное объявление в газету о бесплатной услуге с обещанием связи с умершими родственниками. Там же указываем мэйл, на который ставим антиспам. Читать сами мэйл не собираемся, просто открываем его в автоматическом режиме и ставим отсюда твоих ангелочков, считывающих энергетику посланий. Как ты думаешь, удастся им ее считывать? – Федька, с душевной улыбочкой, заглядывал в глаза Булю.

– Ну, наверно, смогут! Да, определенно, если человек в отчаянии – наверняка! – мямлил Буль, озадаченно думая, каким боком это все можно вывернуть.

– Отлично, твои программки сообщают нам здесь, в астрале, кому нужно в первую очередь отвечать, а мы шлем ответ по электронной почте, в котором указываем, что им нужно написать текст письма умершим и оставить его у себя на столе так, чтобы души могли читать их послания. Потом здесь, в астрале мы пытаемся запомнить ответ их умерших родственников и шлем вторым мэйлом ответ в реале. Все! Человек должен быть полным болваном, если после всего этого не поймет, что общается со своим близким, недавно ушедшим в астрал!

– А как мы узнаем, кто нам посылает письма, и где читать их послания, написанные на бумаге? – спросил Женька, уже обдумывая мелкие детали проекта.

– Да просто попросим клиентов в первых мэйлах указывать

имена, с кем они хотели бы пообщаться в астрале. Их близких здесь не трудно будет найти, а они, в свою очередь, уж знают, где в реале свою родню и знакомых искать! – сообразил сам Буль. – Интересно, получается, что получается!

– Что получается? – глупо уставился на него Женька.

– Все! – ответил Буль и углубился в дальнейшее поглощение еды и напитков всяческой крепости.

Так родился еще один колдовской проект маленькой Службы Помощи. Одного только, ни Женька, ни Таша не ожидали – того, что самим придется вскорости заниматься примерно тем же со своими родственниками.

Жизнь шла своим чередом. Женька на работе перешел на должность консультанта, бывая в институте раз – два в неделю. Витек неплохо справлялся в лаборатории, так что работа даже не сильно и пострадала. Финансовых проблем не было. Больше всего Женьку сейчас интересовала "переписка" реала с астралом. Видя реальные результаты своего предприятия, было невозможно оставаться равнодушным. А материальная сторона дела его не интересовала, так как ее просто не было.

Но вот в один прекрасный вечер он совершил визит к Таше и нашел ее в весьма расстроенных чувствах. У той просто все валилось из рук. Женька, заметив это, решил и здесь вмешаться, по уже сформировавшейся дурной ангельской привычке – помогать всем подряд:

– Сядь-ка лучше, поговорим, – остановил он Ташу, задумавшуюся на кухне и пролившую чай мимо чашки. – Я вижу, что тебя что-то мучает. Ты знаешь, что я от тебя не отстану, так как, если я не выясню, что с тобой случилось, то это теперь и меня будет мучить. Так что, выхода все равно нет.

– Что с тобой поделаешь?! – грустно улыбнулась Таша. – Но здесь ты вряд ли поможешь!

– Погоди! Ты расскажи, а потом я подумаю, чем могу помочь, – предложил Женька.

Таша помолчала немного, вздохнула и стала рассказывать:

– Мой брат, Леша, тяжело болен, лежит в больнице, может и умереть. Но даже не в нем дело. У родителей он последний ребенок, мама в отчаянии, и как ей помочь – я не знаю. Как я хотела бы быть рядом с ней!

Женька сидел рядом с ней и сжимал ее ладонь в своей руке, действительно, не зная, чем помочь. Потом ему вдруг вспомнилась сценка, как они наблюдали за покачивающейся Ташей, впервые оказавшейся в Славкином теле.

– Кажется, я знаю, чем я смогу тебе помочь! Ты ведь хочешь навестить маму?

Помнишь, как ты в Славкином теле ходила? Может попробовать и с моим телом так же поэкспериментировать?

– А это мысль! – сразу ухватилась за идею Таша. – А это получиться?

– Надо спросить у Буля и сначала попробовать со Славой, а потом вы с ним здесь ролями поменяетесь, и вперед, в реал! – Женьку уже захватила новая идея. – Начну сдавать тело в аренду, представляешь?! Раньше душу дьяволу в реале закладывали, а я тело в астрале закладывать начну – вот умора!

Таша даже засмеялась от такой Женькиной "практичности", и чаепитие прошло в более веселой атмосфере. Попив чайку, Женька откланялся и "побрел" по астралу в поисках Буля и Славки. Славка нашелся в их же конторе, занимающимся своим любимым занятием – врачеванием душ.

– Всех тут лечишь, а о своей половине забыл? – укоризненно спросил Женька, войдя к приятелю в кабинет.

– Да как тут забудешь. Просто, ситуация, действительно сложная, и непредсказуемая, – нахмурившись, сказал Славка.

– Но ведь можно же делу помочь, если Таша сможет навестить маму?

– Да, она уже поделилась со мной этой мыслью, но тут есть небольшая загвоздка.

Ведь твоя плотная оболочка может воспринять меня, как чужого, и буду я тогда, как мелкий бес в твоем теле прыгать да ругаться! Ведь, когда Таша была в моем теле, мы были уже едины, и с ней был как бы кусочек меня. А с нами просто так ты сливаться не станешь, верно? – усмехнулось психотерапевтическое божество.

– А давай, с Булем посоветуемся. Может быть, нам можно небольшой частью обменяться и этого будет достаточно? – заинтригованно клянчил Женька. – Я не понимаю, кому это надо, мне или вам?!

– Тебе не меньше, чем нам! – усмехался Славка.

– Почему это?! – возмущенно спросил Женька.

– А я почем знаю? Я просто вижу! – уже во всю насмехался бывший медик.

– Ах ты божество недоделанное, будешь еще надо мной издеваться! – взъелся Женька, пойманный с поличным на своем интересе. – Ну ладно, мне тоже интересно Таше помочь! Ну и что?

– Что-что. Спасибо! Будем с Булем думать – может, до чего и додумаемся. Сейчас у меня еще пару душ на очереди в приемной. Давай, через часик в нашей пирамиде, на той площадке у водопада, с Булем встретимся. Там и обсудим все!

Через час Женька, как пионер, послушно ждал Славку и Буля. Заскучав, он, при появлении приятелей, сразу набросился с идиотскими предложениями:

– Слушай психотерапевт, я придумал лучшее последнее решение всех проблем твоих клиентов!

– И какое?! – Славка расплылся в улыбке, полагая, что этот схимиченный им пейзаж – самое лучшее противохандрозное средство.

– Ты им предложи покончить астральную жизнь, прыгнув с этой площадки! И их мучения прекратятся, и другим веселее станет! – сказал Женька, смотря в пропасть под ними.

– Не поможет! Все равно, оживут где-нибудь в астрале по своим якорям, и опять начнут хандрить! – возразил Буль, сразу нашедший в Женькиной радикальной терапии слабое звено.

– Давайте лучше о деле! – предложил Славка.

– О каком теле? – прикинулся глухим Женька, но шутка не была принята.

– О твоем! О чьем же еще? – бросил небрежно Славка и соорудил три удобных кресла.

– Прошу садиться!

– Я так понял задачу: Таше надо побывать в реале в Женином теле, – уяснил для себя Буль.

– Да, отдать ей мое сердце – это моя мечта! – продекламировал Женька и скороговоркой добавил. – А в придачу кости, печень, селезенку и килограмм десять дерьма. Но! Только во временное пользование! В прокат, так сказать.

– А если серьезно – интересная задачка получается! – подытожил Женькину речь Буль. – В принципе, к человеку в душу почти любой дикий дух подселиться может!

Но будет ли, Слава, твоя душа полноценно функционировать в Жениной плотной оболочке, науке пока что не известно. Я думаю, что вам нужно провести частичное слияние – на уровне базовых информационных составляющих, которые и связывают душу с плотной оболочкой.

Женька ничего не понял из этой божественной бредятины и просто расслабился, наслаждаясь прекрасным пейзажем. Очнулся он только, когда последовало предложение прогуляться в открытый астрал и заняться душевными упражнениями.

Через мгновение, они висели в полной черноте чистого астрала, по словам ангела – абсолютно необходимом условии для подобных опытов по вивисекции душ.

– Так. Жень, ты просто зависни и попытайся получить удовольствие! – порекомендовал ангел. – А мы со Славой поколдуем тут. Да, советую переключиться на энергетическое

видение, что бы избежать излишне шокирующих сцен.

Женька послушно "увидел" их в виде светящихся вытянутых сфер. От Славкиной сферы, исчезая в черноте астрала, тянулся тонкий лучик света. "Ага, это их связь с Ташей!" – догадался он. Другая сфера – явно Булева, приблизилась вплотную к ним и, частично слившись, соединила всех в эдакую светящуюся гроздь. Женька почувствовал приятную заботу ангела и вдруг ощутил, что внутри включилось ощущение присутствия Таши и Славы, как будто они были где-то тут, рядом, и с ними можно было говорить. Ощущение быстро прошло, и он увидел, как гроздь, которую они образовали, распалась. Женька понял, что пора возвращать нормальное видение и, переключившись на него, сразу восторженно спросил у Славы:

– А что это было, когда я ощутил твое и Ташино присутствие?

– Это вы обменялись частью составляющей вас информации, – объяснил за Славку Буль. – Теперь можно пробовать вхождение в тело.

– Тогда идем на изнанку моей спальни? – предложил Женька, и все переместились к месту завершения эксперимента.

Перед тем, как Славке запрыгнуть в тело, Женька вспомнил, что надо проинформировать того насчет лекарства для возвращения:

– Слушай, лекарство на кухне, в шкафчике над раковиной. Можешь обратно не торопиться и позвони Федьке, он, наверно, спит, но все равно, приятно удивится!

– Женька знал, что Федька должен сейчас спать, так как схватил насморк и не решился в таком состоянии выходить в астрал.

– Ясно, я пошел! – сказал Славка, но Буль, спохватившись, притормозил его:

– Ой, я чуть не забыл! Надо птичку перенастроить! – он сдернул с плеча Женькиного тела попугайчика. – Прыгай пока, а я перепрограммирую его! – крикнул ангел Славке и исчез из спальни.

Славка, не долго думая, зашмыгнул в Женькино тело и оно, как ни в чем не бывало, проснулось, ехидно состроило своему хозяину дулю и отправилось гулять по своим реальным делам. "Вот так! Сделаешь хорошее дело, так тебе же из твоего собственного тела фиги строят!" сокрушенно подумал Женька и уже собрался покинуть изнанку, как в спальне опять появился деловой Буль и стал носиться за, бегающим по квартире и нахально никого не замечающим, Женькиным телом. Наконец, ангелу удалось подловить удачный момент и прицепить птичку обратно на свое место.

Все же, пары пинков и тычков ангелу избежать не удалось.

– Ну что, летим, Ташу обрадуем? – предложил Булю Женька, и через мгновение они теснились в чуланчике у Таши.

– К вам можно? – осторожно позвал Женька.

– Жек, это ты?! – послышался голос Таши. – Иди сюда!

– Мы с Булем!

– Да я все знаю! Огромное вам спасибо! – восторженно выговаривала Таша, бросаясь обнимать гостей.

– Ну вот, как тут приятную новость доставишь, когда у них мгновенная связь задействована! – деланно обиженным тоном заявил Буль.

– Слушай, а ты почувствовала меня, когда Буль химичил что-то с нашими душами? – вдруг вспомнилось Женьке приятное ощущение Ташиного присутствия.

– Да! Мы теперь немножко родственные души! Теперь у нас по маленькой частичке друг от друга.

– А у меня давно такое чувство, что мы родственные души! – нахально заявил Женька и вдруг задумался. – Так это у вас что, прямая связь из астрала в реал?!

– Вообще-то да, получается! – тоже оторопело ответила Таша. – А мы раньше как-то и не думали.

– Значит, при желании можно вести прямые переговоры между реалом и астралом? – Женька уставился на Буля.

– Да что вы на меня уставились! Сами напридумывали этих ваших фокусов, теперь сами и разбирайтесь! – как-то испуганно воскликнул Буль и задумался.

– Слушайте, а ведь это эпохальное событие! – воодушевился Женька.

– Как бы за это ж эпохальное да по охальному месту не получить! – немного рассержено буркнул ангел.

На следующий день, Женька позвонил Ташиной маме и предупредил, что придет к ней в гости, но в его теле будет находиться Ташина душа. Слава богу – она уже привыкла к таким фокусам, когда к ней приходила Таша в Славкином теле. Так что, все обошлось без эксцессов. В последующие дни Таша несколько раз навестила маму и брата в больнице, гуляя по реалу в Женькином теле. Женьку распирало чувство какого-то довольства за то, что прекрасная Таша выхаживает по реалу в его шкуре, а беременный Славка отсиживает в мире Отраженного реала. К счастью, Ташин брат все-таки выздоровел, и ее мама опять воспряла духом, узнав, что у нее скоро будет внучек-ангелочек в астрале. "Ну, чем не сюжет для психбольницы! Главное, все довольны и счастливы!" – умилялся Женька сложившейся ситуации.

ГЛАВА 7. МИССИЯ ВОЗМОЖНА

Женька, в который раз примерялся к своему новому кабинету. Но у него ничего не получалось. Он уже и на диване пробовал лежать, и телевизор пытался смотреть, и даже опять в интернет лез – и, все равно, через десять – пятнадцать минут его охватывал жуткий приступ кабинетной меланхолии. И он опять бежал жаловаться Славке, получал от него веселого пинка, и, уже счастливый, летел дальше в гости к Таше или в мир их пирамиды, или вообще куда-нибудь подальше в неизведанные еще миры астрала за компанию с Федькой.

Но чувство ответственности за начатое нешуточное дело гнало опять его в эту шикарную западню кабинета. Так и сегодня, по прибытии в астрал, он, в первую очередь, заглянул в свою бюрократическую мышеловку. Но не успел он еще уныло усесться на свое кресло, как обнаружил, что-то новенькое. На "рабочем" столе лежал кусок мятой бумаги. Он схватил ее и, приросши глазами к записке, автоматически плюхнулся на диван. Хорошо, что не мимо – настолько поглотил его внимание текст: "Сиди крепче на заднице и никуда не сбегай! Есть одно дельце! Б." "Интересно! Ангелом еще называется! Не мог даже подписаться нормально. Лень ему три буквы приписать – "Б". какая-то! А может, я не знаю никаких "Б."! Пусть сам до меня дозванивается!" – сидел на диване Женька и ворчал, как старый дед, мучимый газами, заблудившимися в его дряхлом кишечнике. Однако время шло, а никакая "Б." ему не звонила. Вконец изведшийся от любопытства, Женька уже неотрывно глядел на мобильник, спокойно почивший на столе. Внутри него боролись, не на жизнь, а насмерть, любопытство с остатками спесивости, которые явно сдавали позиции. Рука сама потянулась к телефону. Женька только грозно на нее глянул, но не мог уже ничего поделать, и та мертвой хваткой схватила телефон.

– Это ты записку оставил? – грозно спросил Женька, услышав в трубке приветственное бульканье Буля. – А чего сидеть тут приказал, да еще подписался какой-то неизвестной "Б."? Тоже мне, конспиратор нашелся!

– Да лень была писать все имя. Ты бы еще потребовал Рофидиплебуль написать! – Обойдешься! А приказал сидеть, значит сиди! Рекогносцировку… тьфу! То есть, субординацию надо соблюдать!

– Ну знаешь! Я тебе не ученая собака, чтобы сидеть по твоим приказам, а ты мне не начальник, чтобы командовать! Или говори

в чем дело, или я в серьез обижусь!

– Ой-ой-ой, какие мы обидчивые барышни! Обойдешься опять.

– Что опять?

– Ну, снова! То есть, еще раз перебьешься чем угодно и обо что угодно! Я Федьку жду. Вот когда он на меня наорется, как и ты, тогда и можно всем будет поговорить! Кстати – у меня в кабинете. И между прочим, ты еще ни разу туда и не заходил!

– Так, когда встречаемся-то?

– Когда, когда. Когда твой Федька соизволит явиться на службу, тогда и соберемся!

Мы со Славой два, можно сказать почти божественных создания, как мальчики на побегушках, должны ждать этих лоботрясов из реала, а на нас еще и орут! Все, до встречи!

Женька узнал о появлении в астрале Федьки от него самого. Тот влетел в кабинет к совсем усохшему от ожидания Женьке и стал возмущаться:

– Совсем ангелы распоясались! Только я собрался проверять, как переписка у наших клиентов идет, как эта "Б" с точкой подсовывает мне какую-то записку!

– Остынь! Смотри, каково мне! Я тут уже почти сдох от безделья, тебя дожидаючись!

Все думаю, вот-вот подойдет. Ты где хоть пропадал-то? – напустился в ответ Женька.

– Как где? Я с работы прилетел, переписку на почте проверил и сразу сюда! Хорошо хоть моя дражайшая тушка там отдохнет, пока я тут делами занимаюсь.

– Ладно, пошли, что ли к этому нахальному ангелу на ковер, а то любопытство сильно заело! – Женьке стало стыдно за свою вольготную жизнь в реале, и он поспешил замять разговор. И правда, Федька успевал сделать и в реале, и в астрале раза в два больше дел, чем Женька. Фактически, он провернул реализацию откопанных ценностей. Он же захватил, по сути дела, ведущую роль в переписке между астралом и реалом. А Женька был во всех делах только на подхвате.

Так или иначе, но через минуту ворчащие и бурчащие приятели вломились в кабинет начальствующего ангела. Да так и остались на пороге, сначала онемев от удивления, а потом от ржания над несчастным Булем:

– Ты что, здесь, как чукча в чуме устроился?! – хохотал Федька.

– Нет, он тут, как ирокез у пивного ларька! – возразил Женька.

– Нет, я, как Буль у себя в кабинете – чего хочу, то и делаю!

Зато не скучно, как у некоторых! – парировал Буль.

– Пардон, а вы до-ветру тоже за ярангу ходите? – поинтересовался Федька.

– Где ты ярангу нашел? Это Фиг-вам! Индейский шалаш – лучшее место для пофигительского времяпрепровождения! Так что, нечего критику наводить, присаживайтесь за мой начальственный стол. Я щас Славку позову, и начнем первое производственное совещание.

Женька оглядывал интерьер. Стены были увешаны какими-то засохшими травами, чучелами, костями и всякой шаманской атрибутикой. Посреди комнаты стоял, сделанный из шкур, наполовину раскрытый вигвам, и перед ним был разложен костер в выложенном камнями очаге. Буль сидел внутри вигвама на оленьих шкурах и лопал вяленую рыбу. Единственное, что не соответствовало всей обстановке, была расстеленная перед ним газета с банками пива и все той же рыбой на ней.

– Сейчас лекарь подойдет! – сказал после короткого разговора по телефону Буль. – Я ж сказал, присаживайтесь! Хе-хе! – усмехался сбрендивший ангел.

Женька с Федькой плюхнулись рядом с ангелом в явно приподнявшемся настроении.

– Вот за что люблю я Буля, так за то, что он самый большой обалдуй, которого я знаю! – довольно заключил Федька, с хрустом открывая банку с пенным напитком. – Слушай, а чего ты все баночное пьешь?

– Дело не в банках! – с видом умудренного жизнью шамана, открывающего своим ученикам высшую тайну колдовства, поучал Буль. – Дело в том, что в них налито!

Это же свежее разливное пиво! Ты на вкус-то ощути!

– А и правда, чего это я? Пиво-то отличное! – заметил Федька, оторвавшись от банки.

– И рыбка не хуже! – заметил Женька, подобравшись к газетке с другой стороны. От дверей послышалось:

– Это не честно! Все уже припали к живительной влаге, а я там сходи с ума с моими клиентами! – Славка не удивился увиденной сцене – видимо уже раньше захаживал.

– А тебя никто и не просил с ними с ума сходить! Сам напросился! И пива на всех хватит! Так что, добро пожаловать к нашему костерку! – довольно процедил сквозь зубы, занятые воблой, Буль. Костерок, и в самом деле, весело поигрывал пламенем и убегая сизым дымком куда-то в вытяжку.

– Это у тебя камин по-туземски? – деловито осведомился Славка то ли присаживаясь, то ли прилеживаясь к общему столу, вернее газетке, расстеленной на шкурах.

– Что вы привязались к бедному ангелу! Давайте о деле! – взмолился Буль.

– Давай, давай! – послышалось нетерпеливое со всех сторон.

– Вы помните тех двух несчастных ангелиц, которые сначала Жеку с Федюней охмуряли, а потом им мозги хотели высверлить?

– Еще бы не помнить! – с дрожью в голосе вспомнил Женька свое первое и последнее любовное похождение в астрале. – Я думаю, этот случай многие запомнили надолго.

– Так вот, к нам поступила просьба от этой же цивилизации, но уже через Службу Равновесия. И теперь нам нужно решать – возьмемся мы за это дело или нет?

– А какое дело-то? – спросил Женька.

– Я знаю только, что у этой цивилизации дело дрянь. Они прошляпили какой-то кризис и теперь без прямого вмешательства им крышка через каких-то тридцать лет.

Конкретней я сам не знаю. Если нет возражений, то я свяжусь с их представителем, и он сам поведает обо всех их бедах. Ну что, идем туда?

– Идем! – хором ответили ангелу авантюристы-спасатели.

– Тогда допивайте пиво, а я костер потушу!

– Только не по-пионерски! – взмолился Федька, предполагая самое худшее. – Мы в замкнутом пространстве!

– А это как, по-пионерски?! – сразу ухватился за новую идею любопытный ангел.

– Раз не знаешь – не скажу! – успокоился Федька. Поэтому, сборы прошли быстро и вполне прилично.

Через пару минут вся ватага отправлялась из портала офиса к пирамиде Службы Ориентации и Информации. Всем знакомый ангел Навигатор радушно встречал гостей.

Буль, правда, не дал ему поговорить, и сразу попросил показать приятелям планету Сэйлар относительно Земли. Через мгновение они висели в космосе недалеко от луны, смотря на родную планету со знакомыми очертаниями материков.

– Ну что, полетели в гости?! – воскликнул весело Навигатор, и картина космоса ожила. Они стали стремительно удаляться от Земли, потом от солнца, и взмыли над спиралью галактики. Навигатор комментировал. – А теперь переместимся в область расположения цивилизации Сэйлара.

Вся компания перелетела почти на противоположный конец галактического вихря и стала входить в довольно разреженную звездную область другого рукава галактики.

Когда звезды подрасступились в стороны, Навигатор притормозил "наезд" картинки и прокомментировал:

– Заметьте это темное газо-пылевое облако, оно заслоняет

почти половину небосвода Сэйлара от света звезд. В отличие от Земли, у которой темное облако заслоняет центр галактики, это находиться в противоположной стороне от центра галактики по отношению к планете Сэйлар. И если на Земле такая туманность уравнивает свечение звезд по всему небу, то на Сэйларе, наоборот, четверть года ночи абсолютно беззвездные, а четверть – всю ночь можно газеты читать от сияния центра галактики. Ну что, летим ближе к звезде Антар – солнцу цивилизации Сэйлара?

Космические бродяги стали двигаться вдоль темной стены туманности, и вскоре, космос разделился на две части: с одной стороны была черная бархатная бездна, поглощающая свет, а с другой – сверкал океан звезд, сливаясь в центре в ослепительное галактическое ядро. Впереди показалась оранжевая звездочка.

Навигатор продолжал комментировать:

– Звезда Антар близка по спектру к солнцу и чуть меньше по массе, а температура звезды чуть-чуть ниже, поэтому спектр немного смещен в красный цвет. Звезда имеет восемь спутников. Из них три газовых гиганта на дальних орбитах и две внутренних планеты. Одна, небольшая – голая скала, вращается слишком близко от звезды, а вторая и есть собственно Сэйлар.

Мимо путешественников проплыла большая планета, смахивающая на Юпитер, и они устремились к оранжевому, пока еще маленькому солнцу Антара. Через некоторое время показалась ярко синяя планета с белыми хлопьями облаков в атмосфере. Они подлетели совсем близко к ней и зависли в космосе, глядя на эту красавицу. Сбоку ярко сверкал Антар. Навигатор продолжал ознакомительную лекцию:

– Сэйлар меньше Земли, и гораздо плотнее поэтому сила тяжести на его поверхности процентов на двадцать ниже. Зато у него толще атмосфера, которая близка по составу к Земной только с большим содержанием тяжелых газов – не позволяющих ей улетучиваться при несколько меньшей силе тяжести. Из-за несколько другого состава атмосферы и большей ее толщины планета кажется ярко синей. К тому же, водного пространства на ней больше, чем на Земле, что тоже добавляет синевы. Еще одно отличие от Земли – наличие двух разновеликих лун: Далы и Зелы. Дала – большая, вращается на дальней орбите, с поверхности Сэйлара видится почти такой же, как и Луна с Земли. Зела – маленькая и красная, вращается ближе к Сэйлару и быстрее, чем Дала. Ее цвет вызван высоким содержанием окислов железа в поверхностных породах. Она не очень правильной формы, так как раньше была астероидом, который случайно попал в область притяжения Сэйлара, да так и остался его спутником. Сам Сэйлар, как я уже говорил, меньше Земли. Его недра менее

разогреты, а кора гораздо толще, так что вулканической деятельности на данный момент почти не наблюдается. Материковые плиты раздроблены, поэтому, по меркам Земли, на планете есть только один большой материк – Эриана, размером примерно с Австралию. Остальные участки суши довольно равномерно распределены по поверхности планеты, образуя большие и малые острова и архипелаги. Это почти все общие данные о Сэйларе. Хотите ли вы прослушать информацию о цивилизации Сэйлара?

– Спасибо, я договорился с представителем их Службы Коррекции Развития и думаю, что он объяснит нам все, что нужно о самой цивилизации и ее развитии. Вы можете доставить нас к пирамиде этой службы?

– Разумеется! И до встречи! – довольный выполненным делом, Навигатор перебросил всех к занавеси серебристо-голубого северного сияния и исчез из видимости, только махнув на прощание рукой.

Сборный душевно-ангельский десант висел перед входом в мир неведомой цивилизации.

Все невольно разволновались. Буль спросил:

– Ну что, начинаем миссию? – и увидев согласные кивки, весело подмигнул. – Тогда пошли!

Устремившись через мерцающую стену, все оказались в стандартном офисе ангельской службы. Клерк, сидящий за компьютером, завидев гостей, приветливо улыбнулся и вышел к ним. Увидев приятного молодого человека, Буль немного скривился и заявил:

– Приветствую! Мы с пирамиды Земли по приглашению вашей стороны. Нельзя ли нам встретиться с вашим представителем по имени Ленгли? – и добавил. – И, если можно, в настоящем его виде.

Клерк, не возмутившись и, даже наоборот, став серьезным и еще более подтянутым, замолчал на минутку и произнес:

– Прошу, он вас ждет! – и все, в мгновение ока, оказались в апартаментах, немного напоминающих Земные дворцовые комнаты трехсотлетней давности: красивые гобелены по стенам, тяжелые шторы на окнах, расписной потолок, витиеватая мебель, паркет…

Но не это все привлекало внимание гостей. Их взоры были прикованы к человеку (если его можно было назвать человеком), стоящему посреди комнаты и внимательно их разглядывающему. Заинтересованность была обоюдной, поэтому никто не спешил нарушать тишину, пока стороны осматривали друг друга.

Женька был сражен. Все байки о инопланетянах,

представляющие их зелеными человечками или бледными уродами, оказывается, врали. Сейчас он сам себя почувствовал бледным и лысым уродом. Перед ним стоял стройный, высокий представитель разумных с планеты Сэйлар. И глядя на него, было ясно, что у красоты есть какие-то свои, общие, тайные критерии. Этот гуманоид сочетал в себе именно такие черты, казавшись совершенством, как кажется бегущая лань, плывущий лебедь, прыгающий дельфин или летящий орел. Но в отличие от животных, он был настолько похож на человека, что эта красота действовала гипнотизирующе на Женьку. Телосложением разумный с планеты Сэйлар не отличался от людей, разве что, был несколько стройней. Часть туловища скрывали одежды, видимо, служащие больше для украшения, чем для согревания, судя по непрактичности и большим прорехам, сделанным по бокам. Самое большее, что поразило Женьку, это была короткая, шелковистая и переливающаяся отблесками света шерсть, покрывающая почти все тело гуманоида, так что казалось, что под одеждой, на нем надето шелковистое трико.

Голову увенчивала грива густых темных волос, выглядящая чем-то между человеческой шевелюрой и львиной гривой, так как спускалась сзади почти до лопаток. Окрас тела красиво изменялся от почти черного на затылке и спине, до светло-коричневого и золотого на груди. Руки были похожи на человеческие, только с более узкими и удлиненными пальцами и ногтями, что придавало им несколько утонченно-хищный абрис.

Лицо незнакомца заслуживало отдельного внимания. На нем шерстяной покров совсем истончался, создавая видимость сероватых бакенбардов на скулах. Середина лица была безволосой, и мимика хорошо просматривалась. Губы и нос были почти привычными. Но глаза изумляли сочетанием прекрасного и хищного одновременно.

Женька, наконец, понял, в чем дело: они были несколько больше человеческих и немного вытянуты по-лисьи к вискам. К тому же ярко-синюю радужку рассекал вертикальный зрачок. Выразительность глаз подчеркивалась природным макияжем: густыми ресницами, оттененными светлым атласом тончайшего подшерстка веками и темными бровями. Белый подшерсток, начиная от век, продолжался красивой полосой на висках, оттененной сверху узкой темной линией тянущейся от бровей, куда-то вдоль всего туловища. Завершали картину две маленьких мохнатых кисточки на кончиках остроконечных ушей, выглядывающих сбоку из гривы волос.

Вдоволь наглядевшись на гостей, хозяин несколько церемонно поприветствовал вошедших:

– От всей души приветствую гостей нашей пирамиды и надеюсь, что вам понравиться наша планета Сэйлар, как и населяющие ее сэйлы и лонки! Я один из высших ангелов нашей Службы. Зовут меня, как вы уже наверно знаете, Ленгли, но обычно мы сокращаем имена в разговоре, и Лен будет правильней.

Гости тоже поспешили представиться. После обмена любезностями, разговор зашел о причине их визита.

– Уважаемый Лен, Вы бы не могли для начала коротко посветить нас в суть проблемы, чтобы нам хотя бы, в общем, представить стоящую перед нами задачу? – вежливо попросил Буль ангела-инопланетянина.

– Вы знаете, дело сложное и запутанное, поэтому, если позволите, сначала я введу вас в экскурс развития Сэйлара. Тогда и проблема станет вам понятной!

– Хорошо, временем мы располагаем, – согласился Буль и, обернувшись на приятелей, строго поднял бровь и добавил. – Надеюсь!

Все согласно кивнули строя, кто испуганные, кто заинтригованные рожи. Женька заметил, что, если Лен не прикидывается специально для них, то его мимика вполне адекватно воспринимается людьми. Только маленькие нюансы бросались иногда в глаза. Например, Женьку поразила широкая, прямо-таки лучезарная улыбка сэйла или лонка (как там он сказал?), но чуть больше, чем у людей, выступающие клыки придавали ей странный диковатый или хищноватый оттенок. И еще, для выражения чувств, помимо мимики лица и прищура век, Лен активно использовал ширину зрачка, который, видимо, суживался, когда он сердился, задумывался или смеялся, и расширялся, когда он внимательно вглядывался, выражал искренние чувства или был взволнован. Хотя это еще надо было проверить при более длительном знакомстве. Но, так или иначе, глаза у гуманоида были на порядок выразительнее, чем у людей, что, с другой стороны, наверно, мешало ему скрывать свои чувства и мысли.

– Итак, чтобы объяснить все наши проблемы, я вынужден буду начать с самого начала. Пирамида Сэйлара развивалась параллельно вашей и взяла начало от родственной вашей, высшей астральной сущности. Возможно, это была когда-то и единая сущность, но то нам не ведомо. Родственность сущностей проявилась на многих стадиях развития, так как цель была похожей – мы с вами очень мало различаемся! – и Лен одарил гостей своей завораживающей улыбкой. – Так вот, система Антара была найдена весьма подходящей для развития гуманоидной

цивилизации. Даже наверно лучше, чем Земля. Но была та же проблема, что и на у вас: Сэйлару нужно было наклонить ось вращения относительно эклиптики, что и было проделано, тем же банальным приемом. Скорректированная орбита будущей Далы успешно пересеклась с Сэйларом. Однако, еще до момента столкновения, возникла немалая проблема. Сэйлар был меньше разогрет, и его кора была значительно толще Земной. Поэтому, после этой спланированной космической аварии, в планете образовалась гигантская впадина диаметром в 2000 миль и глубиной в 50 миль. И только в самом центре ее магма немного выплеснулась наружу, образовав огромный вулкан, который окончательно затух спустя некоторое время.

– Возникло сразу две больших проблемы. Дала, заняв нужную позицию на небосводе, все-таки прихватила с собой изрядный шмат из тела Сэйлара, тем самым, сделав его асимметричным. Эта асимметрия начала тормозить вращение Сэйлара. Другая проблема была в том, что впадина была так глубока, что все воды Сэйлара под действием притяжения, в конце концов, скопились бы в одном море, а вся остальная планета представляла бы из себя пустыню. Поэтому, наше наивысочайшее ангельское создание, – сыронизировал Лен. – Нашло нестандартное и быстрое решение: установило гравитационную линзу массой, точно соответствующей весу вытесненной породы из Сэйлара. А сделало оно эту линзу, чуть-чуть развернув одно из восьми нереализованных в реале измерений. Как уж оно это сделало, меня лучше не спрашивать, а вот о последствиях этого фокуса и пойдет речь. То есть, вы как раз и прибыли разгребать одно из таких очень долгоиграющих последствий. – Лен, ехидно усмехнулся, а Женька подумал: "Все ангелы одинаковы, хлебом не корми – дай посмеяться! Тут его цивилизация под угрозой, а он хихикает!" – Ну в общем, развернуло немножко наше божественное начало это измерение – ровно настолько, чтобы создать гравитационную массу в форме линзы, плоскость которой совпадает с плоскостью развертки этого измерения. Запаковало оно это измерение в одному ему известные поля и силы, и сделало каменную капсулу.

– А намного это измерение развернуто? – не удержался с вопросом наш, донельзя заинтригованный физик, Федька.

– Одному этому богу известно насколько, может на сантиметр, может на микрон, а может и вообще на орбиту электрона. Мне известно лишь то, что вся капсула размером с ваш метр будет, а с виду, как кусок полированного серого камня, и формой, как та же линза. Так вот, эта капсула и была помещена на вершину огромного вулкана так, что гравитационная линза

точно залепила вмятину. Но кроме дополнительной массы, в этой линзе было еще одно ценное свойство: развернутое четвертое измерение, как бы смещало гравитацию к краям линзы. Таким образом, на поверхности Сэйлара, внутри этого наведенного поля, возник новый вектор притяжения, направленный не к центру планеты, а немного смещено от центра линзы, так, что вода внутри впадины не устремлялась к ее центру, а равномерно распределялась по поверхности, точно так же, как и на всей планете. Поэтому же сила тяжести постепенно уменьшается к центру впадины. В результате этого "гениального" трюка, были решены основные проблемы. Сэйлар восстановил равновесие, а вода больше не стремилась в центр впадины. Только небольшое море в самой центральной, относительно заглубленной части оставалось в этой стране.

– Так это ж здорово! Вон, какая планетка красивая получилась! Да и жители не подкачали! – воодушевившись грандиозными физическими проектами, Федька начал расхваливать великого планетного зодчего.

– Не спешите, мой дорогой гость! Не все так просто. Но Вы правы в том, что заплата великолепно работала миллионы лет, а на мелочи старались не обращать внимания. Так вот, одной из мелочей было "размягчение", если можно так выразиться, трехмерности пространства в области этой гравитационной линзы или впадины. Влияние четвертого измерения стерло порог между астралом и реалом так, что свойства астрала стали частично проявляться в реале и наоборот. Поэтому, нам, астральным сущностям стало невозможно входить в эту область, из-за угрозы "застрять" намертво в этой "вязкой" изнанке или "мягком" реале. Честно говоря, там такой сыр-бор творится, что мы сами не очень понимаем. По наблюдениям из космоса и заметкам побывавших там "туристов", область населена огромными животными, что видимо, вызвано ослабленной силой тяжести и высокой плотностью атмосферы. Кстати, впадину называют страной Высоких Горизонтов, так как, по свидетельствам там побывавших и вернувшихся живыми, путешественник, оказавшийся там, в любой точке ощущает себя стоящим на дне впадины с высоко поднятыми горизонтами. Самое же интересное, что некоторые сэйлы, аналогичные вашим экстрасенсам, в этой зоне могут влиять на астрал, формируя из него недолгоживущую псевдореальность, кстати, как и некоторые из тварей развившихся в этой неконтролируемой области. Поэтому, эта впадина стала просто убийственной для обыкновенных сэйлов из-за своих опасных свойств.

– А чем же это может грозить цивилизации Сэйлара? Ведь,

как я понял, эти твари не выползают за пределы впадины?

– Вы правы, не они угрожают цивилизации, а сами сэйлы. Теперь несколько слов о развитии цивилизации. На Сэйларе существует два разумных вида: сэйлы и лонки.

Так же как и на Земле, у нас было создано несколько возможных гуманоидных прототипов, из которых только один вид сэйлов образовал цивилизацию. Остальные исчезли в процессе эволюции, но не все. Лонки сумели сдружиться с сэйлами и даже стали у них чем-то вроде священных существ, приносящих счастье и нуждающихся во всяческой опеке. Лонки по развитию достигают семи – восьмилетнего ребенка сэйла, и по росту не превышая того же ребенка. Хотя живут почти так же долго, как и сэйлы – до ста и больше лет. Надо отметить, что год на Сэйларе несколько короче, так как планета вращается по более близкой орбите к звезде, чем Земля.

Теперь несколько слов о религии. Для раскачки цивилизации в поступательном направлении развития, мы использовали обычный способ засылки мессий. Проблемой было то, что только несколько самых больших островов могли быть пригодны для таких пришествий. Идеальным же местом была Эриана – единственный большой материк на Сэйларе. На ее территорию в основном и снисходили наши посланцы. В дополнение к догмам, используемым на Земле, мы всегда включали запрет на хождение в страну Высоких Горизонтов. Это было необходимо, так как наша, очень умная родительская астральная сущность, догадалась отремонтировать поврежденную планету, но не додумалась получше прикрыть капсулу с развернутым четвертым измерением. Капсула, конечно, недоступна для зверей и птиц, просто в силу своей удаленности, но совершенно беззащитна перед более-менее технически вооруженными сэйлами.

Возникла идиотская ситуация. Загадочный мир манил к себе любопытных сэйлов.

Способные к экстрасенсорике маги находили там усиление своих колдовских способностей. Короче, все указывало на то, что рано или поздно, самые отчаянные и любопытные доберутся до капсулы. Особенно хорошие шансы на это были у колдунов и ведьм. Потому-то мы и вынуждены были бороться с любыми такими попытками, развив инквизицию, уничтожающую ведьм и колдунов в соответствии с заповедями мессий. Но кажется, все эти меры предосторожности оказались неэффективны. Как вы можете представить себе из этих современных интерьеров, мы находимся на пороге окончания средневековья и начала возрождения. То есть, техническое вооружение скоро позволит сэйлам пройти к вулкану и капсуле. А, как оказалось, для

разрушения нашего мира, достаточно немного изменить ориентацию капсулы, что можно сделать почти голыми руками, при достаточном их количестве.

– А как вы догадались, что вас ждет что-то страшное впереди? – спросил Женька.

– Все было нормально, последний мессия, сожженный на столбе, очень удачно подтолкнул развитие социума в нужном направлении. Инквизиция немного перебарщивала в своем усердии, но в целом, все шло в правильном направлении, как вдруг пошла волна негативного отражения на реал из будущего. У нас наверху кинулись проверять книгу Сэйлара и просчитывать вероятности развития. Оттуда-то и пришла страшная весть: внятное отражение какой-либо вероятности из будущего обрывалось через тридцать лет. Такое может произойти, только если в этот момент возникает равновероятная развилка течения событий, взаимоисключающих друг друга.

– А с чего вы взяли, что Сэйлар ждет катастрофа? – недоуменно спросил Женька.

– Хорошие же мы были бы ангелы, если смотрели бы за событиями только из одного источника! – отметил довольно Лен. – Как я сказал, отражение будущего на материи показывает, что вероятность катастрофы, однажды возникнув, только усиливается.

По крупицам черпая размытую информацию, мы примерно установили, как это произойдет. Кто-то из молодых наследников престола Эрианы, сменит нынешнего не очень приятного диктатора Инорта и, по-видимому, обуреваемый идеей всемогущества, решит раскрыть магическую тайну страны Высоких Горизонтов. Видите ли, в Эриане есть немало запрещенных сказок, в которых предполагается, что ключ к всемогуществу лежит в самом центре этой страны. Я думаю, это наша промашка: ведь те же экстрасенсы, могли считывать из астрала информацию о том, что в центре находится капсула, питающая магической силой всю впадину. А действительное ее назначение могло от них и ускользнуть, как несущественная деталь. Мы в срочном порядке заслали пару мессий, но оба потерпели поражение из-за ретивости инквизиции. Так что сейчас наши ресурсы влияния на ситуацию почти исчерпаны и единственная надежда на вас. Нужно прямое вмешательство в реал, иначе, конец света почти неизбежен. – Лен развел руками и обреченно вздохнул, признавая свое поражение.

– Кто с вашей стороны знает о проекте? – твердо спросил Буль.

– На данный момент, кроме меня и… (Лен указал пальцем

вверх) никто. Все просто в шоке и панике.

– Хорошо. Есть ли у вас предложения, как мы будем действовать, когда попадем в реал Сэйлара?

– Есть несколько возможных решений. Первое – можно пойти вещать о пришествии конца света, но этот путь малоэффективный, так как у нас просто нет времени.

Наиболее вероятный способ – физическое или психическое устранение того, кто должен добраться до капсулы, но мы не знаем точно, кто он, хотя круг претендентов очень невелик. Третий путь – установить защиту над капсулой, что мы давно бы сделали, если бы могли до нее добраться. То есть, это самое надежное, но наиболее трудновыполнимое решение.

– Понятно, – задумался Буль. – Посмотрим по ходу дела. Но сейчас для меня совершенно не понятно, как мы сможем научить хоть кого-то выйти к нам в астрал, используя наш метод.

– Есть одна возможность, – Лен улыбнулся. – У нас в астрале иногда гостит очень сильный экстрасенс, к тому же, юная наследница престола, и к тому же, хорошо образованная, что тоже поможет делу. Она собственно и есть наша последняя надежда в реале, просто чудом избежавшая лап инквизиции.

– Хорошо, – подвел итог Буль. – Для начала мы отбудем к себе и посовещаемся, как и что нам делать, а завтра опять встретимся, чтобы осмотреть мир Сэйлара. Да, а как мы сможем встретиться с этой вашей юной надеждой цивилизации?

– Ее зовут Лэя, Леолэя Альк, – улыбнулся Лен, как будто вспомнив о чем-то приятном. – К сожалению, ее выходы в астрал редки. Вернее к счастью, так как на такие выходы на данный момент не способен больше ни один экстрасенс на Сэйларе.

Обычно это случается, если она чем-нибудь расстроена или взволнована.

– А откуда у нее взялись такие способности? – продолжал расспрашивать Буль.

– Она в детстве чуть не утонула, пережила клиническую смерть, но ее лонк и отец пришли вовремя к ней на помощь.

– Тогда понятно, классический случай нарушения целостности плотной оболочки и ее связи с телом, – понимающе проговорил Буль. – Тогда мы с ней должны познакомиться, как только она в следующий раз выйдет в астрал. Держите нас на связи!

Женька слушал беседу краем уха, пытаясь осмыслить, откуда взять на Сэйларе Ксилонейросказин-В. Буль, тем временем, завершил беседу, раскланявшись с Леном, и бригада спасателей переместилась прямо в свой офис.

– Идем ко мне в кабинет, обсуждать ситуацию, – скомандовал

Буль. Все послушались, не проронив ни слова, так как мозги были заняты перевариванием информации.

– Представляете, чем могут кончиться опыты с разворачиванием вакуума или такого дополнительного измерения?! Вдруг какой-нибудь умник додумается до такого у нас!

Ведь все ищут халявную энергию. Не дай бог найдут – она же так рванет, что от Земли ничего не останется! – первый изверг из себя переваренную информацию Федька, и плюхнулся на оленью шкуру с уже открытой пивной банкой.

– Не волнуйся – не додумаются! – ехидно ответил Буль.

– Ой, не зарекайся! Эти ребята тоже думали, что все шито-крыто, а как осталось тридцать лет до старта Армагеддона, так и сделать ничего не могут, кроме как мессу отслужить!

– Ладно, сейчас есть проблемы более насущные, – остановил полемику Женька. – Будет ли действовать Ксилонейросказин-В на сэйлов? Это раз. Как мы его доставим в реал Сэйлара без большого шума и пыли? Это два. И если мне кто-нибудь расскажет, как это сделать – буду премного благодарен. Это три.

Все озадачено замолчали. Потом Славка, скромно потупив очи, предположил:

– А он не аналог какого-нибудь вторичного растительного метаболита?

– А ведь, правда! – вырвалось у Женьки, и он надолго замолчал, пытаясь вытряхнуть из своей крепкой головы хоть какой-нибудь намек на происхождение препарата. И ведь вытряхнул, закричав. – Эврика!

– Ты у нас прям, как Архимед! Только это надо кричать с голой задницей – для убедительности! – обрадовался за товарища Федька. – Кажется, когда Архимед так орал, он голый по Афинам бегал! И представь, его даже в психушку не упекли.

– Да заткнись ты! – вякнул на него Славка и напряженно уставился на Женьку. – Ну, давай, выкладывай!

– Я вспомнил, что в одной описаловке было указано, что он синтетический аналог какого-то метаболита. Теперь только надо на работе выяснить, что и как.

– Не надо! Все равно на Сэйларе таких же растений нет! – притормозил Женьку Буль.

– Погоди, а как мы найдем на Сэйларе нужное растение? – задумался Славка.

– Это я возьму на себя! – сказал ангел. – Как все обсудим, сходим на изнанку, и я сделаю программку, которая считает молекулу препарата. Как, у тебя дома найдется чистый порошок или раствор? – спросил Женьку ангел.

– Найдется, – ответил Женька и сразу же сказал. – Но ведь его еще нужно как-никак выделить из растения!

– А вот это уже твоя задача: разработать метод выделения препарата в средневековых условиях! – обрадовал Женьку Буль. Женька не на шутку задумался: надо посмотреть, является ли он спирторастворимым – это было бы легче всего.

Эфира, к примеру, там не найдешь. Если удастся сделать спиртовую вытяжку, можно провести какую-нибудь очистку и концентрацию. Да, надо опять перелопатить все данные насчет препарата. И главное! проверить, будет ли действовать "грязный" препарат, смешанный, хотя бы с отжимками каких-нибудь листьев.

– А магнитное поле?! – вдруг послышался Федькин возглас. Нужно же какое-никакое магнитное поле с колебаниями хотя бы в полгерца! Где в этой деревне такое найдешь?

– Будем искать магнитные аномалии. Там так шарахнуло когда-то, что должно остаться достаточно разломов и выходов глубинных пород с богатым содержанием железных руд, в том числе и магнитных, – со знанием профессионального геолога ответил Буль. – Так! Фронт работ ясен. Теперь приступаем к их выполнению!

***

На следующий день, спасательная бригада опять стояла перед Леном, но уже во всеоружии, и рвущаяся в бой. Женька с Булем еще до визита успели сделать пару важных дел. Буль изготовил маленькую ангельскую сущность, которая, покувыркавшись в порошке Ксилонейросказина-В, считала всю требуемую информацию.

На основе этой информации, Буль вознамеривался создать целый рой маленьких программок, которые пропахали бы всю изнанку Сэйлара в поиске растений, содержащих это соединение.

Но особо радостным результатом оказались данные, полученные Женькой. Во-первых он собрал все, какие можно и нельзя данные о препарате по растворимости, стабильности и даже поведению в различных хроматографических системах. Теперь он знал, что препарат, к счастью, хорошо растворим в воде, спирте, ацетоне и эфире, причем, не теряя своей структуры и активности. Его можно неплохо переосаждать щелочью, нагревать почти до точки кипения и чистить на разных сорбентах,

в том числе простой целлюлозе. А главное, он был довольно стабилен в сыворотке крови и выводился из организма, только разрушаясь в клетках печени. Все это давало большие шансы на успех предприятия, если только найдется подходящее растение, гриб или еще какой-нибудь организм для его получения.

Женька, сразу по выходе из астрала, отжал несколько капустных листьев и растворил одну дозу препарата в полученном соке. Вечером, перед следующим выходом, он принял этот раствор, вместо обычного, нанесенного на сахар. Через двадцать минут он стоял на изнанке, радостно соображая, что препарат не снизил своей эффективности от нахождения почти сутки в капустном соке при комнатной температуре. Значит, на счет стабильности сомнений не оставалось… …Не успел Лен толком поприветствовать гостей, как специалисты взяли "быка за рога":

– Сначала по биохимии сэйлов, – деловито начал Женька – Нам нужно выяснить отличия и сходства с людьми.

– Подождите мой дорогой гость. Во-первых, по моим данным, различия минимальны.

Но я предлагаю вам осуществить все исследования на месте, так сказать. Как вы смотрите, если мы взглянем на планету с близкого расстояния?

– А и правда! – хлопнул себя по лбу Федька. – Вот ведь идиоты! Сразу биохимия, препарат, а хотя бы приблизительно ознакомиться с предметом работы не удосужились!

– Это по запарке! – объяснил Славка, посмеиваясь над их ретивостью. – Мы, как часто бывает в медицине, слишком озаботились прямыми проблемами и забыли обо всем организме. То есть, пока лечишь от одного, пациент может откинуть ноги от совсем другого!

– Да, верно! – признался Женька и спросил у Лена. – Но почему Вы уверены, что сходство велико? Из-за эффекта панспермии?

– Только отчасти, друг мой! Эффект панспермии присутствовал в том смысле, что при засеве жизни реализовался один и тот же пакет информации на Земле и Сэйларе.

Но мы же и дальше внедряли те же пакеты молекулярных циклов, что и вы. И разумное создание мы развивали в том же направлении, только базой для него служила группа животных похожая на ваших приматов и немного на кошачьих. Хотя в биосфере планеты есть и некоторые различия. Нам, например, пришлось, реализовать цикл распада известняков с выделением углекислоты в некоторых микроорганизмах.

Ведь у нас, по сути, нет вулканической деятельности, и вся

углекислота из воздуха давно бы осела в отложениях известняков и растений, если бы известняки не разъедались постепенно обратно, а растения иногда не сгорали. Ну ладно, это детали. А о сэйлах и лонках могу сказать то, что они вполне сходны с вашими животными по своей биохимии.

Теперь, когда они находились в гостях у Лена, главным в команде становился Буль со своими подготовленными программами. Вслед за радушным хозяином, они дружно вывалились на изнанку Сэйлара, плывя где-то между лунных орбит и поверхностью планеты на линии смены дня и ночи. Лен начал свой экскурс примерно с той точки, на которой закончил свои объяснения Навигатор при их первом походе к Сэйлару:

– Предлагаю взглянуть на планету с высоты космоса, чтобы представить ее в общих чертах.

Вся компания поплыла вокруг Сэйлара навстречу его оранжевому солнцу. Под ними простирались просторы бесконечного темно-синего океана, местами усеянного архипелагами зеленых островов и расцвеченного белыми перьями облаков. Попадали и большие острова, размером доходившие до Мадагаскара или даже Гренландии.

– Почти все горы на Сэйларе сильно подточены миллионолетней эрозией, поэтому довольно низкие и покрыты растительностью. Таким образом, почти вся суша покрыта зеленью растений, – комментировал Лен проплывающую внизу картину.

Наконец, перед ними появился край материка. Были видны следы цивилизации, состоящие из редких городов и сельскохозяйственных угодий. Вот под ними проплыл особенно большой город, стоящий на берегу широкой реки.

– Это Венла, столица государства Эриана, носящего одно имя с материком и совпадающего с ним размерами, – продолжал информировать Лен. – А дальше, вы увидите кольцо гор, опоясывающее страну Высоких Горизонтов!

И действительно, вскоре показался пояс гор, кольцом расходящийся вокруг ужасной раны на теле планеты. Но о масштабах космического столкновения, произошедшего миллиарды лет назад, можно было только догадываться, так как картину радиальных трещин и взрывного отвала, собственно горного кольца, смягчали долгая эрозия, зелень растений и облачность, закрывающая большую часть впадины. Остановившись над этой облачностью, Лен сказал:

– Впадина почти всегда закрыта облаками. Поэтому мы, к сожалению, не сможем разглядеть внутреннее море и гигантскую гору посреди этого моря. Как и не можем спуститься к горе под

облака, не рискуя остаться там навсегда. Так что, для нас эта страна остается почти неведомой. Я предлагаю вернуться ближе к столице, где вы можете лучше всего ознакомиться с жизнью Сэйлара.

Поскольку гости не возражали, Лен взмахнул рукой, и они мгновенно оказались на окраинах города или деревни. Вся группа стояла посреди недавно скошенного поля.

Справа к городу шла мощеная камнем дорога. Слева, за полем, виднелась синева широкой реки. А прямо, начиналась городская окраина представленная опрятными деревянными домами. Недалеко от домов, на поле виднелся то ли пахарь, то ли возница, идущий вслед за лошадью.

– Мы можем начинать? – спросил разрешения у Лена Буль.

– Да, да, пожалуйста! Если возникнут вопросы, я с удовольствием вам на них отвечу! – передал бразды правления хозяин.

– Тогда начинаем?! – воскликнул Буль. Все согласно закивали, а Женька сразу спросил:

– Что сначала?

– Все! – ответил насмешливо Буль. – Сейчас начну запускать программы. На проверку биохимии хватит двух программ, одну на того сэйла, а другую на его лошадь. – Поколдовав над своими карманами, он выпустил из них пару искорок, мелькнувших в направлении пахаря. – Так, теперь насчет твоего лекарства! – Буль засунул руку в правый карман брюк, вытащил пригоршню из нескольких сотен искорок, и подбросил их вверх, после чего, те стремительно умчались в разные стороны.

Буль продолжал свое колдовство над карманами и спросил. – Федя, как ты думаешь, магнитные аномалии наверно есть смысл искать только в горах и разломах?

– Конечно! – ответил физик, зачарованно глядящий за манипуляциями ангела. – Экий ты сеятель!

– Время разбрасывать камни… – произнес высокопарно Буль, подражая, весьма известному астральному посланнику на Землю, и бросил на ветер очередную партию искорок-программок. – Сейчас запустим этих ангелочков в сторону гор. Пусть полетают! – затем довольно отряхнул руки и предложил, указав на избы, стоящие вдали. – Пока за нас трудятся братья наши меньшие, я предлагаю познакомиться с жизнью этого достопримечательного города, если его можно назвать городом!

– Не сомневайтесь! – усмехнулся довольно Лен, опять взяв на себя роль экскурсовода. – Давайте, полетим потихоньку над этой дорогой к центру города!

– Погодите! – воскликнул Женька. Любопытство уже тянуло

его к пахарю. – Давайте, взглянем на этого сэйла с лошадью!

И, не обращая внимания на приятелей, рванул прямо к крестьянской парочке.

Остановившись у самой лошади, он остановился и сам заржал, как конь:

– Ой, не могу! Они что, на коровах пашут?!

– Сам ты корова! – возразил Славка. – По стати, это самая настоящая лошадь!

– Смотри, у нее гривы нет, рога как у барана и копыта двойные, а хвост как у осла!

– Ну и что, по функциональности она лошадь. Да и какая разница?! Посмотри лучше на этого труженика! Вот уж силушка и стать где. Для человека это был бы богатырь!

– По нашим меркам он немного тяжеловат! – заметил Лен. – Рост хорош, но в плечах лишковато. Для воина, например, был бы слишком неповоротлив, да и в возрасте уже.

– А чего это он голый, что ли? – вдруг дошло до Женьки, что то, что он воспринимал за одежду, был просто шерстяной покров.

– А как еще ему одеваться? Жарко ведь! У нас крестьяне часто голышом ходят.

– Ну как-то неудобно. Есть же у вас половые различия!

– Есть, конечно, но они лучше спрятаны, чем у людей, особенно у мужчин. То есть, как бы вам это покультурнее сказать, – ехидно улыбнулся Лен. – У наших мужчин в нерабочем состоянии почти ничего между ног не болтается, а если немного и есть, то этого без особого разглядывания не видно.

– А в рабочем?! – нахально спросил Федька.

– А зачем вам в рабочем?! – так же нахально ответил Лен, и Федька сразу перевел разговор на другую половину:

– Ладно, мужики, а женщины как? Или у ваших женщин сверху ничего нету? – изобразил на себе женскую грудь Федька.

– Не показывай на себе! – суеверно испугался Женька.

– Как нет? Есть, конечно! – ответил Лен. – Мы тоже от млекопитающих происходим.

Так что здесь все на месте, просто, это не считается таким уж предметом, который надо прятать, особенно в крестьянской среде или, например, при купании! В целом, разница между людьми и сэйлами, в основном, в размещении и структуре шерстяного покрова. Надо признаться, что эволюцию все-таки сильно подталкивали в одном направлении, иначе мы с вами не походили бы друг на друга. Кто-нибудь обязательно был бы сумчатым или яйцекладущим! – то ли шутил, то ли серьезно объяснял Лен. Попробуй, пойми инопланетянина! Хотя, кто тут инопланетянин, надо еще разобраться! Женька, удовлетворив

свое любопытство у странной лошади, скомандовал:

– Ну, полетели, что ли, в город!

Они взмыли над полем и поплыли потихоньку над дорогой. Спустя несколько кварталов деревянных домов до него стало доходить, что Лен был прав, когда с гордостью улыбался за этот город. Дома все росли в размере. Стало попадаться все больше каменных построек. Людей, то есть сэйлов, все прибавлялось. Женька отметил про себя, что женские фигуры очень даже ничего по человеческим стандартам. Вообще, женщины были светлее, стройнее, чуть меньше ростом и как бы легче представителей мужского населения. Хотя, как и у людей, телосложение и пропорции сильно разнились от тощих до толстых и от маленьких до больших. В городе взрослые сэйлы были в основном одеты. Дома стали двух- и трехэтажными. На улице было много конных экипажей самой разнообразной конфигурации. Сэйлы попадались все более наряженные. И, когда вся ватага астральных гостей выкатила в центральные районы города, их ждала подлинная неожиданность. Женька почему-то не ожидал увидеть столь прекрасных зданий. Видимо, сказалось влияние земных стереотипов, и эти архитектурные формы, только слегка напоминающие смесь готики с таиландскими или китайскими храмами, зачаровывали своими причудливыми сочетаниями форм и красок. Центральные дворцы, несли по несколько ярусов конических крыш, опирающихся на красивые колоннады. Фрески чередовались с мозаикой и цветными витражами больших окон.

– По крайней мере, в изготовлении стекла, камнеукладке, архитектуре и даже канализации здесь знают толк! – уважительно заключил Женька. – Да и одежды на гражданах очень неплохого качества!

Тут они натолкнулись на марширующий на плацу полк солдат, вооруженных холодным оружием.

– Ого, милитаризация полным ходом! – удивился Федька.

– Вообще-то такая агрессивность не очень характерна для сэйлов! – как-то смущенно заоправдывался Лен. – Просто, нынешний диктатор немного склонен перегибать палку.

– А что, огнестрельного оружия еще не придумали? – спросил Славка.

– Нет, но скоро, видимо, додумаются, – вздохнул расстроено Лен. – Порох и фейерверки уже вовсю в ходу!

Буль, все время подхватывающий на ходу подлетавшие к нему мелькающие искорки, наконец, объявил:

– Все! Разбросанные камни собранны. Надо отправляться обрабатывать информацию и делать выводы! Ну что, прыгаем в пирамиду нашей службы?! – Все согласно кивнули.

– Тогда встречаемся в порту! – добавил Буль и исчез.

Женька сосредоточился на их новом маленьком порте, с которого он еще ни разу не отправлялся путешествовать по морю – а следовало бы! Очутившись на причале, он заметил Буля, внимательно разглядывающего плавательные средства, пришвартованные к причалу.

– Ты чего там забыл?! – Женька услышал из-за спины Федькин крик.

– Чего надо, то и забыл! – как всегда, по-ангельски "кротко" ответил Буль, и тут же пристал к появившемуся на пирсе Славке. – Ты чего, не мог побольше посудины придумать?! Ну да ладно, та яхта подойдет! – Буль указывал на самую большую, двухмачтовую посудину, стоявшую крайней к морю.

– К чему подойдет? – не удержался Женька.

– Не к чему, а для чего! Для производственного совещания или научного совета, – бубнил Буль, направляясь к яхте. Все загрузились на корабль, и Буль скомандовал Славке. – Ты, как главный по кухне (при этом он указал пальцем вверх, имея в виду, наверно, божественную кухню), отдавай швартовы и ставь эту лайбу на автоматический ход, а мы устроимся на палубе совещаться.

Славка не стал возражать и вскоре, вся компания, рассевшись в удобных стульях на деревянной палубе белого двухмачтового парусника, приготовилась слушать ангельский отчет. Буль начал с биохимического анализа. Перед ними возникли три висящие полотна, плотно усеянные химическими значками, показывающими биохимические реакции.

– Здесь биохимические циклы их лошади, сэйла и человека, – объяснил Буль. – Сейчас сопоставим лошадь с сэйлом!

Два полотна наложились друг на друга. В некоторых местах возникли зеленые метки.

– Зеленые формулы показывают минорные, то есть незначительные расхождения в циклах. А сейчас наложим человеческую биохимию!

Третье полотно наложилось на предыдущую картинку. Возникло гораздо больше зеленых мест и даже три красных. Женька оживился, догадавшись, что эти различия очень существенны:

– В чем эти различия?! – спросил он у Буля. Тот, поняв, что объяснений не нужно, увеличил красные участки и вывел текстовые ремарки.

– Ну, это ерунда! – прочитав одну, заявил Женька. – Это просто у человека мутация синтеза аскорбиновой кислоты, – затем продолжил чтение. – А это синтез стероидов мужского

типа. Тоже не существенно… а вот тут я не понимаю, что-то из основных циклов, кажется дополнительный путь катаболизма виноградной кислоты… но в целом, различия минимальны! Не сто процентов, но почти уверен, что препарат должен действовать. Кстати! Вот лажанулся! Надо ж было физиологию и анатомию сравнить!

– Это Вы лажанулись, милейший! – ехидным голосочком пропел ему в ухо Буль. – А мы, ангелы, всегда за вас, олухов, отдуваемся! Так вот, если не считать пропорциональных сдвигов, различия укладываются в десять процентов – гораздо меньше, чем, к примеру, у макак и человека!

– Отлично! – обрадовался Женька. – Тогда здесь все в порядке, а как на счет растений?

Буль, ничего не говоря, развернул картинку, на которой было изображено с десяток растений, под которыми было подписано несколько строк. Вглядевшись в надписи, Женька предложил Булю:

– Давай выкинем из списка те, что не растут на материке и сильно ядовитые! – список уменьшился до двух растений. – Так, и каково же содержание вещества в тканях? Хм, в листьях этой травы до 50 микрограмм в грамме, а в другой только 10 микрограмм. Хорошо, запомни их обеих, надо будет Лену и его королевской надежде, как ее – Лэе, показать! – Женька продолжал рассуждать. – Значит, если действующая доза где-то пять миллиграмм, то надо выпить минимум полстакана, а то и стакан сока. А есть там вредные соединения?

– Прямой отравы нет, но нежелательные соединения есть. Их можно осадить пятидесятипроцентным спиртом, – прокомментировал Буль.

– Хорошо, тогда делаем отжимку, концентрируем выпариванием, добавляем спирта, фильтруем, опять концентрируем и меряем активное вещество в спиртовом растворе.

Я думаю, что "лекарство" сможет храниться с месячишко и без особой очистки. С этим все ясно.

– А что там насчет магнитных аномалий? – спросил Федька ангела, и перед ними, на палубе яхты развернулась объемная карта с участком Эрианы от столицы до ближайших гор из пояса, окружающего страну Высоких Горизонтов.

– А прав оказался Лен! – усмехнулся Буль. – Программки, залетевшие за горы, не вернулись! По всей вероятности, увязли в реале! Похоже, и нам туда соваться нельзя! Но ладно, главное, кажется, мы нашли то, что нужно!

На карте зажглись красные участки, обозначающие высокую

магнитную активность. На равнине таких мест почти не было. Большинство было разбросано по горам. Особенно много зон было вдоль одного бывшего особенно большого разлома, занесенного наносными породами и превратившегося в горную долину. Буль ткнул в одну точку и сказал:

– Вот эта находка! – картинка увеличилась, показав пещеру в горном склоне. – Эта пещера, по-видимому, когда-то была промыта водой. Но это не важно. Главное, что внутри нее есть мощное магнитное поле, пульсирующее с частотой в полтора герца!

Почему там идет пульсация, программка не выяснила, да это и не существенно.

Принципиально то, что у нас, то есть у них, есть природный генератор магнитного поля подходящей конфигурации! Так что даже не надо ничего выдумывать с магнитами.

– Что же, получается, миссия возможна? – спросил Женька Буля. В ответ прозвучало только короткое и ясное: "Да!" Все, довольные, разбежались по неотложным делам, и только Женька остался валяться на палубе дрейфующей яхты, обдумывая детали предстоящей операции. Этот приступ лени и сослужил причиной того, что Женька окончательно вышел на ведущие позиции во всей операции. Где-то спустя полчаса такого безделья, на палубе появился Буль и, бешено вращая глазами, проорал:

– Куда все подевались?!

– Так, по делам разбежались! – Женька ответил, ничего не понимая. – Случилось что?

– Да! Срочно ноги в руки и со мной к Лену! Там его принцесса в астрале объявилась! Другого случая еще, может, месяц нужно ждать будет!

– Поехали! – охотно воскликнул Женька и сосредоточился на образе Лена.

Через пару секунд они наблюдали ангела-сэйла, нервно теребящего свои одеяния.

Увидев гостей, Лен засветился радостной улыбкой:

– Ох, я уже весь изнервничался! Мы никогда не знаем, как долго Лэя сможет быть в астрале. Прошу вас, идемте быстрее к ней!

– Подожди! – тормознул его Буль. – Много с ней там сэйлов?

– Отец, мать и ее ангел-хранитель Арсен.

– Ой, многовато что-то. Давай так. Когда мы пойдем, попроси удалиться всех лишних. Потом Женя начнет инструктировать вашу принцессу, а я ему помогу, если нужно – раздал команды Буль и, обернувшись к Жене, спросил. – Ты все по делу уяснил?

– Все! Идем! – ответил Женька ангелам, и неожиданно

оказался лицом к лицу перед созданием просто небесной красоты, стоящим на зеленой цветущей лужайке.

В отличие от Лена, эта девушка была светлее, мягче, нежнее. Легкая шелковая туника прикрывала ее тело, но Женька отметил стройность и легкость фигуры.

Основной оттенок шерстки был золотистым, темнея до медно-коричневого на голове и затылке, а от подбородка вниз шел вообще чисто белый атласный тон тончайшего подшерстка. Тонкие черты лица и красивый абрис чувствительного рта выдавали в ней какую-то внутреннюю высокородность. Тонкие брови черными ниточками оттеняли светлые веки, продолжавшиеся белыми полосками на висках и теряясь в пышной свободной прическе делая ее как бы мелированной. Но больше всего Женьку поразили своей выразительностью ее огромные глаза под густой опушкой ресниц. Он просто тонул в этих изумрудных озерах. Широко расширенные зрачки выражали, крайнее напряжение.

Женька поймал себя на странных ощущениях. Ему нравились сэйлы. Они были как-то объективно красивее людей. Ему приятно было смотреть на Ленгли, выглядящим одновременно и утонченней, и немного хищнее, чем люди. Но это было что-то вроде любования красивой птицей или зверем, а сейчас он вдруг почувствовал, что воспринимает эту юную дочь Сэйлара, как-то странно, несколько по-человечески. То ли ее волнение и яркие эмоции, написанные на лице, то ли прекрасная, по человеческим стандартам, женская фигура и утонченные черты лица заставляли его относится к ней, немного как к женщине, немного как к ребенку, но, во всяком случае, никак не могли оставить его равнодушным.

Глядя на дрожащие ресницы и напряженно сведенные брови, Женька вдруг понял: "Она же сильно испугана! Конечно, увидеть эдакую лысую образину!" Ему внезапно стало жалко это ангелоподобное создание, и он решил выразить ей всю свою приязнь и поддержку, на какую был способен. Он широко улыбнулся и заявил без обитняков в своем обычном стиле:

– Всегда мечтал спасать таких обворожительных красавиц!..

ГЛАВА 8. КЛЮЧИ ОТ МИРА

Лэя, удивляясь себе, почувствовала, как озорная улыбка в мгновение ока превратила инопланетное чудовище в забавное и веселое создание. Но даже сквозь смех, чувствовался его взгляд, продолжающий внимательно и заботливо изучать ее.

Лэя не могла не оценить комплимент чужака и ответила смущенной улыбкой:

– А я думала, что кажусь вам большой, плюшевой игрушкой, как мой Хлюп!

– Нет, если и игрушкой, то не плюшевой, а атласной! И потом у игрушек не бывает таких красивых и умных глаз! – продолжал расточать инопланетные комплименты Женька.

– Вообще-то у нас может быть мало времени! – улыбаясь, напомнила Лэя о том, что ее пребывание в астрале может внезапно оборваться, когда угодно.

– Ой, и правда! – спохватился Женька и сразу решил исправиться. – Тогда разрешите представиться! Мы с планеты Земля. Я – душа человека по имени Женя, или Женька, если возникнет желание поругаться на меня. Этот тип сзади – ангел.

Зовут его "Язык-сломаешь", а короче – Буль. Это потому, что он все время булькает, как перегретый чайник. Это немало нам надоедает, но за неимением лучшего… так что, прошу любить – не любить, но хотя бы жаловать. А передо мной, как понимаю, находится ангелоподобное и венценосное создание небесной красоты под именем Лэя?!

Лэя оторопело пыталась следовать за витиеватой мыслью инопланетянина и не расхохотаться ему в лицо от его странной веселой манеры излагать вполне серьезные вещи. "Как же весело и легко можно относиться к обыденным вещам!" – Лэя поймала себя на мысли, что начинает несколько завидовать этому смешному "чудовищу", которое смотрело на мир, как на повод повеселиться. Но это не было пустосмешеством, она чувствовала, что за смехом стоит уважение к ней и попытка найти психологический контакт. А ничего лучше и быстрее ломающего преграды между собеседниками, чем смех, нельзя и найти. Лэя сама решила пойти ему на помощь и ответила в том же духе:

– Вы совершенно правы. И моей первой "высочайшей" просьбой к Вам будет немедленно забыть о всяких коронах и перейти на "ты"!

– Огромное спасибо! На самом деле, это неприлично для развитых и цивилизованных инопланетян "Выкать" друг другу и

выпендриваться всякими висюльками и побрякушками, которые они, вместе со своими родичами, на себя понавесили! Так что Лэя, я могу тебя обзывать Лэйкой, когда буду не на шутку сердиться?!

Лэя рассмеялась, будучи уже не в силах сдерживаться:

– Нет! Можно, если только "на шутку" рассердишься!

– Это, как это? – выпучив удивленно глаза, зачмокал, словно пробуя на вкус непонятное слово, Женька. – Что-то сурдоперевод барахлит!

Теперь уже Лэя озадаченно пыталась понять, что значит сурдоперевод. Буль, воспользовавшись паузой, тут же по-деловому встрял в беседу:

– Кончай этот межгалактический базар! А то мы никогда не доберемся до дела!

– Ну что я говорил! – воскликнул Женька. – Опять забулькал!

– Ну ничего, где лейка, там и булькает! – продолжая веселиться, ответила Лэя.

Не прошло и трех минут, как инопланетяне чувствовали друг друга, словно старые друзья, собравшиеся на очередную вечеринку. Теперь обе стороны уже не замечали чужеродного внешнего вида собеседников, и можно было приступать собственно к делу.

– И все-таки, я попрошу всех лишних удалиться с полянки для сохранения конфиденциальности предприятия! – обратился Буль к Лену и остальным ангелам и сэйлам, присутствующим на лужайке.

– Это были твои родители? – спросил участливо Женя Лэю, когда на поляне остались только трое: он, Лэя и Буль.

– Да, мама с папой и Арсен – мой ангел-хранитель!

– Обещай, что познакомишь меня с ними, когда мы установим связь с реалом! – попросил Женька, давая Лэе понять, что он относиться с большим уважением к ее родственникам.

– Лен, Глен, Арсен – имена какие-то одинаковые! – пробулькал как-то недовольно Буль.

– А еще Лин, Лика, Лэя! – засмеялась Лэя. – Что уж тут поделаешь, если нам так нравиться. И потом, это сокращения, сами имена сильней отличаются, но они длинные и неудобные в пользовании.

– Ерунда, у нас тоже, иногда, на Земле, как начнут склонять: Джин, Джейн, Джей, Джон, Жан, Шон… попробуй разбери! – подвел итог дискуссии Женка. – Все, за работу! Лэя, ты должна приготовить в реале, ну, то есть, на Сэйларе, одно лекарство из травы, которую ты, надеюсь, знаешь. Буль, покажи изображение этой травки!

Буль, молча, театральным жестом щелкнул пальцами, и под их ногами растительность сменилась на траву, достигающую им коленей, и цветущую желтыми цветочками, собранными в небольшие колоски. "Чем-то зверобой напоминает" – подумал Женька.

– Ой, дак это же лепт! – узнала траву Лэя. – Он частенько растет по обочинам дорог. Его еще можно заваривать, как успокаивающее средство.

– Отлично, теперь мы даже знаем, как он называется! – обрадовался Женька. – Буль, твои программки случаем не запомнили, где эта травка растет в их долине?

– А как же! Обижаешь, начальник! – Буль опять защелкал пальчиками и перед ними развернулась уменьшенная копия долины, в которой жила Лэя. На ней двумя яркими красными кубиками засветились дома Лэи и Илаира. – Лэя видишь ваши дома и озеро?

– Да – коротко ответила Лэя, заинтересованно разглядывая трехмерную карту.

– А теперь, запомни места, где эта трава растет особенно густо! – на карте засветилось зеленым цветом несколько участков, разбросанных по долине.

– Хорошо, я запомнила, – послушно, как прилежная ученица, ответила Лэя.

– Теперь переходим к следующему пункту, – подытожил Женька и стал подробно рассказывать, как эту траву нужно собрать, отжать сок, выпарить, отфильтровать сквозь ткань, и смешать со спиртом, чтобы высадить нежелательные соединения. Тут возникла заминка.

– У вас спиртные напитки употребляют? – задал наводящий вопрос Женька.

– Если ты имеешь в виду вино и сгон, то конечно, есть! Мужички очень даже любят приложиться!

– Вот где оно – родство цивилизаций и инопланетных разумов! Даже самогон и сгон звучат созвучно! Уверен, теперь мы без помех найдем общий язык с любым представителем мужской половины! – Женька осекся на полуслове и заинтересованно спросил. – А женщины?

– А что, женщины? – переспросила Лэя.

– Ну, в смысле спирта, то есть, сгона… употребляют?

– Кто ж из женщин сгон употребляет, если вино есть?

– Ближе к делу, хватит болтать! – подогнал Женькину мысль Буль.

– Понимаешь, – обратился пристыженный Женька к Лэе. – Чтобы высадить вредные компоненты, нужен 50% раствор спирта.

Ну, хотя бы 40%. То есть, грубо говоря, половина спирта в растворе! Так вот скажи мне, милая принцесса, есть у ваших мужичков спиртовые напитки или сгон, которые легко загораются, если их поджечь?

– У мужичков нет, – засмеялась Лэя. – Они их слишком быстро уничтожают! А вот у запасливых матушек или знахарок он найдется.

– Тогда слушай внимательно. Ты должна выпаренный в пять раз и отфильтрованный раствор сока смешать с самым крепким спиртом, какой найдется до концентрации спиртового раствора, когда он свободно загорается. Потом выдержать денек. Опять хорошенько отфильтровать и снова выпарить спирт на водяной бане.

– Как это, на бане? – не поняла Лэя.

– Это я так называю нехитрую лабораторную штуку.

– Какую лабораторную? – старательно выговорила незнакомое слово Лэя.

– А-а ерунда! Просто берешь тазик побольше. Наливаешь туда воды и ставишь его кипеть на огонь. В него ставишь плавать тазик поменьше, в котором и есть твой раствор, из которого тебе надо выпарить спирт, чтобы сконцентрировать раствор…

Так, продираясь сквозь тернии непонимания и ограниченных технических возможностей Лэи, они все же составили рецептуру средневекового изготовления Ксилонейросказина-В. О чистоте препарата не могло быть и речи. Слава богу, что препарат был довольно стабилен в неочищенном состоянии, и что удастся избавиться от нежелательных примесей. Под конец беседы Лэя выглядела порядком уставшей.

– Когда ты приготовишь раствор, мы проверим концентрацию нужного вещества в нем и рассчитаем количество для употребления, – пояснял Женька. – А ты должна пройти к пещере, которая находиться в паре дней пути от твоего дома, в соседней долине.

Буль, покажи опять карту!

Буль послушно развернул трехмерную карту, на которой пунктиром был обозначен маршрут следования к пещере. Теперь уже ангел перешел к объяснениям:

– Свободно выйти в астрал ты сможешь в этой пещере. В ее глубине есть очень мощное пульсирующее магнитное поле…

Лэя только успела удивленно взглянуть на Буля и, не успев ничего спросить, исчезла из астрала. Ангел с Женькой озадаченно уставились друг на друга.

– Да, перегрузили мы бедную девочку заданиями! – прокомментировал Женька. – Может, хоть что-то да запомнит с

первого раза.

Однако Лэя превзошла все ожидания учителей. Проснувшись, она долго сидела, вспоминая все инструкции. Потом прошла в библиотеку и записала все подробности, какие помнила и боялась упустить. Она мысленно перебрала все детали беседы: "Да, если даже ей не удастся выйти в астрал во сне, она сможет приготовить "лекарство" и дойти до пещеры. Зар с Хлюпом ей помогут!" Только записав все на бумагу, она расслабилась и отдалась воспоминаниям своего необычного сна. А вспомнить и переживать было что! Свалившийся груз спасения родного мира не раздавил ее юные плечи. События последнего времени закалили ее характер, и теперь она могла без паники осмысливать задачи, стоящие перед ней.

Тем более что страшные новости не были для нее полной неожиданностью. Но то, что, кроме нее, у ангелов почти не было других шансов исправить ситуацию, сильно давило на ее чувство ответственности. Сделай она сейчас что-нибудь не так, и для Сэйлара все может быть кончено.

Затем она вспомнила знакомство с инопланетянами, и губы сами по себе растянулись в веселой улыбке. Эти инопланетяне, несмотря на свой неприятный вид, оказались ужасно смешными и умными. Лэя задумалась: "А ведь это-то, наверно и есть главный признак мудрости и большой души: быть простым в общении, постоянно смеяться над собой и смешить других. При этом не бояться открыться собеседнику и уважать его мнение".

Лэя не встречала таких сэйлов. Эта внутренняя свобода, которую она чувствовала и в себе, у инопланетян была подкреплена какой-то внутренней уверенностью, которая позволяла им насмехаться над собой, друг другом и над Лэей так, что всем было весело и никому не было обидно. Даже Лэя, незаметно для себя, стала смеяться и над собой и над ними. И это было здорово! Ее душа летела, радуясь свободному и легкому общению с умными собеседниками. Не смотря на насмешки, она чувствовала, что эти двое чужаков подсознательно заботятся и оберегают ее от грубостей и непонимания, постепенно становясь ей ближе, чем многие родственники и знакомые сэйлы, у которых просто не хватало глубины души на такие взаимоотношения. Сейчас, зная отношение инопланетян к себе и чувствуя их души, она не могла больше воспринимать их внешность неприязненно. Удивляясь себе, Лэя вспоминала их лица с радостью и благодарностью за теплые чувства, как бы невзначай подаренные ими.

Она чувствовала: теперь у нее есть, действительно, сильные, мудрые и заботливые друзья, которые не бросят ее одну в

трудностях.

Солнце за окном уже припекало, нужно было спешить начинать новый день. Он предстоял хлопотный. И без помощи Зара и Хлюпа ей не обойтись…

***

Очутившись в кабинете начальника, то бишь Буля, Женька расслабленно рухнул на оленьи шкуры и спросил ангела:

– Что-то ты сегодня чересчур ворчливый был?!

– Ну, если ты сразу закусил удила и изобразил записного балагура, то кому-то же надо было и ругательную роль исполнять?!

– Уел! Но действительно, ты чем-то был озабочен? По-моему так все просто "тип-топ"!

– Да, вроде все в порядке. Просто, я все время беспокоился, чтобы чьи-нибудь длинные уши не проросли от нас поблизости. Приходиться помнить, что мы тут копошимся, пока нам это позволяют.

– Но ты же выставил барьер?

– Это-то да, но кто мешает им сейчас подсмотреть, чем там Лэя заниматься будет?

– Ну и придумай какую-нибудь защиту, а не ходи как индюк, раздумывающий, сегодня ему в суп или, может быть, завтра? В общем, давай, подумаем, что дальше делать, и я сваливаю в реал, а то там мои останки без меня протухнуть успеют!

– А что тут думать? Теперь все от Лэи зависит. Одно хорошо, мы знаем, что она может выйти в астрал, когда у них ночь. Так что, завтра можешь не спешить, лучше потом подольше задержаться, как сегодня, на случай возможного контакта.

– Ну и ладненько, тогда наше Вам, с кисточкой! – отсалютовал Женька и исчез из начальственного кабинета.

На следующий день Федька со Славкой насели на Женьку с Булем с расспросами и просьбами показать, где и как претворяется их план по спасению цивилизации.

Однако Женька не собирался сдавать свои лидирующие позиции и цедил информацию по каплям. Все же, где-то к Эрианскому вечеру, вся компания отправилась проверить, как дела у принцессы на выселках. Буль к тому же все рвался проконтролировать, не подглядывает ли кто чужой за принцессой со стороны астрала. Они без труда нашли нужное место и Буль,

"прислушиваясь" и "принюхиваясь", покружил над долиной. Довольный, он вернулся к ожидающим приятелям:

– Отлично, сторожевые программки никого и ничего не запеленговали! Теперь можно посмотреть и на подопечную.

Они дружно полетели к домику, стоящему на берегу красивейшего озера.

Настроившись на образ Лэи, Женька "почувствовал" ее присутствие на ближайшем лугу и полетел к ней. За ним хвостом потащились все другие. Лэя, вместе с красивым рослым парнем-сэйлом и забавным плюшевым созданием, собирала лепт – растение, содержащее Ксилонейросказин В. Все трое трудились, набивая травой большущие мешки. Причем, принцесса не уступала в усердии своим помощникам.

– А это что за зверь такой? То ли чебурашка, то ли коала-переросток! – удивлялся Федька.

– Это Лэин лонк. Он, кстати, поумнее тебя будет! – хихикал Женька. – Ладно, не будем им мешать. Полетели, посмотрим, сделали они пресс для выдавливания сока или нет?

Все устремились за Женькой к дому. На дворе ничего интересного не было. Женька прошмыгнул в большой сарай. Там он нашел довольно внушительный ручной винтовой пресс. Видимо он и раньше использовался для выжимания каких-нибудь плодов. Там же он увидел немалую порцию свежей травы, готовой к выжимке сока. Следы на прессе говорили, что его только что использовали по назначению.

– Да, пожалуй, наша принцесса весьма трудолюбивая и умная девушка. Если так дело пойдет, то за пару дней они приготовят достаточное количество "лекарства". А я еще сомневался, запомнит ли Лэя все инструкции, – довольно констатировал Женька.

– Давайте, к той магнитной пещере слетаем! Посмотрим, что это за место и, заодно, проверим как туда пробраться, – предложил Славка.

– А ведь верно! Им же надо перебраться в соседнюю долину! Туда хоть можно пройти-то? – спросил у Буля Женька.

– Здесь все по ровному месту. А вот перед самой пещерой, надо преодолеть небольшой перевальчик, и там останется всего с пяток ихних миль или около восьми наших километров. Но вот насчет проходимости перевала я сомневаюсь. Надо, на самом деле, посмотреть. Ну полетели, что ли?

Все устремились за Булем, знавшим дорогу по данным своей ангельской разведки.

Сначала они пролетали над восхитительной красоты пейзажами горной долины, огибая озеро, обрамленное

цветущими лугами, зарослями кустарников и, местами, лесом. Не считая густых зарослей кустарников и болотистых мест, большая часть пути была вполне проходима. Но вот вся компания подлетела к гладкой каменной стене, тянувшейся между двух гор и прочно преграждавшей путь возможным наземным путешественникам. Компания зависла перед стеной, озадаченно ее рассматривая.

– Я так понял, что без более-менее профессиональных альпинистов здесь не обойтись! Это ж метров двадцать абсолютно гладкой каменной стены! – озвучил общую озабоченность Женька.

– Да-а, небольшой перевальчик, называется! – поддакнул Славка, с усмешкой взглянув на Буля. – Ступенька. Один двадцатиметровый шаг и ты наверху!

– Это разлом. Здесь одна часть плиты поднялась по месту слома над другой, – как бы оправдываясь, стал объяснять Буль.

– Хватит нам уроки ангельской геологии читать! – прервал его Федька. – Лучше взлетим повыше и посмотрим, что там за этой стеной и куда она тянется!

Все взлетели на полсотни метров. За стеной продолжалась равнина, покрытая травой и местами поросшая кустарником.

– Все, разделяемся: мальчики налево, девочки, то есть не настоящие мальчики, направо, и ищем проход вплоть до гор, – скомандовал Женька.

– Это кто это, девочки? – возмутился Славка.

– Ну не я же с Федькой! – фыркнул Женька. – Это вас с Булем трудно мальчиками назвать, вы ж не пойми кто, на самом деле.

– Ладно, идею понял! – примирительно сказал Буль, видимо чувствуя вину за оплошность своей разведки. – Тогда мы полетели к дальней горе, а тебе оставлю преимущественное направление – в сторону дома. Желательно, чтобы тропа нашлась там, так как в нашу сторону придется делать большой крюк.

Компания разделилась, и Женька с Федькой стали тралить свой участок. К сожалению, уступ тянулся ровной линией почти до самой горы. Но вот у ее подножья он оказался завален старым оползнем, по которому вполне можно было подняться на верхнее плато, лавируя между больших глыб, некогда скатившихся с горы. Женька спустился в долину и стал потихоньку подниматься по склону, исследуя возможные проходы. Поверхность оползня, благодаря его преклонному возрасту, оказалась пригодной, но все-таки сложной для восхождения. Женька уселся на глыбе, расположенной наверху оползня и задумался, прикидывая, сможет ли Лэя пройти этот путь. Сверху подлетел Федька и отрапортовал:

– Не ахти какая, но дорога есть. Дальше к пещере они

пройдут. А как здесь?

– Вот думаю. Лэю жалко. Альпинист-то раз плюнуть пройдет. Но в одиночку, девчонке – считай, невозможно.

– Так пусть с собой этого парня берет! Эдакий битюг! Он тут руками все глыбы посворачивает!

– Вот и я о том: придется еще одного вовлекать в нашу аферу, – вздохнул Женька.

– Да брось ты со своей конспирацией. Он ее слуга. Я понял так, что он за нее костьми ляжет, не то, что тайну хозяйки сохранит!

– Пожалуй ты прав. Ничего страшного в том не будет. Тем более спасать мир в одиночку, да еще девчонке, неблагодарное занятие. Итак, путь, можно сказать найден. Так что, полетели обратно на место встречи.

Буль со Славкой припозднились и появились на месте с весьма удрученным видом.

– Ну что, ничего путного? – довольно улыбаясь, спросил Женька.

– А! Еще хуже! Там такое ущелье, вообще ноги сломаешь. Сколько не лазали – ничего не нашли, – расстроено ответил Буль и тут же с надеждой спросил. – А у как вас?

– В принципе, пройти можно, но нужна помощь ее слуги – того рослого парня.

Придется посвящать его в дело.

– Да, наверно без этого не обойтись. Впрочем, он итак уже участвует, собирая лепт и отжимая сок.

– Ну что, полетим домой? – спросил Славка. Видимо, его ждали пациенты.

– Вы с Федей летите домой, а мне еще Буль здесь нужен, определить, сколько действующего вещества в отжатом ими соке лепта,- сказал Женька и, ухватив Буля под локоть, переместился во двор Лэиного дома.

– Быстренько запусти свои программки в этот сок и кинь пошарить по закромам на счет самого крепкого спирта, какой у них найдется, – приказал он ангелу.

– А чего это такая спешка?

– Сам не знаю. У меня такое чувство, что Лэя сейчас сильно взволнована, и может сегодня опять выйти в астрал. А я хочу, что бы у нее уже сегодня были все необходимые знания для постановки эксперимента. Так что давай, веселей!

Буль послушно разбросал свои программки и в скором времени собрал их обратно с интересными результатами. К великой радости Женьки миллилитр отжатого сока содержал около 50 микрограмм Ксилонейросказина В. А вот максимально

концентрированный сгон, содержащий почти семидесяти процентный спирт, нашелся в подвале дома Илаира в количестве всего одного литра. И все-таки этого должно было хватить на приготовление десятка доз для отправки в астрал.

– Слушай, Буль, вычисли мне своими ангельскими способами примерные объемы посудин, которыми пользуется Лэя от ложки с чашкой до той посудины, в которой она держит отжатый сок.

– Сей минут! – Буль что-то поколдовал и через некоторое время и выдал результат.

– Они используют меру объема называющуюся что-то вроде "стакана" и соответствующую нашему стакану в 200 миллилитров.

– Вот, где мудрость народная! – восхитился Женька. – Жизнь надо мерить стаканами, а не какими-то абстрактными литрами. Очень удобная мера!

Буль сообщил все другие требуемые параметры, и Женька вальяжным жестом отпустил ангела:

– Спасибо, начальник! А теперь, оставь меня в покое, старушка! – и, вспомнив усы их недавнего знакомого, с важным видом добавил. – Чапай думать будет!

– Ишь ты, что с людьми власть делает! – усмехнулся Буль и с поклоном изобразил послушного слугу. – Слушаюсь и повинуюсь! – Потом подумал и уже перед тем, как исчезнуть, оставил все-таки ворчливый комментарий. – Смотри у меня, мудрец тугоумный, попробуй только что-нибудь упустить…

Только Женька хотел вставить ангелу что-нибудь типа "сам такой", как тот уже исчез с поля ругани. Осталось только вздохнуть и поискать место посимпатичней, где можно было бы растечься мыслями по чему попало, и выработать окончательные инструкции для Лэи. Поднявшись немного вверх, он увидел на берегу озера мостки и маленький песчаный пляжик: "Вот оно – идеальное место для отдыха!" "Разлегшись" на мостках, Женька принялся считать: "Грубо говоря, мы можем сделать литр-полтора 50% раствора для осаждения растительных ядов – это главное ограничение. Значит, объем выпаренного концентрата будет не более 300 мл. Чтобы в нем было десяток доз, то есть 100 мг "лекарства", нужно, чтобы концентрация была 0,3 мг/мл.

Значит, учитывая потери, Лэе нужно добыть литра три сока и выпарить его в десять раз. Ну что ж, вполне посильная работа! И до пещеры они доберутся, если предупредить взять веревки и что-нибудь вроде заступа и клиньев, хотя бы деревянных".

Найдя решение всех проблем, Женька совсем приободрился и решил посмотреть, как идут дела у Лэи. Он нашел ее с тем же рослым парнем, кажется Заром, выдавливающими сок из новой партии травы. Женька прикинул объем работ и удовлетворенно

заметил, что сока должно хватить с лихвой. "Как бы передать эту мысль Лэе?" – озадачился он. Может, она уловит его мысль – все-таки она крутой экстрасенс. Он подошел к ней сзади и положил руку на голову. Все стало слышно вокруг: пыхтящий Зар, закручивающий пресс, скрип поворачиваемого винта, шелест перебираемой Лэей травы. Женька, испугавшись, что Лэя закроется от него, стал посылать ей приветственно-успокоительные мысли. Лэя замерла, насторожившись, затем улыбнулась. Женька транслировал, что было сил: "Ты меня слышишь?!" Лэя прислушивалась и вдруг кивнув ответила:

– Да я тебя чувствую, ты кто, ангел?

Женька продолжал "внушать": "Я Женя! Травы достаточно!" Лэя, все-таки не смогла понять, кто с ней вышел на связь, но мысль, что травы достаточно до нее дошла.

Она удивленно вскинула бровки и переспросила:

– Ты хочешь сказать, что мы сделали достаточно?- потом еще "поприслушивалась" к себе и уже утвердительно кивнула. – Я поняла, мы додавим эту траву и этого хватит. Потом я поставлю сок выпариваться. Это наверно ты, Женя?

Женька, удивленный собственным успехом, "затранслировал": "Все хорошо! Так держать!" Но внятной беседы больше не получилось, видимо, силы Лэи были все-таки небезграничны, или для таких переговоров требовалась специальная тренировка.

Вдруг Лэя засмеялась. Женька увидел, что она смотрит на Зара, замершего у пресса и с испугом смотрящего на свою госпожу.

– Зар, успокойся! Это ангелы пытались напрямую связаться со мной! Какое это приятное ощущение! – обрадовано поделилась своим опытом Лэя и тут же вздохнула.

– Правда мысли доходят очень невнятно, но, мне кажется, я поняла: нам хватит этой травы. Так что додавливай ее, а я сбегаю, искупаюсь – больно уж денек хлопотный оказался!

Лэя припустила по тропинке к берегу и Женька, не удержавшись, полетел за ней – так уж ему самому захотелось искупаться, что хоть посмотреть за процессом!

Подбежав к берегу, Лэя на ходу скинула сарафан и, подойдя к воде, попробовала босой ножкой, холодная ли та. У Женьки невольно перехватило несуществующее дыхание. Сгорая от стыда за нехорошее подсматривание, он облетел вокруг этой дивной нимфы Сэйлара, не в состоянии оторвать своего взгляда. Такого красивого создания ему, действительно, не доводилось еще видеть. Изящное, словно точеное, девичье тело переливалось золотистым атласом в оранжевых лучах Антара. Грива, переливающихся светлыми и темно-медными тонами волос,

спускалась между лопаток.

Более яркий коричневато-медный окрас спины оканчивался на забавном, игривом, белеющим яркой окантовкой, коротеньком хвостике. Прекрасная девичья грудь и живот были окрашены чистым белым атласом, как будто на Лэе был надет стильный купальник.

К великому Женькиному сожалению, Лэя не дала ему полюбоваться дольше и с веселым криком сиганула в воду. Женька еще некоторое время пялился на стремительно плывущую в воде русалку, что называется, отвесив челюсть, и все никак не сообразя, любуется ли он на принцессу, как турист-натуралист на красивое творение природы, или как мужлан, добравшийся до халявного стриптиза. В конце концов, его вдруг обуял сильный приступ стыда за свою бессовестность, и он, почти в панике и великом смущении, удалился в свои астральные пенаты.

Вывалившись в своем кабинете, Женька, продолжая находиться в состоянии аффекта, выбежал по коридору к Славкиной приемной и ворвался к тому без стука. К счастью, тот сидел в одиночестве, обдумывая свои душеспасительные предприятия.

Плюхнувшись на стул, Женька с ходу стал упрекать приятеля и все вокруг:

– Ну почему все так несправедливо! Как тебе, так умница и красавица, а как мне, так одни мымры со стервами попадаются!

– Ой-ой-ой! Кажется тут серьезные симптомы! – Славка, хотевший сначала напуститься на компаньона, заметил, что тот в несколько невменяемом состоянии. – И какой, позволите ли спросить, Амур, на сей раз, соизволил запустить в Вас стрелой?

– Если бы Амур! – расстроено буркнул остывающий Женька.

– Ну, если ты не желаешь поделиться со мной, то тогда я поделюсь своими соображениями на счет мымр и милых красавиц, – начал свою психотерапию Славка. – Если ты вспомнишь, то не так уж и мне везло в женском вопросе, пока я не встретил Ташу.

Женька только неопределенно хмыкнул – ему нечего было сказать на это. Он прекрасно помнил Славкины мытарства. А Славка уже закусил свои психоаналитические удила и пошел развивать теорию родства тел и душ:

– Ты знаешь, по своему опыту, и опыту моих клиентов, я могу сказать, что любовь, как и вся наша жизнь, дуальна и поэтому противоречива. Мы постоянно ищем партнера душой и телом, и постоянно вступаем во внутренний конфликт, когда тело приемлет а душа нет, или наоборот. Сколько раз тебе нравились девушки, глядя издалека или со спины, но как только ты

заглядывал им в глаза, так сразу появлялось чувство отторжения, вызванное твоей душой?

– Да сколько угодно! – все еще расстроено воскликнул Женька.

– Вот, и я о том же! – обрадовался Славка. – Людям с недоразвитой душой или, наоборот, очень развитой – легче. Они, в первом случае, просто не берут в расчет хиленькие порывы крошечной душки, и все ограничивается славненьким свинячьим сексом, или, как во втором случае, они могут и пренебречь или не замечать физических недостатков своих партнеров. Но подавляющее большинство мыкается, страдает и находит свое счастье где-то между двумя этими полюсами, пытаясь примирить противоречия животных и душевных потребностей. Кстати, для души, зачастую нужно еще меньше времени для определения "своей" половины, чем для тела.

Самое страшное, когда вдруг человек видит потенциального партнера, его тело реагирует положительно, он заглядывает в глаза, и его душа тоже западает на него, а этот предполагаемый партнер оказывается женат или замужем или, что еще хуже, реагирует резко отрицательно на попытку завязать отношения, унижая, отважившегося пойти на контакт, человека. Почти все проходят через это. И, как это ни печально, но этот жизненный опыт придает особую остроту ощущений в случае последующего удачного совпадения партнеров. Отрицательным моментом таких неудач, является то, что мы замыкаемся в себе, боясь открыться в случае такого возможного контакта и, как следствие, проходим мимо своей судьбы.

– Ну мимо Таши ты не прошел! – ехидно возразил Женька.

– Прошел! Да еще как прошел! Мы оба мимо с закрытыми глазами пробежали! Если бы не настойчивость судьбы, буквально впихнувшей нас друг другу в объятия, так бы ничего и не произошло. Мы ведь, вообще, можно сказать, окрысились друг на друга в первую встречу. Вот ведь как бывает! Тело кричит "ура!", душа без тормозов готова утонуть в глазах собеседника, а напуганное прошлым опытом сознание прячет все порывы куда подальше, боясь напороться на разочарование. И ведь чувствовали друг друга, полгода кругами ходили с надменными лицами, "не смешивая рабочих отношений с личными". Если бы не та Ташина оплошность с наркотиками, так и не быть бы нам вместе!

– Ладно, убедил! – согласился Женька. – Не все у вас гладко было. Да и эта катастрофа еще. Как ты вообще тогда не свихнулся?

– Пить надо больше! Иногда помогает. Главное, при этом,

совсем не спиться… – Славка подумал и сказал. – Хотя, как врач, могу сказать, что и это не средство.

Сильное потребление алкоголя снижает уровень эндоморфинов, то есть, твое тело при этом становится несчастным само по себе.

– Спасибо! Мои проблемы теперь кажутся мне смешными!

– А какие проблемы? Опять неудача в женском вопросе?

– Хм! Стоит ли вообще слезы лить? – засомневался Женька. Вообще-то у них не было привычки обсуждать женский вопрос в компании. Как-то так: дружба была сама по себе, а женщины – сами по себе. Хотя, в Ташиной и Славиной жизни, с определенных пор, все приятели принимали самое живое участие, отчего их дружеские отношении только выиграли. И Женьке вдруг тоже захотелось дружеской помощи в сердечных делах, но начал он в своем привычном каламбурном манере. – А, была-небыла, расскажу тебе сказочку – обхохочешься!

– Что-то по твоему растрепанному виду не скажешь, чтобы было очень смешно! – слегка подтрунил Славка и приготовился слушать.

– Да вот, лечу, как ошпаренный! Самому и стыдно и непонятно!

– Уже интересно. Так откуда ты летишь-то? – совсем заинтриговался Славка.

– Да от Лэи!

– От принцессы?! – Славка и вправду не удержался от удивленного смеха. – Прости, но что за зоофилия?

– В том-то все и дело! Сам ничего не пойму! Вот скажи, можно в коня влюбиться?

– Ха! В коня, точно, нет, а вот в кобылу?.. не знаю, не пробовал! – уже во всю ржал Славка, потом очухался и сипло произнес. – Прости, Лэя, конечно, не кобыла.

Сэйлы, действительно, очень красивые и, действительно, похожи на людей. А ты расскажи о своих ощущениях, может я тебе чем и помогу. Все-таки я врачеватель душ, как-никак.

– Да вот, дурак, залюбовался ею с первого раза, а она, и действительно, не чета моим бывшим стервам – искренняя, умница и характер у нее стойкий – смотри, как удары судьбы держит! Да все бы ладно, но сегодня меня угораздило подсмотреть, как она купалась. Я тебе скажу – это что-то! До сих пор стыдно, что на такую красоту без спросу зарился.

– А что, в самом деле, она такая красивая?

– Не то слово! Еще немного, и земные женщины начнут мне казаться бледными скользкими лягушками!

– Да-а, дело далеко зашло! Пациента надо срочно лечить! – то

ли серьезно, то ли насмехаясь, произнес Славка. – Но с другой стороны, ты знаешь, сколько народа с осликами там или с собачками живет?! И ничего, детишек, конечно, не приживают, но нам-то это в астрале не помеха!

– Я тебе серьезно, а ты! – Женька вдруг почувствовал, что начал серьезно обижаться на своего врачевателя.

– Так и я серьезно. Но вообще то, я тебе посоветую посопротивляться твоим странным чувствам и девушку в смущение не вводить. Ты ей, наверно, еще тем чудовищем кажешься! Ну, а уж если, и ей, и тебе невтерпеж будет, тогда значит, сам бог велел!

– Это какой бог? Ты, что ли?

– Ну, считай что я – рецепт прописал!

– Хорошо, мне и самому совесть девушку обижать не позволит! И другим ее в обиду я никому не дам! Так и знайте, спасители миров!

– Сам такой! И прошу не выражаться при мне нехорошими словами! – только смеялся на эти пламенные речи астральный психотерапевт.

***

За один день, Лэя вместе с Заром, успели насобирать достаточное количество травы.

Она поняла это по неясному прикосновению ангела, подсказавшему, что этого достаточно. Она даже спросила, не Женя ли это, но ответ был неясен. Они поставили выпариваться весь сок в большущем тазу, используемом обычно для стирки или давления плодов, идущих на приготовления вина. Они поддерживали слабый огонь в печке в сарае, подкладывая в нее сырые дрова, и прикрыв немного трубу, так чтобы раствор не закипел. К утру или полудню, так можно было выпарить сок, раз в восемь – десять. Лэю беспокоило, что она не очень представляла, как и что будет делать дальше. Поэтому она пошла спать в довольно беспокойном состоянии – ведь, если она сделает что-либо не так, то все придется начинать сначала. К счастью, результатом этого нервничания оказалось то, что она смогла во сне позвать Арсена и Женю. Они оба сразу откликнулись, как будто ожидая ее выхода, но она не смогла их увидеть. Арсен поприветствовал ее и сказал, что дальше с ней будет говорить только Женя.

– Привет, принцесса! – послышался знакомый голос. Хотя Лэя и не любила этого обращения к ней, почему-то сейчас она не почувствовала ни подобострастия, ни насмешки, а только веселое участие, и впервые, ей это обращение было приятно.

– Привет Женя! Ничего, что я сегодня "слепая"?

– Ничего! Я на тебя на энергетическом уровне смотрю, так ты еще красивее – вся светишься!

– Интересно как! Но нам нужно обговорить все быстрее. Я могу быстро отключиться!

– Хорошо! Лови инструкции! – и Женька четко, по пунктам, рассказал, как приготовить один литр лекарства, которого должно хватить на десять выходов.

Потом сказал, чтобы Лэя обязательно взяла с собой Зара к пещере, а так же прихватила веревки, заступ и альпинистскую кошку. Ему пришлось объяснить, что это такое и для чего это использовать. Так же он подробно рассказал, как подняться на плато между гор, и как пройти к пещере. Он даже успел сказать, сколько лекарства пить и как ложиться в пещере, чтобы выйти в астрал, прежде чем почувствовал, как контакт с Лэей оборвался. Ему оставалось только надеяться, что она все запомнила и выполнит, если даже не сможет больше выйти в астрал во сне.

А Лэя, тем временем, проснулась у себя в спальне и сразу пробежала в библиотеку записать все инструкции, полученные из астрала – из них нельзя было ничего упустить…

Через день, ранним утром, они с Заром и Хлюпом проверяли свое обмундирование и съедобные запасы перед дальним походом в загадочную "магнитную" пещеру. Им было понятно, что такое пещера, но что такое "магнитная", Лэя так и не смогла осмыслить. Так что, эта неясность только добавляла таинственности и нервозности всему предприятию. Решили идти пешими. Преимущества конного похода скрадывались густыми перелесками, через которые намного легче было пробираться на своих двоих.

Зато всю поклажу нужно было тащить на себе. Одного провианта пришлось на неделю набрать, а еще ведь, кроме всякого походного барахла, пришлось тащить странные приспособления для лазания по горам, о которых рассказал чужак Женя.

– Ну что, идем? – спросила Лэя, убедившись, что все нужное было с собой.

Маленький отряд вышел навстречу неизвестности, которая с готовностью разинула свою бездонную жадную пасть, чтобы поглотить незадачливых путешественников в своих загадочных недрах. Они шли, подгоняемые теплом утреннего солнца, по

направлению к загадочной стране Высоких Горизонтов. Однако их путь не простирался так далеко. Им нужно было обогнуть гору с запада и выйти к южной стороне долины, чтобы потом перебраться через каменный уступ и пройти к таинственной пещере.

Отряд местами пробивался через густые заросли кустарников, местами обходил топкие болота, но сохранял высокий темп движения. Прекрасный летний день благоухал вокруг них ароматами цветущих лугов, играл искрами солнца в весело сбегающих ручьях, шумел легким ветерком в тенистых лесных рощах… Но путникам было некогда замечать природу, манящую отдохнуть и расслабиться. Хорошая физическая форма и привычка к походам позволили троице молодых путников достичь к вечеру сложного подъема на плато. По общему согласию было решено разбить лагерь прямо под местом восхождения и сразу после ужина совершить предварительную разведку.

Молодые путники умело развернули лагерь, смастерив из веток полог и настелив их под холст, на котором им придется ночевать у костра. Зар быстренько заготовил дров на ночь. Беспокоиться о безопасности не было нужды, так как единственную семью солков в долине истребили Илаир с Заром еще при первых походах сюда, а других крупных хищников здесь никогда и не было. Хлюп во всем и помогал, и мешал одновременно. Надо признать, он был неутомим, если дело касалось походов и приключений. Через час сытые и разомлевшие путники грелись у тихонько потрескивавшего толстыми сучьями костерка. Хотя "грелись" они, только отдавая дань ощущению момента. Их ждала теплая безмятежная летняя ночь. Глубоко вздохнув и собрав остаток сил после длинного перехода, Лэя поднялась на ноги.

– Надо пойти, пока совсем не стемнело, хоть взглянуть, что нам предстоит завтра, – она вопросительно взглянула на Зара и получила утвердительный кивок. – Хлюп, ты подежуришь у костра?

– Хорошо, нельзя огонь без присмотра оставлять, однако! – Хлюп обрадовался просьбе, видимо, окончательно разомлев после еды.

Лэя с Заром подошли к каменной осыпи. Правее тянулась огромная отвесная каменная стена, а прямо перед ними уходила ввысь груда камней. Лэя с отчаянием посмотрела на этот хаос набросанных глыб. Зар, по всей видимости, испытывал похожие чувства.

Теперь они со всей ясностью понимали, зачем им нужны эти

странные приспособления, подсказанные Женей. Но что им делать, чтобы пробраться наверх и, как пользоваться этими инструментами и веревками – они не знали. Расстроено вздохнув, Лэя сказала Зару:

– Идем к костру! Сейчас мы здесь ничего не придумаем…

Они уныло побрели обратно. Солнце уже спряталось за дальней горой и под деревьями начали подкрадываться сумерки. Хлюп тихо посапывал носом, лежа посреди приготовленной подстилки.

– Мой защитник отважно несет пост! – улыбаясь, шепотом прокомментировала картину Лэя.

– Лэя, зачем тебе нужно подниматься в эту гору? – Зар был в недоумении. Он не представлял, ради каких ценностей нужно было так рисковать жизнью.

– Зар я не знаю еще, могу ли рассказать тебе всю правду. Поверь, если только это будет возможно, я сразу все тебе объясню! Мне сообщили на небесах, что это очень нужно для всех нас. Мы должны завтра подняться туда!

– Ладно, давай спать укладываться. Глядишь, утро чему-нибудь да надоумит!

Они устроились на лежаке, пристроившись к мохнатым бокам Хлюпа. Видимо, сказалась усталость и сильное переживание от увиденного препятствия, и Лэя оказалась на все той же своей астральной полянке. Даже не вспомнив о родителях, она сразу позвала Женю. Он тут же появился и обалдело уставился на нее:

– Вот это да!

– Что да? – спросила, не понимая, Лэя.

– Ты же меня с другого конца галактики выдернула, представляешь!

– Нет, я не очень понимаю, что такое галактика, – призналась Лэя.

– Ничего, скоро узнаешь! Я тебе такие красоты покажу, закачаешься! – восторженно воскликнул Женька.

– Это как, закачаюсь? – еще больше смутилась Лэя.

– А! Не обращай внимания на престарелого балбеса! – отмахнулся Женька.

– Это кто, престарелый балбес? – опять удивилась Лэя.

– Я!

– Ты?! – Лэя не могла удержаться от смеха. – Вот теперь мне все понятно!

– Да! Балбес со стажем! Разрешите представиться – действительный член клуба Балбесов-мэнээсов, правда, мэнээсом или младшим научным сотрудником уже не являюсь.

– Хватит! Ты такой забавный, но половину из того, что ты

говоришь я не понимаю.

– Ничего, ты умница! Я тебе потом все объясню! Знаешь, какой у меня опыт объяснения истин нашим шнобелевским лауреатам в лаборатории!

– Опять я не поняла ни слова в конце! – уже не стесняясь, а смеясь, заявила Лэя.

– Слушай, Лэя, – почему-то заговорщицким шепотом и страшно смущаясь, спросил Женька. – А можно твою ручку погладить? Она у тебя правда такая гладкая, как выглядит?

– Конечно можно! – рассмеялась Лэя и протянула Женьке руку. – На, гладь, сколько душе угодно, только не против шерсти, а то щекотно становится!

Женька осторожно взял ее ладошку, она была безволосой с внутренней стороны и покрыта тончайшей белой атласной шерсткой с тыльной стороны. Так что казалось, что Лэя носит тончайшие белые перчатки с тонкими золотистыми лучами от запястья к пальцам. Ощущения от прикосновения полностью соответствовали внешнему виду.

Женька осторожно гладил атласно-гладкую руку, потом решился и провел рукой по золотистой шерстке на предплечье – и ощутил то же восхитительное ощущение теплого живого атласа. Женька не заметил, что совсем не дышит, полностью уйдя в тактильные ощущения. Из этого состояния его вывел звонкий смех Лэи:

– Неужели я такая страшная, что ты от испуга и дышать забыл?

– А что, у тебя и в реале такая же мягкая шерстка? – Женька ответил вопросом на вопрос.

– В каком реале? – переспросила Лэя.

– Ну, на Сэйларе!

– Конечно, такая же, а что, это плохо? – переспросила, смеясь, Лэя. Она видела, как восхищен чужак ее рукой, но пыталась смехом скрыть неловкость, возникающую при столь пристальном разглядывании.

Наконец, до Женьки дошло, что он ужасно бесцеремонно разглядывает и ощупывает принцессу, и он сам сильно смутился:

– Ой, прошу прощения за мою бессовестную безмозглость! Я, наверно, неприлично себя веду? Ведь ты, как-никак, принцесса!

– Не смеши меня, мой жуткий чужеземец! – нараспев продекламировала Лэя и сама страашно смутилась. Она проговорилась, назвав Женю жутким! Хотя сама же почувствовала, что смысл этого слова стал шуточным. Женя давно перестал быть жутким для нее. К тому же инопланетянин благородно засмеялся на ее тираду, так что оправдываться было

лишне.

– Все принцесса, теперь к делу. Что так тебя так взволновало, что ты внепланово появилась в астрале?

– Как это внепланово?

– Ну, раньше времени, когда никто и не предполагал.

– Действительно, эта груда камней… как по ней забираться, я не представляю! Мы взяли все, что ты советовал, но как этим пользоваться, мы не знаем, – расстроено призналась Лэя.

– Ничего, пойдем на место, я тебе покажу! – тоже расстроено ответил Женька.

До него стало доходить, что он не сможет обучить Лэю за несколько минут даже элементарным премудростям альпинизма, а заставлять лезть без подготовки ребят, пусть даже и на не очень сложный склон, значит обрекать их на немалый риск. Он опять с удовольствием взял Лэину шелковистую руку в свою, и представил себе каменную осыпь. Они озадачено уставились на груду камней.

– Да, здесь бы лесенку проложить, но как вам ее втроем на такую высоту установить? – задумчиво размышлял он вслух, и вдруг, неожиданно, оказался в объятиях легконогой феи, уткнувшись в густую гриву ее мягких волос.

– Ура-а! – чуть не оглушила его принцесса. – Спасибо, мой спаситель!

– Ты о чем? – шепотом спросил Женька, почти лишившийся чувств от столь тесного контакта с неземным созданием. Закрыв глаза, он вспоминал прикосновение мягкого шелка Лэиной щеки на своей коже. Руки парализовано обвисли, боясь в ответ обнять принцессу, так как он чувствовал, что обнимать по-дружески Лэю будет явно сверх его возможностей, а не по-дружески… ему пока что не позволяла совесть.

– Ой, тебе плохо?! – Лэя не на шутку всполошилась, увидев Женьку, разевающего рот, словно выброшенная на песок рыба. – Ангелы говорили, что им нельзя заходить в область страны Высоких Горизонтов! Может быть, здесь уже эта опасная зона?!

– Нет, нет! Все в порядке! Это я просто задумался, а ты так неожиданно набросилась на меня! Я уже в полном порядке! – и не давая Лэе дальше расспрашивать его, Женька сам задал вопрос. – А за что ты меня благодарила? Я, кажется, ничего такого не придумал? Нес только какую-то ахинею насчет лестницы…

– Завтра увидишь! – Лэя забавно высунула симпатичный розовый язычок, а ее зрачки хитро сузились.

– Ну, хитрюга! Твой глаза, кого хочешь, могут свести с ума своим лукавством! – Женька уже хорошо чувствовал мимику сэйлов и мог читать почти все их выражения лиц. Тем более что

их мимика во многом походила на человеческую. – Что, ты уже решила все проблемы? Не могу поверить! И причем тут я?

– Ты, конечно, очень умный, но и я умею кое-что такое, что и тебе неизвестно! – радостно хвасталась юная принцесса, явно пребывавшая в полном восторге оттого, что смогла в чем-то превзойти такого мудрого инопланетянина. – Но за подсказку, спасибо!

– Так что же ты, лестницу будешь строить?!

– Завтра увидишь! – опять хитро веселясь, повторила Лэя и исчезла из видимости, вернувшись в свое тело.

Женька расслабился и, уже переполненный какой-то то ли отеческой, то ли совсем не отеческой заботой, подрулил к месту ночного лагеря. Присел рядом со спящей Лэей, прислонившейся спиной к плюшевой шкуре Хлюпа. Женька приврал Лэе насчет ее глаз. Они сводили его с ума не хитростью, а своей странной, завораживающей красотой. Он долго смотрел на безмятежное лицо спящей, неземной красавицы и, не удержавшись, наклонился и поцеловал ее в белую полоску на виске. Ощущения прикосновения к атласной шерстке не получилось, но лицо принцессы осветила счастливая улыбка. Он попытался погладить ее на прощание, и шепнул:

– Спокойной ночи, моя принцесса! Хороших тебе снов!

Лэя продолжала улыбаться. Такой он ее и оставил. Ему еще было нужно позаботиться о своем теле, заброшенном где-то на другом конце галактики…

***

На следующий день Женька спешил разобраться с делами в реале. Он прогонял, как следует, свое тело на тренажерах, накормил и намыл его. Сбегал в магазины, закупил весь необходимый корм и уже опять был готов нырять в астрал. Он посмотрел на часы. С момента ухода с Сэйлара прошло 5 часов. Значит, сейчас там позднее утро. "Ладно, тело побегало и попрыгало. Маловато, конечно, но ничего – не развалиться с одного раза" – Женька поймал себя на том, что он, наверно, давно уже не является нормальным человеком, вернее, является ненормальным!

"Да, в данной ситуации только и остается, что сохранять чувство юмора! Как известно, смех спасет мир. Ну и меня лично. И вообще, чего жаловаться? Проживаю две жизни за раз, и обе

весело!" – в который раз успокоив себя простенькой силлогической уловкой, он заглотил стартовую порцию "лекарства" и отправился устраиваться на специальной кровати для астральных путешествий.

Все-таки он опоздал. Когда он выскочил к ночной стоянке, оранжевое солнышко Сэйлара сияло уже с немалой высоты. А костер в разобранном лагере давно потух.

Женька метнулся к скальной осыпи и замер на полпути, тупо уставившись на сцену, развернувшуюся перед ним. "Да-а! Ну, принцесса – вот уж удивила! Да как же это?!" – в его голове скакали только удивленные и восторженные междометия вперемешку со знаками препинания. От подножья скалы вверх тянулась узенькая каменная лесенка с деревянными перилами. Она достигала где-то середины осыпи и обрывалась на небольшом уступе, где уже стоял Хлюп, напряженно наблюдающий за подымающейся посреди лестницы Лэей. Внизу, так же напряженно наблюдающий за этой сценой, стоял Зар. Лэя шла с большущим заплечным мешком. Женькино отсутствующее сердце сжалось от испуга за принцессу. Он хорошо представлял, почему Зар с Хлюпом так переживают. Лесенка была узенькой, крутой и длинной, перила тоненькие и хлипкие.

"Что же они не подвязали страховочные веревки?!" Женька, повинуясь порыву, метнулся к Лэе и, прикоснувшись к ее плечу, выразил ей все свои чувства сразу: какую-то жуткую смесь из восхищения и удивления, смешанную с испугом и желанием помочь. И тут же с ужасом увидел результат своей "помощи". Лэя покачнулась и, пронеся ногу мимо ступеньки, начала заваливаться набок под тяжестью заплечного мешка. Женька взвыл от досады на себя и страха за Лэю. Он ничем не мог ей помочь! Он мог ее обнять, что-то посоветовать, но не мог ничего с ней сделать, в теории…

Оказалось, что он, все-таки, что-то смог. Впоследствии, они обсуждали с Лэей и ангелами, что там произошло, и подвели под это твердую материалистическую базу с притягиванием за уши четвертого измерения и "пенетрирующего" астрала. А в этот момент, Женька, не раздумывая, просто зажмурив глаза от отчаяния, со всей силы нанес удар по Лэиному мешку, и тот, "послушавшись" Женькиного "пинка", сменил траекторию на противоположную, что дало Лэе возможность поймать равновесие и подняться с колен. Она некоторое время молча стояла, судорожно вцепившись в перила и слушая жалобные крики компаньонов. Потом глубоко вздохнула и выпрямилась.

– Женя, спасибо, конечно, за помощь, но нельзя девушек так пугать посреди столь интересного и ответственного дела. Они

могут и обидеться! – укоризненно выговорила Лэя, прекрасно распознав, чьих рук это дело. Затем весело улыбнулась и заметила.- А, кажется, крепко я тебя удивила! Ты меня чуть с лестницы не свалил своими удивлениями и восторгами! Слушай, повтори, пожалуйста, мысль про… что-то вроде веревок. Что там надо было сделать?

Женька опять прильнул к Лэе и стал "признаваться" ей в своей глупости, и просить прощения.

– Подожди! То, что ты глупый, я уже давно слышу, и поняла хорошо, и извинения твои мне сейчас не помогут! – смеялась Лэя. – Давай по делу – у меня силы не вечные!

Женька взял себя в руки и стал четко объяснять, как им надо связаться страховочным тросом, чтобы, если один сорвется, то другие его удержали. Как ни странно, но чувства лучше передавались, чем технические мысли. Но с третьего или четвертого раза Лэя повторила:

– Связаться веревкой за пояса через семь локтей, и подниматься вверх вместе.

Правильно?

Женька "прокричал" ей: "Ура! Умничка! Можно, я останусь с тобой? Мне так легче!" Лэя очень правильно почувствовала настроение Женьки, ответив:

– Спасибо, я все поняла. Останься, пожалуйста, со мной, пока я не поднимусь. Ты, как ангел у меня за плечами – это так приятно и поддерживает – как будто я не одна здесь, на лестнице.

Женька, уменьшившись в размерах, умостился на плече Лэи и продолжил вместе с ней нелегкий подъем. Затем они ждали Зара. Тот довольно быстро и ловко поднялся.

Дальше настало время крепко задуматься. Трое скалолазов притулились на узком уступе и озабоченно совещались.

– Я не могу создать лестницы на второй участок, пока не исчезнет первая! – пожаловалась Лэя. – Если я ее даже и "придумаю", то это будет бесплотный мираж.

Приятели почувствовали себя в тесной каменной ловушке. Вниз идти не хотелось, да и значило, что они сдались, а вверх – было просто невозможно.

– Попробуй "стереть" нижнюю лестницу. Тогда, может, у тебя появится возможность создать новую, – предложил Зар.

– Лэя, придумай что-нибудь. Ты же умная! Надоело здесь торчать, однако! – начал клянчить Хлюп.

– Хорошо, закройте глаза! Так легче "думать", – попросила Лэя и сама зажмурилась, пытаясь стереть лестницу. Открыв их, она разочарованно увидела лестницу, по-прежнему убегающую вниз. – Ничего не выходит!

Все пригорюнились. Затем Зар вспомнил:

– А помнишь, как ты придумывала холмы? Ты стирала старый, когда строила новый, ведь так? А если превратить лестницу во что-нибудь маленькое, может, получится?

– Не знаю – не уверена, но надо попробовать!.. Ой! – вспомнила Лэя. – Там же Женя наблюдает! Женя, попробуй не смотреть, когда я колдую! Я боюсь, что чужое внимание может мешать придумывать вещи.

Женька послушно "протранслировал", что "закрывает" глаза до специального разрешения. Лэя повторила попытку, представив на месте лестницы веревку. Открыв глаза, она радостно вскрикнула – превращение удалось. Все, услышав радостный возглас, открыли глаза и подхватили ее торжествующий крик. Теперь, дело осталось за малым: "придумать" лестницу до самого верха, что Лэя и проделала уже привычным манером. Однако, сидящий на ее плече Женька, вдруг четко ощутил опустошенность и усталость внутри Лэи. Переключившись на энергетическое видение, он с беспокойством увидел, что Лэина плотная оболочка еле светится. Не зная, что делать, он чисто интуитивно обнял ее и представил, как вливает в нее свои силы.

Через некоторое время, он, еле оторвавшись от нее, заметил, что она стала ярче.

Плохо что-либо соображая, он, переключившись на нормальное видение, заметил, что Лэя воспряла духом.

– Спасибо Женя! Теперь все в порядке! Я смогу подняться, – поблагодарила Лэя.

А у Женьки только хватило сил, "ответить" что ему нужно срочно в астрал на "дозаправку".

Он сумел вывалился к себе в якорь, то есть, пирамиду, распластавшись на лужайке перед своей избушкой, да так и остался лежать, загорая под теплым, вечно летним солнышком.

Лэя успела ухватить последнюю мысль Жени, но ее поразила не мысль, а чувство с ней связанное. Она поняла, что Женя только что, чуть "не выкачал" себя до дна, пытаясь поддержать ее, такой обреченной усталостью веяло от его последней мысли.

– Дурак! – всхлипнула Лэя, теперь паникуя в неизвестности, что случилось с милым и симпатичным астральным чудовищем.

– Ты кому это? – послышался вопрос Зара. – Слушай, я заметил, ты совсем выдохлась! Так что, давай, твою поклажу пока оставим здесь, а потом я спущусь еще раз и подыму ее наверх.

– Да, нам надо спешить! Что-то плохое случилось с Женей! Я должна оказаться там, как можно быстрей! Женя сказал, что нам надо подниматься в связке. Давай сюда веревку!..

Лэя из последних сил, бежала к пещере. Из поклажи она

прихватила только флягу с "лекарством". Она спешила, не обращая внимания на камни, кусты и другие препятствия, поплатившись несколькими падениями и больным ушибом. К счастью, ни вывиха, ни перелома с ней не приключилось. Хлюп и Зар, нагруженные под завязку поклажей брели где-то сзади, ориентируясь на указания, оставленные Лэей. Благо, по горным склонам ориентироваться было легко.

Лэя почти без задержки вбежала в пещеру и тут же упала на колени – над ее головой пронеслась стая огромных ночных насекомых, спугнутых ее внезапным появлением. Но ничего опасного больше ее не поджидало. Она прошла в самую глубь пещеры, как рассказывал Женя и, почти на ощупь, протиснулась в дальний угол.

Задумалась, сколько нужно выпить этого лекарства. Женя что-то говорил о половине стакана.

"Ладно, была – не была! Выпью полстакана и лягу – посмотрим, что получиться.

Главное, успеть Женю спасти. Ему, наверно, совсем плохо!" – с этими мыслями Лэя отпила примерно глотков пять, гадкой, горькой, бурой субстанции, и попыталась лечь, положив голову в дальнее углубление пещеры. Лежать было жестко, но терпимо.

Лэя вдруг подумала: "А чего это я так переполошилась? Может ничего особенного и не произошло? И кто, в конце концов, мне этот чужак?!" Лэя стала вспоминать мгновение за мгновением случай на лестнице. "Нет, он явно пытался мне помочь! И кто бы он ни был мне, он, видимо, пошел на немалый риск для себя. А долг платежом красен. Если только эта пещера работает, то я скоро все узнаю.

Интересно, а как она работает? Что-то ничего не ощущается, а ведь он называл ее какой-то магнитной. Странно…" – Лэя додумала свою мысль, зависнув под потолком пещеры. Испугавшись от неожиданности, она повернулась в воздухе и переместилась к своему телу, неподвижно лежавшему на земле…

ГЛАВА 9. ПРИНЯТЬ РЕШЕНИЕ

Однако раздумывать было некогда и Лэя, по привычке, позвала Женю, но он не отвечал на ее зов. Совсем запаниковав, Лэя "зажмурилась" и представила себе любимую полянку в астрале. Открыв глаза, она увидела ее перед собой.

Воодушевившись, она снова представила Женю и постаралась в деталях вообразить его лицо. Открыв снова глаза, она увиделала, что оказалась перед Женей, лежащим на совершенно другой лужайке, чем та, на которой она только что была. Не обращая внимания на изменившуюся обстановку, она бросилась к, ставшему ей близким, чужаку и осторожно прикоснулась рукой к его щеке, боясь потревожить его и сомневаясь, жив ли он. Почувствовав прикосновение, Женя открыл глаза и удивленно вытаращился на Лэю:

– Ты откуда здесь оказалась?! – произнес он и радостно улыбнулся. Потом сообразил и, привстав на локоть, взял Лэю за руку. – Господи, лапушка, ты что, через всю галактику сюда прыгнула?!

– Я не лапушка и никуда не прыгала! – Лэя облегченно проворчала, начиная обижаться, что она зря к нему неслась, сломя ноги и голову. А теперь этот "урод" еще и насмехается над ней!

– Только не обижайся – я действительно за тебя переживаю. Ты ведь не очень представляешь, куда попала?

– Почему не представляю? На небеса – я с детства здесь гуляю, – немного дуясь, гордо ответила Лэя.

– Хорошо, но ты представляешь, что ты сейчас на другом конце галактики? Вернее – в нигде, которое отражает реал другой цивилизации.

– Я, как дура, ноги себе чуть не переломала, а ты издеваешься надо мной этими непонятными словами! Где эта галактика – в соседней комнате? – не выдержав напряжения, Лэя почувствовала, что от обиды по щекам побежали слезы.

– Постой, постой! – Женя, внимательно вгляделся в мокрые зеленые глаза и успокаивающе попросил. – Сначала успокойся, пожалуйста, и запомни одну вещь: я никогда, ни при каких обстоятельствах не обижал и не обижу тебя! Договорились?

– Да! – облегченно вздохнула Лэя.

– Теперь, по порядку: почему ты так спешила и как ты оказалась здесь?

– Я думала, ты погиб или с тобой случилось что-то ужасное! –

взволнованно сказала Лэя и, скривившись, усмехнулась. – А ты тут на солнышке загораешь!

– Значит, ты почувствовала, что мне стало плохо! – до Женьки дошло, что юная принцесса, действительно, сломя ноги, неслась в пещеру и за два часа, пока он оклемывался на лужайке, сумела оказаться здесь. Пораженный ее заботой, он опять взял ее руку и поцеловал кончики пальцев, и только после этого сказал. – Я не знаю, как выразить тебе свою благодарность, моя принцесса! Я действительно, совершил оплошность, неосмотрительно влив в тебя энергию своей души, забыв, при этом, что твоя плотная оболочка потребляет этой энергии на порядок больше. Так что, после оказанной тебе поддержки, сам оказался еле жив, да еще и поблизости от зоны размягченной реальности. Не помню даже, как оказался здесь – наверно, чисто рефлекторно прыгнул в самое для себя безопасное место. Ты правильно почувствовала грозившую мне опасность. Но ничего, твое глупое чудовище вполне еще живо!

– С чего ты взял, что я считаю тебя чудовищем? – смутившись, испуганно спросила Лэя.

– Да разве непонятно станет, когда при первой же встрече, ты чуть от страха не сбежала?

– Нет, здесь дело в другом… я уже видела тебя раньше, – Лэя вздохнула, не желая говорить на эту тему.

– Где же?.. ах, ты же ясновидящая! Ты просто увидела мой образ из отражения будущего! – Тогда понятно. Но что ж ты тогда испугалась меня?

– Я… я не знаю,… я не могу этого объяснить.

– А и не надо! – Женька понял, что Лэя не хочет рассказывать о чем-то своем, и ушел от разговора на трудную тему. – Главное, я уже не такой страшный, да?

– Ты смешной, а смешное не может пугать!

– Ну, слава богу! Я уже чувствую себя хорошим страшилищем, как в одной нашей сказке – Аленький цветочек.

– Ой, расскажи эту сказку! Никогда еще не слышала инопланетных сказок!

– У тебя наверно не очень много времени сказки слушать. Ну, если очень кратенько, там не принцесса была, а дочь купца, и одно чудовище. И в результате всяких перипетий, девушка полюбила чудовище за его ласковость, и то ли поцеловала его, то ли еще что, но оказалось, что это чудище – заколдованный принц, который превратился из чудовища обратно в себя, как только девушка его поцеловала. Ну и в конце, конечно, хеппи энд, свадьба и все довольны! Только я не то чудовище – сколько меня ни целуй, краше не стану. Зато могу еще целую планету таких же

уродов показать.

– Ну и смешной же ты! В общем – самое классное и смешное чудовище, какое я когда-либо видела! И сказки умеешь очень быстро рассказывать! – смеялась Лэя.

– А мне вот, не до смеха! Теперь рассказывай: как, ты благополучно добралась до пещеры? И сколько лекарства ты выпила?

– Да все в порядке, правда без царапин и синяков не обошлось. А лекарства, я выпила, как ты говорил – полстакана примерно.

– Хорошо, а где все ангелы, мама, папа?

– Не знаю, – Лэя задумалась. – Я так спешила разыскать тебя. Сначала я оказалась под потолком пещеры, потом попыталась тебя звать, но ничего не получилось. Тогда я представила себе полянку, на которой я всегда зову ангелов или родителей. И оттуда уже, закрыв глаза, представила тебя и оказалась здесь. Вот и все!

– Я в полном восхищении, моя принцесса! Кстати, можно мне тебя так называть, хотя формально я не отношусь к твоим подданным?

– Тебе все можно – ты такой страшный! – хохотала Лэя. – Хотя, если честно, только от тебя мне приятно слышать это обращение! И знаешь почему?

– Почему? – Женке, действительно, стало интересно.

– Потому… – Лэя задумалась и, кивнув, сказала. – Да. Потому что для тебя, принцесса, наверно, ровно ничего не значит, кроме как красивого названия. Я права?

– Хм… – теперь уже Женька задумался. – А и правда! Я ведь, о принцессах только в сказках читал. Точно, ты для меня сказочная – прекрасная и загадочная принцесса!

– Вот такой принцессой я и хочу быть! А не "ваше высочество", "ваше величество" – противно!

– Хорошо, твое высочество, но давай к делу. Я, действительно, восхищен твоими способностями! Ты сходу сориентировалась на изнанке, свободно прошла в астрал и прыгнула сюда – в пирамиду другой цивилизации! Ты знаешь, что у меня на это полмесяца ушло? И потом – эта лестница! Ты много еще таких чудес в реале делать можешь?

– Не беспокойся! На тебя хватит! – довольно улыбнулась Лэя. – Не зря же меня колдуньей обзывают.

– Нет, ты не колдунья. Кроме принцессы, ты еще будешь моей феей! Можно?

– Можно!

– Но старое глупое чудовище просит, нет, просто умоляет

свою принцессу, послушать одного совета. Обещаешь?

– Обещаю, – насторожилась Лэя.

– Понимаешь, астрал, или небеса, как вы его называете, может быть страшной штукой! Чтобы избежать его опасностей, надо хотя бы три дня постоянно учиться и тренироваться. Но у нас с тобой нет сейчас столько времени. Я обещаю, что не утаю от тебя ни крупицы информации и расскажу все, о чем только пожелаешь, но только когда будет время. Пообещай только одно своему чудовищу, что сейчас ты не будешь в одиночку выходить или перемещаться по астралу, особенно – по свободному.

Договорились?

– Договорились! Хм… – Лэя о чем-то подумала и сказала. – Тогда и ты пообещай!

– Хорошо, обещаю, только что?

– А то, что ты больше не будешь себя сравнивать с чудовищем. Ты больше не чудовище для меня,… как в той сказке… – Лэя, смутившись, отвернулась, встала с колен, стряхнула травинки с походных брюк и, делая вид, как будто ничего особенного не сказала, оглянулась вокруг. – А это твой дом?

– Да, это мой бывший астральный якорь – место, в котором я всегда с удовольствием отдыхаю. – Женька, озадаченный последними словами принцессы, все же не стал цепляться к словам.

– Значит, здесь все так же, как на вашей планете? – Лэя заворожено рассматривала деревья, лодку у мостков и сам дом. – А мне можно посмотреть?

– С радостью все тебе покажу. Только прошу, отнесись ко всему спокойно. Здесь много технических штучек, которые в твоем мире еще только предстоит придумать.

Но осмотреть Женькин якорь им не удалось. Лэя почувствовала какое-то беспокойство, и Женька, сообразив в чем дело, подхватил ее под руку и прыгнул с ней прямо на изнанку Сэйлара, где добравшийся до пещеры Хлюп во всю тряс несчастное Лэино тело.

– Слушай внимательно, что делать дальше! – Женька, второпях, хотел сказать самые важные вещи. – Сейчас отдохни, выходи в астрал завтра с утра, сделай постель для тела помягче, и попроси Зара осторожно поворачивать твое тело с боку на бок через каждый час и держать его на боку – чтобы не задохнулось. Для выхода полстакана лекарства будет вполне достаточно. Если вдруг не получиться выйти, прими еще столько же. Когда выйдешь, не зови никого с изнанки – все равно не дозовешься. Выходи сразу на свою полянку в астрале и уже оттуда, сразу зови

меня или ангелов с родителями. Объясни там ребятам, что будешь спать долго – если не боишься, то часов восемь. Ну, давай, принцесса, возвращайся в тело, пока твой лонк не растерзал его от отчаяния!

Лэя послушно нырнула в тело, и вскоре Женька наблюдал, как она в реале защищалась от бурных обниманий Хлюпа. Сам же он, так ничего и не поняв в своих отношениях с принцессой, поспешил к Булю на совещание. Нужно было основательно подготовиться к выходу Лэи в астрал. Теперь ребром вставал главный вопрос: А как собственно ангелы намеревались спасать Сэйлар?

***

Женька уже полчаса наблюдал за бурными и бестолковыми дебатами ангелов. Как интересно получается: вроде бы и всесильные, и добрые, но, как дело дошло до того, чтобы поступить вопреки судьбе, так мнения разделились и предложения поступают – одно другого бестолковее. До Женьки вдруг дошло, чего не хватает ангелам в их рассуждениях: человечности, или как там ее сэйлости, что ли? Не зря Буль всегда на ангелов жаловался по этому поводу. Доброта у них какая-то абстрактная. Для них, убить человека – значит отправить его в рай. Вот и сейчас, ангелы пытались решить проблему, как математическую задачу. Женьку это даже начало злить – вот так же один урод решил вычеркнуть из игры Ташу. Нет, в этот раз он не даст им решать математические задачи, в которых вместо иксов и игреков стоят жизни сэйлов. Послушав еще немного о том, кого нужно убирать в первую очередь, а кого во вторую, он решил внести ясность в расстановку сил за столом.

– Многоуважаемые господа ангелы, – обратился он к ним. – Настало время прояснить ситуацию. Методом прямого вмешательства в реал Сэйлара обладают несколько душ, и я решил воспользоваться своим правом изобретателя, решать частные вопросы о применении метода. То есть, в данный момент я буду принимать окончательное решение, как, что и где мы будем делать. И я категорически против методов, предлагаемыми некоторыми из вас. В случае несогласия, вы можете обжаловать мои решения в Службе Равновесия… – Женька не удержался от ехидной усмешки, увидев, как уныло обвисли физиономии участников собрания. Только Булю со Славкой было известно, что

Женька передергивал карты. Никто не договаривался о таких полномочиях именно для Женьки. Ведь и Буль, и Славка могли даже с большим правом воспользоваться своими полномочиями. Но и обличать в волюнтаризме своего напарника им не было никакого резона, тем более что они, кажется, были согласны с Женькой. Не давая остыть железу, Женька ковал ситуацию дальше:

– Давайте, воспользуемся простой логикой. Разделим задачу на цели, способы исполнения и исполнителей, то есть принимающих решение субъектов. Итак, цели: кажется цель одна – спасти Сэйлар. Но при ближайшем рассмотрении, теоретически ее можно осуществить тремя способами.

Первый, на котором настаивает большинство из вас – убрать непосредственную угрозу в виде наиболее вероятного действующего лица – кого-то из наследников ныне правящего монарха, который нарушит целостность гравитационной линзы с развернутым четвертым измерением. Это простой путь, но он не устраняет возможности повтора того же трюка кем-то другим. Второй путь – продвинуть цивилизацию в техническом развитии, чтобы стало возможным объяснение сэйлам сути гравитационной заплаты. Это долгий и не надежный путь, но идти по которому все же придется, если удастся первый вариант и не удастся третий. Итак, третий способ – изолировать капсулу, или иначе, сделать ее недоступной сэйлам. Самый надежный, но и самый непредсказуемый для исполнения. Насколько я понял, это возможно сделать только из реала, если вообще возможно сделать. Так вот, нижайшая просьба вам всем – подумать, какие возможные технические или астральные решения этой проблемы вы могли бы предложить.

Теперь об исполнителях и принимающих решение. Мне кажется, что в соответствии с принципом свободы выбора, судьбу своей планеты должны решать сами сэйлы. Но за неимением других возможностей, я желал бы видеть за этим столом Лэю – она, как кронпринцесса Эрианы, является вполне достойным представителем цивилизации, тем более в ее уме и душевных качествах я лично имел честь убедиться. Как результат, я считаю на данный момент дискуссию исчерпанной. Я думаю в течении двух – трех дней мы с Лэей выработаем приемлемый план действий на основе ваших рекомендаций.

И тогда мы соберемся вновь, для окончательного утверждения плана перед началом операции.

– Я думаю, это логичное решение, – пришел на помощь Буль и не удержался от своих ангельских шуточек. – Тем более что у нас определился главный руководитель, а заодно и главный козел

отпущения, в случае неудачи.

Женька был рад. Ему были до лампочки угрозы про козла. Он чувствовал, что не даст использовать Лэю, как разменную карту в ангельских играх. Так же, как и не даст им ликвидировать, кого ни попадя, налево и направо. И потом, он чувствовал, что это правильно – дать Лэе решать, как поступать в той или иной ситуации. Это ее мир и ее сэйлы.

– Ну что, рад? – хитро спросил Буль, когда остальные ангелы рассосались в астрале.

– Не столько рад, сколько удовлетворен. Я считаю, что у Лэи лучшее, чем у ангелов, развито чувство интуиции.

– А не затмили ли твой разум чувства?

– Нет. Ты забываешь, что я по определению – ученый. А знаешь, что является проклятием настоящего ученого?

– Хм, что же, интересно?

– А то, что он ничему не верит до конца и, в первую очередь – себе! В моей башке всегда при мне мои вредные тараканы, нашептывающие "А не врешь ли ты? А прав ли ты? А может, все не так?" Я, наверно, до конца не верю ни себе, ни кому-либо еще.

Пожалуй, если только нескольким душам.

– Не мне ли? – ехидно спросил Буль.

– Упаси господь поверить ангелу – он же подневольное создание! – Женька поперхнулся, увидев, как мрачная тень пробежала по лицу Буля. – Окстись! Я не тебя имел в виду, какой из тебя ангел? Так, если только наполовину. Как ни странно, я верю безоговорочно двум женщинам – Таше и Лэе. Может потому, что я лучше их чувствую, чем мужчин? Не знаю – это на подсознании. Кстати, в астрале есть подсознание?

– В астрале, как в Греции, есть все! – философски ответил Буль. – Спасибо, что не считаешь меня законченным ангелом. Как ни странно, но ты прав – чем человечнее ангелы, тем они лучше! И наоборот, чем возвышеннее и божественнее объединяющиеся души, тем дальше они от народа. Но это, к счастью, еще не касается Славы с Ташей, такое отстранение происходит гораздо дальше и выше.

Другие уровни – другие дела.

– Сейчас меня больше всего волнует, как Лэя будет одна в реале выполнять нашу программу по спасению Сэйлара. Ты знаешь, у меня ощущение, точно соответствующее поговорке: "загребать жар чужими руками". Я чувствую, что мне предстоит разгребать жар Сэйлара слабыми руками юной принцессы. Как-то это не по-джентельменски.

– Надо посмотреть, на что способен ее слуга Зар. – посоветовал Буль.

– Да, по крайней мере, оружием он владеть должен, – со вздохом согласился Женька.

– Лэя вот-вот должна выйти. Ты будешь с ней беседовать?

– А нужно? – спросил Буль. – Я понимаю одна голова хорошо, а две лучше. Но может, ей легче общаться с одним чудовищем, чем с двумя?

– Да ты прав. Я должен ознакомить ее с астралом, Землей и самим Сэйларом, прежде чем начать обмозговывать детали нашего предприятия. Понимаешь, нестандартную проблему, особенно социальную, зачастую невозможно решить рационально, ее надо почувствовать на уровне интуиции. Вот и сейчас, Лэе нужно посмотреть на все сверху, а мне – изнутри Сэйлара.

– Снимаю шляпу! – восхищенно округлил глаза Буль и, сделав реверанс, размахивая невидимой шляпой, исчез в глубинах астрала.

Женька решив, что ждать нет смысла, перенесся к пещере, найдя бивак в бурных хлопотах. Ребята натаскали вглубь пещеры веток и травы, сделав неплохое ложе для Лэи. Сама принцесса, как раз, с флягой и стаканом отправилась вглубь пещеры.

Женька просто взял и уселся на краю ложа, ожидая, когда Лэя появится на изнанке.

Все произошло, как и у них на Земле. Он, вспомнив Славкины шуточки, подхватил на руки невесомую принцессу, как только она вышла из тела. Лэя только испуганно ойкнула и, увидев Женю, рассмеялась:

– Не надейся, не напугаешь! Я тебя больше не боюсь!

Женька бережно поставил ее на пол, как будто ее можно было уронить, и, взяв за руку, спросил:

– С добрым утром, моя принцесса! Все миры галактики и астрала перед тобой! С чего начнем?!..

***

Наступал четвертый день, как маленький отряд расположился у магнитной пещеры.

Три раза Лэя выходила в астрал. Женька, как и обещал ей, показывал и рассказывал ей все, что она хотела знать. Сначала он боялся, что Лэя будет шокирована картинами инопланетной культуры, но оказалось, что ее сознание оказалось даже гибче, чем Женькино. Он знакомил ее с цивилизацией Земли в мире Отраженного реала – так было проще, чем слоняться по изнанке

реала. Только раз или два она испуганно вскрикнула, как будто узнавая что-то. Первый раз при виде автомобиля, а другой – высотных белых зданий. Женька спросил, что ее напугало, но она, стесняясь, уходила от разговора. В конце концов, она с удовольствием носилась не только на автомобилях и флаерах, но и на аттракционах в одном из лунопарков Отраженного реала. Она быстро усвоила строение своей планетной системы, галактики и вселенной в целом. Женька даже объяснил ей немного клеточное, молекулярное и атомное строение живых существ и материи. А так же умудрился на пальцах объяснить действие гравитации и электричества. Он только поражался гибкости ее разума, способного приспособиться к такой лавине новой информации.

Проблемы возникли с другой стороны. Последний раз Лэя вышла вместе с Заром. И сколько они не подготавливали того, он просто впал в ступор, туповато пялясь на астральные чудеса. Напарник для Лэи из него выходил, ну просто никакой. То есть, он при первой возможности был готов бросаться размахивать оружием и защищать принцессу, и даже имел некоторые способности к военной тактике, но поддержки в анализе ситуации и решении каких-то вопросов посложней, от него ждать было невозможно.

Женька, мрачный, сидел и глотал пиво в своем глупо-блестящем модерновом кабинете.

Его грызла меланхолия. Он чувствовал, что своими руками пихает Лэю на заклание в гущу интриг Эрианы. Было невозможно представить, как там выживет наивная, не испачканная придворными интригами девочка? Женька не питал никаких иллюзий насчет прелестей средневековых нравов. Не смотря на свои великолепные способности и не по годам развитую интуицию, Лэя будет беспомощной среди козней большого города, и никакие деньги и положение ей не помогут, а то и помешают.

Если учесть, что, по словам ангелов, за ней охотится инквизиция и сам диктатор, то у нее с Заром фактически нет шансов. Нет, он не может отпустить ее одну против всего мира…

Вдруг, как молния в сознании промелькнула мысль: "Я должен пойти с ней, чего бы то ни стоило!" Женька аж подпрыгнул и забегал из угла в угол своей блестящей клетки. Мысли, как вихрь понеслись колесом вокруг новой идеи. Почему-то сразу захватило дух: "Это ж я, первым из землян окажусь на чужой планете! Посмотрю мир изнутри!" Потом мысль наткнулась на препятствие и тут же смела его с пути: "А как же я туда попаду? Так в теле Зара! Пусть он в это время по астралу

поболтается! А чтоб попусту баклуши не бил, пускай Буль его поучит техническим новшествам – они будут полезны на Сэйларе. Что еще? Мое тело! Оно-то без хозяина не может! – или может? Славка, к примеру, может повыгуливать, или еще кто. Да тот же Зар – правда, его надо всему обучать, начиная от пользования горшком. Вот незадача!.. Вспомнил! – Буль! Какой ангел не почтет за честь на халяву по реалу погулять?! Все, достаточно! Пускай по очереди мое "боди" выгуливают! А как я на Сэйларе справлюсь? Нужен язык, владение оружием, и совместимость с телом. Но мы уже это проходили – пускай Буль озаботится. За это, ему прогулки по реалу будут!

Все, иду к Булю!" Женька, как пуля, несся к Булю в кабинет. Начальник, конечно, как положено, то ли задерживался, то ли был на совещании, но это Женьку не колыхало ни с какой стороны. Он рванул прямо в открытый астрал и рявкнул, что было мочи:

– Буль! Ангел негодный! Быстро сюда, когда тебя зовут!

Видимо эмоционально-информационный поток был такой мощности, что Буля буквально вышвырнуло откуда-то к Женьке, вместе с недоеденной колбасой в руках.

– Все обжираешься, когда тебя великие дела по спасению цивилизаций ждут!

– Ты чего такого выдумал?! – испуганно спросил Буль. – На тебя смотреть страшно – прямо продукт деятельности доктора Франкенштейна с похмелья! Ты давно причесывался? И не прожигай меня глазками, на мне цветы не растут…

– Зато колбаса растет!..

– Какая колбаса?..

– Тьфу ты!..

Женьке надоело слушать эту лабуду и он, схватив Буля, перетащил того к нему же в кабинет и швырнул на оленьи шкуры.

– Ты скажи прямо, оленевод ангельский – по реалу в моей шкуре хочешь погулять?!

– Женька навис над приятелем выжидающе.

Тот только хлопал удивленно глазами, и вдруг прослезился:

– Женька, ты не понимаешь, что ангелу предлагаешь!

– Спокойно! Прекрасно понимаю!

– А когда же ты вдруг запонимал?.. Э-э, кажется, я догадываюсь, что ты затеял!

Смотри, не мешай амурные дела с цивилизованными, тьфу цивильными, ну то есть сам, короче, знаешь.

– Хоть амурными, хоть ажурными, но Лэю в средневековый вертеп я с этим юным солдафоном не отпущу! Или со мной – или никак!

– Тут ты прав, – согласился Буль, подумав. – Куда не сунься – везде облом! А ты хорошо подумал, ведь в Зарову шкуру лезть придется? Ты ж после этого нормальным человеком уже не сможешь быть!

– Да я и так, давно уже ненормальный человек! Так что нечего и пугать! Ну что, больше возражений нет?! – Женька продолжал прессинговать, совсем загнав ангела в угол яранги.

– Да нет, вроде, – уже примирительно согласился Буль, сам начиная пускать слюни по поводу возможного посещения реала.

– Тогда тебе мое высокое повеление! Сегодня сливай меня с Заром – от него нужна синхронизация тела, язык Эрианы, и рефлексы владения оружием!

– Слушаюсь и повинуюсь! Но ты подумал, что это почти половина Зара.

– Ничего, зато для меня десятая часть только будет!

– Ну, наверно так и есть… Хорошо, пойдет,- согласился Буль.

– Но это еще не все! Я не собираюсь там крушить всех и вся. Я все-таки не убийца.

Так что можешь мне раздобыть знания и рефлексы для какой-нибудь борьбы, типа карате, чтобы иметь там преимущество при борьбе голыми руками? Да, еще! Посмотри, какими они там мечами пользуются, и добавь к их технике владения оружием что-нибудь из современных техник фехтования. Так, чтобы я мог выбивать у них мечи еще до того, как они надумают что-либо делать ими.

– Ты что, из себя супермена решил сделать?

– А что, ты бы предпочел, чтобы из меня, вернее Зарова тела цветные лоскутки нарезали при первой же стычке?! И потом, я сказал, что не намерен там устраивать тупую бойню. А уж если и приспичит помахаться, то только так, чтобы окончить это, как можно быстрее и, как можно с меньшей кровью.

– Все, понял! Разрешите приступить к исполнению?! – Буль даже умудрился прищелкнуть каблуками, которых у него не было.

– Разрешаю! И смотри у меня, чтобы мое тело лелеять и беречь, как зеницу ока!

– Не беспокойтесь, все будет в ажуре! Даже дамами-с побаловать не забудем-с! – Буль ехидно улыбнулся и помчался наворачивать круги по астралу, выполняя задание.

***

Лэя собиралась с Заром в астрал, а у самой опускались руки. Что-то с парнем не заладилось с самого начала. Он все никак не доверял и думал, что его обманывают.

Хотел чуть ли не драться с инопланетянами, ища в них какой-то подвох. Когда ему попытались объяснить, для чего он с Лэей в астрале, он опять стал спорить, что на Сэйларе все в порядке и ему дурят голову. Сейчас Лэя понимала, что Зар, видимо, чувствовал свою ущербность в знаниях, а его военная выучка, да и что говорить, мужская спесивость, не давала ему с этим согласиться. Вот он и разыгрывал из себя неверующего нигилиста.

К сожалению, понимание причин поведения Зара не могло исправить ситуацию, главной проблемой которой, был недостаточный уровень образования и внутренней свободы парня. Он не умел смеяться над собой, как постоянно это делал Женя, и чему мечтала научиться Лэя. А серьезная, внутренняя жалость к себе приводила к чудовищному осознанию своей мизерности перед знаниями и мышлением чужаков.

Только внутренняя свобода позволила самой Лэе понять, что объем знаний далеко не единственный критерий в оценке личности, и дала ей почувствовать все огромное уважение, которое испытывали инопланетяне к ней, просто, как к личности, не смотря ни на ее знания, ни на звания. Как это сейчас было объяснить Зару, она не знала, тем более что она сама не ощущала такого уважения чужаков к нему, как к себе.

Так ничего путного и не придумав, она болтала с Заром и Хлюпом о всяких мелочах и готовилась к выходу. Хлюп уже спокойно относился к своей роли сиделки при двух крепко спящих телах. Они с Заром выпили по полстакана лекарства и улеглись рядком, головами вглубь пещеры. На изнанке их уже поджидали Женя с Булем и быстро перенесли всю компанию на Лэину полянку. Буль сразу попросил всех закрыть глаза и не удивляться, если у них появятся странные ощущения. Лэя послушно прикрыла веки, но ничего не ощутила. Через некоторое время Буль сказал:

– Все! Можно открывать глаза!

– Что это было? – удивленно спросил Зар. – Я будто подключился к чужим мыслям!

– Ничего страшного! – деланно беспечно ответил Буль, – Просто, для лучшего взаимопонимания мы были на короткое время в энергетическом контакте. Вот и все!

Зар, кажется, удовлетворился этим, ничего не объяснявшим ответом, но Лэя почувствовала, что ангел, кажется, просто морочил им голову. Все же, на конфликт она не пошла – и так

хватало проблем с Заром.

Буль, тем временем, продолжал знакомить с повесткой дня. И первым, к кому он обратился, был Зар:

– Зар, нам, впрочем, как и всей цивилизации Сэйлара, нужна твоя помощь. Эта просьба исходит не столько от нас, чужаков, сколько от ангелов и всех душ сэйлов, некогда живших на Сэйларе. Чтобы доказать тебе серьезность просьбы, выбери любого, самого авторитетного ныне умершего сэйла, хоть короля, хоть кардинала, хоть полководца, и мы, позовем его для беседы с тобой.

Зар долго молчал и, наконец, сказал:

– Салар Альк – ему я безоговорочно верю и подчиняюсь!

– Хорошо! – Буль на минуту задумался, и на лужайке появились ангел Ленгли и Салар – недавно погибший Лэин отец.

– Папа! – не удержалась Лэя и бросилась с объятиями к отцу, как будто не вчера с ним виделась.

– Не задуши, доченька! – смеялся Салар.

– Лен, вы сможете обсудить все дела с Заром? Он склонен больше доверять вам. А мы с Лэей должны обсудить некоторые мелкие детали, связанные с дворцовыми интригами.

Лен, обменявшись любезностями со всеми присутствующими, кивнул Лэе и увел за собой Зара с Саларом.

Когда они остались втроем, Буль хитро подмигнул и сказал:

– Ну а здесь я, кажется, третий лишний! – и испарился, оставив Лэю с Женей наедине.

– А с кем же обсуждать дворцовые интриги? – растеряно спросила Лэя у Жени.

– Интриги обсуждать ни с кем не надо. Просто этот прохвост здесь долго вешал всем лапшу на уши. Никогда не доверяй до конца ангелам. Их надо просто любить, почти как детей. Но, у них свое ангельское мышление, которое нам иногда трудно понять. Хотя в конечном итоге, в данной ситуации больше виноват я. В общем, весь этот спектакль был устроен ради тебя.

– Ничего не понимаю! Зачем надо варить тесто и раскладывать его на уши, да еще и не доверять ангелам? – оторопело спросила Лэя.

– Прости и не обращай внимания. Это просто глупые обороты моей мысли или, вернее, обороты моих глупых мыслей. Теперь о главном, ради чего был устроен весь этот спектакль – я не могу бросить тебя с Заром одну против всей Эрианы. Поэтому… – Женя задумался, как бы прислушиваясь к себе. – Буль сделал одну вещь с Заром и со мной… не знаю, как тебе сказать. В общем, сейчас попробую показать. Ты только не удивляйся…

Женя встал посреди лужайки и закрыл глаза. Лэя

внимательно за ним наблюдала.

Вдруг лицо и фигура инопланетянина подернулись пеленой, и изображение поплыло.

Но, уже через мгновение, размытые черты стали восстанавливаться. Лэя прикрыла рукой рот, открывшийся в немом вскрике. Перед ней стоял Зар! В мыслях, как вспышка, пронеслись все видения с превращениями Зара в инопланетянина, которые она когда-то "считывала" с Зара. Все предсказания стали понятны в своей пугающей и страшной простоте. "Значит, вот кто будет ее неизвестным избранным! Но… это же тело Зара, а душа чужака! Кто же он на самом деле?!" Мысли и чувства разом нахлынувшие на нее утопили ее сознание в своем бурном водовороте. Она не заметила, как ее ноги подкосились и она, усевшись на траву, уткнулась в ладони и зарыдала, не в силах больше выдерживать этот психологический пресс.

Женька озадаченно уставился на плачущую принцессу. Такого оборота дела он никак не ожидал. Удивление, насмешку, простой испуг – все можно было бы объяснить, но такой нервный срыв?! Зная Лэю, он понимал, что должно было случиться что-то из ряда вон выходящее, чтобы привести ее в такое состояние. Вернувшись в прежней вид, он присел рядом с ней и осторожно коснулся волос рукой, пытаясь погладить и боясь ее еще больше напугать этим действием. Неожиданно, принцесса сама уткнулась в его плечо и стала обильно поливать его рубашку своими астральными слезами. Так ничего и не поняв, Женька, все же решил быть смелее, и обнял ее одной рукой за дрожащие плечи, продолжая другой наглаживать шелковистые волосы.

Догадываясь, что словами тут не поможешь, он просто сидел и утешал свою загадочную фею неопределенно долгое время, пока та совсем не затихла и не перестала дрожать.

– Я, наверно, тебе истеричной дурой кажусь? – наконец, подала она голос, не отрывая лица.

– Нет, ты мне кажешься, прекрасной принцессой в объятиях чудовища. Только, в отличие от той сказки, что я рассказывал, когда чудовище превратилось в принца, принцесса чуть не упала от ужаса в обморок. А когда принц превратился обратно в чудовище, то принцесса бросилась к чудовищу в объятья лить слезы. Интересная сказочка получается, неправда ли?

Лэя оторвала лицо от Женькиного плеча и, взглянув в его глаза, сказала:

– А я и не заметила, в каком ты виде сейчас! – потом еще помолчала, думая о чем-то своем, и продолжила. – Извини за эту истерику, она не вызвана твоим внешним видом. У меня вообще

сейчас такое чувство, что ты можешь выглядеть как угодно – мне будет все равно.

– Ты знаешь, тебе абсолютно не за что извиняться. На самом деле, я все эти дни очень боялся за твою психику. Разрыдайся ты сейчас даже без видимой причины – я все бы понял. У меня самого было похожее состояние на первых днях ознакомления с астралом. А я ведь видел гораздо меньше! Я думаю, это даже очень хорошо, что ты поплакала. Ты разрядилась – выбросила наружу все напряжение последних дней, и теперь мы можем спокойно обсудить, что и как нам делать дальше!

Лэя была благодарна Жене за его, просто удивительную способность щадить собеседника, ловко обходя и хороня под нагромождением малозначащих фраз больные темы, когда он случайно на них натыкался. Вот и сейчас, она чувствовала, что сама не может разобраться в своих мыслях и чувствах, и попросту не готова ответить ему, почему у нее случилась истерика. А он уже сам ответил на все вопросы и оставил ей роль слушательницы. Но она чувствовала, что, на самом деле, никакие странности и неувязки не скрылись от его пытливых глаз.

– Спасибо! – шепнула Лэя. Женя немного дернулся, как бы в порыве спросить "За что?", но не задал вопроса. Его интуиции хватило мгновения, чтобы понять, "за что", и не задавать бестактного вопроса. Они еще немного помолчали.

– Ну что, царевна Несмеяна? Кончились слезы?! – Женька озорно взглянул на Лэю, взял ее лицо в ладони и пальцами вытер ей мокрые щеки, как мудрый родитель, желающий развеселить приунывшее чадо.

– Кончились! – Лэя не могла не ответить улыбкой на жульнический вид Жени. – Давай, рассказывай, зачем тебе понадобилось принимать вид Зара?! Обещаю больше не плакать!

– Э-э, так дело не пойдет – "не плакать"! Пообещай смеяться, тогда расскажу! – Женькина физиономия становилась все хитрей.

– Хорошо, обещаю! – Лэя, действительно, засмеялась. – Что-то мы с тобой все обещания требуем и даем, как маленькие дети!

– Ничего особенно, обыкновенный дебилизм – подумаешь, впали в детство! С кем не случается! Ну ладно, мы тут все время так потратим на выяснение, кто глупее. В общем, прости меня за ущемление твоего и Зарова права на выбор, но, проанализировав всю ситуацию, я решил, что я тебя одну спасать ваш мир не отпущу!

– Но ведь я могу с Заром пойти! – возразила Лэя.

– Понимаешь, тебе нужен там в помощники не просто смелый рубака, а еще и прохиндей, вроде меня, который сможет с кем надо договориться, а кого надо, обмануть!

– Да, ты умеешь объяснять! И что же ты предлагаешь? – Лэя спросила, начиная обо всем догадываться.

– Ну, ты и сама уже сообразила! – Женька словно читал ее мысли.- К сожалению, я в виде Зара почему-то тебе не понравился, но если ты с этим свыкнешься, то у нас, действительно, появиться небольшой шанс спасти Сэйлар!

– Хорошо, – медленно проговорила Лэя после паузы. – Я не знаю, как ты сможешь переселиться в тело Зара – это ваши фокусы, но умеешь ли ты так же хорошо обращаться с оружием и знаешь ли ты условия и уклад жизни на Сэйларе?

– Опаньки! – воскликнул Женька. – Вот спасибо! Всем бы такой острый ум, как у тебя! Сразу меня поймала на оплошности! А я-то болван… – Женька замолчал, как бы прислушиваясь к себе. – Все, ситуация исправлена! Это я озаботил Буля нагрузить меня еще и информацией по социуму Эрианы, а то, и действительно, я буду там как полный олух!

– А он тебя загружает всякой информацией? – удивилась Лэя.

– Понимаешь, я очень не хочу, чтобы ты чувствовала себя обязанной мне… Обещай, что будешь испытывать любые чувства ко мне от ненависти до обожания, кроме чувства обязанности? Извини, опять требую обещаний, но это важно!

– Хорошо, обещаю, но как-то странно, чем обязана?

– Спасибо. Теперь я расскажу, что тут произошло. Понимаешь, я обычный землянин, как и ты – сэйл. Но сегодня утром я понял, что должен идти на вашу планету в теле Зара. Честно признаюсь, что сделал это по двум причинам, и спасение Сэйлара, как это ни странно, не входит в их число. Первая причина, это ты – я понял, что не отпущу тебя на верную смерть. А вторая причина – я страшно любопытный, а пройти мимо такой возможности посмотреть на ваш мир изнутри, просто выше моих сил! Но за эту выходку мне пришлось сегодня утром заплатить утратой моей человеческой целомудренности!

– Как это? Ты вечно говоришь загадками!

– Ну так интересней. Но ты права, проще сказать, я перестал быть человеком.

Теперь я на какую-то часть, может третью, может десятую – Зар или сэйл. Кроме того, раз пошла такая пьянка, Буль в меня закачал еще кучу полезной информации.

Так что теперь, я настоящий монстр, не только снаружи, но и изнутри! И этому монстру немедленно нужна твоя помощь!

– Конечно, я помогу, чем только смогу, но скажи, ведь твоя душа осталась той же? -напряженно и немного испуганно спросила Лэя.

Женька, наклонив голову набок, удивленно заглянул в глаза

своей принцессе. Оба молчали и оба чувствовали, что думают об одном и том же: "Что же самое ценное в сэйле или человеке? Душа? А если душа, то, что в ней самое ценное? Что боялась потерять в Жене Лэя, не успев еще толком его узнать? И неужели этот чужак успел стать так жизненно важным для нее?" И каждый находил свои ответы. Если Лэя со страхом признавалась себе, что потеря каких-то черт в характере Жени стала для нее важнее потери родителей, то Женька боялся подумать, что стал для принцессы, чем-то большим, чем веселая, лысая, пусть даже и ученая, обезьяна. Спустя неприлично долгое время, Женька все же собрал свои расплескавшиеся мысли и беззаботным тоном ответил:

– Да куда ж моя душа денется?! Она ж в огне не горит и в воде не тонет! Как это самое… ну, в общем, замнем для ясности. Иначе сказать, во мне прибавилось информации, но надеюсь, на качества характера эта информация не повлияла.

– Так в чем тебе нужна моя помощь? – вернулась к разговору Лэя.

– Понимаешь, голая информация еще ничего не дает – ее еще нужно переварить. Мне нужно освоиться в новой роли до того, как я окажусь в шкуре Зара.

– А что для этого нужно?

– Ты сможешь меня поводить по астралу Сэйлара? Представить меня во дворце, свести с кем-нибудь – потренироваться бою на мечах, может конную выездку попробовать… Можно попросить какого-нибудь ангела это устроить.

– Нет ничего проще! Сейчас, дядю Глена и моего ангела-хранителя Арсена позову, и мигом все устроим, а на мечах и конях и я с тобой потягаться смогу! – озорно улыбнулась Лэя.

– Ух ты! Так что, ты и это умеешь?!

– А ты что думал? Раз принцесса, так и размазня книжная?! Меня голыми руками не очень-то возьмешь! – вскочила Лэя, гордо подбоченясь, и вдруг, вспомнила. – Ой, надо же тебя в соответствующий вид привести! Ну-ка давай, превращайся обратно в Зара! Обещаю: плакать больше не буду!

Она критически осматривала Женю, пока тот вставал и, сосредоточившись, превращался в Лэиного слугу. Открыв глаза, он увидел, как Лэя хихикает, прикрыв рот ладошкой и хитро оглядывая его ниже пояса. Посмотрев вниз, он понял, что стоит перед принцессой, в чем мать родила, ну, хоть и не его мать, но все равно, как-то неудобно. Не зная, как придумать какую-нибудь сэйларскую одежду, он комично прикрыл руками самые интересные для женской части населения Сэйлара места и

беспомощно жалобно посмотрел на ехидную принцессу.

– Ничего, сэйлы часто разгуливают нагишом! – прозвучало сквозь смех слабое утешение.

– Оно и видно по твоему веселью! – жалобно возразил Женька. – Ну помоги хоть чем-то, я же никакой вашей одежды толком не помню!

– Ладно, мой незадачливый рыцарь! Но если ты так же будешь попадать впросак там внизу, то окажешься гораздо бесполезнее, чем Зар! – хихикнула еще раз Лэя и приказала. – Закрой глаза!

Женька послушно закрыл глаза и почувствовал, как на плечи легла какая-то одежда.

Оглядев себя, он обнаружил, что одет в синюю шелковую накидку, подпоясанную шикарным кожаным поясом с большой золотой пряжкой. Однако весь этот шик сверху не устранял некоторого чувства неудобства от легкого сквозняка под подолом. В общем, наклоняться в этом костюме нужно было весьма осторожно, чтобы невзначай не "сверкнуть" чем-нибудь неприличным. А может, весь шик и был именно в том, чтобы якобы случайно "сверкнуть" перед какой-нибудь дамой? Со всем этим ему еще предстояло разбираться, для чего срочно требовался Булев инфопакет по социологии и этикету…

В остальном его наряд был в порядке и привел Лэю в восторг. Так что они незамедлительно ударились во все тяжкие по пирамидам Сэйлара. Лэя была просто золото – она учила Женю всему: от танцев до рукопашной. Женька не только сумел быстро воспроизвести все рефлексы Зара, но и применить экстра-класс, найденный ему Булем где-то в астрале Земли. Ему даже стало жаль Лэю, когда он, посчитав достаточным поддаваться принцессе по правилам фехтования Сэйлара, решил применить новые земные методы. Третий раз подряд потеряв меч в первые две секунды раунда, Лэя не выдержала и с всхлипом "Так нечестно!", отвернулась.

Женьке пришлось тут же бросаться с оправданиями. Подбежав к принцессе и схватив ее за руку, он заканючил:

– Лэечка, прости, пожалуйста, старого болвана! Ну что хочешь сделаю, только не обижайся! Это же не я! Пойми, я на Земле максимум, что на карандашах умел сражаться! Обижаться на меня – все равно, что на дождик! Я здесь ни при чем – это неизвестно чьи технологии! Мне же надо попробовать владение рефлексами и техникой?

– Ладно, уговорил! – сердце девушки явно оттаяло. – Но обещай, что научишь!

Сейчас, как раз твоя очередь давать обещание! – принцесса

ласково и одновременно мстительно смеялась, поймав на слове незадачливого партнера по спарингу.

– Слушай, а это мысль! Побольше надо с тобой общаться – глядишь совсем поумнею!

– Это до чего же я такая умная додумалась? Не подскажешь?! – кажется, Лэя научилась смеяться над собой не хуже, чем Женя.

Женька же только восторженно смеялся на шутку:

– Да, про нашу принцессу уже можно сказать: язык острее лопасти! А додумалась ты до того, что я уже настучал Булю, чтобы он и для тебя такой пакетик информации по борьбе и сражению на мечах подобрал! Ну, разве ты не умница?

– Умница, конечно… – как-то скривившись, усмехнулась Лэя. – Только эта умница звучит оскорбительнее, чем глупая лысая обезьяна в твой адрес!

Женька замер, удивленно глядя на Лэю, и очень серьезно произнес:

– Слушай, ты с каждым часом общения все больше меня поражаешь! Я думал, что буду опекать тебя на Сэйларе от всяких пройдох, но после этого твоего наблюдения, понимаю, что дай бог мне помощником для тебя стать, а не мешаться под ногами! – потом жульнически сощурился и добавил. – Не могу обещать, что не буду называть тебя умницей, но поверь, в моих устах это слово будет гораздо уважительнее, чем глупая обезьяна!

Лэя с притворно возмущенным воплем накинулась на неудачливого ловеласа с кулаками, за неимением в руках меча…

***

Еще один день общения с Лэей и Заром окончательно расставил все по своим местам.

Зар, воодушевленный великими военноначальниками и коронованными особами Эрианы, был твердо настроен на дальнейшее обучение воинским искусствам в астрале. В довесок, Буль обещался научить его чему-нибудь более полезному для цивилизации Сэйлара, типа изготовления листовой стали или примитивных паровых двигателей, или хотя бы спичек. Женька же прошел почти полный курс тренировок в новом образе и заодно ознакомился с нравами и обычаями сэйлов. Даже попробовал сразиться с принцессой в рукопашную. Кажется, рефлексы работали. Выяснилось только, что Лэя, не зная об убийственности и опасности для собственных рук некоторых из

приемов, пыталась в полную силу применить их на Женьке. Слава богу, что это происходило в астрале. А в реале им предстояли долгие тренировки, чтобы подогнать тела до требуемых кондиций. Но, в любом случае, принцесса была в восторге от новых техник борьбы и боя на мечах.

Сейчас Женька стоял на изнанке своей спальни и, глядя на кульбиты, выделываемые Булем в его несчастном, не единожды преданном своим хозяином теле. Было немного грустно. До него со всей ясностью стало доходить, что он, действительно, превращается из человека в странное существо, и обратной дороги уже нет. Кто он теперь? Монстр – не монстр, так: полусумасшедший суперменчик с любовью на другом конце галактики и телом, сдаваемым в аренду, кому ни попадя – прямо, астральная дама легкого поведения! Острый приступ ностальгии по прошлому уютно-бесперспективному существованию в реале, захватил на мгновение все чувства и отпустил, не устояв перед одной простой мыслью: "А ты вернул бы все назад? – Да легче пять раз повесится во всех пирамидах поочередно! – Нечего тогда и нюни распускать! Лучше на Сэйлар поспешить!" Действительно, все детали были оговорены. Друзья позаботятся о его теле. Вот и получалось, что он идет в гости к Зару, Буль – к нему, а Зар – в астрал. Зара, если смогут, понатаскают в науках. А Женька со своей юной мечтой попытается спасти мир – ни больше, ни меньше. "И все-таки он еще тот монстр – астрал целой цивилизации замер в ожидании его художеств. Что-то там еще намалюют мои корявые ручки?" – от предвкушения непредсказуемых приключений, настроение сразу поднялось: "Эким я экстремальным наркоманом заделался?!" Поднявшись в астрал, Женька мысленно позвал Лэю, и тут же получил приглашающий отклик. "Уже успели выйти!" – подумал Женька и, не раздумывая больше, переместился на зов. Лэя с Заром стояли рядом с Леном и Арсеном и, видимо, обсуждали детали предприятия. Женька радостно поздоровался со всеми и включился в разговор:

– Сразу о неприятном. На тот, вполне возможный случай, если мы с Лэей не сможем вернуться к пещере, а окажемся окончательно в астрале: письмо с полными инструкциями выхода в астрал останется у Илаира. Он откроет вход для следующей попытки.

Все на лужайке притихли. Лэя с широко раскрытыми глазами изумленно и испуганно смотрела на Женю.

– Не переживай, принцесса! Это не сможет нас разлучить – я шибко приставучий!

Тогда продолжим приключения в астрале! – успокоил

девушку он. Потом взглянул на Зара. – А вот тебе в таком случае, пардон – не повезет. Но я обещаю заботиться о твоем теле и не дырявить его, где ни попадя! Только вот не могу точно сказать, когда верну – тут уж по обстоятельствам. Ну что, господа ангелы, есть ли еще какие-нибудь советы?

– Да нет, все вроде обсудили… – ответил за всех Лен.

– Ну, принцесса, командуй! У тебя несколько часов в астрале, решай, что будешь делать?

– Скажи сначала, нужно ли еще что-нибудь сделать для пользы дела?

– Ну, пару часиков я бы еще с тобой посражался, а в остальном, все и вся уже готово! – прикинул Женька.

– Тогда я бы провела время с родителями – когда еще удастся с ними встретиться!

– Тогда, позови меня, как захочешь подраться на мечах или кулачках! Я буду у себя, ждать твоего звонка. – Женька уже хотел испариться, понимая, что Лэе надо пообщаться с родителями, как Лэя, робко спросила:

– Подожди, – Лэя, явно не зная, как сформулировать вопрос, почти шепотом попросила. – Я хочу, представить тебя родителям… – и вдруг, спохватившись, громко и весело сказала. – Давай, сначала проводим Зара и ангелов – их наверно уже заждались наши генералы!

– И правда! Неудобно заставлять ждать больших сэйлов! – в унисон ей подхватил Лен.

– Если что, мы всегда на связи! – поддакнул Арсен.

– Зар, я на тебя надеюсь! И весь Сэйлар надеется! – Лэя подошла и обняла рослого парня, грустно смотрящего на Лэю.

– Я все понимаю, не беспокойся, – прошептал он и резко повернулся к ангелам.

Три силуэта исчезли из видимости. Женька вопросительно взглянул на Лэю. Она стояла, чуть не до крови прикусив губу.

– Что-то не так? – тишина опять повисла между ними.

– Он… он без памяти влюблен в меня… – шепотом призналась Лэя. В глазах у нее стояли, готовые пролиться, слезы.

– А ты? – просто и беспощадно спросил Женька.

– А я его только что выпроводила, как надоевшую игрушку. – Лэя шмыгнула носом. – Он все понял. Ты слышал, что он сказал?

– Но я еще могу уйти, если ты считаешь, что он лучше справится с задачей.

Запомни Лэя, здесь все решаешь ты. Сэйлар – твоя планета.

– Ты не понимаешь! Зар вырос со мной. Только два месяца, как я узнала, что он мне не двоюродный брат, а слуга. Он все равно останется мне вместо брата и друга, как и его сестра Лика.

Но… я никогда не любила его и не смогла бы… – видимо, Лэе надоело это сюсюканье. – Нет, все, хватит!

– Мне уйти? – тихо спросил Женька, совсем расстроившись, и не понимая принцессу.

– Ты, правда, не хочешь меня понять и сбегаешь? – уже обижено спросила Лэя. – Я же сказала: я хочу представить тебя родителям.

– Но я же вчера встречался с ними! – Женька жалобно взглянул на рассерженную девушку. – Прости, но я, действительно, не очень понимаю тебя.

– Я хочу представить родителям ТЕБЯ, а не Зароподобную подделку. Ты позволишь открыть им часть нашей тайны? Я хочу, чтобы они знали, кто будет меня защищать на Сэйларе. Тем более я знаю… – Лэя вымучено улыбнулась. – Я знаю, что наш поход в Венлу, скорее всего, удастся, а вот в страну Высоких Горизонтов…

– Мы что, и туда пойдем? – перебил удивленный Женька.

– Может быть, но об этом я не могу с уверенностью сказать. Ну что, пойдем к родителям?

– Хорошо, я согласен. Командуй, моя фея!

Она взяла его за руку, и они очутились у небольшого замка странной архитектуры, немного похожего на дворцы, виденные Женькой в Венле. Замок стоял на берегу живописного горного озера, отражаясь в зеркальной глади вод. Полюбовавшись на красивый пейзаж, они переместились во внутренний двор. Навстречу им уже спешили знакомые Жене сэйлы – родители Лэи. Они старались не показать удивления, но было видно, что Женин вид их не вдохновлял на комплименты. Лэя повторно представила Женю им и, попросив их закрыть глаза, скомандовала Женьке превратиться в сэйла.

При этом она хихикнула и напомнила ему об одежде. Через мгновение перед ними предстал Зар. Лэя объяснила, какого Зара они видели вчера и для чего все это нужно. Было видно, что им трудно приспособится к новым фактам, но они продолжали потчевать гостя угощениями и вежливыми разговорами. Потом Лэя попросила у Жени-Зара прощения и сказала, что весь замок и его окрестности в его полном распоряжении, а сама ушла с родителями наверх в комнаты. Женька не преминул воспользоваться разрешением и пошел гулять по двору замка, соображая по дороге, где бы искупаться.

Лэя, войдя в комнату, бросилась в объятия к отцу. Потом усадила родителей на диван, устроившись между ними и повиснув сразу на двух шеях.

– Мамочка, папа, благословите меня!

– На что, доченька? – удивленно спросил отец, обнимая Лэю.

– Сама не знаю! – всхлипнула девушка. – Мне надо выговориться. Я не могу носить весь этот ужас в себе!

– Что же такого ужасного случилось?! – взволнованно спросила мама.

– Много и ужасного и прекрасного, и все это так запутано! Скажите лучше, вам понравился этот инопланетянин?

– Ну, как тебе сказать…

– Прямо и честно!

– Но… он же страшный! – призналась мама.

– Вот! А что ты скажешь, если я признаюсь, что он для меня давно уже не страшный?

А душа у этого чудовища самая красивая, какую я только встречала!

– Ну что мы можем сказать? Мы ведь совсем его не знаем!

– А я расскажу вам, какой он. Он знает наверно больше, чем все ученые Эрианы вместе взятые, и называет себя при этом глупой, лысой обезьяной! Его разум, словно нож, вскрывает все проблемы и выворачивает все тайны наизнанку, а он смеется над своей тупостью. Он велик, как гора, но способен общаться на равных с муравьем. Я видела, как он способен заставить молчать целое собрание расшумевшихся ангелов и, в тоже время, он боится обидеть меня хоть словом! При всех своих способностях и возможностях, он серьезно считает, что я умнее, не говоря, что красивее его! Но все это не главное – главное то, что он внутренне свободен и поэтому видит всех такими, какие они есть. Для него мир – это хороший повод посмеяться! Я даже сейчас поняла: чем он больше любит кого-нибудь, тем больше над ним смеется, а больше всех он смеется над самим собой! А как он шутит над своим приятелем – ангелом! Это надо слышать! Вот и надо мной, он постоянно подшучивает и смеется, а за этим смехом стоит такая забота, что я даже не знаю, достойна ли ее. У нас нет таких сэйлов, по крайней мере, я не встречала. За ним стоит мудрость и простота развитой цивилизации. Свобода, смех и простота – вот оказывается, что является величайшей мудростью. Он единственный зовет меня принцессой так, что мне хочется летать, слыша это обращение. И это противоречие прекрасной души и страшного тела, разрывало мои чувства. А сейчас, когда он принял вид Зара, последнее препятствие между нами исчезло. И это еще ужасней!

– Но почему же? Доченька, ты выросла рядом с ним до таких высот духа, что мне нечему тебя больше научить, – смущенно признался отец. – Если тебе нужно мое благословение, то я с радостью тебе его даю в любом твоем решении. И не беспокойся о наших матримониальных планах – глядя отсюда, мы,

действительно, лучше стали понимать, что вся эта суета вокруг престола не стоит того, чтобы ломать себе из-за нее жизнь. Я просто доверяю твоему сердцу – оно у тебя гораздо больше, чем у меня.

– Ты не понимаешь, папа! Я ясновидящая – я знаю, что я не выдержу! Ты же знаешь – это мое первое большое лето! И я видела себя в будущем, танцующим перед Заром!

Тогда я подумала – что за вздор, но теперь я поняла, что за Зар был в видении!

Отец призадумался, замолчав, но после некоторой паузы ободряюще улыбнулся:

– Ну, так в чем же дело? Будь счастлива, девочка! Внуков нам подаришь!

Лэя совсем разрыдалась:

– О чем ты говоришь? Чьих внуков? Чьих детей? Зара – не хочу! Этого чужака – не могу! Ты понимаешь, кто он?! Зар или Женя? Если Женя, то между нами пропасть – целая галактика, чужая цивилизация! Он пришел сюда, чтобы спасти наш мир, и я чувствую – он сделает это… и уйдет… в бесконечность миров их цивилизации.

Что ему маленькая фея-принцесса? Пусть яркий, но краткий миг в бескрайнем калейдоскопе его жизни,… а я… – Лэя сникла, тихо плача.

– Ты знаешь, доченька, – сказал, подумав, отец, гладя пушистые волосы Лэи. – Я, может и не столь мудр, но мне кажется, надо смотреть на вещи проще. Ты попробуй посопротивляться веленью сердца, но, если станет совсем невмоготу, наплюй на все и всех, и поступай, как оно велит! Знаешь, если то, что ты рассказала о чужаке, правда, то он ни за что на свете не сделает тебе больно. Тем более что в отличие от нашей неприязни к нему, он считает тебя божественно красивой, и к этому его мнению я с гордостью присоединяюсь!

– А это-то ты откуда взял? – настороженно спросила Лэя.

– Это он успел шепнуть мне, когда ты с мамочкой о чем-то чирикала! И поверь, он говорил это искренне! Так что подсуши слезы – не все так плохо! И не усложняй себе жизнь, она и без того сложная!

– Спасибо папа, вот и на душе полегчало! – Лэя уже счастливо улыбнулась. Пары слов о том, что она нравиться чужаку, оказалось достаточно, чтобы ее настроение полностью изменилось. – Теперь можно и за дела приниматься. Кстати, пап, ты не желаешь на мечах с ним сразиться?!..

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ: РАБОТА НАД ОШИБКОЙ

ГЛАВА 10. СЕЙЛАР

Женька открыл глаза. В полуметре перед собой он увидел лицо спящей Лэи. Но полюбоваться им он не успел. По всем мышцам ударила боль залежавшегося тела.

Женька, привычными небольшими движениями, стал разгонять кровь. Лэины глаза напротив открылись, ее губы шевельнулись, но слов он не разобрал. Она сделала попытку встать, и он стал удерживать ее, предупредив:

– Не делай резких движений, может быть судорога! Шевелись потихоньку! – но изо рта вырвалась какая-то абракадабра.

Лэя, сначала испуганно, потом весело, слегка морщась от боли, посмотрела на Женьку и, медленно выговаривая слова, произнесла:

– Добро пожаловать на Сэйлар!

Голос Лэи остался тем же чистым и певучим, но звуки, произносимые ей, были чуждыми. И все-таки он понимал их, когда они с небольшой задержкой проявлялись в сознании. До Женьки дошло, что чужой язык, насильно втиснутый в его душу, не желает мгновенно активироваться, и он так же медленно повторил свои первые слова и поблагодарил Лэю за приглашение. Она, видимо поняла, так как успокоено легла и стала слегка двигать ногами и руками.

Буквально через десяток слов его речь и восприятие стали налаживаться. Так что, к тому времени, как они с Лэей смогли встать с неудобного ложа, он мог, хоть и медленно, но вполне сносно разговаривать. Оказалось, что Лэя произносит его имя, немного, как Жен или Женьа, а свое немного ближе к Леа, но такую мелочь можно было не брать во внимание. Жен так Жен – назвался груздем так и будь сморчком!

Скоро его сознание перестало аналитически относиться к слышимым словам и отдалось полностью на попечение мозга и тела.

Еще лежа и приходя в себя, он почувствовал, что жуткое любопытство стало буквально съедать его изнутри. Он первый раз в этом мире! Его интересовало буквально все! Начал он с Лэи, поскольку она была прямо перед ним, и для исследования не

надо было прилагать никаких усилий. На внешний вид принцесса почти не отличалась от своего астрального образа. Если только чуть запачканной щекой и загадочно мерцающими в сумраке пещеры темно-изумрудными глазами. Женька протянул руку к ее лицу и тихонько коснулся щеки, потом погладил ее волосы, они были столь же мягко-шелковистые, как и в астрале. Лэя хихикнула, явно пытаясь скрыть свое смущение.

– Прости, я просто проверяю: ты и в самом деле такая же красивая, как в астрале?

– Ну и как?

– Нет! – Женька уже состроил хитрую рожу, но вдруг заметил в сумерках, как улыбка на Лэином лице потухла, а в ее глазах промелькнул отблеск испуга. И он тут же поспешил завершить фразу, поняв, что шутка вышла топорная. – Нет, ты гораздо красивее! – И заработал шутливый шлепок по плечу.

– Ах ты!.. Хорошо же, теперь я запомню, что в этом теле сидит безжалостный монстр!

– Сжалься, принцесса! Не монстр, а всего лишь глупая обезьяна! – он, наконец, встал и, взяв Лэю за руку, подвел ближе к выходу, где было больше света.

Они стояли напротив и с интересом всматривались, как бы заново изучая друг друга.

Женька с удивлением заметил, что Лэя стала меньше и хрупче. До него дошло, что Зар в реальности был на полголовы его выше, а в астрале пропорции дело десятое, и он просто не обратил на это внимание. Лэя же до рези в глазах всматривалась в лицо Зара. Внутри ее был полный сумбур. Не было никакого сомнения, что перед ней Зар, если взглянуть на него мельком. Но, как только этот новый Зар начинал говорить или даже двигаться, он превращался в Женю. А вот так, если стоять и пристально смотреть в глаза молчащего Жени-Зара, то можно было вообще сойти с ума от двойственности восприятия.

– Жуть! – поежившись, наконец, сказала Лэя. – Свихнуться можно. Может, тебя Жезаром назвать?! Нет, лучше оставайся Женей! Так хоть я буду всегда помнить, кто находится в теле Зара.

– Интересно, – нисколько не обиделся, привыкший вызывать чувство страха у принцессы, Женька. – Что такого моего ты видишь в Заре?

– Хм… – Лэя задумалась, потом уверенно кивнула и ответила. – Твою душу. Не твое земное тело, а именно душу. Ну или сознание, то есть чувства, привычки, поведение… не знаю, как это назвать… но ты, я думаю, и так понял – ты у нас умный! Мне кажется, я уже привыкаю видеть тебя в любом теле, так что твой

вид становиться делом второстепенным. Лучше давай, начинай знакомиться с нашим миром!

– Да! Конечно! – Женька подпрыгнул от радости и больно влепился головой в потолок пещеры, бывший на высоте метра над его головой, чем вызвал приступ заразительного смеха у Лэи:

– Ты чего это, как необъезженный жеребенок брыкаешься?!

– Вот это да! – Женька сидел на пятой точке, озадаченно почесывая макушку и растерянно глядя вверх. – А вы тут, ребята посильнее нас будете! Я же забыл, что у вас сила тяжести на почти одну пятую меньше будет! Эко ж меня угораздило!

Пока он так приходил в себя от знакомства с силой тяжести на Сэйларе, в пещеру ввалилось мохнатое забавное создание, очень смахивающее на коалу-переростка.

– А это твой лонк? – ляпнул, не подумав, Женька.

– Чего это он, однако? – ворчливо спросил мохнатый гость у Лэи.

– Зар сильно головой ударился, вот и говорит какую-то ерунду! – успокоила его Лэя и, видимо, чтобы отвести мысли лонка и подсказать Жене, как зовут малыша, спросила. – Хлюп, ты поворачивал нас, когда мы спали?

– Конечно! Обижаешь, я всегда выполняю все поручения! – с важно независимым видом ответил Хлюп, сам незаметно подставляя голову под Лэину руку для ласки.

– Привет Хлюп! Как у тебя здесь дела шли? – спросил Женька.

– Зар, ты что, заболел? – озадачено спросил Хлюп в ответ.

– Понимаешь, он так сильно ударился, что немного переменился и стал говорить по-другому и просит называть теперь его Женей! – объяснила Лэя.

– Так не бывает, однако! – настороженно сказал Хлюп.

– Бывает, бывает! – уверила его Лэя. Малышу оказалось достаточно этого убедительного довода. Видимо, он привык доверять хозяйке, а та знала, что и как сказать своему маленькому защитнику, чтобы тот с ней согласился. – Он так же тебя любит, даже больше, чем раньше, ты скоро это сам почувствуешь!

Женька озадаченно посмотрел на улыбающуюся ему Лэю и подумал, скривив шуточно страдательную гримасу: "Да, кажется, надо дорастать до выбранного образа спасителя!" – Ты чего рожу корчишь? Ну точно, заболел! – расстроено вздохнул Хлюп.

Женька посчитал вопрос исчерпанным и рванул из пещеры, на этот раз, учитывая свои силы и слабую силу тяжести. Он смотрел вокруг и впитывал этот мир всеми чувствами, какими только мог. Все было и таким и не таким как на Земле. Небо было гораздо синее, а солнце чуть больше и оранжевое. От этого все

краски становились ярче, как на рекламном проспекте какой-нибудь турфирмы. Трава, в общем, была такой же зеленой, но немного с фиолетовым оттенком. "Наверно, антоцианов больше" – промелькнула биологическая мысль. Присмотревшись к растительности, он понял, что злаковыми травами там и не пахло, вместо этого в изобилии росли растения, напоминающие хвощовые по строению стебля, но цветущие как высшие растения на Земле. "Интересно, природа заполняет пустые экологические ниши функционально схожими, но зачастую, совершенно разными по анатомии и происхождению организмами. Да, Дарвин был бы доволен. Впрочем – я тоже, хоть и не Дарвин!" – Женька брел, не разбирая дороги, по горному цветущему лугу с травой по колено, любуясь на заснеженные вершины покатых гор и большущих птиц, парящих в вышине.

Ноги сами повернули к ближайшей опушке леса. Деревья тоже были похожи на Земные, но отличались, каждое по-своему. С большой долей фантазии, он нашел "иву", "дуб" и даже "сосну". Листья и кора на деревьях варьировали в широких пределах так что, при желании можно было найти почти что угодно. Почувствовав укус, он рефлекторно хлопнул себя по плечу и выскреб с загривка что-то вроде комара или мухи. "Надеюсь, не смертельно" – промелькнула мысль и тут же возникла другая "Экий у меня шерстяной загривок!". Его взгляд остановился на большой луже в лесу, которую образовал маленький запруженный ручеек. Не раздумывая, он подошел к воде и склонился над гладью воды.

Из воды на него выглядывало мужественное лицо Зара. Он ощупал нос и губы, проводил пальцами по темным бровям, серым бакам, светлому подбородку. В целом, окрас лица был темнее, и черты крупнее, чем у Лэи, отчего лицо производило впечатление силы. Он оглядел руки – они были тоже темнее от золотистого до коричневого оттенка, и шерсть на предплечье была пожестче. "Извини Зар за бестактность!" – подумал он и разделся догола. Его жутко интересовали сходства и различия в анатомии. Окрас тела в целом повторял Лэин, но белый цвет на груди был темнее, почти серым, а на спине тон доходил почти до черного. И волосы не были мелированными, как у Лэи, а просто меняли оттенок от каштанового до почти черного. Фигура была постройней человеческой, ноги чуть длинней, вообще, кости были потоньше – видимо сказывалась меньшая сила тяжести. Но мускулатура впечатляла – было видно, что Зар не был канцелярским работником. Ногти были длиннее и уже – немного хищные. Интересно, что он нашел вдобавок к двум соскам, как у человеческих мужчин, еще четыре крошечных пупырышка,

расположенных по два ниже на груди и верху живота, но они были почти не видны из-под шерстяного покрова.

Ну и конечно уши и хвост. Если уши он хорошо разглядел в отражении воды, то для разглядывания хвоста пришлось изрядно вывернуться. В целом ими он остался очень даже доволен: уши были как у кошачьих, но из шевелюры виднелись только слегка закругленные кончики с небольшими кисточками чуть более густой и темной шерсти.

Хвост, видимо, получался из-за пары-тройки лишних позвонков в копчике, напоминая олений. Он был темный, как и спина, сверху, и светлый снизу. Так что, с боков виднелась красивая светлая окантовка. Ну и конечно, интересным оказалось, что орган размножения оказался почти там же где и у людей, но, как заметил Лен, был гораздо меньшим. А так же отсутствовали добавочные элементы, часто вызывающие ощущение звона у наиболее впечатлительных человеческих дам. Это надо было учесть в возможных драках: удар по мужскому достоинству, скорее всего, был неэффективным, а вот хвост надо было беречь – пожалуй, он был очень уязвим.

Легкий пинок снизу, и перелом основания хвоста обеспечен – не смертельно, конечно, но полная отключка и месяца два инвалидности почти наверняка обеспечены.

"Ну что ж, прекрасное тело – уважаемому гостю!"- Женька понял, что ему, действительно, не нужно никакой одежды, чтобы чувствовать себя комфортно. Он просто плюхнулся тут же, на опушке леса в траву и, лежа на спине, счастливо впитывал всеми фибрами новую реальность, чувствуя себя первопроходцем, инопланетянином, космонавтом и бог знает кем еще одновременно. Над головой колыхались большие, причудливо резные листья неизвестно какого дерева. В траве стрекотали и жужжали невидимые насекомые. В ярко-синих небесах проплывали столь же яркие белые облака. Воздух был насыщен сильными и странными ароматами неведомых трав.

Женька был счастлив. Он научился запоминать такие моменты. К счастью, у него был богатый опыт: первый выход из тела, первый осознанный выход в астрал, и вот теперь, первый выход на другую планету, затерянную где-то в бесконечной дали противоположной ветви галактики. Он чувствовал, как этот огромный мир замер на мгновение, приготовив для него море впечатлений и океан испытаний, но все это будет потом, а сейчас с ним было это мгновение, как первый поцелуй таинственной и своенравной незнакомки. Что у нее за пазухой – цветы, драгоценности или кинжал?

"Посмотрим!" – просто подумал Женька, тая в расслабленной

дремоте. Пока что, незнакомка была с ним ласкова…

Сэйлар не разочаровывал Женьку и дальше. Его заостренное внимание ловило каждую мелочь, каждый оттенок ощущений. Он знал, что пройдет пару дней и ощущения притупятся – настанет пора здесь жить и действовать, но он не желал пропустить этот, волнующий период, когда он присматривался к новому миру, а тот, будто в ответ, присматривался к гостю. Он сразу столкнулся с множеством мелочей, которые по идее, Буль должен был впихнуть в его сознание, но, то ли эти мелочи сами не "всплывали", то ли Буль попросту о них забыл.

Так, он вдруг столкнулся с проблемой гигиены. Как ухаживать за этой прекрасной шкурой? Ему никак не хотелось запаршиветь. Да и все остальные мелочи типа чистки зубов, стрижки волос и даже хождения в туалет. Наступив на горло собственному стеснению, он ближе к вечеру, подловив момент, когда Хлюп умчался на разведку за грибами, собрался с духом и взмолился перед Лэей, скорчив уморительную, как ему показалось, гримасу:

– Лэя, милая, спасай инопланетянина!

Кажется, гримаса удалась, так как Лэя правильно восприняла вопрос, не бросившись сразу на помощь, а лукаво спросив:

– И отчего же так пропадает наш инопланетянин?!

– Да понимаешь, Буль не озаботился об элементарных правилах гигиены. Как вкушать ваших крабов на королевском приеме, я знаю, а как, извините, туалетом пользоваться, да и какие у вас туалеты или там ванные – не знаю. И вообще, как вы моете и чистите свой изумительный мех? Как чистите зубы? А может, еще что-нибудь требуется для гигиены?..

– Да, великий вопрос! – смеялась Лэя. – Ну, по кустам в походных условиях бегать, я тебя учить не буду, это уж точно! Потом поднялась, сбегала к сумкам, лежащим в пещере, и принесла один мешочек. – Придется в личных вещах Зара покопаться!

Забыли у него разрешения спросить, а теперь уже поздно. Смотри, что здесь полезного: зажигалка, фляга с земляным маслом для растапливания костра, фляга с мылом – его из корня одного растения варят, я потом покажу. Да, ничего по гигиене больше и нету,… погоди немножко! – Она опять убежала и вернулась с большей по размеру сумкой.

– Сразу видно настоящую девушку, заботящуюся о чистоте! – довольно заметил Женька.

Лэя, присела у костра и раскрыла свою "косметичку". В ней, кроме мыла, нашелся и зубной порошок, и зеркальце, и даже маленькие ножницы, мочалка, гребешок и специальная маленькая

щетка для расчесывания шерстки. Лэя достала маленькую щетку для зубов, сделанную то ли из кости, то ли из темного прочного дерева и толстой жесткой щетины какого-то зверя, и, несколько стесняясь, сказала:

– Если не брезгуешь меня, то можешь воспользоваться моей щеткой. У меня с собой нет другой. Когда придем домой, я тебе подарю новую.

– Я-то не побрезгую, а вот тебе все-таки неприятно будет, – пытливо посмотрел Женька в глаза принцессе, понимая, что наверно и здесь не принято лазать в рот чужими щетками. – Как я понял, Зар не очень ухаживал за своим ртом?

– Понимаешь, крестьяне вообще не знают, что такое зубная щетка, а меня, как принцессу приучили к чистоплотности, вот и не могу не пользоваться.

– Ну, если Зар обходился, то и я обойдусь пару дней. Одолжи мне немножко порошка, я и этой щеткой обойдусь! – показав палец и изобразив, как он будет им чистить зубы, разрешил проблему Женька.

– А ванна сейчас самая лучшая в озере. Впереди большое лето – купайся и мойся хоть с утра до ночи! А так, конечно, можно воды согреть в бане и помыться.

– Постой, постой! Что это за большое лето? – Женькино внимание зацепилось за непонятную фразу.

– А ты не знаешь?! – удивилась Лэя. Странно, ведь ангелы, наверно, все тебе рассказали?

– Рассказать-то рассказали, но этого всего было так много, что, наверняка, много чего и упустили! Так что, жду с нетерпением твоих объяснений.

– В нашем мире, кроме годичного, есть еще четырехлетний цикл. И самое лучшее время этого цикла – большое лето. Оно длиться полтора года и сейчас только начинается. В противоположном полюсе этого цикла находится холодная зима со страшными морозами и жаркое засушливое лето. А между этими двумя полюсами по одному нормальному году.

– Постой, сейчас я вспомнил, что Навигатор или Лен говорили, что орбита Сэйлара колеблется в пределах одного или нескольких процентов между апогеем и перигеем, – кажется, он произнес много незнакомых слов на земном языке, так как Лэя озадаченно посмотрела на него и грустно усмехнулась. Опережая ее утверждение, что ей не понять его якобы умных речей, Женька тут же исправился. – Извини, это я имел в виду, что Сэйлар немного отходит и подходит ближе и дальше от Антара – вашего солнца. Если он ближе к солнцу летом, случается жара, если зимой – то зима становится теплой, как лето. А вообще, мне в

голову пришла мысль, давай мы будем заниматься науками один час на дню, и ты быстро начнешь разбираться во всей этой белиберде, что я здесь несу!

– Ой, не знаю, сумею ли я! – притворно заскромничала Лэя, а у самой глаза так и загорелись любопытством.

– Тут нечего и уметь – это, примерно, еще пятая часть к твоим знаниям. Если отбросить всю шелуху и словоблудие, то ты через недели три будешь не хуже меня во всем разбираться! А сейчас, давай, нарисуем весь цикл Сэйлара. – Женька сдвинул прогоревшие сучья в костре и стал чертить палочкой на золе. Подумав над получившейся схемой, он сказал. – Да, точка апогея все время смещается, образуя четырехлетний цикл. Это может быть вызвано или притяжением газового гиганта, или смещенным центром тяжести в звезде или просто не устоявшейся орбитой планеты, что менее вероятно, – Женька со вздохом бросил палочку в костер и сказал: – Все это глупости. Главное – что жизнь на Сэйларе во многом загадочна и очень интересна! Это большое лето, действительно, лучшее время на Сэйларе?

– Еще бы! Полтора года ни холода, ни жары – вся природа просто сходит с ума! – восторженно воскликнув, Лэя вдруг потупилась, смутившись. Но Женька не заметил ее смущения, вернувшись к своим прямым шкурным интересам:

– Слушай, в вашем теле не заводятся какие-нибудь насекомые? Меня сегодня укусила какая-то муха!

– Если будешь пользоваться этим мылом, то никакие насекомые тебе не страшны! – засмеялась Лэя. – А мух немного, и только в сырых местах. Лучше опасаться ядовитых ящериц и землероек. Если те за ногу укусят, то день-два ходить не придется! А шерсть хорошо такой щеточкой разглаживать, особенно, когда в город пойдем. – Потом наклонилась ближе к Жене и, внимательно вглядевшись в его лицо, сказала. – Тебе обязательно надо научиться пользоваться ею. У тебя лицо меняется.

– Куда меняется? – не понял Женька. На что Лэя, подумав, ответила:

– Глаза! Зар так не смотрел. У тебя взгляд такой, что от него никуда не деться.

Ты, как будто насквозь видишь и еще у тебя искорки какие-то – как будто кто-то внутри тебя все время смеется! А такой взгляд неотвратимо меняет все лицо. Оно становиться умнее, что ли. Так что, тебе волей-неволей придется за ним следить.

Как-то смешно видеть такой взгляд с неумытой и нечесаной физиономии!

– Это ты зря! У нас на Земле некоторые нечесаные, вроде

Эйнштейна, были самыми великими умами.

– Это у вас. А у нас, к сожалению, ум часто меряют красотой одежды да длинной пустых речей!

– Ну, на самом деле, на Земле то же самое в большинстве случаев, – пришлось признать Женьке. – Просто самые умные могут себе позволить вольности. Ну, а поскольку я рядовой сэйл, то обязуюсь следить за своей внешностью, но под твоим мудрым руководством!

– Слушай! А у вас бывают звездные рассветы?! – вдруг вспомнила Лэя.

– А что это?

– Ну тогда, этой ночью увидишь! – обрадовано пообещала Лэя. – Жаль, что мы не на берегу озера, но отсюда восток, как раз немного виден из-за горы. Только ждать надо будет до полуночи.

Они решили этот вечер дать Женьке привыкнуть к новому миру, и выступить к дому только на следующее утро. Так что у него было еще пол ночи на знакомство с необычными вещами, звуками и запахами. Что он и делал, знакомясь с грибами, принесенными Хлюпом, чем вызвал его недоумение. Лэя водила Женьку по окрестностям пещеры, знакомя с растительным и животным миром.

Сильное потрясение его ждало с наступлением темноты. Спустя некоторое время, после того, как теплое красное солнце окончательно скрылось за горизонтом, Женька заметил, что на небе не видно ни одной звезды. Отойдя от костра, он не мог сдержать изумленного возгласа, увидев абсолютно черное небо над головой.

Подошедшая, Лэя успокаивающе объяснила:

– Это просто безлунная и беззвездная ночь. Зела еще несколько дней назад убежала за горизонт, а Дала взойдет где-то через час.

Абсолютно черный силуэт Лэи был окружен тонким светящимся контуром, отражавшим свет оставшегося позади пламени костра. Женька заворожено глядел на ночную фею, вернее, на светящийся ореол ее волос. Видение было совершенно сюрреалистическое, так как даже пасмурная ночь на Земле не бывала столь черной.

– Ты прямо, как святая, с нимбом вокруг головы, спустившаяся в черноту нижних миров ада, – заворожено глядя, прошептал Женька. Говорить громко не давала абсолютная тишина, опустившаяся на мир вместе с темнотой.

– Может, ляжем спать? Хлюп уже, кажется, засыпает.

– Ты иди, ложись вместе с ним, а я подожду Далу и звездный рассвет. Мне все равно не уснуть – это моя первая ночь на

Сэйларе!

– Ладно, я вернусь к костру, а ты приходи, как надоест в темноту таращиться! – мягко подшутила Лэя и вернулась к костру.

Лэя не выдержала усталости и уснула спустя полчаса, по привычке пристроившись под мохнатым боком у Хлюпа, а Женька остался наблюдать. Через некоторое время из-за восточного горизонта показалась большая оранжевая Дала и стала быстро карабкаться вверх, уменьшаясь в размерах и желтея, вскоре приняв размеры и цвет близкие к земной Луне. Женька наблюдал за этими перемещениями ночного светила, отойдя немного от костра, чтобы не упустить деталей. После восхода Далы в воздухе заметались какие-то тени, очень напоминающие летучих мышей, но скорее являющихся большими, тяжелыми ночными бабочками. Спустя какое-то время восток стал наливаться холодным серебристым сиянием и из-за горизонта показался контур огромной серебряной птицы.

– Лэя, это чудо! – не отрываясь от звездного зрелища, восторженно вскрикнул Женька, не в состоянии не поделиться восхитительным переживанием, и почувствовал на плече прикосновение легкой руки принцессы.

– Спасибо, что разбудил, – заспанным голосом прошептала принцесса, сама стоя, пошатываясь и опираясь на плечо Жени, чтобы не упасть, – Никогда не перестану любоваться этим зрелищем! Сейчас ты увидишь наши звезды!

– А разве это еще не все?! – удивился Женька.

– Ты что?! Это только звездный орел – предвестник звездного рассвета! Смотри дальше!

Женька, затаив дыхание ждал. И вот еще более мощное свечение стало подниматься из-за горизонта и вскоре, яркая полоса серебряного света залила весь восток.

Звезд было так много, что они сливались, образуя светлое марево.

– Я советую лечь спать, пока не стало совсем светло! Потом трудно будет уснуть, – шепотом посоветовала Лэя.

– Иди спать, принцесса! – ласково шепнул Женя, спасибо, что посоветовала подождать – это мой первый звездный рассвет в жизни. Так что я еще чуть-чуть полюбуюсь – я никогда не видел так много звезд в небе!

"Как бы не исхищрялись наши фантазеры в своих пирамидах, природа реала иногда, вот так, одним махом, переплевывает все их бурные фантазии!" – думал Женька, все никак не могущий налюбоваться на зрелище центра галактики, восходящего в небо, с которого словно кто-то невидимый и большой снимал черный

полог космического занавеса…

Женька проснулся от поглаживания по голове. Рядом сидела Лэя и, улыбаясь, спросила:

– С добрым утром, пришелец. Сколько же ты спал? Часа два, наверно?

– Наверно, – пробормотал сонный Женька.

– Ну тогда спи дальше, сегодня спешить не надо – все равно, успеем только за два дня до дома дойти. Отдыхай, а мы пока с Хлюпом собирать лагерь будем.

***

Они уже пару дней жили в Лэином доме, готовясь к своему походу в Венлу. Сейчас Лэя, сидела на мостках, отдыхая после очередной боевой разминки с Женей. Он быстро восстановил все двигательные реакции, которые помнило тело Зара, и довольно неплохо научился владеть мечом, но воспроизведение новых приемов сражения на мечах не давалось им обоим легко, а рукопашный бой, разученный в астрале, вообще не получался поначалу. Женя сообразил, что тело к новой борьбе нужно приучать постепенно, чем они и занимались теперь по нескольку часов в день.

Остальное время уходило на выяснения уровня знаний Лэи и дополнения их Женины.

Лэя с гордостью за себя заметила, что и Женя нуждался в ее помощи в пополнении его знаний по жизни и истории Сэйлара, а не только в вопросах гигиены и повседневной жизни.

Сейчас Лэя болтала ногами в воде, подсыхая под ласковым ветерком и теплым солнышком на мостках после купания. Она вспоминала обратный поход, когда Женя признал, что еще не может "по земному" спуститься со скального уступа и Лэя опять "придумала" лестницу. Но все равно, Женя связал их по-своему вместе, пропустив верхний конец веревки через деревянный клин, забитый в скальную расщелину, и постепенно стравливая веревку, которую держал в руке. Страховка тут же доказала свою эффективность, когда все еще, несколько неуклюже двигающийся, Женя оступился на полпути и начал заваливаться через перила. В результате он повис на веревке и, идущая следом, Лэя помогла ему выбраться обратно на лестницу, пока ее подстраховывал Хлюп, натянувший свой конец связки. Все-таки спуск был легче, чем подъем, да и провиант был подъеден почти весь. Так что, до

равнины они добрались благополучно.

И все же, к дому они подошли только поздно вечером следующего дня. Женя постоянно останавливался, что-то рассматривая или вообще, вдруг устремлялся в сторону, завидев что-либо интересное, а этого интересного было для него столько, что Лэе надоело его все время звать и вытаскивать то из леса, то из болота. Она даже начала на него покрикивать, весело обзывая его всякими глупыми прозвищами, на что, впрочем, тот не обращал никакого внимания.

Самым сложным моментом оказалась встреча с сестрой Зара Ликой. Они, не подумав, радостно завалились во двор дома и принялись разгружаться, когда Лика, услышав шум, выбежала из кухни к ним навстречу. Женя-Зар, предупрежденный Лэей, радостно поприветствовал "сестру". Но Лика быстро почувствовала фальшь и настороженно уставилась на "брата". Лэе пришлось вступить в разговор с фразами типа: "с Заром что-то твориться" и "его какая-то муха укусила", а Женька стал разыгрывать больного. Вышло это преотвратительно. Поэтому Лэя быстренько затолкала "Зара" в его комнату и приказала отлеживаться. Женька все равно вылез через несколько минут, взмолившись, что он хочет помыться после долгого похода, и тут же убежал на берег озера.

Обдумывая ситуацию, Лэя пришла к выводу, что, в любом случае, все придется рассказать Илаиру, с чего и следует начинать. Поскольку было уже поздно, то они быстренько поужинали, и Лэя опять заперла Женьку до утра, наказав, чтобы он и утром никуда оттуда не выходил, пока она не вернется с Илаиром.

Самой же ей предстояла воистину нелегкая встреча. Как объяснить отцу, что в теле его сына поселилось создание из других миров? Лэя решила сказать, что Женя ангел с небес, пришедший спасать их мир. К счастью, ей не надо было скрывать все обстоятельства дела, так как, по их плану, Илаир должен был остаться в долине в роли гаранта, могущего повторить их выход в астрал, в случае их гибели в Эриане.

Почти три часа ушло на трудную беседу. К счастью, Илаир был преданным слугой отца и настоящим воином, сносящим любые удары судьбы, так что никакого мотания соплей на кулаки не произошло. Он только сосредоточенно молчал, пытаясь осмыслить, зачем Лэе и ангелам стало нужно менять сознание его сына на какого-то ангела из другого мира. Все-таки Лэе удалось представить дело так, что Зар в это время будет учиться многим полезным вещам на небесах, и даже посетит другие миры, и что все это пойдет ему только на пользу. В конце совещания они

решили, что Илаир уведет под каким-нибудь предлогом из дома Лэи Лику, чтобы она не догадалась о причинах внутренней перемены в Заре.

Встреча "отца" с "сыном" прошла на удивление спокойно. Опять Лэя поразилась способности Жени чувствовать собеседника. Он не заострял внимания на больных вопросах, и несколько раз, как бы мельком, очень уважительно высказался о Заре, что не могло не обрадовать отца. Он, как уже не раз делал этот трюк с Лэей, очень естественно объяснил происшедший обмен местами с Заром тем, что астралу нужно совместно с Лэей определить и устранить опасность, угрожающую Сэйлару. А Зар очень великодушно предоставил свое тело ангелу, так как у них (ангелов) не было другого способа повлиять на ситуацию. И поэтому, весь астрал страшно благодарен такому великому сэйлу, совершившему благородный поступок. Лэя без сомнения, поверила бы этим рассказам, если бы не помнила Женино очень эмоциональное поведение, когда он гонял ангелов по астралу и кричал им, что он не отпустит юную неопытную принцессу одну с Заром на верную гибель.

– Сколько же у тебя правд на каждый случай? – спросила она укоризненно, когда они остались одни после ухода Илаира с дочерью.

– Ну, у меня еще не много, у ангелов побольше – они еще свободнее, поэтому бессовестнее. Хм… – рассуждал Женька. – Здесь есть какой-то парадокс. Чем человек свободнее внутри, тем он в принципе лучше. Но если свобода доходит до того, что ему становиться все равно за последствия своих действий, то он становиться бессовестным. Чем, кстати, частенько грешат ангелы в своей бессовестной доброте. Ведь совесть приобретается вместе с реальными переживаниями и страданиями в жизни на Земле или Сэйларе. Ну, как можно быть совестливым, если тебе все по барабану!

– Значит, ты бессовестно обманывал Илаира, а раньше и меня.

– Нет! – испуганно воскликнул Женька. – Мне еще далеко до настоящего ангела! И я не обманывал Илаира, и ни за что не стану обманывать тебя… ну, по крайней мере, без крайней на то нужды. Понимаешь, в мире нет истины в последней инстанции.

Меня хорошо этому научил Буль. Любая вещь, явление или поступок могут не только выглядеть, но и быть совершенно различными, в зависимости от точки зрения. Так что, мой рассказ для Илаира, является правдой, просто не всей правдой. А всей правды никто и не знает, так как ее, попросту, нет.

– Слушай, а не бредишь ли ты? – усомнилась в здравомыслии

Жени Лэя.

– Почти те же слова высказал Булю Федька, когда тот объяснял относительность мироздания! А на самом деле все очень просто, и не надо усложнять мир. Надо всего-навсего принимать мир таким, какой он для тебя есть в данный момент.

Разница в том, как ты воспринимаешь его. Со скольких точек зрения ты можешь смотреть на явление, человека или факт, то есть, сколькими степенями свободы ты обладаешь. Чем их больше, тем ты лучше видишь картинку или чувствуешь событие или понимаешь сэйла или человека. Но слишком большое количество степеней свободы начинает отрывать тебя от действительности, ты перестаешь сопереживать и становишься бесчувственным и, как результат, бессовестным. Эдаким всезнающим нахалом. Мне кажется, самая большая мудрость состоит в том, чтобы поймать золотую середину, обретя достаточную независимость, но сохранив эмоциональное и чувственное отношение к миру и окружающим. И если мы с тобой пытаемся освободиться, то лучшие ангелы, вроде Буля пытаются очеловечиться и стать несвободными от сопереживаний. Ты бы видела неописуемую радость Буля, когда я ему предложил пожить в моем теле на Земле – как он желал потерять все свои степени свободы! Я надеюсь, что он приобретет массу переживаний взамен утерянной независимости. Лишь бы мое несчастное земное тело выдержало!

На несколько мгновений воцарилась тишина. Они стояли вдвоем на опустевшем дворе дома. Лэя не спешила возобновлять разговор. Досада на Женькину словесную ловкость растаяла. Вместо этого душу осветило какое-то великое и простое понимание и согласие: "Как оказывается все просто! Надо только помнить, что у каждого своя правда, и если ты обладаешь достаточной степенью свободы, чтобы встать на противоположную сторону, то сможешь увидеть эту другую правду, как это только что проделал с Илаиром Женя. Он просто умеет взглянуть на вещи глазами собеседника, но в отличие от ангела, он способен сочувствовать этому собеседнику.

И она тоже этому обязательно научится!

– Спасибо, – тихо и уже совсем не по-боевому ответила Лэя.

– За что? – не понял Женька, по-видимому, уже и забывший о чем говорил.

– За то, что ты есть, – просто ответила Лэя, не зная сама, как и за что выказать ему свое чувство благодарности и, кажется, опять удивила Женьку до предела, так как он даже замер на мгновение, пытаясь прочувствовать ее слова и тихо сказал:

– Ты говоришь словами убеленного сединами мудреца.

Откуда в тебе это?

– Ах, ты меня с седой старухой сравниваешь?! – вскрикнула веселым разбойным голосом Лэя, и они естественно перешли к импровизированному тренингу кулачного боя…

За последние дни Женя восстановил полный контакт со своим новым телом и даже сумел вместе с Лэей разучить некоторые новые приемы борьбы, вытаптывая остатки травы на их дворе. Наступило время серьезной подготовки к походу. Сегодня вечером они ждали Илаира для военного совета. Женя предложил Лэе не обмениваться заранее своими предложениями, и сейчас каждый самостоятельно продумывал детали предстоящей операции, от задач до возможных проколов и неувязок. Илаиру Женя отводил роль судьи, способного на основе своего опыта адекватно оценить предлагаемые действия.

Подсохнув на солнце, Лэя отправилась готовить рабочий ужин. Женя уже был на кухне. Он, в отличие от Зара, не делил дела на женские и мужские, ухаживая за лошадьми, нося воду и прибираясь во дворе с равным удовольствием. А на кухне он, кажется, был просто в восторге от возможности готовить пищу из неизвестных ему продуктов, пребывая чуть ли не в эйфории от каждого нового удачного вкусового или обонятельного ощущения. Вот и сейчас он уже пытался изобразить что-то новое, смешивая, казалось бы несмешиваемые продукты. И хотя он, зачастую, получал неплохие результаты, сегодня удача его, по всей вероятности, покинула, и до Лэи донесся воистину непереносимый запах.

– Перестань переводить продукты! – с порога крикнула ему Лэя, чуть не задыхаясь от запаха какой-то тухлятины.

– Помилуй своего неуклюжего слугу, моя принцесса! Я только хотел изобразить одно блюдо, которое весьма популярно у нас на Земле. Только этот ваш овощ, так похожий на наш помидор, почему-то при нагревании со сметаной выдал такую вонищу!

– Но его же только в сыром виде едят!

– Прости, я забыл! Выручай, что бы такого, просто и быстро приготовить, а то неудобно "папу" оставлять голодным!

Лэя, смилостивившись, отослала Женьку выкинуть, куда подальше, зловонный продукт его творчества, и велела накрывать на стол, а сама решила быстренько приготовить салат из копченой рыбы и овощей. Остальную сервировку можно было довершить и из колбас с гарниром из овощных да грибных маринадов. Действительно, без помощи Лики, было трудновато везде успеть, но и тайну Жениной персоны надо было сохранять. А на счет способности своей подружки хранить секреты Лэя сильно сомневалась.

Они с Женей все же справились с задачей быстрого приготовления ужина, и к приходу Илаира стол был накрыт. Некоторую убогость закусок Лэя решила скрасить хорошим вином – заодно и Жене, наверно, будет интересно отведать их горячительных напитков.

– Есть ли кто дома?! – с порога позвал Илаир, и Лэя тут же бросилась ему навстречу, подбежав и крепко обняв ветерана. Она переживала за отца Зара и хотела хоть так выразить свою признательность и сочувствие. Женя обменялся со своим "отцом" сдержанным похлопыванием по плечам, заменяющим рукопожатие на Сэйларе, и участники совещания прошли к столу. Женя решил сразу организовать совещание на современный земной манер и предложил:

– Давайте, распределим роли, чтобы было легче совещаться. Я себе возьму роль секретаря – буду делать себе пометки, на память. А вот роль председателя собрания, то есть того, кто будет принимать окончательные решения, – Женька хитро посмотрел на собеседников и продолжил. – Как бы ни хотелось оставить себе, как пришельцу, или отдать Илаиру, как самому опытному, полагаю, будет честнее всего, отдать нашей принцессе. И не потому, что она принцесса, а потому, что она продолжает поражать меня силой своего ума и интуиции. А для тебя Илаир предлагаю роль судьи. Мы с Лэей будем высказывать предложения, а ты говорить, годятся ли они или нет, и потом предлагать свои варианты. Ну что, начнем?

Собеседники согласно кивнули, но Лэя добавила:

– Давайте только, хотя бы вина себе налейте, если кушать сразу не хотите!

Женька, налив всем вина, приступил к ведению собрания:

– Во-первых, обсудим цель путешествия. Все ангелы просят ликвидировать непосредственную угрозу Сэйлару, то есть физически устранить следующего возможного правителя Эрианы. Здесь есть одна неясность. Наследников престола несколько, в том числе и Лэя. Но наиболее вероятным кандидатом на роль сокрушителя мира, ангелы считают Ренка или его младших сестру и брата. – Женька хитро взглянул на Лэю и, подмигнув, ободрил приунывшую принцессу. – Попробовали бы они мне хоть словом намекнуть на тебя! В общем, сразу скажу, мне не хочется никого убивать. Твое слово принцесса – что будем делать?

– Я… – Лэя собралась с мыслями. – Я бы попробовала найти Ренка и его брата и постаралась посмотреть их будущее, а затем уже решать, что делать. Надо с ними поговорить, ведь они дети и, возможно, мы что-нибудь сможем сделать без убийств.

Ведь это же ужасно – убивать, а убивать за то, что ребенок

еще и не совершал в жизни – не укладывается в голове.

– Не знаю, – Илаир только крякнул от досады. – Не хотел влезать в обсуждение, но вынужден заметить, что при дележе престола, случались и худшие преступления.

– Так, – пытался обобщить Женька. – Первая цель похода ясна – пытаемся определить наследника, представляющего наиболее вероятную угрозу. Вот затем неясно, что будем с ним делать?

– Давай поговорим с ним, а потом решим. Мне кажется, что если мы расскажем ему правду, он не станет разрушать свой мир. В крайнем случае, приведем к пещере и заставим с ангелами пообщаться, – подвела итог Лэя.

– Хорошо, по этому вопросу решение принято, – резюмировал Женька и продолжил. – Как я понял, денежный вопрос для нас не проблема, так что переходим к следующему пункту. Какую легенду мы себе сочиним? И нужны ли какие-либо документы для перемещения по Эриане? У меня на этот счет самые расплывчатые представления.

Может представиться парой купеческих детей, едущих, например, на обучение в столицу?

– Не пару, а троих! – возразила Лэя.

– Как это? – не понял Женька.

– Ты про Хлюпа забыл. Я его не могу оставить дольше, чем на пару дней. А на неделю – он наверняка заболеет!

– Да, придется целым семейством выдвигаться! – озаботился Женька.

– Вы забываете, лонк будет сразу выдавать вас, как очень состоятельных людей! И если в самой Венле, разгуливающий лонк не такая уж редкость, то за ее пределами, поверьте, никто мимо не пройдет, чтобы на вас не оглянуться! – добавил сомнений Илаир.

– Ничего, у меня есть один трюк! Илаир, помнишь того молодого человека, который вас здесь посетил?! – Лэя многозначительно улыбалась.

– Да, долго еще я этого не забуду! Понятно, Хлюпа ты сделаешь сэйлом. Но еще нужны документы и адрес, куда вы идете…

В результате долгих обсуждений, протянувшихся чуть не до полуночи, план был составлен. Трое детей одного помещика довольно благородных кровей поедут в Венлу из маленького городка Рестана, который находился в трех днях пути от долины. У них будет письмо кузену Илаира с просьбой помочь обустроиться в городе.

Документы на них были изготовлены еще давно Илаиром вместе с Саларом на всякий случай. Слава богу, описания в них

были самыми общими, а о фотографии на Сэйларе еще сотню лет будут, если только мечтать. Ехать путники будут на трех лучших скакунах Илаира. Лэя изменит образ Хлюпа под сэйла, а свой слегка "испортит", чтобы не привлекать лишнего внимания своей красотой.

Выезжать решили через день. Сколько Женька не уговаривал Илаира остаться в долине, служа гарантом единственного шанса на повторение операции, в случае их провала, тот сказал, как отрезал, что он проводит троицу до Рестана, где почти пропадает действие гравитационной линзы и ведьм уже не ищут с таким усердием.

Хорошо еще, что после того, как Женька три раза подряд выбивал меч из рук Илаира на тренировке, тот больше не настаивал на необходимости сопровождения путешественников до столицы. К тому же, Илаир был знаком многим из придворного общества, а это могло сослужить плохую службу. Три основных опасности могли подстерегать их на пути: инквизиция, королевские охранные патрули и разбойники.

Необходимо было тщательно скрывать Лэино происхождение и способности, так же как и сущность Хлюпа. Имена по документам у них были, Зар, Лэя и Лин, а фамилия ни о чем не говорила.

В последний вечер перед выходом в поход, Женька не выдержал гнета своих сомнений и после ужина и других мелких хлопот, когда оказалось, что все мелочи продуманы и все вещи собраны, он взял Лэю за руку и, усадив ту в библиотеке за стол, где они обычно занимались, уселся напротив и сказал:

– У нас, принято присесть на дорожку, перед выходом в долгий путь. А если серьезно, я хочу, чтобы у нас не осталось недоговоренностей. То есть, мы должны чувствовать плечо друг друга в любой ситуации. – Женька вздохнул. – В общем, мне нужно признаться, что на Земле я никогда никого не убивал. Я не могу сказать, что не дрался, но ничего страшнее кухонного ножа или колуна в руках не держал, и вся моя практика борьбы и владения холодным оружием происходила на твоих глазах.

– Но ведь ты прекрасно освоил технику сражений! Ты сегодня уже мог бы почти мгновенно выбить меч из рук у любого сэйла. А то, что не убивал, так это, по-моему, только плюс. Зар, кстати, тоже еще никого не убивал. Сэйлы, вообще довольно мирные. Ты не смотри, что мой дядюшка-деспот все вооружается, этого не было еще десять лет назад.

– Спасибо за утешение. Но я хотел сказать, что даже если я и труслив, то за тебя полезу в любую драку! – подумав, Женька добавил. – И если придется кого-то досрочно отправить на небеса,

то отправлю! Так что, не жалей, что я вместо Зара в этой шкуре!

– А с чего ты взял, что я жалею?! – удивилась Лэя.

– Ну, мало ли…

– Слушай, выброс это из головы. Я чувствую себя рядом с тобой, как за каменной стеной. И не благодаря Заровой силе, а потому что ты, хотя и даешь мне право решать, что и когда делать, в любой критической ситуации готов взять все на себя и вытащить всех нас со всем Сэйларом в придачу из любой беды. Ты можешь городить любые свои шуточки и сюсюканья, можешь обманывать себя, но я колдунья и я знаю, что внутри тебя стальной стержень, который проявляется очень редко – только когда иначе нельзя. Поэтому, брось эти причитания!

– Ты не колдунья! – улыбнулся Женька. – Сколько раз говорить, что ты фея?!

– Это, смотря для кого. В отличие от тебя, на моей душе есть грех убийства. И убийства именно колдовского! – Лэино лицо омрачилось от воспоминания, и Женька не решился спрашивать принцессу, переведя разговор на другую тему:

– Слушай, у меня еще одна настоящая трагедия! Я не могу без рыдания смотреть на твое новое походное лицо! Ты не могла бы иногда становиться собой, ну хотя бы, когда мы будем оставаться одни?

– А ты уверен, что оно не настоящее? Я же ведьма! Может я, в самом деле, такая страшненькая, а до этого прикидывалась красавицей?

– Ой, не подумал! – скривился испуганно Женька, потом вдруг сообразил. – Нетушки!

Меня не проведешь! Я помню, как ты в астрал выходила! А когда в астрал выходишь, то принимаешь свой естественный вид. Так, что придется тебе оставаться прекрасной сказочной принцессой!

– Кстати, интересно – ты ведь почти неделю на планете. Как, сказочность не исчезла еще в ощущениях?

Женька уже привык, что на Сэйларе десятидневная неделя и десять месяцев по три недели каждый.

– Да ты что?! Сказочности только прибавляется! Все так необычно и интригующе! А твою сказочность вообще не могу описать. Ты дашь иногда тебя пальчиком трогать?

Честно признаюсь, у тебя такая шелковая шерстка, что мне уже во снах сниться, что я все пытаюсь тебя погладить, а ты убегаешь!

– Да ладно, гладь сколько угодно, держи руку! Лэя протянула Жене руку и вдруг опечалилась. Даже слезы заблестели в гостях.

– Ой, извини, если чем обидел! – принял ее грусть на свой

счет Женька.

– Да нет! Это ты прости, просто я еще дите, наверно… Вспомнила папу с мамой, они так меня по голове гладили! – сказала Лэя, закрыв глаза и грустно улыбаясь.

– Если бы ты знал, как мне их не хватает здесь!

Женька, ничего не говоря, пересел к опечалившейся девушке и стал тихонько гладить ее шелковые волосы. Она, не сопротивляясь, и даже, тихонько хлюпнув носом, прислонилась к его плечу.

– Бедная девочка, сколько же на тебя горя свалилось? Можно, я тебе буду немного, как родитель, ну, или хотя бы, как дядя? – Женька на самом деле не мог разобраться в своих чувствах, ему было до боли жаль одинокую принцессу и, действительно, ему казалось, что он испытывал к ней какие-то почти родительские чувства. Но он не переставал восхищаться ее красотой, и чувствовал, что в этом теле ему все труднее относиться к ней, как к инопланетянке. Он с ужасом и недовольством заметил, что тело Зара начало реагировать на близость красавицы, как тому и было положено природой. Усилием воли он задавил эти животные происки его лохматой шкуры. Он чувствовал, что такой реакцией тела он оскорбляет ее, почти детское доверие к нему. "Однако физиология у нас и действительно близкая!" – ехидно отметили про себя его тараканы, вечно копошащиеся на задворках сознания.

Непонятно сколько они так просидели в надвигающихся сумерках, когда внизу послышался хлопок входной двери, потом по лестнице протопотали чьи-то ноги и Женька почувствовал толчок под локоть. Под его рукой оказалась лохматая плюшевая голова Хлюпа.

– Все ее гладишь, а меня забыл? – тихонько проворчал малыш.

Женька с радостью обнял Хлюпа и прижал к себе, так и оставшись с двумя инопланетными детьми подмышками. Это был первый раз, когда Хлюп попросил у Женьки ласки. Лэя удивленно и радостно выглядывала из-за плеча Жени. Она понимала, что происходит что-то невероятное. Никогда Хлюп не ластился ни к кому, кроме Лэи. На ее глазах лонк чуть не впервые за всю историю сам искал ласки у кого-то еще, кроме своего хозяина. А может, Хлюп тоже чувствовал в Заре инопланетного ангела и интуитивно тянулся к его мудрой доброте? Так же, как тянулась она.

Женька мечтательно улыбался: "Да! Только ради одного такого момента стоило лететь на другой конец галактики!"

ГЛАВА 11. НАПЕРЕГОНКИ СО СМЕРТЬЮ

Они выезжали рано утром. Позади остался дом, стоявший на берегу небольшого озера, укрытого в почти недоступной горной долине. Дом, ставший уже родным для Лэи и покоривший своим уютом Женю. Путники остановились на мгновение, оглядывая на прощание деревянное здание с несколькими постройками во дворе. Но долго переживать им не давала дорога, ведущая на восход солнца, собирающегося вот-вот выглянуть из-за ближайшей горы. Илаир, ведущий караван на своем большом черно-буром коне, обстоятельно указывал ориентировки движения, понимая, что молодым путникам придется возвращаться самим. Это оказалось не так уж сложно: вокруг были горы, и надо было всего лишь правильно взять основное направление. Больший отрезок пути шел вдоль горного ручья. Только ближе к Большим прудам – деревеньке, по соседству с которой жили раньше Лэя и Илаир, лесные тропы становились запутаннее, а контуры дальних гор неопределеннее. Но здесь уже Лэя начала узнавать окрестности.

Так они и передвигались, ровным темпом, не давая лошадям уставать и делая регулярные привалы, пока не поравнялись с деревней. Село они, на всякий случай, обходили стороной. Наученная горьким опытом, Лэя почти все время "прощупывала" окрестности на присутствие подобных ей: монахов-нюхачей. Было бы, конечно, наивно думать, что инквизиция и королевская охранка оставят пропажу принцессы без внимания.

Это случилось, когда они уже проехали стороной любимый пруд Лэи. Ее кобыла, шедшая второй в караване, вдруг остановилась. Лэя, замерев, натянула поводья и оставалась сидеть без движенья и закрыв глаза. Вдруг она сказала напряженным голосом:

– Он здесь, в деревне!

– Кто?! – будучи не очень в курсе последних событий Лэиной жизни, спросил Женька.

– Нюхач!

– Опять эти монахи! – сказал Илаир, расстроено прикрякнув.

– Они оставили его в деревне, на случай, если я вернусь! – объяснила Лэя. – Он слабенький. Я еле его слышу. Но я сама гораздо сильнее "свечусь", так что и он может меня почувствовать. Попробую больше не "прислушиваться", чтобы не фонить.

Надо срочно выдвигаться, пока он не учуял! – крикнул Илаир и пришпорил коня.

Отряд несколько часов высоким темпом несся по узким дорожкам, не выходя на основную дорогу. Только ближе к вечеру Лэя сказала, что решилась "просканировать" пространство и, к счастью путников, вокруг оказалось чисто. Расположились на ночевку прямо в лесу – решили не выходить из лесу до самого Рестана, откуда по легенде и документам должны были выйти юные ходоки в столицу.

Ночь прошла спокойно. Они были уже три дня в пути, и до Рестана оставались одни сутки. Если путники удачно обойдут город стороной, то, остановившись на постоялом дворе, стоящем по дороге в Венлу, они смогут сходить в город и закупить все, что им недоставало.

Илаир знал дороги вокруг Рестана, и они обошли город по кругу, используя дороги, соединяющие деревушки и хутора. Наконец, они вышли на довольно широкий тракт, представляющий простую грунтовую дорогу, местами отсыпанную песком и обустроенную деревянными мостами через речушки, в изобилии стекающие с дальних гор. Они свернули не в сторону столицы, а обратно, к Рестану. Илаир знал, что на выходе из города легко найти сельскую гостиницу. Он оказался прав – они, не проскакав и полмили, въехали в маленькую деревеньку, ютившуюся вокруг постоялого двора, выделявшегося своим большим двухэтажным зданием и столь же внушительным подворьем.

Женьку все вокруг страшно интересовало. Мало того, что он впервые окунулся в инопланетную жизнь, так еще и средневековый уклад жизни, для него был известен только по советским учебникам, выискивавшим везде только какие-то классы и их борьбу непонятно с кем – то ли с собой, то ли друг с другом. Все подворье было огорожено высоким забором, видимо, для спокойствия постояльцев. Краской здесь пользовались мало, только само гостиное здание было выкрашено, судя по цвету, все тем же универсальным красителем: красным железным суриком, наверно разведенным в местном аналоге олифы. Только здесь Женька смог оценить, казалось бы, несущественные, но, по всей видимости, дорогостоящие детали Лэиного дома.

Хотя дом принцессы и не был окрашен, что, впрочем, только придавало ему какую-то естественность, стекла в окнах ее дома были гораздо больше. Здесь большой величины окон добивались частым переплетением оконной рамы, вставляя в нее маленькие квадратики стекол, что было, очевидно, много дешевле. Сами рамы были выкрашены то ли известью, то ли белилами в белый

цвет. Двор был засыпан мелким щебнем, и чисто выметен, это придавало опрятный вид всему заведению и некрашеный хозяйственный двор и конюшни уже не могли испортить общего впечатления своим темноватым колером.

Их лошадей тут же принял под уздцы молодой, лет пятнадцати парнишка-сэйл. Илаир приказал ему не расседлывать его и Женину лошадь, как они договорились заранее.

Все поднялись на широкое крыльцо и зашли внутрь. Видимо, вся вселенная подчиняется одним и тем же рациональным законам, так как и прилавок с напитками, и столы, и выскочивший навстречу половой, были на своих местах. От средневековой Земли отличало только то, что половой, хоть и был, как положено, спросонья, и бегал услужливо глазками, но степень его лохматости явно превосходила таковую у людей. После стандартных приветствий, типа "чем могу служить" и "у нас самые лучшие комнаты по очень умеренным ценам", Илаир быстро сговорился с ним о двух комнатах для девушки и молодых сэйлов. Женька ловил каждое слово и интонацию.

Нужно было срочно, на ходу учиться обхождению и мотать на ус тонкости интонаций в диалогах барин-слуга или покупатель-лавочник.

В течение нескольких минут вещи были пристроены в комнатах, а гости спустились вниз перекусить. Настала пора слушать диалог между теми же действующими лицами, но в ролях официант-клиент. В принципе Женька был доволен. Сэйлы не отличались большой хитростью, и не умудренные психологическими тренировками, довольно неумело скрывали свой корыстный интерес, часто выставляя напоказ высокомерие или пренебрежение, если таковые имелись. Тонкости Лэиной психики здесь были явно не к месту. Тем было легче Женьке, примеривающемуся к своей роли барчука.

Наконец, с быстрой перекуской было покончено, и когда все поднялись к Лэе в комнату, с опрятной кроваткой и небольшим окошком, она тепло распрощалась с Илаиром, дав ему на прощание последние указания для необходимых закупок в городе.

Илаир отправился привести в порядок лошадей с помощью Хлюпа, а Лэя с Женей на минутку остались одни. Лэя "сняла" с себя маску простушки, и ее лицо расцвело такой красотой и изяществом, что у Женьки захватило дух. Он взял преобразившуюся принцессу за руку и самым серьезным тоном попросил ее никуда не выходить из комнаты, пока он с Илаиром будет бродить по лавкам:

– Я обещаю быстро вернуться!

– Хорошо, я все равно устала, так что немного вздремну. У

меня есть просьба к тебе…- Лэя смущенно улыбнулась. Женька сразу весь насторожился. Лэя явно хотела доверить ему просьбу, которую не решилась высказать Илаиру. А это дорогого стоит!

– Все что угодно, принцесса! – Женька вложил в свои слова как можно больше веселья и ласки, чтобы поддержать Лэю в ее робкой просьбе.

– Вы ведь будете ходить по лавкам… – начала вкрадчиво выговаривать, слегка растрепанная с дороги, юная прелестница. – Там всякие безделушки будут… купи мне зеркальце и ножнички, а то те, что ты видел у меня…

– Все, понял! Сделаю в лучшем виде! – и, не удержавшись, обнял и стал гладить ее по голове. Ему, действительно, стало жаль бедную девочку, которая, будучи принцессой, скромно выклянчивала у него маленькое зеркальце. – Девочка моя, что же мы, мужланы с тобой сделали? Ни украшений, ни косметики, ни даже зеркальца путного. И это все при том, что денег у тебя почти что куры не клюют! Это непростительное безобразие надо исправлять!

Лэя вывернулась из его рук и сама крепко его обняла, оглушив радостным вскриком:

"Ура!" "Все-таки, как, оказывается, мало нужно девушке, для того, чтобы испытать мгновение подлинного счастья!" – Женька только довольно улыбался, представляя, как будет выбирать украшения для принцессы, и покупать их на ее же собственные деньги: "Хорошо устроился! Не каждый умудриться дарить подарки девушке за ее счет, да еще и получать столь искреннюю благодарность! Альфонс высшего пилотажа!" Но ничего поделать было нельзя – денег из астрала с собой не прихватишь!

До города было, действительно, близко. Постоялый двор был, фактически, на его окраине. Сам город можно было назвать городом только с очень большой натяжкой.

Только центральная площадь да пару прилегающих к ней улиц были застроены каменными домами в два этажа и вымощены камнем. Торговые ряды располагались на площади попроще, зато пошире. В ее центре находился продовольственный рынок, а по периметру, в прилежащих зданиях располагались лавки с самым различным содержимым, от скобяных, до ювелирных. "В общем, все то же правило рациональности. Бизнес он и на другом конце галактики бизнес!" – оценил ситуацию Женька. Они оставили скакунов в специальном загоне за небольшую плату, где им выдали по большому деревянному жетону. "Прямо частная платная парковка копытного транспорта!" – удивился Женька разумному подходу к организации средневекового городского движения.

Дальше отвлекаться было нельзя – он ходил, как привязанный, за Илаиром и встревал во все его выяснения отношений с торговцами. Здесь было чему поучиться.

Торговля дело тонкое, и заплатить сразу, без споров, требуемую цену было, все равно, что оскорбить продавца своим высокомерием. Примерный уровень цен тоже было полезно знать, чтобы потом, при случае, не оказаться белой вороной.

Побродив пару часов с Илаиром по рынку, они поняли, что выполнили план закупок полностью, в том числе и тех, что отец Зара собирался вести в долину.

Тогда уже Женька взял инициативу в свои руки и под мудрым руководством Илаира принялся выбирать подарки для Лэи. Ему очень приглянулась одна подвеска, мастерски выполненная то ли из серебра, то ли из платины с маленькими рубинами, и изображающая взлетающую птицу. С помощью Илаира они сторговали ее до приемлемого в Эриане уровня цены, и Женька радушно распрощавшись с "папочкой", отправился на постоялый двор к своей спящей красавице под оранной своего замаскированного лонка.

Он так и въехал во двор, пребывая в мечтах, как будет вручать украшение своей принцессе, не заметив, стоящего и испуганно жмущегося в углу двора мальчишку, который встречал их в прошлый раз. Насторожился он только тогда, когда спешился и, найдя парня, подозвал того, чтобы отдать поводья коня. Мальчуган, вместо того чтобы делать свое дело, задал стрекача в конюшню. Непонимающе хмыкнув, Женька сам подвязал уздечку к коновязи у крыльца и, поднявшись, распахнул дверь трактира. Внутри было пусто. Только за стойкой, так же испуганно сжавшись, стоял половой, в котором было трудно признать прежнего ласкового прохиндея. Женькино сердце сжалось в предчувствии чего-то нехорошего. Не говоря ни слова, он взлетел на второй этаж и увидел дверь Лэиной комнаты распахнутой настежь. Ворвавшись в нее, он не нашел ничего, кроме смятой постели и разбросанных вещей…

***

Лэя в точности выполнила свое обещание, улегшись отдыхать – благо это было не трудно. Тело, после нескольких дней походной жизни, соскучилось по простому домашнему уюту, и даже гостиничный эрзац, сейчас казался верхом возможного

наслаждения. Только успев пристрожить Хлюпа, чтобы он не бегал по гостинице, пока не придет Женя, она сладко вытянулась на чистых простынях, и уже через мгновение ничего не видела и не слышала.

Разбудил ее какой-то грохот. Еще ничего не поняв, она почувствовала, как ее схватили сильные и грубые руки, заломив ее запястья за спину. К ней подошел маленький сэйл с мелкими чертами лица скукоженными в высокомерно-презрительную физиономию, которая, наверно, показалась бы ей клоунской, если бы не столь удручающие обстоятельства, в которых она находилась. Мысли прояснились, и она четко почувствовала, что перед ней нюхач, которого она почувствовала в деревне.

– Это она! – весь исходя на спесь, заявил коротышка, внимательно прислушавшись к своим ощущениям. – К столбу и сжечь!

– Погоди, монах! – явно не очень уважительно рявкнул кто-то басом за ее левым ухом. Лэя обернулась – с другой стороны кровати стоял здоровенный сэйл, ростом с Женю-Зара, но еще шире в плечах. Такой большой, что казалось, в комнате не оставалось больше места. Сэйл спросил. – Что это у нее?

Громила протянул руку к выбившемуся из разреза сорочки кулону. Сознание Лэи, вместо того, чтобы среагировать на то, что ее собираются сжечь, глупо-стыдливо заклинилось на одной мысли: "Слава богу, что поленилась сорочку скинуть! Не хватало еще голой перед этим сборищем мужиков оказаться!". Тем временем, вокруг происходил странный разговор.

– Это же королевский герб! – уже осторожно возвращая на грудь Лэе кулон, нахмуренно сказал огромный сэйл. – А ну монах, говори все, что ты знаешь! Или я тебя самого на костер отправлю. Ты зачем за ней гонялся?

Лэя злорадно заметила, что с монаха мигом слетела вся спесь, и он уже заискивающим голосом начал канючить:

– Я сэйл маленький! Что мне святая инквизиция поручит, то я и делаю!

– И что, сморчок монастырский, тебе поручили?

– Мне поручили ждать возможного появления очень опасной ведьмы, и немедленно ее уничтожить! И для этого у меня есть все полномочия, о чем вы прекрасно знаете из бумаги, которую я вам показал.

– А ты знал, что она из королевской семьи?

– Не-ет! – уже совсем жалобно протянул монах.

– Ясно! Засунь свои инквизиторские инструкции себе поглубже в задницу и моли бога, чтобы мы довезли тебя до Венлы целым, а не по частям! – видимо посчитав свою солдафонскую

шутку очень смешной, он загоготал как сумасшедший. Потом нахмурился и обратился к Лэе. – Прошу простить за возможный ущерб, принесенный Вашей личности, но если вы незаконным образом носите королевский амулет, то это карается смертной казнью.

Лэя подумав, решила не скрывать ее настоящего имени и призналась тихим голосом:

– Я наследная кронпринцесса Эрианы Леолэя Алькалар.

– Разрешите представиться, капитан королевской стражи Иерон Клах, патруль тракта Рестана, У Вас есть документы, подтверждающие вашу личность?

– Нет, я путешествую по подложным документам на имя Лики Элерзан, – отвечала Лэя, пытаясь одновременно хоть что-то придумать, чтобы выбраться из этой ситуации.

– Надеюсь, Вы понимаете, что в этих обстоятельствах, я вынужден подвергнуть Вас аресту и препроводить к императорскому двору, для выяснения Вашей личности. Я гарантирую Вам неприкосновенность до тех пор, пока Вас не доставят во дворец, однако, если Вы самозванка, я не завидую вашей участи. И, к сожалению, я вынужден ограничить свободу ваших передвижений.

– В любом случае, ее ждет костер! – выкрикнул из угла, набравшись храбрости, плюгавый монашек.

– Это уже не нашего ума дело! – рявкнул в ответ капитан.

И тут Лэя сделала поступок, который значительно ухудшил ее положение. Она закрыла глаза и изо всех сил представила, что все не сомневаются, что она принцесса и должны с радостью отпустить ее. Лэя почувствовала, как руки, больно сжимавшие ее запястья разжались и, открыв глаза, она увидела, как солдаты вместе со своим капитаном, глупо улыбаясь, пытаются неуклюже, боком выйти из комнаты, бормоча какие-то извинения типа "просим прощения Ваше Высочество" или "приносим глубочайшие извинения". Она встала, торжествующе смотря на вышедших солдат, и второпях накинула верхнее платье, но, видимо, на мгновение потеряла концентрацию, потому что из угла донесся вопль монаха, разрушивший все ее чары:

– Она заколдовала вас! Разве вы не видите, она ведьма! Она сожгла живым монаха! – хоть монах и был на порядок слабее Лэи, но разрушать – не строить, и ему удалось отрезвить головы солдат.

Те с ревом ворвались обратно в комнату, и Лэю спасла только неожиданность. Хлюп, наконец, сообразив, что из комнаты хозяйки доносятся непонятные звуки, ворвался следом за солдатами и, размахивая своим кинжалом, набросился на солдат,

крича:

– Лэя держись, я не дам тебя в обиду, однако!

Первый же солдат перехватил руку Хлюпа и недоуменно уставился на того. Хлюп, сам того не ожидая, спас принцессу своим появлением.

– Лонк?! – обалдело, хрюкнул капитан. Все застыли в гротескных позах, не зная, то ли растерзать ведьму, то ли преклонить колени перед принцессой. Наконец военные мозги капитана со скрипом провернулись, и он уставился на монаха. – Ты, ищейка монастырская, говори, кто она?! Ведьма или принцесса?! И этот лонк настоящий?!

Если бы монах соврал, сказав, что лонка тоже выдумала Лэя, то ей, скорее всего, было бы не жить, но, слава богу, у того тоже заклинили мозги, и он честно ответил:

– Нет, она больше не колдует! – чем, против воли, спас ей жизнь.

– Если лонк ее, значит она и вправду принцесса, – по уныло-озадаченному лицу капитана было легко прочитать, что он попал в немалый просак. Не оказать положенные почести принцессе, вне зависимости от обстоятельств, было равносильно подписать себе отставку, если не тюремное заключение, а, скорее всего, стоявшая перед ним молодая, ослепительно красивая женщина была принцессой. Честно признаваясь себе, он понимал, что даже по ее внешнему виду и манере вести себя было видно, что она королевских кровей. Да и лонки не умеют врать, и если этот плюшевый коротышка бросился ее выручать и назвал Лэя, то все было ясно. Но как ее было доставить во дворец, если она в любой момент могла просто встать и уйти, внушив им, все что угодно, вплоть до желания покончить жизнь самоубийством?

Напряженную обстановку разрешил голос монаха.

– Я не дам ей колдовать! Пусть она и сильней, но чем ближе к Венле, тем мне легче будет ей сопротивляться! Только свяжите ей, на всякий случай, руки и ноги, чтобы она не могла напасть на меня!

– Хорошо! Но ответственность за пленение королевской особы ложиться на тебя, монах! – капитан, кажется, нашел для себя лазейку и уже уверенным тоном скомандовал Лэе. – Ввиду осложнившейся обстановки я, по указанию монаха инквизиции, вынужден связать Вам руки и ноги, Ваше Высочество. Про…

Договорить он не успел. Лэя превратилась в молнию, нанеся стремительный удар по гортани капитану. Не останавливаясь, за доли секунды, она послала еще одного солдата в состояние полного выпадения из реальности, но вдруг встала, как вкопанная. Ее остановил крик солдата стоящего у двери:

– Стой! – она увидела нож Хлюпа, приставленный к его же горлу. По испуганным глазам солдата было видно, что он не шутил. – Еще движение, и я режу!

Лея сникла, понимая, что не успеет ничего сделать. Она стояла, опустив голову и потирая отбитые руки. Неизвестно еще сломала бы она гортань капитану или себе руки – ей еще не хватало подготовки и тем более холодной жестокости, чтобы, к примеру, вырвать у живого сэйла трахею. Но, кажется, даже этих неуклюжих упражнений было достаточно, чтобы повергнуть солдат прямо-таки в мистический ужас. Было видно, что они не могли понять, кто она: принцесса, ведьма или убийца, способный в секунды разделаться с целым патрулем голыми руками. Капитан, похрипев и поглотав ртом воздух, наконец, встал, держась за горло, и хриплым голосом скомандовал:

– Связать!

Через некоторое время Лэя, связанная одной веревкой с Хлюпом, ехала в закрытой повозке под присмотром противного монаха. Эскорт торопился в Венлу, чтобы уйти подальше от страны ведьм. Но они не знали подлинной опасности, уже выходящей на их след…

***

Женька сорвался вниз, чуть не выломав по пути перила. Разум затмила ярость пополам с отчаянием. Он готов был убить себя за халатность: "Как он мог подумать, что враги принцессы – растяпы и тугодумы. Недооценка врага – первый шаг к поражению! Что же сейчас с моей маленькой принцессой?! Кто мог ее схватить?! Они же могут над ней надругаться, растоптать ее нежную душу! Пусть только попробуют, он сам растопчет их, сделает из них кашу и съест на завтрак!" – сознание плыло в красном мареве гормонов, ударивших, словно молот, в его глупую голову и топя его мысли в море безысходности, ненависти и любви.

Он очнулся, держа в руках полузадушенного полового, от дружного вопля всех его маленьких и не маленьких насекомых в его бестолковой башке: "Так ничего не добьешься! Тебе надо спасать принцессу, а не строить из себя безмозглого и рассвирепевшего неандертальца!" Он посадил почти бесчувственное тело официанта на стул и уселся напротив, пытаясь привести мозги в порядок: "Так, в таких местах

разведчики и спасатели мира обычно считают до… до скольки же они считают? Ладно, попробую: раз, два, три. Все ясно! Чем глупее – тем дольше!" – и с мрачным удовлетворением Женька заметил, что ему хватило трех раз. "Все: я смеюсь, я зол, я спокоен, как сто китайцев! Кто бы вы не были, ваша смерть пришла!" – импровизированная психотерапия подействовала. Женька нарочно стал делать все медленно, продумывая каждую деталь. Правда, его собеседнику от этого, кажется, стало еще хуже: тот стал уже что-то соображать, и это соображение быстро дало ему понять, что он сейчас, как заяц перед волком – стоит дернуться и ты не сытный, но вполне желанный завтрак, ну, или ужин – в зависимости от времени суток.

– Успокойся и расскажи мне, шаг за шагом, что здесь произошло, – медленно выговаривая, цедил из себя слова Женька. Запугивать собеседника не было никакой нужды, скорее наоборот, Женька никак не мог его вывести из паралича, вызванного страхом. Наконец, официантик смог заговорить:

– Я-я… оннии…

– Ты уж будь добр, попонятнее что-нибудь скажи? – попросил, хищно оскалив Заровы клыки, Женька.

Из путанной и сбивчивой речи своего собеседника он все-таки уяснил, что королевский патруль ворвался в трактир, и маленький монах спросил о ведьме – девушке, остановившейся только что в этом постоялом дворе. Что случилось наверху, он не знал, но шуму было много. Потом девушку и лонка вывели связанными, конфисковали именем короля какую-то убогую карету, сгрузили туда пленников и поспешно отбыли в сторону Венлы.

– Они… то ли боялись, то ли уважали пленницу. Почти ее не касались и говорили вежливо. А капитан все время за горло держался, и у одного солдата глаз почти заплыл синяком! А откуда лонк-то взялся?! – спросил совсем осмелевший половой, приняв ухмылку Женьки за одобрение своих слов.

– Ты, если жить хочешь, поменьше спрашивай! – поостудил его любопытство Женька.

– Лучше скажи-ка, когда они уехали?

– Так уже, наверно, два, если не три часа будет!

Женька только досадливо крякнул, но взял себя в руки и чуть не насильно усадил себя назад на стул. "Стоп! Все чувства засунь себе… Так, я снова спокоен. Что мне известно? Почти все! Монах – значит, инквизиция. Королевский патруль – значит, к счастью у монаха не было своих боевых братьев, иначе, горела бы сейчас моя принцесса!" – сердце опять стало затоплять бешенство. "Стоп! Я спокоен…

Они ее уважали, и Хлюп был в своем естественном виде – значит, они знали, что она принцесса и, естественно, патруль повез ее для разбирательства к ее "радушному" коронованному дядюшке. У воинов были травмы – молодец принцесса! Знай наших!" Раз выехали ближе к вечеру, значит спешили. Почему? – непонятно. В любом случае самым быстрым темпом до столицы четыре дня перехода – три ночи. Этой ночью я не успею, но и страдать я Лэе напрасно не дам. Как быстрее ехать? У меня три лошади.

А три ли?" – Женька повернулся к все так же еле живому от страха сэйлу:

– Лошади целы?

– Целы! Все цело! Они только девушку и лонка забрали, обрадовано закивал половой.

– Хорошо, вели седлать коней, и я подарю тебе… жизнь! – в страшном оскале опять обнажил свои клыки Женька.

– Все будет в лучшем виде! – радостно засуетился сэйл, понимая, что опасный гость отбывает восвояси.

Входная дверь хлопнула, впуская новых посетителей. Женька понял, что больше ничего здесь не узнает, и отправился наверх упаковывать вещи. Действительно, все было на месте, даже его заплечный меч был там же, где его оставил Женька – под кроватью. Не спеша и тщательно запаковав все в седельные сумки, он спустил их вниз, и навьючил на свою и Хлюпову лошадь, как самых слабых на данный момент, а сам вскочил в седло Лэиной кобылы. Выехав за ворота, Женька посмотрел на запад – солнце уже клонилось к закату. "Ничего, пару часов до полной темноты я проскакать успею!" – и уверенно повернул на восток. "Потерпи немножко, моя принцесса! Мой приход неотвратим, как смерть – смерть любому, кто с неуважением к тебе отнесется!" – сомневающиеся длинноусые в Женькиной голове только удивлялись, куда подевалось его цивилизованное сюсюканье?!..

***

Прошли почти сутки, как Женька выехал в погоню за патрулем, конвоировавшим принцессу. Когда впереди заклубилась, Женька чуть притормозил бег коней в связке и стал внимательно всматриваться. Да, впереди скакали два всадника, а перед ними ехала не то кибитка, не то ящик на телеге. "И это

называют здесь каретой?" – возник в голове глупый вопрос и поспешил тут же ее покинуть. Вместо этого, все в той же голове, кто-то жестокий и холодный стал рассчитывать возможный план нападения. "Мечом порубить двух сзади: две-три секунды. Если закричат, передний повернет и нападет. А который на козлах? И еще монах в коробке. Лэя связана. У монаха прямое поручение от инквизиции – убить ведьму. И убьет!" – По расчетам, Женька не успевал. Холодная ярость плескалась в такт поступи коней, но все те же Женькины тараканы, как заправские повара, не давали ей закипеть и захлестнуть сознание, все время нашептывая: "Только холодный расчет позволит тебе выручить принцессу!" Просчитав невозможность нападения на дороге, жестокий убийца в голове Женьки стал просчитывать другие варианты: "До заката два часа. Как минимум за час до захода солнца они начнут искать ночлег. Значит, нужно их обогнать, прогнать минут сорок на всей скорости и остановиться в первом же большом постоялом дворе" – что он и проделал, неспешно обогнав конвой и деловито кивнув капитану. Карета, запряженная двумя лошадьми, не могла соперничать в скорости Женькиным скакунам.

Он успел не только разместиться большом постоялом дворе, но и, покривлявшись, осмотреть несколько комнат. Так что к приезду конвоя, он знал расположение всех закоулков в доме. Женька выбрал себе номер на втором этаже, сославшись на шум трактира. Хотя настоящей причиной было то, что конвой, скорее всего, разместится тоже на втором этаже, освободив для себя и пленницы один из тупиков коридора. Он стал уже немного нервничать, что ошибся в расчетах, когда все-таки заслышал на дворе стук копыт сразу нескольких въезжающих лошадей.

Расчет оказался точным. Женька злорадно это понял, когда увидел в дверях своей комнаты виноватую физиономию полового, просящего его перейти в другое помещение.

Постоялец скорчил недовольную рожу и услышал произнесенное со страхом магическое слово: "Королевский патруль". Не меняя недовольного выражения, он все же встал и, собрав манатки, вышел в коридор. Навстречу ему по шел, грозно тараща глаза, встреченный давеча военный. Женька узнающе ему кивнул и вдруг, чуть не совершил оплошность, которая едва не стоила всем им жизни.

По лестнице поднялся солдат, а за ним поднималась со связанными руками Лэя.

Женька задержал дыхание и с каменным лицом стал проходить мимо, как Лэя вдруг резко обернулась и крикнула, заслоняя кого-то на лестнице:

– Хлюп, помоги – шнурок развязался!

Женькино сердце сжал холодный страх. Он, как мышь, прошмыгнул дальше по коридору за половым и почти влетел в предназначенную ему комнату. "Какой же он осел! У него же были сутки на обдумывание! Если бы не Лэя!.." – сердце бешено колотилось.

Слава богу, половой тут же выскочил – ему явно было не до странностей гостя. От полного провала их отделяли доли секунды, которых Лэе хватило, чтобы сообразить и заслонить идущего позади лонка, и тут же придумать, как того отвлечь! Женька, судорожно сжимая зубы, представлял, как Хлюп радостно или ворчливо или, как угодно, кричит: "Женя!". Какую свалку пришлось бы устраивать на лестнице, сколько крови бы пролилось?! И самое страшное – смерть Лэи от любой шальной острой железяки! Ему, наверно, понадобилось полчаса, чтобы успокоить расшалившиеся нервы. Затем опять пришел страх: "А если Хлюп шастает по гостинице?", но все-таки трезвый расчет победил: "Лэя просто не даст сегодня ему этого делать!" Пора было начинать разыгрывать спектакль. И все тот же циничный и расчетливый убийца подсказывал ему, что спектакль должен быть построен на поносе, то есть на несварении желудка. Это удивительное состояние организма позволяло объяснить почти все самые странные и внезапные его перемещения по постоялому двору.

Главное, нужно было иногда поубедительнее держаться руками за живот. Но вместо того, чтобы решительно выступить на поле боя, Женька опять хладнокровно уселся и стал готовить лапшу, которую он собирался вешать патрулю на их лохматые уши.

Сначала надо было разработать легенду, кто он, а так же куда и зачем путешествует…

Через полчаса, капитан с парой солдат, чревоугодничающие внизу, увидели спускающегося по лестнице Женьку, который уже отметил про себя, что другая пара солдат расположилась сидеть в карауле поперек противоположного крыла коридора на втором этаже. "Они заняли все крыло для себя. Тем спокойнее будет действовать!" Кабак был довольно полон – почти все постояльцы были внизу. Да еще пришлых пара-тройка затесалась. Короче, гостиничный бизнес в Эриане процветал. Женька, строя из себя простоватого, немного важничающего, немного ущербного деревенского барчука, неспешно спускался с лестницы и думал, как бы естественней подсесть к солдатам.

Их стол был наполовину пуст. Все остальные посетители предпочитали держаться на уважительном расстоянии от представителей власти.

"А, была-небыла!" – Женька с глупой улыбкой подвалил к военным и спросил:

– Вы не позволите с краешку присесть? Здесь, кажется, свободно?

– Место не куплено. Садись, – небрежно бросил, не глядя на него, капитан.

Женька тихонько посидел, дождавшись, когда к нему подлетел запыхавшийся половой.

Он заказал еды и добавил:

– Принеси немного винца, какое получше – для пробы. Если хорошее будет, я и еще закажу.

Скоро перед ним стоял стакан с вином. Оконные стекла и стаканы в Эриане научились делать неплохо. Пока он пробовал вино, перед ним появилась тарелка с вкусно пахнущим пловом или мясной запеканкой – смотря как назвать. Качество выпивки ему показалось не очень, но, искоса глядя на своих потенциальных врагов, он заметил, что они поглощают вино с удовольствием, а значит, по местным меркам, оно было вполне сносным. Главной его задачей сейчас было добыть, как можно больше информации, а пьяная беседа была для этого наиболее подходящим способом.

Поэтому, выждав для приличия небольшую паузу, и заодно, немного подслушав беседу солдат, он решился на действия, правда, пока что только языком:

– Прошу простить за беспокойство, капитан, – Женька успел подслушать обращение к тому солдата. – Не позволите ли угостить вас вином?

– С чего это?! – усмехнулся громила.

– Да вот, имею большое уважение к военным. У меня дядя служит на королевской службе. Я и сам мечтал – немного мечом махал в деревне да, спасибо батюшке – так и остался в его деле компаньоном. Вот туды-сюды лошадей с барахлом и гоняю – тоска, а дело не бросишь! Дома сестры-братья младшие. Ну так как, можно угостить-то?! – уже не так подобострастно, а немного с хитрецой, как бы на равных, предложил Женька. Видимо, он правильно выбрал тон разговора, или сказка оказалась удачной, так как капитан уже почти по-дружески ухмыльнулся и сказал:

– А чего задарма не выпить? Угощай, коли денег не жалко! – и отвернулся к своим сотрудникам по оружию.

Женька не нажимал. Отдал распоряжение половому, принести кувшин вина воинам и еще стакан себе. Перед ним стояла задача, остаться трезвым, напоив, по возможности, солдат, а с молодым и неопытным в питие телом Зара это было весьма проблематично. После того, как солдатня приступила к

опорожнению заказанного им кувшина, Женька решил, что пора и поговорить:

– Извините, капитан, за любопытство, но ведь это с вами я сегодня встретился на дороге? – начал с ничего не значащего вопроса Женька.

– Может быть, – индифферентно ответил служака. Нужно было потихоньку его расшевеливать, и Женька занялся этим долгим и нудным занятием:

– А тяжелая у вас служба, смотрю! Эко ж вы мотаетесь по всей стране! И потом, наверно, разбойники всякие! – кажется, ему удалось зацепить капитана, так как тот уже эмоциональнее ответил:

– Если бы только разбойники! – и, крякнув, осушил залпом стакан, оставшись сидеть с кислой миной на своем грубом лице.

Что-то его явно расстраивало в их нынешней подконвойной. Женька потихоньку стал отводить разговор от опасной темы и нести всякую лабуду о том, как он мечтал пойти в военные, но ничего не вышло. Капитан, вспомнив о своих обязанностях, распорядился отнести наверх еду на троих. Женька почти одновременно схватился за живот и стал разыгрывать острый приступ диареи. Потом пожаловался на якобы съеденную днем какую-то тухлятину, подсунутую ему по дороге подлыми селянами, и, извинившись, припустил наверх за лекарством, которое якобы было у него с собой.

Сам же, рассчитал время своего старта сразу после полового, поднимавшегося с подносом наверх.

Проходя к себе в комнату, он с удовлетворением заметил, куда слуга внес поднос.

Его же ждала процедура, которая была ненамного приятнее сидения на горшке.

Вытащив из-под кровати ночную вазу – классический атрибут средневековых гостиниц, как земных, так и сэйларских, он с жестоким остервенением стал потрошить Заров и, по-совместительству, свой желудок, нещадно засовывая руку в рот. К счастью, рвотный рефлекс – он и на Сэйларе рвотный, так что, скоро из него шла только желчь. Удовлетворившись содеянным, Женька, срочно закрыл крышкой горшок и схватил кувшин с водой, сделав несколько больших глотков. Большая часть потребленного алкоголя была в горшке – что и требовалось доказать. К тому же, он не сомневался в зеленоватости своего вида после проделанной физиопроцедуры, что только добавляло естественности в его роль несчастного путника, пораженного недугом в живот и, как следствие, пониже спины. В общем, он был готов плести свои сети дальше.

Весь вечер так и прошел в беседах с нечаянными друзьями-врагами и беганьями, по галюнам, расположенным в разных углах двора, с несколько извращенной целью опустошения желудка от излишков алкоголя. Зато, когда вторая смена солдат, уже пьяная и сытая, сидела за столами, он точно знал комнаты, где располагались капитан, и солдаты. А самое главное, он понял, где находилась Лэя! Стоя в полнейшей темноте двора, он наблюдал за мерцающим светом в трех окнах на втором этаже. Вдруг свет в одной из комнат периодически стал становиться слабее и ярче.

Это не могло быть ничем иным, как сигналом ему. Его умница (как бы Лэя не сердилась на это прозвище, она, все равно, его умница!), видимо затеяла какую-нибудь игру с Хлюпом и свечкой, в надежде помочь Жене определить их месторасположение.

В конце концов, Женька тихо сидел в своей комнате и вслушивался в звуки, доносящиеся из коридора. Солдаты просто не могли долго гудеть внизу, так как назавтра их ждал очередной, сумасшедший по своим темпам, перегон. Для начала операции Женька выбрал время перед самым звездным рассветом, надеясь, что в этот момент его оппоненты по военным искусствам будут в самых сильных объятиях Морфея, ну или другого божества, ответственного за сон в округе Сэйлара. Он перебирал возможные приемы устранения соперников и остановился на ударе в сонную артерию.

Он прощупал пульс у себя на шее – вроде бы кровеносный сосуд был на месте и у сэйлов. Удар лучше было бы наносить не в полную силу – убивать без причины простых служак ему не улыбалось. Он походил по комнате, отрабатывая удар и несколько других подстраховывающих приемов. Главным его оружием была молниеносность и тишина.

Женька еще пару раз выходил в коридор, жалуясь стоявшим, вернее сидевшим на посту солдатам, на несуществующие проблемы с животом. К моменту икс, выйдя тихонько из комнаты, он с удовлетворением отметил, что в здании воцарилась тишина, нарушаемая только пьяным храпом, доносившимся из-за некоторых дверей.

Дойдя до лестницы, он обрадовался еще больше – один из постовых спал, притулившись в дальнем конце коридора. Подойдя к единственному, оставшемуся на посту сэйлу, Женька расслышал заливистое тарахтение сразу в несколько дырок, доносившееся из капитанской и солдатских комнат. Постовой понимающе ухмыльнулся и тихо спросил:

– Что опять погнало?

– Опять! – расстроено шепнул Женька, подойдя к постовому и, через мгновенье, прислонил уснувшее тело к стенке. Второй служака, так и не успев проснуться, перешел на более глубокий уровень сна. "Господи, хвала всем ангелам, а в особенности, Булю! Что бы я делал без этой китайской убийственной школы?" – Женька методично претворял свой план далее в жизнь, подняв с пола ночник и войдя к капитану. Под его рукой храп поочередно прерывался во всех комнатах – Женька только надеялся, что это не навсегда. Наконец, тылы были зачищены. Оставалась одна дверь. Самая опасная. Если монах не спит, то связанная Лэя находиться под серьезной угрозой.

Собравшись в комок, Женька пулей влетел в комнату – на подоконнике стоял ночник, под ногами оказалась подстилка со спящим Хлюпом, справа была кровать, на которой лежала Лэя. "Где монах?!" промелькнула, как молния, мысль. Лэя опять спасла положение, крикнув ему только одно слово: "Сзади!" Одновременно, по ее взгляду, он понял, что ему в спину уже наносится удар и, слава китайским технологиям, он, на пределе восприятия, чисто рефлекторно, провел, пусть и несколько неуклюже, но даже слишком удачно, кульбит, одновременно начав падать и разворачиваться с заносом ноги на уровень головы предполагаемого соперника. В результате нож только разрезал ему рубаху, а вот его нога, слегка подправленная им на излете, со всего маху ударила монаху куда-то под челюсть. Удар был настолько страшен, что не спящие участники представления услышали только треск ломаемых костей и глухой стук тела влипающего в косяк двери. Туловище монаха, как тряпичная кукла сползло на пол, и его голова неестественно завалилась назад.

– Ты ему шею сломал! – испуганно шепнула Лэя, медленно осознавая, что второй раз в жизни является причиной смерти, происходящей прямо у нее на глазах.

– Да, – подтвердил Женька и, тупо глядя на скукожившееся мертвое тело, сделал быстрое медицинское заключение. – Повреждения, явно не совместимые с жизнью! – За дурацко-бодренькой шуткой он старался спрятать страх перед содеянным. Но не остывающая ярость не давала осознать весь ужас совершенного поступка. Поэтому он хладнокровно схватил нож, валявшийся на полу, и стал осторожно разрезать путы на руках и ногах тихо плачущей Лэи. Разрезав веревки на руках, он яростно, словно оправдываясь, воскликнул:

– Что эти гады с тобой сделали?! – ее атласная шерстка на запястьях была вся перетерта.

– Брось! – всхлипывала Лэя. – Отрастет! Как я испугалась за

тебя!

Лэя подняла руки к нему, но кисти повисли, не слушаясь хозяйку. Женька схватил ее руки и стал их целовать. Заметив, что Лэя морщится от боли, сказал:

– Прости, у тебя руки все затекли, сейчас они потихоньку оживут! – и схватив ее лицо в ладони, стал осыпать его поцелуями приговаривая. – Как я за тебя переживал! Эти солдафоны не обидели тебя? Прости, что раньше не смог тебя освободить! Красавица ты моя! – и вдруг заметил удивленный Лэин взгляд:

– Что ты делаешь? – шепнула она.

– Как, ты не знаешь? – до Женьки дошло, что сэйлы, как и некоторые народы на Земле могут и не знать, что такое целование. – Прости, это обидело тебя?

– Нет! Это так приятно! – шепнула принцесса, закрыв глаза и снова подставив лицо для поцелуев, чем Женька не преминул воспользоваться.

– Что вы делаете, однако?.. Женя?! – донеслось от окна. Это Хлюп, наконец, проснулся разбуженный то ли дракой, то ли Женькиными чмоканиями.

Это отрезвило совсем сходящую с ума от обретенной свободы и близкой смерти парочку, занимающуюся неизвестно чем над свежим трупом и полуживыми солдатами в коридоре.

– О, господи! – воскликнул Женька. – Надо быстро заметать следы! Значит так, я закину тело этого монаха на чердак – это самый безопасный способ избавиться от него. Люк, ведущий туда, как раз в конце коридора. И крови нет – убирать не надо.

Как бы ни было им противно и страшно, но другого безопасного выхода из ситуации не существовало. Хорошо хоть, монах был настолько щуплым, что Женька почти без посторонней помощи закинул его наверх. На их счастье шум драки отнесли на счет разборок пьяной солдатни, а может, просто все громко храпели. Во всяком случае, никто в коридоре не появлялся.

Теперь нужно было что-то делать с патрулем. Женьке не улыбалось иметь у себя на хвосте толпу разъяренных стражников. В разрешении этого вопроса он надеялся на помощь Лэи. Он стащил всех, крепко спящих конвоиров в одну комнату, буквально завалив их телами все пространство. Потом стал объяснять Лэе:

– Лэя, твое искусство внушения на Земле называется гипнозом. Оно не должно у тебя пропасть с удалением от страны Высоких Горизонтов. На Земле с помощью гипноза кодируют людей на очень долгое время – иногда на всю жизнь, внушая им любую нужную мысль. Я знаю, что у тебя немного опыта, но попробуй, когда я начну их будить, опять вводить их в состояние

сна и внушить им в этом состоянии две вещи. Первую мысль, что тебя никогда не было и не будет, а если они попытаются вспомнить о тебе, то им станет страшно, тоскливо и плохо. Представила?

– Да! – Лэя внимательно слушала.

– И еще, внуши им тревогу за то, что у них осталось какое-то дело в Рестане, и что туда нужно срочно ехать.

– Хорошо, я представила себе. Буди их!

Женьке пришлось повозиться с побудкой, так же как и Лэе с гипнотическим усыплением первого солдата. Потом пошло, как на конвейере. Скоро все пациенты были готовы и Лэя начала сеанс, внушив им нужные мысли и приказав им спать до утра. Вдруг она заметила, что Женьке стало плохо. Она быстро сообразила, что его зацепило гипнозом и раздирает противоречие присутствия несуществующей принцессы.

Она чуть не за шиворот вытащила его в коридор, отвела в конец коридора и приказала:

– Женя, я существую! В Рестане у тебя нет дел! Проснись и поцелуй меня!

Женька открыл глаза, ничего не понимая, обнял Лэю и поцеловал ту в губы. Хитро ухмыляющаяся до этого Лэя, оказалась изумленно стоять, когда Женька, наконец, оторвался от нее.

– Ты что? – спросил он встревожено. Лэя сглотнула, приходя в себя, и растерянно прошептала:

– Что это было? Я же попросила поцеловать меня, а не… – она не знала подходящего слова.

Женька озадаченно на нее посмотрел и вдруг аж хрюкнул от удовольствия:

– Бедная моя девочка! Прости, пожалуйста, но ты сама приказала мне под гипнозом это сделать!

– Но что это было? – все так же растерянно спросила Лэя.

– Поцелуй! – невинно строя глазки, ответил Женька.

– Но ты же сам меня целовал раньше, совсем по-другому?

– Это был настоящий поцелуй мужчины и женщины. До этого я целовал, ну, как мать целует своего ребенка. А бывают поцелуи… – Женька смущенно остановился, подумав, что не имеет права третировать принцессу своими мужскими приставаниями, и сменил тему. – Вам надо срочно выбираться отсюда, а мне еще растащить солдат по постелям. Так что, если тебе интересно знать о поцелуях, то потом договорим, а сейчас идем в мою комнату, там все ваши вещи. Пока вы с Хлюпом собираетесь, я разберусь с блистательной королевской ратью. Только в ночной горшок под кроватью не лазьте – он полон

недопереваренных остатков сегодняшнего ужина!

Через некоторое время они тихонько выходили за ворота под ярким пологом звездного рассвета. А еще через пару часов, вернувшийся в гостиницу барчук Женя, как ни в чем не бывало, запряг своих трех лошадей и, нагрузив их поклажей, попрощался с заспанным мальчишкой слугой, щедро наградив того чаевыми…

***

Они, похоже, выигрывали эту гонку со смертью. После нескольких дней стремительного передвижения, перед ними, наконец, были окраины Венлы.

Путешественники были целы, как была цела и их поклажа. Из всех потерь, существенными Женька считал только потертые Лэины ручки и ее несколько осунувшийся от усталости и переживаний вид. Свой вид Женьку не интересовал, а смерть монаха, учитывая его кровожадность, считал только собственной потерей инквизитора. Но были и приобретения: шею его принцессы украшала подвеска, которую он все-таки до нее донес. И было что-то еще, скрытое под шелухой событий и разговоров – они, незаметно для себя, начинали с Лэей чувствовать друг друга.

Это неуловимое состояние, когда близкий человек только еще думает о чем-нибудь, а ты уже готов дать ему ответ, или когда они делали что-нибудь вместе, не согласуя и не спрашивая ничего, просто интуитивно зная свои роли и действия.

Женька никогда не испытывал в жизни такого взаимопонимания. Просто никогда рядом с ним не было человека, с кем бы он мог так внутреннее сблизиться, вернее, раскрыться… зато нашлась девушка-сэйл!

Стража на въезде в город оказалась довольно символическим препятствием. Мельком взглянув на троицу молодых неказистых сэйлов и их документы, они не стали даже брать с них пошлину, которую обычно сбирали с торгового люда. Женька решил состорожничать – они не поехали сразу по адресу, указанному Илаиром в письме. Он не стал ни у кого спрашивать, где остановиться, а решил просто положиться на свою и Лэину интуицию. Они ехали по мостовой, похожей на ранее виденную Женькой из астрала. Он помнил, что где-то на полпути здания станут каменными и двух-трехэтажными.

Как только с домами произошла эта перемена, он кивнул Лэе, как бы приглашая, внимательнее присматриваться к гостиницам,

и свернул с главной улицы, ведущей к центру.

Вскоре они нашли приемлемое здание: не очень большое, но опрятное и в тоже время не кричаще-яркое. В нем чувствовалась какая-то солидность. Цена проживания путников не очень волновала, но, поселившись в центре, в шикарных апартаментах (что Женька тут же сделал бы для Лэи, будь на то его воля), они автоматически могли привлечь к себе излишнее внимание, а это было крайне нежелательно для их миссии.

Интуиция их не обманула, и вскоре они обживались в опрятном двухкомнатном номере, а их лошади были обихожены в хорошей конюшне. Женька тут же заказал ванну для Лэи, которую можно было принять на нижнем этаже. В результате, через восемь дней путешествия, путники сидели вечером, чистые и опрятные, хотя и порядком уставшие.

Они держали свой маленький совет, находясь где-то совсем близко от цели своего похода. Перед ними лежала примитивная схематическая карта Венлы, а в голове крутилось множество вопросов, и самый главный из них был: как найти семью Лэиной тетушки Наир и ее детей, начиная с Ренка?

– Лэя, ты прислушивалась по пути, есть ли в Венле похожие на тебя? – решил Женька выяснить вопросы безопасности.

– Да, здесь много сэйлов, способных что-то чувствовать или внушать. Но большинство, наверно, не знает о своих свойствах и то, что они могли бы в наших краях стать ведьмами или колдунами. Так что, я чувствую себя сейчас гораздо в большей безопасности, чем около Рестана. Тем более, что определить, где физически находиться такой "странный" сэйл, почти невозможно. Для этого, наверно, надо схватить его за руку.

– Скорее всего, и действующей инквизиции здесь нет. Если только какая-нибудь канцелярия найдется, – согласился Женька и обратился к их лохматому вечному чаду.

– Хлюп, к тебе серьезная просьба, не выходить из комнаты без нас. Ты можешь потерять вид сэйла, и тогда мы ойкнуть не успеем, как окажемся в тюрьме или, чего хуже, во дворце!

– Почему во дворце хуже, однако? – Хлюп не оценил Женькиной шутки, серьезно думая, что во дворце жить лучше, чем в тюрьме, хотя и то и другое оставалось для него вещами абстрактными, а значит, и не заслуживающими внимания.

Они еще долго сидели на Женькиной кровати, рассуждая, что делать, пока не заметили, что, по своей новой привычке находившийся между ними, Хлюп спит, сидя и держась сразу за обеих своих подопечных. Теперь мохнатый малыш был твердо убежден, что защищает сразу двух сэйлов. При этом ни рост, ни сила Жени-Зара его не смущали. Лэя с Женей озадаченно

улыбались, смотря на уютно устроившегося между ними малыша. Женькино сердце обдало теплой волной нежности. Ему на миг показалось, что это его семья. Странная, трансгалактическая семья из трех существ разных видов. Он сам себе улыбнулся и, взглянув на Лэю, понял, что ей ничего не надо объяснять – их мысли и чувства были ясны друг другу без слов.

– Давай, оставим его спать на кровати – жалко малыша будить, – предложил Женька шепотом.

Лэя, кивнув, осторожно встала и опустила голову Хлюпа на подушку, после чего Женька поднял его ноги и укрыл одеялом. Они еще постояли, любуясь деловито посапывавшим мохнатым защитником, и вышли в Лэину комнату, взяв с собой ночник.

– Пусть спит, я лягу на его место, на тюфяк, – шепотом сказал Женька, боясь разбудить Хлюпа.

– Зачем тебе ютиться на полу? – медленно выговаривая слова, спросила Лэя. – У меня широкая кровать…

Ее зрачки были до предела расширены от волнения, а глаза влажно мерцали в колеблющемся пламени ночника. Женька молчал, сжимая лампу в руках. Только по сильно задрожавшему пламени было видно, какая буря чувств сейчас одолевает его душу. Почувствовав, что Женя колеблется, Лэя напомнила ему:

– Ты еще что-то говорил о поцелуях? Может, объяснишь? Последний мне очень понравился, – шептала она, совсем приблизившись к нему и положила свою руку Жене на плечо.

Женька продолжал влюбленно-страдальчески смотреть на Лэю. Наконец, решившись, он снял с плеча Лэину руку и, поцеловав ее в ладошку, провел Лэю к ее кровати.

Усадив ее на край, сам встал перед ней на колени и начал свое странное и безнадежное объяснение в любви.

– Моя самая красивая, самая умная и самая загадочная принцесса во всей галактике…

– Что-то ты больно пышно начинаешь свою речь? – ласково улыбнулась ему Лэя.

– Может, это кажется пышным, но для меня это только сухая констатация фактов. Но дело не в этом. В последние дни я чувствую, что мы с тобой настолько сблизились, что нам не нужно никаких слов. Я признаюсь тебе, что это впервые со мной. В целой галактике я еще не нашел существа настолько мне близкого.

– Я тоже, – только шепнули Лэины губы в ответ.

– Наверно, моя душа почувствовала это сразу, как только я тебя увидел, так как я понял, что не смогу наблюдать со стороны, как ты подвергаешься здесь опасности.

Сейчас я почувствовал, как Хлюп, своей непосредственностью

ребенка, сломал последнюю преграду между нами. Мы оба ощутили, какое счастье жить одной семьей.

– Лэя только согласно кивнула, неотрывно глядя ему в глаза. Женька продолжал, с трудом пытаясь разобраться в своих и в ее чувствах. – Но есть одно большое препятствие. Ты знаешь о нем, и ты только что сдалась, готовая забыть о ждущих нас проблемах. Сейчас я могу сказать себе и тебе, что я люблю тебя, как не любил никого в жизни. И я знаю, что ты любишь меня – я вижу это в твоих глазах. И ты просто не представляешь, как я благодарен тебе за это!

В Лэиных глазах стояли слезы. Она прекрасно понимала чувства и боль, испытываемую сейчас Женей, и ее сердце отзывались болью в ответ. Женька вздохнул и решился сказать ранящие слова:

– Я слишком хорошо чувствую, что ни ты, ни я, не сможем потом легко расстаться.

И это оставит воистину незаживающие раны в наших душах. Вспомни, кто я? Я чудовище, которое вселилось в шкуру симпатичного парня, и которое, между прочим, только одолжило это тело в прокат, и то, на очень короткий срок. И скоро мне придется возвращаться, а тебе продолжать жить здесь. Теперь мне кажется, что я совершил преступление против тебя, вселившись в это тело. Если мы сблизимся, мне страшно представить, что тебе придется пережить, когда ты снова увидишь в этом теле Зара. Я честно говорю тебе, что сам не представляю, как я смогу жить без тебя. Но прошу тебя, еще раз взять себя в руки, и давай, воздвигнем эту стену между нами снова. Прости меня моя маленькая принцесса, но попробуй использовать последний шанс избежать этого космического сумасшествия. С этого момента я постараюсь не касаться тебя и не провоцировать нашу психику влечением наших тел.

Они оба молча плакали, не стесняясь своих слез. Казалось бы, ничто больше не могло помешать их любви, но они сами строили стену отчуждения между ними. Женька не сказал больше ни слова. Просто встал и вышел, тихонько прикрыв дверь за собой.

Несмотря на усталость, они еще долго не могли уснуть этой ночью…

ГЛАВА 12. ВОСПИТАНИЕ МОНАРХА

Наконец Женька знал, как встретить Ренка и поговорить с ним. Четыре дня ушло только на то чтобы узнать, где искать молодого принца и его семью. Несмотря на кажущуюся легкость, эти дни оказались сущим кошмаром для всех. Казалось бы, не было нужды никуда спешить, инквизицией и не пахло, как впрочем, и королевской стражей. Но каждый день они с Лэей вставали с камнем на сердце, деловито размениваясь несколькими фразами, и занимались каждый своим делом. Вернее Лэя отправлялась с Хлюпом в университетскую библиотеку, а Женька шел на поиски Наир и Ренка. Лэе нельзя было светиться в городе, и она нашла себе отдушину в чтении книг, благо, большая библиотека находилась недалеко от их гостиного двора, и вход в это здание открывался за совсем небольшие деньги. Вечером они собирались, деловито обсуждали события дня, планировали дальнейшие действия Женьки и расходились спать. Оказалось, что Хлюп страдал от их новых отношений не меньше своих друзей. К тому же походы в библиотеку для него были сущей пыткой, а домашний арест – не лучшей альтернативой. Первый день он ничего не понял, все спрашивая, не заболели ли Лэя с Женей. Потом он долго пытался их развеселить, приставая к ним за своей порцией ласк. А сегодня с утра просто взял и разревелся, говоря:

– Вы больше не любите друг друга! Это, однако, неправильно! Почему вы не любите, я же вас люблю?! – канючил малыш.

Увещевания, что так надо, не очень помогали. Лэя не знала, что с ним делать.

Малыш как-то необычно реагировал на ее отношения с Женей. Обычно ему хватало Лэиных ласк, но сейчас она боялась, что Хлюп близок к состоянию депрессии, в которую лонки впадают при потере хозяина. И причиной была нехватка Лэиной любви, но не к Хлюпу, а в их отношениях с Женей. Поняв это, Лэя нашла уловку, которая немного успокоила малыша. Она сказала ему, что они с Женей просто так играют, и на самом деле, они любят друг друга. Как ни странно, но после этого Хлюп успокоился и даже опять стал веселиться. "А ведь, наверно, я сказала ему правду!

Вот малыш и поверил, не сомневаясь!" – и ей самой после этого стало немного легче.

Женька еще в первый день отправился в гости к кузену Илаира, прихватив рекомендательное письмо, но его ждала

неудача. Кузен был в отъезде и должен был появиться через три дня. Так что ему пришлось вежливо откланяться, и разрабатывать альтернативный план действий. Сделать это было нелегко. Никаких специальных справочных бюро в Эриане еще не придумали, а абы у кого такую информацию, как проживание королевских родственников, не спросишь – можно и в охранку угодить. Для начала Женька решил разыгрывать из себя провинциального зеваку, ходящего по центральным кварталам и любующимся на красивые и большие здания – что было не трудно, так как было не далеко от истины.

На улицах часто встречались военные, то идущие куда-нибудь целым отрядом, то патрулирующие улицы группами по два-три бойца. Большинство были нарядно и разнообразно одеты, отличаясь всякими нашивками и висюльками, а так же родом оружия, навешанного на них. Женька грустно улыбнулся: "Везде военные одинаковы – почти как женщины, только вместо кринолинов и брильянтов – мундиры и до блеска надраенное оружие. Может это оттого, что не чем больше голову занять?" Он поймал себя на том, что будь сейчас рядом Лэя, как это было до их памятного выяснения отношений, то они наверняка нашли бы массу причин посмеяться над несуразностями и нелепостями, повторяющимися с завидной регулярностью в противоположных концах галактики. А сейчас он лишь, как автомат, отмечал про себя детали столичной жизни, ощущая в себе какую-то пустоту и безразличие.

Поразительная, просто захватывающая дух своей причудливостью, архитектура зданий не вызывала в душе того обычного восторга, с которым он присматривался к каждой детали этого мира раньше, как, например, в Лэином доме. Он слонялся вокруг прекрасных дворцов, но попасть внутрь этих зданий для такой деревенщины, как он, не было никакой возможности. По улицам иногда проезжали шикарные экипажи. Увидев один, особенно красивый, заправленный четырьмя скакунами и сопровождаемый двумя конными вооруженными охранниками, Женька вдруг подумал, что Лэе, по ее статусу, как раз надо бы перемещаться по столице на таком выезде, а не украдкой бегать в библиотеку, с "замаскированным" Хлюпом. "Какая же он и весь мир большая свинья, если столь прекрасному созданию и физически, и душевно, отказано в пользовании законными благами?! Хотя может, отчасти, она столь прекрасна именно потому, что лишена развращающего влияния этих благ? – Нет, это мое простое лицемерие!" – Женька поймал себя на мысли, что обычные земляне, в среднем, имеют доступ к почти королевским благам, которые даже еще не существуют в этом

мире, и это никак не влияет на соотношение уродливых и прекрасных душ. Даже, может, наоборот, чем меньше человеку нужно времени на простое выживание, тем больше шанс, что освободившееся время он потратит на развитие своей души.

Он сумел попасть внутрь только нескольких зданий: в храм Воссожжения, здание торговой палаты и театр или какой-то аттракцион. Все здания были украшены изнутри с не меньшей фантазией и тщательностью, чем снаружи. Особенно ему понравился храм. Это было подлинное произведение инопланетного искусства. Женьку поразила игра света и красок, складывавшаяся из разноцветных витражей и светильников, преломлявших свои лучи, отражаясь от бегущей воды и освещая фигуру прикованного к столбу мученика, который стоял в полусумраке алтаря. Мерцающий свет создавал совершенную иллюзию сполохов огня, отражающихся на скорбном лице сэйла, который будто вот-вот должен сгореть в зарождающемся пламени костра под ногами. Женька со всей остротой ощутил нехватку Лэи рядом. Оказывается, он уже так привык делить с ней все свои впечатления! Он ощутил себя сейчас так же, как некогда находил на Земле в одиночестве неуютной холостяцкой квартиры. Тогда его спасали друзья, сейчас он сам оттолкнул родную душу…

Три дня прошли впустую. Женька ни на йоту не приблизился к решению вопроса.

Оставалось только любым путем узнать у родственника Илаира, где живут престолонаследники. Он, немало волнуясь, постучал кольцом в дверь небольшого двухэтажного каменного здания. Через некоторое время ему открыла девочка-сэйл, которую он видел в прошлый раз. Она приветливо поздоровалась, узнав давешнего деревенщину, приходившего спрашивать о ее дяде, и попросила его подождать. Через некоторое время в дверях появился степенный сэйл и, чинно поприветствовав Женьку, спросил: кто он такой? Женька, следуя правилам этикета, представился и передал письмо от дяди Илаира, сам внимательно наблюдая за мимикой лица солидного господина. При имени Илаир, тот нахмурился, но письмо взял и пригласил Женьку внутрь.

Они поднялись в сумерках коридора на второй этаж. По-видимому, его вели в кабинет. На всякий случай Женька взвинтил все свои чувства на высший уровень готовности, ожидая подвоха с любой стороны. Рисковать собой он не имел права, так как это значило бросить Лэю с Хлюпом одних, посреди враждебной столицы.

Они остановились в большой комнате, видимо служившей и библиотекой, и кабинетом, и местом уединения своему хозяину.

Сэйл пригласил Женьку присесть на диван или не замечая, или делая вид, что не замечает настороженности гостя. Он сам сел за стол и вскрыл конверт. Немногословность и серьезность, с которой "дядюшка" читал письмо, говорили о том, что он, по крайней мере, озабочен происходящим. Прочитав, он тяжело вздохнул, но, все же, сделав над собой усилие, изобразил некоторое участие на своем лице:

– Где вы остановились, молодой человек?

"А вот этого не надо!" – Женькины сомнения встали дыбом в его голове, хотя это, может, и был всего лишь праздный вопрос. Он ответил, заготовленной фразой, назвав гостиный двор на другом конце Венлы. Вроде бы непринужденный разговор продолжался в стандартном ключе:

– Вы знаете, кроме того, что Илаир мой дальний родственник, мы были неплохими приятелями в былые времена?

Такое признание, если не было провокацией, дорогого стоило. Женька стал уставать от постоянного напряжения, и решил идти напрямую. Если его не схватили сразу, то вряд ли намерены это делать и дальше:

– В письме не сказано, кто я. Я старший сын Илаира, Зар…

– Зар?! – воскликнул мужчина. – Ты не помнишь меня?!

Настала пора Женькиному сердцу падать в пятки. Он же не знал ничего об этом сэйле! Что же Илаир, ничего не сказал? Но все вскоре выяснилось.

– Да, хотя где уж! – сокрушенно вздохнул мужчина. – Все дела, дела, а жизнь вот так и проходит сквозь пальцы. Ведь я тебя помню совсем маленьким! А когда ты уже постарше стал, все было недосуг навестить кузена.

– Дядя, не надо укорять себя за несуществующую вину! – Женька решил совместить психотерапию с информационным натиском. – К тому же, я здесь не для выклянчивания помощи!

– А для чего же? – дядя Зара несколько опешил, и поэтому бесцеремонно спросил Женьку.

– Вы знаете, кому служил мой отец, – Женька напустил на себя важности и торжественности, сколько мог, и начал круто замешивать правду с ложью. – Так вот, около двух месяцев назад, его хозяин был сожжен инквизицией вместе со всей семьей.

Лицо мужчины вытянулось и побледнело, он сидел с каменным выражением и, видимо, с трудом переваривал новость. Не давая ему что-либо сообразить и начать задавать неудобные вопросы, Женька начал врать:

– Перед смертью лорд оставил письмо своему слуге – моему отцу, с просьбой, в случае его гибели, передать письмо сестре. Письмо сугубо личное. Я выполняю последнюю просьбу умершего

и намерен вручить послание лично в руки княгини Наир, урожденной Алькалар. Мне нужен ответ только на один вопрос, и больше Вы никогда не увидите и не услышите обо мне без Вашего на то желания: где найти княгиню и ее семью?

В комнате повисла мертвая тишина. Женька понимал, что сидящий напротив мужчина, как настоящий верноподданный, должен немедленно бежать и сдавать Женьку охранке.

Так что он опять полностью мобилизовался и, в случае отказа отвечать, был готов пойти на все. Больше всего он боялся, что сейчас окажется, что этот чиновник ничего не знает о местопроживании королевских родственников. К счастью, после долгой паузы, полной самых разных переживаний с обеих сторон, Женька дождался долгожданного ответа:

– Замок Эленгар, полдня по южному тракту в сторону города Молам.

– Спасибо. Бог видит Ваш благородный поступок, – Женька встал и, не говоря ни слова больше, глубоко поклонился и вышел из дома.

Пройдя квартал и осмотрев улицу, он свернул в проулок, где у него была оставлена лошадь. Дальше он попетлял по улицам, на тот случай, если за ним обнаружиться хвост, что он уже привык проделывать в Венле. Однако то ли здесь еще толком не пользовались искусством слежки, то ли просто он ни для кого не представлял интереса, но, как всегда, все было спокойно. Вернулся он в отель в полдень, чем страшно обрадовал чуть не вывшего в одиночестве Хлюпа – сегодня он не пошел с Лэей в библиотеку и, как оказалось, правильно сделал. В результате, Женька был чуть ли не задушен в объятиях, сразу после того, как вошел.

Сообщение о том, что они отбывают загород, окончательно повергло мохнатого в эйфорию, и мужчины, в ожидании Лэи, занялись упаковкой вещей и подготовкой к походу. Правда, все время требовалось прерываться, чтобы опять отвечать на вопрос "А правда мы…?!" с различными продолжениями, и поглаживать да почесывать мохнатую голову. Суета сборов, принятие ванны перед дорогой и составление планов сильно сгладили напряженность последнего дня. Женька даже один раз заметил бледную улыбку Лэи, успокаивавшей расшалившегося Хлюпа.

Утро застало их уже в пути. Ориентиры были простые, но Женька, опять перестраховываясь, вывел их маленький отряд через другие ворота, и кружным путем привел к нужной дороге. Это, видимо, несколько их задержало, так как к деревне Эленгар с названием, одноименным замку, они подъехали только далеко за полдень.

В селе был довольно сносный постоялый двор с гостиницей в два этажа, в которой они сняли две комнаты. Женька отметил некоторый рациональный стандарт таких заведений. Все они строились по более-менее одному типу: внизу – трапезная с кухней, иногда с несколькими гостевыми комнатами, вверху – комнаты для путников, удобства – на дворе. Кроме основного здания, всегда была конюшня, хоздвор и баня.

Все рвались действовать, так что после небольшой перекуски, путники выехали на "прогулку" в сторону замка, который должен был располагаться в миле от тракта. Навстречу им попалась крестьянская подвода. Сэйл, сидящий на краю телеги, дружески кивнул им, не заподозрив ничего странного – значит, путники часто курсировали по этой дороге. После очередного пригорка, перед ним открылся захватывающий вид на большое поле. Вдали стоял, окруженный водой, красивый замок. Он располагался на острове посреди небольшого озера, фасадной стороной почти достигая берега. Через оставшуюся кромку воды был перекинут мост. Здание только частично носило оборонительный характер, обнесенное достаточно высокой каменной стеной.

Остальные строения были явно принесены в дань эстетике. Летящие шпили чередовались с черепичными крышами в стиле китайских пагод и ажурными угловыми башенками, вряд ли способными служить боевыми башнями при нападении врага. На архитектуре явно сказывалось вековое отсутствие серьезных междоусобных конфликтов.

С пригорка хорошо просматривался въезд в замок и пара стражников, изнывавших от скуки у ворот. Женька резко сдал коня назад, не желая выскакивать на прямую видимость перед замком из-за укрытия последних деревьев.

– Спешиваемся! – скомандовал он спутникам. Женька заметил, что влево холм еще больше повышался, и, взяв коня под уздцы, отравился лесом вдоль опушки, пригласив жестом Лэю с Хлюпом следовать за ним. Пройдя с сотню метров, они подвязали коней и "распределили" обязанности: отправили Хлюпа, который уже от нетерпения прыгал на месте, побегать по лесу, а сами прошли к опушке, понаблюдать за замком. Проблема была в том, что ломится туда и воевать с целым гарнизоном солдат, им явно не улыбалось. А на то, что их там ждут, не дождутся, надежды не было никакой.

– Слушай, этому Ренку лет пятнадцать будет?

– Да, – тихо ответила Лэя.

– Тогда он обязательно должен выезжать погулять или на охоту. Какой молодой парень будет сидеть целый день в доме? Давай, завтра последим целый день за замком – посмотрим, с

каким эскортом он ездит на прогулки!

– Хорошо, – бесцветным голосом ответила Лэя.

Постояв и посмотрев на замок еще некоторое время, Женька не выдержал и, обернувшись к Лэе, спросил:

– Так нельзя, Лэя! Мы что-то делаем не так, – в ответ было молчание. Наконец Лэя с трудом подняла на него глаза и, коснувшись его груди рукой, спросила:

– Женя, посмотри на меня. Я так давно не видела твоих глаз!

Женька с ужасом понял, что он несколько дней избегает смотреть ей в глаза. Он почувствовал, что стыд буквально стал съедать его изнутри. Через силу он поднял взгляд и, заглянув в родные глаза, ужаснулся содеянному им. Лэя уже жалостливо просила, словно милостыню:

– Я не знаю, что со мной. Помоги мне. Посмотри мне в глаза – ты поймешь. Во мне что-то умерло… Ты говорил, что можешь чувствовать меня.

Женька неотрывно смотрел в эти потухшие зеленые колодцы, на дне которых лежал пепел сожженных им чувств. Такой мутный взгляд встречался ему у людей перед смертью, когда душа уже прощаясь с жизнью, не желала смотреть в мир сквозь окна глаз обреченного тела. Он действительно, почувствовал, что с ней, и от этого ему захотелось умереть. Это был ужасный урок – нельзя отворачиваться от любви. Она при этом имеет свойство умирать. Когда Лэя открылась ему, он попытался остановить ее душу, летящую к нему. Это было равносильно, как остановить взлетающую птицу или косулю в прыжке – они просто сломают себе крылья или ноги.

И вот перед ним несчастная девочка со сломанной душой и никто ему не сможет сейчас ответить, сможет ли он исправить свою страшную ошибку? Увидит ли он еще ее когда-нибудь той же искристо-жизнерадостной и сильной, какой он привык видеть всегда? Он, не отрываясь, смотрел в ее глаза и шептал:

– Мне нет прощения, принцесса. Я, кажется, убил сказку, которую принесла в мою жизнь твоя душа.

– Нет, не убил. Я сейчас чувствую твою душу. Только не отрывай глаз! Прошу тебя!

Женька, послушно, не отрываясь, смотрел в милые и несчастные глаза, и постепенно ему стало казаться, что пепел на их дне стал таять в медленно поднимавшейся теплой волне. Наконец переполнив колодцы отчаяния, чувства вылились наружу двумя ручейками слез. Лэя прошептала:

– Неужели ты не понимаешь, что мне не нужна физическая близость? Вернее, я переживу без нее, но без твоей души я не могу жить.

Женька взял ее лицо в руки и стал медленно целовать ее щеки и глаза, собирая капельки слез, и шепнул:

– Моя маленькая принцесса, знай, что моя душа теперь твоя навсегда и физическая близость здесь ни причем, – они еще долго стояли, обнявшись, и Женька гладил шелковые волосы своей принцессы, чувствуя, как тихонько восстанавливается то чувство единства, которое он так беспечно порвал несколько дней назад…

***

Ренк Эльфор, племянник императора по матери, урожденной Алькалар, был обычным парнем пятнадцати лет, немного испорченным услужливостью слуг и пониманием, что его родителей не жалуют при дворе. Будучи от природы сообразительным, он умел из случайно оброненных фраз взрослых строить картину мира и понимал, что его мать, заботливая, красивая женщина чем-то угнетена. Ренку казалось, она тяготилась от того, что из-за нее у его отца проблемы по службе. Хотя какие могут быть проблемы у князя, имеющего свои земли под самой столицей, Ренк не понимал. Да и по отцу это было не очень заметно – тот всегда оставался веселым и жизнерадостным. Мать часто проговаривалась о хорошей жизни в столице, постоянно что-то вспоминая из молодости. Ренку же жизнь в замке нравилась во всех отношениях – без излишней чопорности и глупого этикета. А главное, с возможностью ежедневных прогулок, вознаграждаемых иногда охотничьими трофеями.

Вот и сегодня они с учителем фехтования, как обычно после утренних занятий, оседлали своих скакунов и устремились прочь из замка. День обещал быть хорошим и Ренк твердо собирался провести на природе часа три. Ну, в крайнем случае, фехтованием они могут заняться и где-нибудь в лесу, чтобы не возвращаться из-за этого раньше времени в Эленгар. С этими мыслями он ехал немного впереди по лесной дороге. Внезапно он увидел тело какого-то сэйла, лежащее прямо у них на пути. Остановив коня, он замер, не зная, что делать. Ехавший сзади учитель, тоже заметил неожиданное препятствие. Быстро приняв решение, он сказал Ренку:

– Ваше Высочество, подержите моего коня! Если заметите, что-нибудь странное, скачите, что есть сил, в замок!

Спешившись, учитель осторожно подошел к телу, держа

наготове вынутый из ножен меч, и слегка пнул лежащего сэйла. Было похоже, что перед ним труп. Тогда учитель наклонился, проверить, есть ли признаки жизни.

Ренк не понял, что произошло дальше. Наклонившийся учитель вдруг кулем свалился рядом с телом незнакомца, а тот, напротив, бодро вскочил. Начиная понимать, что происходит что-то плохое, Ренк в спешке стал поворачивать коня и вдруг замер, не завершив движения. Навстречу ему из леса выехала прекрасная юная дама в золотом атласном костюме наездницы, окантованном тонкими полосами черного меха горного питона. Удирать от девушки, гарцующей у него на пути, он считал ниже своего достоинства, но сзади был опасный тип, что-то сделавший в долю секунды с опытнейшим бойцом, считавшимся непобедимым в их гарнизоне. Пока он так раздумывал, замерев с наполовину вынутым мечом, его конь по инерции приближался к всаднице.

– Приветствую тебя, мой кузен, Ренк Эльфор, урожденный Алькалар! Меня зовут Леолэя Алькалар, кронпринцесса Эрианы, – Лэя лукаво склонила голову набок и ослепительно улыбнулась.

Женька, наблюдавший эту сцену из-за спины Ренка, в свою очередь, счастливо улыбался, видя Лэю снова воспрянувшей духом: "Бедный Ренк, каково же тебе наблюдать за такой ослепительной нимфой, выпорхнувшей из леса прямо у тебя на пути?" Он сам вчера чуть со стула не упал, когда Лэя вошла в комнату в этом костюме. В отличие от бальных нарядов, виденных на Лэе в астрале, в этом костюме для выездки она выглядела дикой амазонкой Сэйлара. А короткая юбка и золотые рейтузы с лампасами окончательно добивали психику любого мужчины, делая из него послушного дебила. Сейчас же эффектность усиливалась красивой позой на темной блестящей спине гарцующего скакуна. Как он был рад, что сердце Лэи сумело оттаять за каких-то два дня, и она снова была способна радовать его и Хлюпа почти прежней красотой и игривостью. Они больше не касались разборок в своих отношениях, как мужчина и женщина, осторожно обходя острые углы, и просто радуясь обществу друг друга.

Лэя смело подогнала своего коня поближе к все еще неприлично молчащему Ренку.

Потом, все так же озорно улыбаясь, сунула руку в разрез своего заманчивого декольте и достала золотой королевский кулон.

– Надеюсь, тебе знакомо это украшение? Покажи мне твой кулон, он у тебя с собой?

Ах да, не бойся за твоего спутника – он просто спит.

Ренк, все так же молча, достал свой кулон. Знаки были абсолютно идентичны.

Наконец, он сипло втянул в себя воздух и спросил растерянно, как будто не слышал ничего из того, что сказала Лэя:

– Ты кто?

Лэя заливисто засмеялась и уже доверительно положила свою руку на запястье подростка:

– Я Лэя, твоя сестра! Правда, двоюродная, но это, надеюсь, не помешает нам поговорить? Давай спешимся здесь, у этого бревна, сядем рядком, да поговорим ладком.

– А это кто сзади? – Ренк недоверчиво покосился на Женьку.

– Это мой слуга – Женя. Прости, что так получилось, но нам надо с тобой серьезно поббеседовать и желательно без свидетелей.

– А он? – Ренк кивнул в сторону Женьки, спокойно стоящего на прежнем месте и слегка улыбающегося, любуясь Лэиным спектаклем.

– А он будет объяснять то, на что у меня не хватит ума! – смеялась Лэя. – Я вижу, ты все еще не доверяешь мне. А ведь все очень просто: если бы нам надо было тебя убить, мы бы давно это сделали! Давай, я тебе это докажу! – уже заливисто хохотала Лэя, умиленная явным затруднением царственного подростка. – Ренк Эльфор!

Я, Лэя Альк, вызываю тебя на бой на мечах! – золотой кошкой спрыгнув с коня, она встала и, показав парню язык, добавила. – Попробуй, откажи слабенькой девушке!

Этого принц снести не мог, и тоже соскочив с коня, встал в боевую позицию. Лэя весело продолжала подзуживать соперника:

– Если ты не потеряешь свой меч три раза подряд в течение пяти секунд или сможешь испортить мой наряд, то я, принцесса, преклоню перед тобой колени. А если потеряешь… ты поговоришь со мной и моим слугой. Идет?! – Лэя весело улыбалась. – Только учти! Биться со всей силы! – и, вскинув меч, выставила его вперед.

Возмущенный ее веселым нахальством, принц бросился сломя голову в атаку… и тут же оказался без оружия.

– Раз! – громко начала считать Лэя, подтолкнув своим клинком меч обратно своему хозяину. Не прошло и нескольких секунд, как над поляной звонко прозвучало "Два!" и "Три!".

– Ну что, идем беседовать?! – закинув меч в ножны и открыто улыбнувшись, Лэя протянула руку Ренку. Когда они уселись на бревно, Женька, все так же молча подошел поближе и уселся прямо на землю. Лэя начала беседу. – Ты видел, что могу я, но поверь, Женя может гораздо больше. Ему вообще-то и меч не

нужен. Жень, покажи Ренку что-нибудь!

Женька вскочил и вытащил из кустов заранее заготовленную палку толщиной в руку.

Он заранее тщательно примерялся, какую толщину он осилит. До положенной кондиции ладони нужно доводить годами и ломать руку ради спектакля ему не хотелось.

Небрежно кинув палку поперек бревна и уперев один ее конец в землю, он сконцентрировался и, крикнув на выдохе что-то вроде того, что кричит Мария Шарапова при подаче мяча, рубанул ребром ладони палку. К великому своему облегчению, он услышал треск дерева, а не собственных костей. Но все равно, ему пришлось терпеть дикую боль в руке и скрывать навернувшиеся слезы хищной гримасой. Спасибо Лэе – она опять взяла Ренка под свой контроль:

– Если хочешь, можешь попробовать сломать палку ногой, но вообще-то не советую.

А вот мне один раз довелось слышать, как трещат кости черепа одного бедняги, когда Женя стукнул того немножко. Жуть! – Лэя очень правдоподобно содрогнулась, видимо вспомнив несчастного монаха. – А еще он, например двумя пальцами может вырвать горло, причем так быстро, что жертва еще успеет налюбоваться видом своих внутренностей! Брр! Самой страшно!

Женька, наконец, кончил бегать вокруг них, якобы относя палку в кусты, а сам, растирая горящую от боли руку. Он уселся напротив Ренка и спокойным, серьезным тоном сказал:

– Нас просили тебя убить! – и замолчал. Видя, как осунулось от страха лицо мальчишки, он понял, что уже достаточно его напугал, и продолжил психологическую обработку будущего монарха. – Но я не люблю убивать. Я им сказал, что убью тебя только в том случае, если ты не поверишь принцессе и мне. Я вижу, ты умный парень, так что, надежда есть, – и обратившись к Лэе, попросил. – Моя принцесса, начинай свой рассказ! Теперь все зависит от тебя!

Лэя начала с того, что стала восполнять генеалогические знания Ренка, заодно заверив, что ее не интересует престол, и она не собирается становиться у того на пути.

– У меня есть занятия поинтересней, я не привыкла командовать, да и моя свобода мне дороже. Кроме того, есть одна очень существенная причина, кстати, приведшая меня сюда: я ведьма! Ты знаешь, кто такие ведьмы?..

После всех объяснений Ренк все же согласился, чтобы Лэя "посмотрела" его будущее.

Это был кульминационный момент всего похода. Она должна была точно определить, будет ли именно Ренк причиной гибели

Сэйлара или им придется искать кандидата на эту роль среди других отпрысков семьи Эльфор, а то и еще хуже – кого-нибудь из дальних родственников императора. Она попросила Ренка сидеть тихо, а сама, сосредоточившись и закрыв глаза, взяла его руки в свои.

Перед ней поплыли различные картины: Ренк скачет в лесу, скорее всего, на охоте.

Потом всплыла картина какого-то приема в богато украшенной зале. Она стала мысленно задавать вопросы: будет ли Ренк императором? Сознания коснулась мысль:

"Да", и возникла сцена, где Ренк был, уже возмужавший, сидящий на троне, в королевской мантии. Будут ли покушаться на его жизнь? – "Да". Когда? – "19" и пошла картинка празднества, сменившаяся изображением сэйла со шрамом на лбу.

Потом дошла мысль "Доверяй матери". Он пойдет в страну Высоких Горизонтов? – "Да… может, нет". Пошла картинка войска, марширующего по лесу гигантских деревьев, потом сменилась толпой воинов, что-то мастеривших на берегу моря. Ренк сдвинет капсулу на горе? – "Его люди сделают это… нет". Сколько он еще проживет? – "30…40…50…65"…

Женька увидел, что Лэя стала заваливаться набок. Он молнией подлетел к ней и подхватил принцессу, готовую совсем свалиться с бревна.

– Лэя! Что с тобой?! – испуганно спросил Женька.

– Ой, простите! – совсем слабым голосом ответила Лэя, обвиснув на руках Жени.

Потом, передохнув, продолжила. – Спасибо, Ренк! Ты только что поверил нам, и мы спасли мир! Ты будешь императором, и, поверив нам, продлил себе жизнь.

– Сколько я проживу?

– Теперь, долго! Понимаешь цифра началась с тридцати лет, как и у всех, кого я до этого "смотрела", но тут же она стала расти и здесь я начала отключаться, но куда-то до восьмидесяти она успела уползти, так что долго! И еще, на тебя, как и на всех племянников императора достигших совершеннолетия, будет совершено покушение. Это будет, как и у меня, когда тебе будут праздновать 19-летие. И совершит его человек со шрамом на лбу, вот таким! – Лэя показала, как должен выглядеть шрам.

– Ну, так далеко ходить не надо, вон он лежит! – усмехнулся Женька. Ренк побледнел – тяжело узнать, что твой учитель станет смертельным врагом.

– Не советую пока ничего не предпринимать, а то изменишь себе судьбу, и подошлют к тебе кого-нибудь более удачливого. Лучше ждать до самых событий. Ты же станешь императором!

Здесь еще одна важная вещь – ты должен доверять матери. Как я поняла, она должна спасти тебя.

Ренк долго сидел, задумавшись. Затем, поднял голову и сказал с растерянным видом:

– Нет, это невероятно! Я не могу поверить.

Женька чувствовал, что они стоят перед почти неразрешимой проблемой. Чтобы они сейчас не рассказывали и не внушали Ренку, завтра утром, ну может, через неделю, он проснется и подумает, что это был забавный сон. А так же подумает, что когда-нибудь и, действительно, будет интересно взглянуть на то, что скрывает тайна страны Высоких Горизонтов. Нужно было что-то сверхъестественное, чтобы Ренк поверил раз и навсегда. И Женька нашел то, что могло убедить принца:

– Хорошо. Ты поверишь, если попадешь на небеса?

– Это как? – несколько испуганно спросил Ренк.

– Не бойся, убивать тебя для этого не надо. Просто нужно недельку прогуляться до одного места, откуда это восхождение будет возможно. А там ты получишь все объяснения, хоть от венценосного дедушки, хоть от ангелов.

А Ренк все никак не мог поверить в реальность происходящего. Лэя озадаченно смотрела на Женьку, не в состоянии что-либо еще придумать. И неизвестно, чем бы кончился их поход, если бы два события произошедших друг за другом не доконали сомнения принца. Сначала затрещали кусты, и на сцене появился недовольно ворчащий Хлюп:

– Сколько можно вас ждать, однако? Я уже гору грибов насобирал, опять их на кухне выкинут. Лэя, ты пожаришь мне немножко? Они все равно готовить не умеют!

Ренк обалдело смотрел на лонка. Потом, повернувшись к Лэе, тихо спросил:

– Так ты и в правду принцесса? – странно, но наличие настоящего лонка у Лэи послужило лучшим доказательством Лэиного статуса, чем тот же королевский кулон.

Ренк признался. – А у меня нет своего лонка.

– Это Хлюп, мы с ним выросли вместе, а теперь он мой главный защитник! – объяснила Ренку Лэя. Затем испуганно взглянула за спину Жене и крикнула. – Сзади!

Женька, натренированным с Лэей на занятиях по рукопашной прыжком отскочил назад и влево, разворачиваясь на ходу. Искать меч, оставленный у бревна рядом с Лэей, как и ругать себя за растяпство было некогда. Его уже рубил своим тесаком тот тип, которого он некачественно усыпил. Первый удар меча пришелся по пустому месту. Второго Женька совершить не дал, пролетев нападающему под мышку и с размаху влепив тому рукой сбоку

между ребер. Нападавший сэйл остался стоять, как соляной столб. Удар достиг цели, лишив соперника на время возможности дышать и совершать движения из-за болевого шока. Этого хватило Женьке, чтобы "ласково" взять его за руку чуть ниже плеча, придавив нерв, идущий вдоль внутренней стороны кости – это надежно сделало из сэйла послушную тряпку. Уже спокойно улыбаясь, он спросил Лэю:

– Девочка моя, я обязан тебе жизнью, но у меня еще вопрос – как ты себя чувствуешь?

– Ну, слава богу, значит мы квиты, два раза ты меня спасал – два раза я. А зачем тебе мои чувства? – облегченно играла словами озорная принцесса.

– У тебя хватит сил усыпить этого война гипнозом? А то я его совсем затравмирую своими "усыплениями". Зачем из человека, тьфу, сэйла делать инвалида?

– Смогу – это не то, что будущее считывать!

– Тогда, – Женька подумал.- Усыпи и внуши ему, что он просто ехал с Ренком.

Лошадь споткнулась. Он упал и, ударившись, отключился. И по счету Ренка раз-два-три он проснулся бы. Сможешь?

Лэя просто сказала сэйлу:

– Спи! – и тот окончательно обмяк в руках Женьки. Скоро он спокойно посапывал на лужайке, а прерванный разговор с принцем продолжился. Ренк, видимо, находясь под впечатлением боя, серьезно спросил Женьку:

– А биться так научишь?

Женька так же твердо и спокойно ответил.

– Нет.

– Почему?

– Ты хочешь убивать. Эта борьба для тех, кто хочет защищать. Тебе надо научиться любить сэйлов, но тебе нельзя – ты будешь монархом. И потом, эта борьба не с Сэйлара. Она из другого мира и я не имею права приносить чужие знания, без спроса, в ваш мир.

Ренк надолго задумался. Затем сказал:

– Я поверю вам на двух условиях: если вы покажете мне небеса и если ты научишь меня борьбе – чувствовалось, что он уже умел давать королевское слово, и спорить с ним было бесполезно.

Женьке удалось выторговать только одну уступку:

– Хорошо, я научу тебя приемам обороны, но не нападения. Но все равно, тебя даже с мечом будет трудно достать. Но ты, в ответ, пообещаешь никого не учить этим приемам. Пусть они останутся твоей тайной.

– Я согласен.

– Тогда, завтра встречаемся на этом же месте. Вещей и денег не нужно. Ты сможешь подъехать один?

– Попробую. Надо только "покапризничать" и отослать учителя в замок.

– Тогда, тебе надо сделать еще одно дело, – сказала Лэя. – Ты должен написать письмо маме. Попроси у мамы прощения за переживания, которые причинишь ей.

Напиши, что ты в безопасности и через две-три недели будешь дома.

– И чтобы они не искали тебя, так как это может только навредить тебе, – съехидничал Женька и заработал сердитый взгляд Лэи.

Оставив принца со спящим учителем на лужайке, вся троица поспешила удалиться в лес. Они уже вывели коней на дорогу, обойдя замок, когда Лэя сказала:

– Я ему не сказала: в этих картинках из будущего в нем чувствовалось много злости. Я не знаю, как, но мы должны научить его любить окружающих до того, как судьба изломает его характер. Сейчас еще не поздно, он просто пока не знает, как относиться к сложному положению венценосного изгоя.

– Боюсь, как бы, когда мы приведем его к ангелам, они не решили бы его совсем забрать к себе! Одно успокаивает – это им не удастся без моей помощи.

– Почему это? – удивилась Лэя.

– Потому что у нас всех есть (в том числе будет и у Ренка) очень сильный козырь в астрале! Мы всегда можем удрать из астрала в свои тела, и никто там не может этому воспрепятствовать! – усмехнулся довольный Женька и вспомнил слова Лэи о том, что они квиты по спасению друг друга. – Кстати, а когда я тебя второй раз спасал? Ты меня – от этого маленького монаха, а я тебя – если только от того же монаха.

– На самом деле, ты даже три раза меня спас. Первый – когда я чуть не упала с лестницы на горе.

– Ну, сначала я же тебя чуть и не угробил! – буркнул Женька.

– Второй – от монаха с патрулем спас, – продолжала Лэя. – А третий – два дня назад. -?

– Забыл? Эх ты! Ну-ка, посмотри мне в глаза! – весело, но немного укоризненно скомандовала Лэя, и Женька все понял, опять увидев озорные искорки в оживших изумрудах, обрамляющих черные алмазы вертикальных зрачков.

– Да, и опять, я тебя чуть не угробил! – со стыдом признался Женька.

***

Обратно в долину они продвигались другой дорогой. Просчитав по карте, что расстояние домой будет немногим длинней, чем от столицы, они двинулись еще немного на юг. Правда, перед выходом им пришлось разыграть небольшой спектакль.

С постоялого двора они выдвинулись на север – обратно в Венлу, но, проехав с полмили от деревни, спешились и, взяв лошадей под уздцы, лесом, обогнули по дуге село, таким образом, вернувшись на дорогу к замку. Лэя с Хлюпом продолжили движение, перейдя замковую дорогу, и лесом вышли на тракт, но к направлению, ведущему на юг, в сторону города Молам. Там, у тракта они и остались ждать Женю с Ренком.

Женька же, уже знакомой лесной дорогой, поскакал на встречу с принцем. Он сильно волновался. Если Ренк передумал и оставил для него засаду из замковой стражи, то их миссия, считай, что провалилась. Оставалось уповать на то, что принц, по молодости лет, был еще не искушен в придворном коварстве. Да и где ему было учиться этому искусству, когда он был в пышно оформленной, но все же, ссылке?

К счастью для Женьки, никакой засады не было, и Ренк появился один, почти в то же время, что и вчера. Пронаблюдав, что за принцем нет "хвоста", "слуга" принцессы выехал из укрытия и поприветствовал начавшего волноваться парня:

– Молодец! Слово принца ты держать умеешь!

– Едем?! – коротко спросил Ренк и Женька, кивнув, поскакал вперед.

Выбравшись на тракт, и немного проехав по нему, они услышали озорной посвист из леса. Женька тут же натянул удила.

– Вот уж не знал, что принцессы умеют так свистеть! – весело ответил он, выбирающейся из леса Лэе.

– А это кто? – Ренк удивленно уставился на простоватого вида девушку и мальчика-сэйла.

– Не узнаешь?! – спросила девица и на миг черты ее физиономии поплыли, и сквозь марево проступило Лэино смеющееся лицо и тут же исчезло. – Забыл? Я же ведьма!

Подожди минутку! – девица достала зеркальце и протянула Ренку. – На, посмотрись!

Ренк взял зеркальце и, взглянув в него, чуть не выронил их рук. Из него выглядывал незнакомый деревенский парень. К реальности его вернул веселый окрик:

– Осторожней! У меня одно зеркальце. Во что я буду

рассматривать свою новую прекрасную рожицу?! Не бойся! Ничего с твоей физиономией не произошло. Это я просто всем вокруг внушаю, что мы выглядим по-другому. Вот доберемся до дома…

– Лэя хитро-многозначительно оборвала фразу, и Ренк так и не понял, что она сможет сотворить с ним у нее дома. Он только мужественно сжал поводья и припустил вскачь за Женькой.

Завидев деревенские дома впереди, Женька свернул направо по тоненькой лесной дорожке. Где-то от этого села начиналась нужная им дорога на запад, выходящая через несколько деревень к Рестану. Проплутав около мили по тропинкам, они выбрались эту на дорогу. С трактом ее, конечно, сравнить было нельзя. Зато рассерженного ими патруля здесь ждать не приходилось, как и, вообще, любого патруля. Так они и проскакали почти до самого Рестана без особых приключений, ночуя в гостевых избах придорожных сел, часто прямо на полу, на каком-нибудь сеннике.

Женька всю дорогу сильно волновался. По-сути, у него на руках было три ребенка.

Несмотря на то, что Лэя фактически была взрослой женщиной, он не мог не относиться к ней без какого-то отеческого чувства. Ему все время казалось, что он должен ее оберегать и охранять, сам не зная от кого. А она только поддразнивала его, прекрасно чувствуя его заботу, но все время показывая, что она и сама не промах. Замаскированный землянин ловил себя на том, что подпорченный вид Лэи почти никак не влиял на его чувства к ней. Он все время как бы представлял ее настоящее лицо под этой маской. К тому же ее хулиганские и опять веселые глаза оставались прежними.

А вот Ренку было не все равно, как выглядела Лэя, что было заметно по его неумелому ухаживанию и взгляду, который буквально прилипал к лицу Лэи, когда она иногда, на привалах сбрасывала маски со всех участников похода. Кажется, Лэя переборщила с психологической обработкой принца, и подросток влюбился первой, еще неумелой любовью в свою кузину. Женька, посматривая на это со стороны, грустно заметил про себя: "Вот тебе, старому хрычу и достойный конкурент нашелся.

Не один ты умеешь боготворить принцессу!" Но в остальном с ребятами не было никаких проблем. Женька только удивлялся, насколько эти царственные отпрыски были неприхотливы. Чувствовалось, что Ренк готов терпеть и большие лишения, ради возможных приключений, не сетуя ни на длинную и скучную дорогу, ни на душные маленькие избы, ни на привалы на открытом воздухе. Много ли земных, современных, совсем не царственных подростков смогли бы вот так, изо дня в день

скакать и ночевать без всяких удобств?

Последнюю ночевку перед Рестаном они сделали в лесу, так как солнце почти садилось, а никаких деревень в округе не предвиделось. Пришлось в спешном порядке выбирать место для лагеря и рубить ветки на подстилку и костер. Они успели только к самой темноте. Костер разводили уже на ощупь. Хорошо, что сэйларские кони тоже были неприхотливы и не требовали особого ухода. Пару пригоршней зерна и трава на лугу с водой из ручья – вот и все, что им требовалось в дороге. Стреножив их при свете костра, Ренк с Женькой вернулись ко вновь обретшей красоту Лэе, споро готовившей походный ужин. В котелке уже варилось то же зерно, что скармливали лошадям, а из сумок были вынуты сухие лепешки и вяленое мясо.

– Да, Ренк, редко кто может похвастать, что кашу ему варила сама кронпринцесса! – патетически растягивая слова и довольно ухмыляясь, заявил Женька.

– Да ладно тебе выпендриваться! – рассмеялась Лэя. – Здесь просто больше некому прислуживать, Все какие-то ненормальные: принцы, принцессы, ангелоподобные чудища…

– Это кто чудище? – переспросил заинтересованно Ренк.

– Это я – джин из бутылки. Когда попадем на небеса, ты увидишь, какой я на самом деле страшный. Представляешь, почти весь голый, без шерсти. – Женьке понравилось пугать Ренка. Тот явно дрейфил перед такими жуткими обещаниями, но пытался держать королевскую марку, в чем ему немало помогало мальчишеское любопытство.

– Не пугай мальчика! Страшилище! Он хороший! – Лэя хотела просто пошутить, но оказалось, больно задела подростковое самолюбие, назвав того мальчиком.

Ренк вскочил и молча отошел в сторону. Лэя тихо ойкнула и побежала за ним.

Женька не понял, что уж она такого там ему наговорила, но вскоре они, оба довольные, держась за руки, вернулись к костру.

– Ну вот, теперь видно дружных брата с сестричкой! – Женька невольно надавил на утверждение, что они брат с сестрой, почувствовав слабенький укол ревности.

– А ведь и правда, – сказала погрустневшая Лэя. – Не считая царствующего дядюшки, ты и твоя семья – единственные мои близкие родственники. Нашего дядюшку можно назвать поджигателем. Вся семья дяди Глена, мои родители,… кстати, ты сможешь со всеми ними скоро познакомиться. Ренк, это может быть звучит глупо, но постарайся в жизни быть добрее. Я уже обещала тебе, что никогда не буду претендовать на престол. Пообещай и ты мне, что будешь добрым правителем, как наш

дедушка, а не таким злым как дядя.

Ренк на удивление серьезно задумался и сказал:

– Невозможно быть всегда добрым, обладая такой властью. Всегда найдется кто-то, кому делаешь добро, и кто-то, кому причиняешь этим действием зло.

– Да, слова не мальчика, но мужа! – оценил правдивый ответ Женька. – Это, действительно мудрый ответ. Но за мудростью легко прячется лукавство. Лэя просит у тебя сочувствия, и стараться не творить зло там, где без него можно обойтись.

Только и всего.

– Хорошо, я обещаю. Но хорошо тебе рассуждать, а как я должен относиться к тому, что мою мать сослали из столицы?!

– Ренк, но это не повод обижаться на весь мир! – воскликнула Лэя. – Посмотри на меня, разве я злюсь на тебя, Женю или Хлюпа? А ведь у меня было гораздо больше поводов для озлобленности и мести. Только любовь к другим может сделать тебя свободным от камня озлобленности, который висит на твоей шее.

– Хорошо, – немного с надрывом признался Ренк. – Вот я, признаюсь тебе, что люблю тебя! Что ты на это скажешь?!

Лея молчала. Что сказать ребенку, только что вступившему на стезю горькой взрослой жизни?

– Я же для тебя старуха! – деланно-весело воскликнула она, наконец. – И потом, мы же близкие родственники.

– Ты самая красивая девушка, которую я встречал! А такие родственники, как мы, частенько женятся.

Чисто интуитивно, Лэя нашла, как объяснится. Она встала, подошла к Ренку и присела перед ним на корточки, заглянув тому в глаза так, что ему некуда было деваться.

– Ренк, – серьезно сказала она. – Поверь, ты очень красивый, умный и волевой парень! Недаром мы с тобой одной крови. Я успела очень полюбить тебя, как брата, но не разрывай мне сердце еще одной скорбью. Оно занято другим, и я уже ничего с этим не смогу поделать. А тебе лучше вырвать сразу эту мысль из головы и сердца, чтобы не мучить себя напрасными надеждами. Я перед тобой честна и не давала тебе никаких поводов для любви.

Ренк довольно долго молчал, сидя перед Лэей прикрыв глаза. Потом открыл их, и в них явно заблестели слезы.

– Спасибо за честность. Но сердцу не прикажешь. А ты можешь сказать, кто твой избранник?

– Нет… я не могу, да и зачем? Хочешь, я лучше буду все время в маске?

– Нет, я итак скоро расстанусь с тобой. Дай мне хоть иногда полюбоваться твоим лицом.

Лежа в сторонке, Женька, отвернувшись, торжествующе ухмылялся. Ему было стыдно, но все равно, приятно. Ради его лысой хари только что принцесса отказала принцу.

Он уже почти стал проваливаться в дремоту, когда почувствовал тычок в бок и услышал притворно сердитый шепот Лэи:

– Что "папашка", небось, лежишь тут и ухмыляешься. Ну-ка, быстро посмотри мне в глаза!

Женька не в силах скрыть довольной улыбки, повернулся к Лэе. Она, воспользовавшись минуткой, когда Ренк отошел по естественной надобности, подсела к Женьке.

– Так! Быстро! – она схватила его за плечи и уставилась ему в глаза. – Я опять несколько дней вынуждена обходиться без твоих глаз! Это нечестно! Ты сам обещал больше не оставлять меня одну!

– Я весь в твоем распоряжении – хоть веревки вяжи, хоть режь на кусочки! – мурлыкнул Женька, как мартовский кот, объевшийся сметаны с валерьянкой пополам.

– Слушай, что с мальчиком-то делать? Ведь он серьезно. Жалко его.

– Я думаю, ты сделала все, что могла. Никто не может пройти мимо этого. Знаешь, сколько раз я разбивал сердце себе и другим? На руках пальцев не хватит сосчитать. Это надо просто пережить. Несчастная любовь тоже делает человека лучше, – Женька помолчал, и его глаза опять приняли хитрое выражение. – А ведь и правда, лучшей партии для тебя не найти! Представляешь, все вокруг будут довольны и счастливы! Проблемы престола разрешены! Сэйлар спасен! Монарх в надежных и умных женских руках. Красота!

– Дурак! – шутливо обижаясь, надула губки принцесса. – Я тебе серьезно, а ты…

Ты же сам мне столько плел о свободе и сострадании. По-моему ты уже совсем "освободился" до полной бессовестности!

– Я же пошутил! – жалостливо воскликнул, идя на попятную, Женька – Я тоже! – озорным голосом припечатала Лэя и чмокнула Женьку в щеку (видимо ей понравились новая целовальная практика, введенная Женькой в обращение между ними) и упорхнула на свое место у костра.

А потом случилось то, за что Женька не мог себя простить еще долгое время, а именно – за свое головотяпство. Слишком он расслабился в абсолютно незнакомом ему мире, и ничто не помогло бы ему сохранить доверенных ему судьбою детей, если бы не они сами и способности Лэи.

Все дети беспечно спали, возглавляемые своим безмозглым

астрально-бутылочным джином Женькой, когда почти абсолютная мгла ночи начала понемногу рассеиваться серебристым заревом звездного рассвета. Было бы проще, если бы на лагерь напали звери, пусть даже солки. Тогда, первой их целью были бы кони. Но путникам "повезло" быть замеченными двуногими зверьми, которые выслеживали свою добычу с вечера и выбрали для нападения самое верное время, когда крепкий сон сковывает сэйлов, но звездный рассвет уже дает возможность видеть разбойникам свои жертвы.

Женька проснулся с вывороченными назад руками и сидящим на нем нечесаным детиной.

Вывернув голову набок он увидел Ренка и с Хлюпом, тоже схваченных и удерживаемых полудикими выходцами из окрестных сел. Но самое страшное, он увидел Лэю в порванном платье, и у него не возникло никакого сомнения в намерениях двух битюгов, схвативших в свои грязные лапищи ее хрупкое тело. Еще мгновение и свершиться непоправимое! Женька титаническим усилием попытался скинуть гориллообразного сэйла со своего загривка, но не успел ничего предпринять, как юная принцесса сама о себе позаботилась. Внезапно над поляной раздался протяжный вой нескольких мужиков, в том числе и Женьки, схватившимся за свое лопнувшее в буквальном смысле этого слова мужское достоинство. Сцена была дикая: толпа безумных мужиков с окровавленными лохмотьями вместо их былой гордости металась, избиваемая девчонкой, с одной стороны, и сокрушаемая в капусту подростком, с другой. Женька не смог еще опомнится от болевого шока, как на поляне все стихло.

И вдруг все болевые ощущения пропали. Женька, ничего не понимая, воззрился на свои штаны, те были на месте и никаких кровавых рек не наблюдалось. Он так и плюхнулся на пятую точку, беспомощно ощупывая пребывающие в целости и сохранности телеса.

– Женя! Ты цел?! – сквозь розовый туман совсем не розовых ощущений, к нему прорвалось лицо принцессы, трясущей его за плечи. – Ой, прости миленький, я была в шоке и просто от злости подумала, чтоб им всем их причиндалы разорвало! Ой, какая же я дура! Я же и тебя внушением зацепила! – Лэя попеременно трясла и гладила Женьку, даже, впопыхах, сначала схватила его за место, которое должно было разорваться, но, тут же страшно смутилась и продолжила приводить своего "защитника" в чувство приличными средствами.

Постепенно до всех начало доходить, что произошло на поляне. Женька выплыв, наконец, из своих переживаний по

утерянным мужским достоинствам, сообразил, что на поляне валяются пять мужских тел. Зрелище было неприглядное. Лэю трясло, как в лихорадке, Ренк побежал в кусты опорожнять желудок. Женька встал и, взяв себя в руки, начал осмотр без доблести "павших". Два были зарублены насмерть Ренком.

Три валялись без рубленых ран, но у одного явно отсутствовали какие-либо признаки жизни, и только у двоих прослеживался пульс. Женьке хотелось задать беспомощно-риторический извечно русский вопрос: "Что будем делать?" Но, глядя на несчастных, трясущихся детей, справившихся с бандой разбойников, он понял, что если он и сейчас начнет взваливать ответственность решения на их хрупкие плечи, то он продолжит быть большой свиньей, каковой проявлял себя с завидной регулярностью.

Так что, взяв Лэю на руки, как маленького котенка, который сразу же доверчиво прильнул к его груди, он отнес ее с поляны поближе к дороге и, посадив ее на траву, прислонил спиной к дереву. Погладив ее по голове, он шепнул:

– Спасибо принцесса, ты спасла всех! Остальное сделаю я. Вы просто отдохните здесь с Ренком и Хлюпом.

Женька побежал опять на поле боя, и, на ходу бросив почти плачущему Хлюпу, чтобы он шел защищать и успокаивать хозяйку, сам разыскал бледного парнишку и, вспомнив что-то из "забитых" в него правил этикета, встал на одно колено перед ним, и официальным тоном сказал.

– Принц, я в восхищении и неоплатном долгу перед Вами! Сегодня я не выполнил свои обязанности, а Вы спасли принцессу и всех остальных своими быстрыми и смелыми действиями. Прошу Вас пройдите к принцессе и помогите ей справиться с шоком после всего этого ужаса, а я займусь приведением этого места в порядок.

Ренк, воодушевившись этими словами, пошел утешать Лэю, а Женька принялся за грязную работу. Сам виноват – беспечно прошляпил разбойников, теперь, хотя бы на роль уборщика сгодиться! Долго ли, коротко ли он возился, но, в конце концов, предстал перед не выспавшимися и измученными детьми с навьюченными конями и двумя битюгами, стоявшими со связанными руками, и злобно поглядывавшими на Женьку.

– Сейчас доберемся до ближайшей деревни и сдадим их старосте – пусть делают с ними, что хотят! А мы лучше отъедем подальше и остановимся в лесу днем. Там можно заодно и поспать на солнышке.

Женька помог своим уставшим спасителям сесть на лошадей и, связав пленников, подцепил конец веревки к седлу своей

лошади.

– Ну что, лихие ребятушки?! Никогда за лошадью не бегали? Не советую падать, приятного будет мало! – скомандовал он пленникам и пустил коня быстрым шагом.

Жалости к болтавшимся сзади бугаям он не ощущал…

Только на второй после этого случая ночевке – последней перед входом в долину, Женька, улучив момент, лукаво спросил у Лэи:

– Слушай, а чего это у всех мужиков все полопалось, а Ренку было хоть бы хны?

Лэя, сначала не поняв, потом быстро сообразила и тихо засмеялась, еще раз подтвердив, что они понимают друг друга с полуслова:

– Что, тешишь свое мужское самолюбие? А ты, оказывается, еще тот ревнитель!

– Ну, надо признать, мне приятно, что ты чисто интуитивно не отнесла его в разряд мужчин, – и тут же перешел в наступление. – Однако обидно, что записала меня в отряд бандитов-насильников.

– Было у меня время думать! – фыркнула принцесса.

– Вот это-то и приятно, что все на автомате было. И все-таки, хорошо, что оттуда было далеко до долины – не ограничься все только внушением, и пришлось бы тогда возвращать Зару поврежденное тело!..

Радости Илаира и всех его домочадцев не было предела, когда они увидели приближающуюся к их дому конную процессию. Он честно признался, что сидеть на месте и переживать за неизвестно где пропадающих детей, было сверх его сил.

Отдохнув одну ночь в Лэином доме, маленький отряд, сменив обмундирование, отправился пешком в сторону магнитной пещеры. Женька нес с собой приготовленный им и Лэей запас противного горького лекарства, так необходимого для выхода в астрал.

Самым важным итогом похода Женька считал перемену в характере Ренка. Благодаря нападению разбойников, тот, наверно, впервые по настоящему узнал, что такое чувство локтя и выживание с друзьями, и какое ощущение дает осознание того, что возможно, благодаря его атаке, была спасена принцесса и Хлюп. Ренк чувствовал благодарность Лэи и Женькину виноватость. Таким странным образом, разбойники невольно оказались лучшими воспитателями будущего монарха. И еще одна не менее важная перемена произошла с принцем. Женька заметил, что под благотворным влиянием насмешек и

подбадриваний Лэи, он научился смеяться, как над окружающим его миром, так и над собой, а это верный признак зарождающегося чувства свободы в душе. За несколько дней Ренк научился жить в новом мире – не в мире слуг и хозяев, а в мире равных партнеров, где взаимоотношения зависят только от душевных качеств. В результате, к пещере подходил уже совсем другой, юный, но уверенный в себе и освободившийся от массы глупых условностей сэйл.

ГЛАВА 13. МЕССИЯ-ЭГОИСТ

Длившаяся без малого тридцать дней миссия по спасению Сэйлара подходила к своему логическому, и, казалось бы, вполне удачному финалу. Путники подошли к конечной цели своего путешествия – входу в магнитную пещеру. Женька ностальгически вспоминал местность, в которой он первый раз в шкуре Зара оказался на Сэйларе.

Но вместо радости от удачно выполненного дела, которая должна была бы переполнять его, он чувствовал тяжесть от предстоящей разлуки. Его дело здесь сделано, а его тело на Земле заждалось своего хозяина. Наступил тот страшный для них с Лэей момент, о котором он с самого начала предупреждал ее. Последние два дня Лэя все больше замыкалась, ее взгляд опять потух, и друзья не слышали ее веселых шуток. Женька чувствовал, что на нее, так же как и на него, давит осознание неотвратимого конца их отношений, надвигающегося с приближением пещеры.

И вот они встали перед входом в темноту, словно скрывающую тайну входа в астрал.

Всех путников одолевали совершенно разные чувства. Женя угрюмо обдумывал свои дальнейшие действия в астрале и на Земле. Ренк с жадным любопытством всматривался в темноту пещеры. Хлюп деловито оглядывал окрестности. И только Лэя совсем поникши, казалось не замечала ничего вокруг.

– Ренк, – Женька попросил, грустно взглянув на принца. – Я ухожу из этого мира – ты скоро поймешь, что я имею в виду. У меня к тебе две просьбы. Я, может, повторюсь, но это очень важно: никому не рассказывай о том, что с тобой здесь произойдет. Это может привести к ликвидации вашей цивилизации и без нарушения гравитационной линзы. Иначе сказать, то, что ты узнаешь здесь – абсолютная тайна, даже на небесах. И второе – Лэя открылась тебе и теперь, фактически, будет беззащитна, если ты приведешь сюда солдат или инквизицию. Она пошла на то, чтобы посвятить тебя в тайну, стараясь избежать твоей гибели и заставить тебя поверить действительному положению вещей. Я не смогу больше защищать ее оттуда, с небес, и поэтому, единственное, что мне остается, это надеяться на твое благородство и дружеское отношение к сестре.

– Можешь положиться на мое слово. И спасибо тебе. Я научился смотреть на мир другими глазами и обрел совсем другие ценности. И среди них, самая большая ценность – хорошее расположение ко мне и счастье моей сестры, – Ренк медленно,

обдумывая каждое слово, отвечал Женьке. – Хотя… мне кажется, твой уход неправилен. Я понял, кому принадлежит ее сердце… у меня такое чувство, что, уходя, этот кто-то забирает свет из ее глаз. Не слишком ли это много?

Женька не мог ничего сказать на этот вопрос, так как у него не было ответа. Он просто не знал, что делать ни с Лэей ни с самим собой. Она была опять близка к тому состоянию, в котором оказалась после их размолвки в Венле. Но он никак не мог придумать, что предпринять сейчас, чтобы хоть как-то придать ей сил. Никакая ложь во спасение не поможет – они слишком хорошо чувствуют друг друга. И сейчас их сердца в унисон тосковали в предчувствии скорой разлуки. Единственное, что он мог пообещать ей – это встречаться в астрале, но это означало привязать ее к этой заброшенной богом пещере. Женька так и прометался между желанием отозвать Лэю и поговорить с ней по душам и страхом за то, что ему нечего ей сказать.

Время неумолимо шло и они, так ничего и не придумав в своих отношениях и планах на будущее, разбили лагерь на пороге пещеры. А затем, по уже знакомой схеме, приготовились выходить в астрал…

Женька первый "очнулся" вне тела. Затем появилась Лэя и Ренк. Женька сразу стал объяснять Ренку, что произошло:

– Твоя душа вместе с нашими вышла на изнанку мира. Посмотри на свое тело – оно смирно спит без хозяина. Изнанка – это астрал, пронизывающий весь реальный мир.

Сейчас мы выйдем в чистый астрал, в котором нет пространства, и из которого и состоят наши души… – Женька осекся на полуслове и молча сглотнул несуществующий ком в горле. Его сознание обожгла мысль, и ужасная, и прекрасная одновременно.

– Ну что, идем? – скучным тоном спросила Лэя.

– Постой! – испуганно сказал незадачливый руководитель экспедиции. – Я не могу сейчас идти туда.

– Почему?

– Позже объясню. Сейчас иди на свою лужайку, и зови ангелов, а самое главное, мне нужен Буль ну, или Слава с Федей. Ты ведь помнишь их?

– Да.

– Попытайся их вызвать. А я пока покажу Сэйлар Ренку. Без ангелов нам его в астрал все равно не вытащить, а на свой мир из космоса ему, наверно, интересно будет взглянуть, – и повернувшись к Ренку, Женька спросил. – Как ты смотришь на то чтобы посмотреть на Сэйлар с поверхности Зелы или Далы?

– Это не опасно? – осторожно спросил принц.

– А что может быть опаснее выхода из тела? Ты уже итак наполовину умер, чего еще-то бояться? – усмехнулся астральный гид и попросил Лэю. – Ну принцесса, давай, лети на свою полянку, а мы пока здесь поболтаемся. Присылай ангелов сюда через полчасика, к тому времени мы вернемся из своего космического вояжа.

Лэя исчезла из видимости, а Женька, сцапав за руку принца, потащил того паровозом вверх. Удивляя парня космическими перспективами, он все время думал о новой проблеме, возникшей у них с принцессой. В последний момент от прыжка его остановили собственные слова про свободный астрал, вызвавшие в его голове ясную картинку слияния Славиной и Ташиной душ. В его мыслях появилось четкое осознание, что то же самое неминуемо произойдет и у них с Лэей сразу, как только они окажутся в свободном астрале, так как у их измученных душ не будет никаких сил противиться этому. Не смотря на всю свою любовь к принцессе, он не мог пойти на это вот так, с бухты-барахты. Нужно было сначала самому это осознать. Потом убедиться, что это никак не скажется на Лэе в реале. И самое главное, Лэя должна будет узнать это не от него и принять самостоятельное и взвешенное решение, подумав хотя бы несколько дней. Все-таки если их души сольются, они окончательно станут астральным существом, сильно отличающимся от обычных обитателей Земли или Сэйлара.

Через полчаса на изнанке пещеры собрался целый астральный консилиум, но самого нужного ангела, Буля – не было. Лен с Арсеном озабоченно воззрились на Ренка, а Женька сразу атаковал вопросами Славку. Скоро выяснилось, что Буль по полной программе отрывается на Земле и, улетев из России на самолете, болтается где-то в Европе, проматывая кладоискательские деньги. Однако приборчик у него с собой, и он регулярно здесь появляется, так что может вскоре подойти. У Таши растет животик, а Федька со Славкой активно помогают страдающим по обе стороны порога.

Женька отвел в сторонку Славку и шепнул:

– Я не могу с Лэей выйти в астрал.

– Что, у вас все так серьезно? – удивился Славка. Женька только кивнул, на что Славка расплылся в улыбке. – Поздравляю!

– Ты не понимаешь! – прошипел на него Женька. – Во-первых, мы с разных планет! А во-вторых, как мы будем жить в разных реалах?

– Ну и что? – морда недоделанного божества неудержиимо растягивалась в глупо-счастливой улыбке. – Какое это имеет значение? Даже наоборот, это как-то экзотично и поэтично!

Женьке хотелось ударить его чем-нибудь тяжелым, да где ж это тяжелое на изнанке найдешь?

– Ты, психотерапевт бездипломный! Будешь меня слушать или нет? Даже если это так, Лэе самой нужно принять решение, и рассказать об такой эволюции и всех возможных последствиях должен кто-то со стороны, лучше всего ее родители или Арсен. И дать ей время подумать!

Славка посмотрел внимательно своим божественным взглядом на грустно беседующую с ангелами Лэю и, хмыкнув, вынес диагноз:

– Пороть тебя надо – до чего девочку замучил! Откуда только берутся такие бесчувственные типы? Тебе самому-то не лень все рассчитывать? Не можешь, что ли чувствам своим доверять?

– Слушай, хватит! Мне и так тошно. Я сказал: чтобы ты или Буль рассказали беспристрастно все ее родителям, а те – Лэе. Все! Давай делом займемся.

Однако последующие события, заставили почти забыть об этой проблеме.

Озабоченность ангелов была вызвана совсем не появлением Ренка, которого они встретили с неожиданным радушием и чуть ли не любовью. В результате, Арсен увел с собой, ошалевшего от нового вида Женьки и проделанного космического путешествия, Ренка чтобы познакомить того с астралом и родственниками. А оставшийся Лен огорошил всех потрясающей новостью: Ренк не разрушит гравитационную линзу, и они, действительно, спасли мир, но только лишь на сотню лет. Книга Сэйлара начала читаться чуть дальше, но прервалась опять. Это означало, что кто-то другой все-таки доберется до капсулы, спрятанной на вершине вулкана. Лен суетливо объяснял, что это все равно здорово, так как они пошлют еще несколько мессий и, может, быть кому-то удастся изменить ход истории, но уверенностью в его словах и не пахло. Женька, почувствовав эту нервозность ангела, сказал:

– Не мельтеши! И так все ясно. Переходим к третьему плану. Значит так, нам с Лэей нельзя выходить вместе в астрал…

– Это почему? – удивленно прервала его принцесса.

– Доктор прописал! – неопределенно ответил Женька, кивнув в сторону Славки, и продолжил, пока Лэя не заострила внимание на этом вопросе. – Мне надо бы повидать Буля с Ташей. Сможет Зар посетить свое тело на один день до завтра?

– Попробуем договориться с ним, – ответил Лен. – Я думаю, он согласиться. Зар, кстати, много чему здесь научился, и не только мечом махать!

– Тогда, моя принцесса, готовься к новому походу! – Женька обернулся к Лэе. – Подумай до завтра, справишся ли ты? Ведь там

только такие, как ты способны выживать, а я с Хлюпом можем если только на подхвате постоять.

– Ты имеешь в виду страну Высоких Горизонтов? – настороженно спросила Лэя, но в глазах ее вместо страха начала светиться радость.

Женька ощущал схожие чувства. Казалось, он схватился за это сумасшедшее путешествие, как за соломинку, чтобы оправдать хоть как-то продление аренды Зарова тела. Тут же он заставил себя трезво посмотреть на вещи. Он, не стесняясь ни ангела, ни Славки взял руки Лэи и, сжав в своих ладонях, поднес к губам.

– Моя принцесса. Я должен быть пред тобой честным, – прошептал он, глядя в родные глаза, в которых начал загораться луч надежды. – Я бессовестным образом втягиваю тебя в эту авантюру, просто потому, что хочу подольше быть с тобой. Но ты даже не представляешь, что это такое и куда мы пойдем.

– Это ты зря! Я таких страшных историй про этот мир начиталась, что меня трудно еще чем-либо напугать! – радостно ответила юная волшебница.

– Но все ты знать не можешь. Да, тебе известно, что там может выжить только волшебница. Но не это самое страшное – с твоей силой, ты должна справиться.

Самое страшное, это погибнуть там. В этой стране изнанка смешивается с реалом, а может еще и с четвертым измерением. В общем, сами ангелы не разберут. Проблема в том, что в этой области астрал с реалом становиться "вязкими" и, скорее всего, если душа освободиться от тела там, она увязнет в изнанке и не сможет выбраться в чистый астрал. А это означает, что всякий погибающий там, погибает навсегда. А ведь нам даже отсюда – самой ближней точки, придется пройти около пятисот миль, переплывать самое малое сто пятьдесят – двести миль по внутреннему морю, а потом подниматься на гору высотой, может тридцать, а может сорок миль. И все это делать в совершенно неизвестных условиях. При этом ты не имеешь права сделать одну вещь.

– Какую? – серьезно спросила Лэя.

– Умереть! – серьезно ответил Женька. – Знай, если с тобой что-нибудь такое случиться, я тоже пойду за тобой в небытие. Да в этом и особой нужды не будет – меня просто туда отправят вслед за тобой местные обитатели. Давай сделаем так: ты сейчас пойдешь в астрал, навестишь родителей и родственников, а потом вернешься в тело до завтра. А я подготовлю свои тылы в земном астрале. За это время мы все обдумаем и подготовим. Потом совещаемся здесь и, если не передумаем, то идем в страну

Высоких Горизонтов исправлять ошибку местного создателя.

– Вообще-то это вдохновляет – исправлять ошибки богов! – рассмеялась Лэя.

– Да, судя по твоей реакции, все предупреждения напрасны! – не менее весело констатировал Женька. – У нас на Земле в таких случаях говорят: помирать, так с музыкой!

– Что ж, тогда желательно с веселой! – беззаботно отмахнулась Лэя.

Проводив Лэю в астрал, Женька скомандовал Славке:

– Ну что, идем к тебе в гости?

– А как же, с тебя отчет о проделанной работе! Летим к нам в чулан!

Через мгновение они выбирались из телепортационной кладовки в Славкином доме.

Видимо, их связь с Ташей работала исправно, так как та уже ждала их, собирая на стол закуски.

– Ух ты! – восхитился Женька увидев пополневшие Ташины формы, и спросил, обнимая и целуя ее в щечку. – Как ты прекрасно выглядишь! Уже скоро, наверно?

– Чуть больше месяца осталось, – гордо улыбалась Таша. – Слушай, а ты какой-то другой стал!

– Да, могу запросто в сэйла превратиться! В принципе, мне уже почти одинаково привычно в любой шкуре ходить.

– Да, это конечно, но я о другом. Ты раньше не такой решительный был. Во всяком случае, так целоваться не подошел бы, а сначала мялся хотя бы минутку.

– Может быть потому, что под смертью походил, да сам к этому руку приложил. А это, знаешь, огрубляет душу, – признался Женька.

– Нет, грубее ты не стал. Скорее, наоборот, ты боишься огрубеть. А вот смелее стал, как будто знаешь, что тебе нужно.

– Да это просто он раньше к тебе неровно дышал, а теперь все его мысли крутятся вокруг одной премиленькой пушистой принцессы! – съехидничал Славка.

– Так, во-первых, не пушистой – ты слеп, если не разглядел, какая прекрасная атласная шерстка у ней! А во-вторых, к Таше я, как питал самые лучшие дружеские чувства, так и питаю. Хотя, надо признаться, покрытые этим гладким, тонким мехом женщины мне стали нравиться несколько больше чем земные!

– Слышала бы сейчас твоя принцесса, как ты признаешься в любви сразу ко всем женщинам двух планет! – продолжал смеяться Славка.

– А для меня сейчас все женщины сосредоточились в одной! – отпарировал Женька и вздохнул. – Хотя между нами ничего

такого и не было…

– Ну и правильно, а то вскружил бы бедной девушке голову и смылся на другую планету, – одобрила его Таша и рассмеялась. – Ты теперь только свое тело назад от ангела получи, а то он его уже, по-моему, основательно заездил!

– А! Бог с ним с этим телом! Кажется, не до него будет. Миссию вроде бы и выполнили, да толку, ни какого. Надо что-то радикальное делать!

– Ради – чего? – переспросил Славка.

– Ради кого, – поправил Женька. – Ради сэйлов с их цивилизацией.

– А мне кажется, ты опять намылился к своей принцессе! – внес корректировку их астральный психотерапевт.

– Не спорю, но тут дело серьезное, надо бы Буля для совета привлечь. И, кстати, проблема нашего слияния пока откладывается!

– Все мальчики, садимся и ждем Буля за столом! В ногах правды нет! – скомандовала Таша, приглашая всех за стол с угощениями. – К тому же надо успеть отведать угощений до его прихода, а то он всю еду уничтожит в момент – на Земле-то больно не разъешься!

Женька, при виде привычной еды, вроде жареной рыбы, салата из овощей, натурально пустил слюни. Оказывается, он, несмотря на вкусную пищу на Сэйларе, страшно соскучился по простым земным продуктам. Потом вдруг до него дошли Ташины последние слова:

– А что, он там мое тело до безобразия не раскормит? С него станется! – но они не успели ничего обсудить, как у Славы прозвенел мобильник. Ангел был легок на помине и, выйдя в астрал, сразу связался с ним.

– Сейчас будет! – произнес Славка, и почти тотчас к ним ввалился, как всегда растрепанный, Буль.

– Слушай, сколько мое боди весит на данный момент? – без предисловий спросил Женька, сграбастав ангела в объятия.

– Первый раз меня так обнимает душа мужского пола! – просипел Буль, пытаясь увести разговор со скользкой темы.

– Ты не увиливай!

– Ну подумаешь, килограмма четыре-пять прибавило, – виновато признался ангел.

– В следующий раз, чтобы тело сдал в том же виде, каком забирал, а то в астрал не пущу! – прессинговал Женька.

– А что, правда, не пустишь? – с надеждой спросил ангел, и Женька понял, что выбрал явно не тот метод шантажа.

Постепенно пустая болтовня перешла к серьезным

разговорам, и Женька озадачил своих божески-ангельских друзей главной проблемой: как из реала Сэйлара оградить капсулу так, чтобы уже никто не мог до нее добраться. Как выяснилось, наверняка никто ничего не мог сказать. Однако Буль предложил одну вещь. Если Лэе удастся создать какую-нибудь защиту вокруг капсулы типа астрального якоря, то из астрала можно будет перебросить туда энергетический канал, который бы держал эту структуру постоянно. Но кто сможет этот канал провести, тоже осталось неясным.

Договорились так, что ангелы будут следить за местом, где расположена капсула и постараются прийти на помощь, как только что-нибудь заметят. Другим непонятным вопросом было то, как идти к горе, расположенной в центре страны Высоких Горизонтов. С изнанки можно было отследить только дорогу между гор и чуть-чуть по долине. Дальше все скрывали тучи.

– А что на счет слияния-то? – напомнил Славка. При этом Буль удивленно воззрился на Женьку.

– Я же сказал: отложим на потом. Завтра мы уже выходим, если, конечно, Лэя согласиться. А до возвращения еще дожить надо.

– Так вы?! – охнул Буль, до которого, наконец, дошло.

– Следить надо за своими питомцами и подчиненными! – посоветовал ангелу Славка.

– Погоди ты! На моем тысячелетнем веку такое впервые! Из вас же настоящий галактический монстр выйдет! Я даже не знаю, какой силищей вы будете обладать!

– А ты что, такой старый? – удивился Женька ангельскому возрасту.

– Нет, я не старый – я вечный, кстати, как и вы – это вопрос ангельской эволюции.

Просто раньше я был не дискретным составляющим большой ангельской сущности.

– А проще нельзя?

– А проще, это как будущий ангелочек Таши со Славой. Он уже есть, но еще не дискретен, то есть отделен. Только мое родительское создание было побольше на несколько порядков, что, впрочем, было только хуже для меня. Мне после отпочковывания не одну сотню лет пришлось человеком становиться!

Весь день Женька промотался с места на место по земному астралу. Посетил свой домик в их пирамиде. Слетал, с Булем, посмотреть на свое раздавшееся тело. И конечно, пообщался с Федькой, наконец-то, выбравшимся в астрал. Приятели даже сами удивились, насколько успели соскучиться по дружеской компании

и поэтому общими усилиями организовали усиленные посиделки в Отраженном реале под общим Ташиным руководством. Женька отдыхал душой. Только одного не хватало для полного счастья – присутствия рядом его прекрасной принцессы.

А на следующий день они тралили окрестности Лэиного дома на предмет прохода в страну Высоких Горизонтов. Оказалось, что долина, найденная когда-то Илаиром больше других вдается в неизведанную страну и, фактически, ее можно проехать на лошадях, по пойменным лугам вдоль реки, впадающей в озеро. В самом конце, равнина упиралась в довольно сложный профиль невысокого взгорья, и пройти там было возможно только пешком. Так что, как Женька с Булем не бороздили местность, а вывод был один: им придется перемещаться дальше на своих двоих, неся пожитки на себе. Единственное, что утешало – погода была теплой, а это значительно уменьшало поклажу и давало возможность взять больше провианта. Осмотреть постепенно снижающийся склон дальше вглубь страны, они не могли. Оттуда программки, запускаемые Булем, не возвращались, а вид с космоса ничего не давал – обычная равнина, покрытая лесом и лугами. Женька только заметил, что с другой стороны водораздела сбегает ручеек, образуя такие же пойменные луга, как и в горной долине. То есть десятка два-три миль маршрута он себе представлял, но дальше все было скрыто ровным полотном туч.

Осмотрев все, что было можно, Буль с Женькой вернулись к пещере, где молодежь уже готовилась к выходу в астрал. Решили устроить совещание прямо здесь, не отходя от пещеры, и пригласили на него всех ангелов, посвященных в ход операции со стороны Сэйлара. Женька не удержался от своей уже коронной шуточки и подхватил на руки Лэю, как только она вышла из тела. В ответ только послышался радостный смех:

– Я бы расстроилась, если бы ты не проделал сейчас этого трюка! – и вывернувшись из его рук, сама обняла Женьку и неумело поцеловала его в щеку, не обращая внимания на окружающих ангелов.

Женька таял от восторга. Вышедшие следом, Ренк и Зар, впрочем, как и ангелы, немало удивились, увидев принцессу, веселящуюся в объятиях инопланетного урода.

В установившейся тишине звучал только Лэин звонкий смех. В конце концов, она показала всем свой розовый язычок и шепнула Женьке:

– Мне все равно, как ты выглядишь, главное, чтобы видеть твои глаза! Сегодня мы отправляемся в дальний поход, в котором ты будешь меня слушаться и всегда показывать их по первому

моему требованию!

– Конечно, моя принцесса, мне жить, еще не надоело! – в тон ей ответил Женька.

– Ну неужели ты думаешь, что за непослушание я тебя съем?! – смутилась Лэя.

– Всяко, конечно, может быть! – рассмеялся Женька. – Но я не то имел в виду.

Просто в стране Высоких Горизонтов непослушание волшебнице чревато гибелью в каком-нибудь катаклизме или желудке какой-нибудь твари.

– А-а! Ну, живи тогда! – разрешила Лэя игриво царственным тоном.

Потихоньку окружающие справились с изумлением. Ренк первый прокомментировал увиденную сцену:

– Теперь я верю сестричка, что твое сердце отдано без остатка этому пришельцу.

Если ты не замечаешь его неприятного внешнего вида, значит под ним должно крыться воистину благородное сердце.

– Поверь, братик, благороднее не встречала!

– Да, ты, наверное, права! – вздохнул принц, признавая свое поражение в борьбе за симпатии кузины и, одновременно, соглашаясь с ней на счет душевных качеств Женьки.

Больше всего и Лэя, и Женька боялись реакции Зара. Все-таки трудно предугадать реакцию парня, обнаружившего, что его собственное тело было использовано для наглого увода его же пассии. Можно было только представлять, что он воображал себе про приключения его биологической оболочки с принцессой. Однако его реакция на Лэины упражнения в целовании оказалась совершенно неожиданной. Он довольно спокойно обозревал участников данной процедуры и сказал:

– Интересно, что это ты сейчас с ним делала? – причем в вопросе Зара слышалось лишь любопытство.

– Ой, ну, мы это, того этого… – замямлила принцесса.

– Да ладно тебе! Мне просто интересно. Если вам невтерпеж, я же понимаю, – стал успокаивать ее Зар.

– Так ты что, не в обиде?! – удивленно воскликнула Лэя, на что ее бывший слуга только снисходительно улыбнулся.

После этого Зар, видимо, успевший за день подружиться с Ренком в реале, потащил того по одному ему ведомым местам астрала, а все остальные остались прорабатывать детали похода. По ходу совещания Женька понял, что ничего нового он не услышит. Они только обсуждали уже продуманные заранее мелочи. Где-то в середине всей этой болтовни он вдруг сообразил, что Лэя сможет "выдумывать" в походе всякие

полезные вещи, и предложил ей сделать одну штуку. Он приказал Булю взять Лэю и отвести ее в мир Отраженного реала Земли, где показать ей все альпинистское оборудование, всякие супер-пупер рюкзаки и ботинки, а так же дать рассмотреть всякие другие полезные вещи, которые придут на ум.

– Кто его знает, вдруг она сможет чего-нибудь такое выдумать там. Все может пригодиться! – напутствовал их Женька, а сам пошел в тело Зара, решив, что ему больше в астрале делать нечего.

Женька лежал в Заровой шкуре между телами Ренка и Лэи и не понимал, чего это он рванул на Сэйлар, когда можно еще было поболтаться по астралу? Он ведь рисковал не проснуться в теле Зара, так как прошло всего пару часов, как тот принял лекарство. Даже мышцы не болели, как обычно, после длительного путешествия в астрале.

Женька раздумывал, глядя на спину лежащего на боку тела своей ненаглядной принцессы: "А ведь он просто сбежал сюда, повинуясь внутреннему чувству и интуитивно боясь, что кто-нибудь там, в астрале найдет вескую причину, по которой его присутствие на Сэйларе больше не понадобиться. Да, как только все было готово, и стало понятно, что он все равно пока не может находиться с Лэей в свободном астрале, он решил, что его место здесь!" – А ты что не спишь? – послышался недоуменный вопрос от входа в пещеру, и в сером сумраке появился профиль мохнатого малыша. – Я иду вас переворачивать, а ты уже проснулся? Я хорошо тебя переворачивал, однако!

Женька чуть помолчал, улыбаясь, и сказал:

– Хлюп, здравствуй! Как я по тебе соскучился! – и почти мгновенно оказался в мохнатых объятиях.

– Женя! – воодушевленно воскликнул малыш. – Ты почему менялся на Зара?! Не уходи больше. Без тебя скучно, однако!

– Да что ж я такого веселого делал? – удивленно спросил Женька. Он не мог понять, как малыш так точно определил подставку, когда Зар возвращался в свое тело на один день. Странно, но его переполняла прямо-таки какая-то родительская гордость.

Ведь Лэя говорила, что с лонками никогда не бывало такого, чтобы они начинали скучать по кому-нибудь другому, кроме их хозяина.

Хлюп, привалившись к нему, ворчливо промурлыкал:

– Чего, чего! Не знаю, однако. Только без тебя как-то не так все.

Если верить поговорке: "Устами младенца глаголет истина", то слова Хлюпа можно было считать похвалой высшего разряда.

Женька пообещал, шепнув в пушистое ухо:

– Теперь я надолго пришел! Не переживай!

– Правда?! – Хлюп оттолкнул его на свои коротенькие вытянутые руки, пытаясь рассмотреть в сумерках пещеры Женькины глаза. – А не врешь, однако?

– Не вру! – Женька уже тихонько смеялся. Как же легко и, в то же время, трудно убедить этого малыша. Вот и сейчас, он спокойно удовлетворился ничем не подкрепленным Женькиным утверждением, что вернувшийся пришелец не врет. А ведь, на самом деле, Хлюпа было не провести – он интуитивно, по детски, слышал не сам ответ, а то, как он был произнесен. И такое бывало уже и раньше. Женька вспомнил, как малыш первый не выдержал психологического дискомфорта в Венле. Да, нельзя кривить душой с любимыми женщинами и детьми, если хочешь, чтобы тебя ответно любили. Потом Женька вспомнил, зачем Хлюп сюда шел. – Слушай, Хлюп! Так грибов захотелось, ты не сходил бы на разведку, а ребят и я попереворачиваю с боку на бок.

Хлюп аж подпрыгнул, радуясь такому заданию, и до Женьки только донесся частый топот его убегающих ног. Женька же повернулся к ребятам и аккуратно повернул тело Ренка на другой бок. Потом подумал и подхватил легкое тело своей спящей красавицы, перенеся его на лежанку, расположенную ближе к выходу из пещеры.

Бережно положив ее на другой бок сам уселся полулежа рядом и стал рассматривать мельчайшие подробности ее лица. Глаза были плотно закрыты на густую щеточку длинных и темных ресниц. Он любовался тонким носом и чувственными губами, словно созданными для того, чтобы их целовали. Его всегда удивляли ее светлые веки. Он вплотную приблизился к ее лицу, чтобы рассмотреть мельчайший белый ворс и даже осторожно провел пальцем по нему. Блестящий атлас был гладким, когда он проводил вверх и немножко шершавился, при движении пальца вниз. Он осторожно разгладил нарушенный шелк века движениями вверх и к вискам. Такой же белый шелк был и ниже подбородка, а на щеках, золотистый бархат начинался постепенно, почти совпадая с цветом светло-загорелой кожи. Затем он попытался проследить полосу светлого оттенка идущую по виску и теряющуюся в гриве мягких волос, из которых выглядывал уголок симпатичного коричневого ушка, увенчанный маленькой, темной, ворсяной кисточкой. Волосы в ее прическе были недлинные, достигая сантиметров десяти, но густые и шелковисто-мягкие. Ощупав свою, вернее Зарову щетину, Женька убедился, что далеко не у всех сэйлов были такие шелковые волосы. Они росли ото лба, как и у людей, но продолжались на

задней стороне шеи, чуть спускаясь между лопаток темным шлейфом мягкой волнистой гривы.

Дальше рассматривать принцессу мешала походная одежда. Так что Женька стал рассматривать руки и ноги юной прелестницы, заодно немного меняя их положение, чтобы не затекала кровь. Узкие ладошки и длинные пальчики были вполне земными, только более узкие и длинные ногти придавали руке необычность, к которой он уже начинал привыкать. А вот тыльная сторона ладони была просто произведением искусства – она была покрыта все тем же белым атласом шелковой шерстки. Но белый цвет не просто вызывал ощущение одетых атласных перчаток. От золотистого запястья по тыльной стороне ладони в направлении пальцев шли три золотых луча, придавая руке неземную красоту и изящество. Женька бережно держал ее кисть в своих ладонях. Ему казалось, что любая неосторожность может нарушить эту гармонию. Его сердце вдруг резануло воспоминание, об уродстве, нанесенном этим ручкам безжалостными путами. Он внимательно осмотрел запястья и, к огромному своему облегчению, не нашел никаких следов. Положив бережно ее руки, он перешел любоваться Лэиными ножками – она сбросила обувь и сейчас они были оголены по щиколотку. На них повторялся тот же рисунок, что и на руках, и такие же, чуть удлиненные ноготки на маленьких пальчиках были аккуратно пострижены. Женька со стыдом воззрился на свои когтищи, стриженные им последний раз в Венле и подумал, что надо бы соответствовать принцессе в чистоплотности.

Потом он решил проверить у принцессы пульс и, взяв ее за запястье, долго не мог ничего найти. Немного запаниковав, он аккуратно повернул ее на спину и прильнул ухом к груди. Под тонкой тканью походной туники тихо, но отчетливо слышались удары сердца. Женька вздохнул с облегчением. Он вдруг почувствовал, что прижимается щекой к упругому бугорку девичьей груди. Его обдало горячей волной, и вся его объединенная земная и сэйларская мужская природа взыграла в нем буйным ураганом. Он с трудом оторвался от груди принцессы и заставил себя навернуть чуть не бегом круг по пещере, прежде чем сознание полностью вернулось к нему.

Вернувшись, он опять повернул тело Лэи на бок и улегся напротив, просто любуясь чертами милого ему лица, только иногда слегка поглаживая ее по щеке, волосам или руке. Вдруг губы принцессы растянулись в улыбке и глаза распахнули мохнатые створки ресниц, заиграв веселыми искорками в изумрудах глаз.

– И долго ты тут на меня любуешься? – шепнула Лэя.

– А долго ты за мной подсматривала? – обеспокоено подумал Женька, соображая, как выглядело со стороны прослушивание пульса и беганье по пещере.

– Да, нет! – успокоила его Лэя. – Я просто посмотрела, как ты тут на мое тело наглядеться не можешь, так сразу приревновала к нему и сюда нырнула. Так оно лучше будет!

– Да, ты права – так гораздо лучше! Мне явно не хватало твоих глаз. Кстати, я не подумал, как Ренк вернется – он там не заблудится один?

– Скоро будет. Зар обещал его в лучшем виде доставить.

– Ну, рассказывай, кого ты посетила? – поинтересовался Женька.

– Ой, наверно всех, кого хотела! С мамой и папой так хорошо посидели! В общем, я в полной боевой готовности!

– Отлично, тогда дожидаемся Ренка из астрала и Хлюпа с грибами, перекусываем и возвращаемся к твоему дому!

Они весело вскочили и побежали заниматься сворачиванием лагеря. Их не пугала перспектива трудного и опасного похода в неизвестность – главное, они снова были вместе.

***

Лэя опять сумела удивить Женю. Они сидели друг против друга в библиотеке на чердаке Лэиного дома и изучали книги, лежащие перед ними на столе. Оказалось, что Лэя знала о стране Высоких Горизонтов не меньше, а даже больше, чем ангелы.

Сейчас перед ними было три книги, раскрытых на рисунках, изображающих план этой загадочной области материка Эрианы. Назвать картами эти каракули, не поворачивался язык. Но несомненные совпадения говорили о некоторой точности сведений. И одним, самым важным совпадением Женька считал изображение длинного мыса, почти полуострова, далеко вдающегося во внутреннее море. Мыс располагался чуть правее прямой, связывающей центральный остров с долиной, в которой сейчас находились будущие путешественники. Так что, отклонившись чуть вправо, они могли сильно сократить морское путешествие за счет прогулки по земле. Нужно ли будет это делать, Женька еще не знал, но сведения могли пригодиться. На счет всяких страшилищ, он посоветовал Лэе не заморачиваться, так как ни по каким правилам эволюции, в такой маленькой стране они не могли бы развиться. Там просто-напросто не

хватило бы никакой кормовой базы для поддержки популяции животных размером с паровоз. В общем, они с Лэей вполне успешно препарировали старые фолианты на предмет были и небыли. Остров с горой посередине моря был обозначен, но никаких сведений о высоте горы, или ширине самого острова не было.

Лэя вдруг задумалась на минутку, смотря в окошко. Заметив это, Женька спросил:

– Что-то вспомнилось, принцесса?

– Да, – тихо ответила Лэя. Она взглянула на Женьку и во второй раз за их знакомство сказала. – Прости, я опять хандрю, и спасибо тебе, за то, что ты опять со мной.

– Ты чем-то опечалена? – Женька протянул руку и ласково смахнул с уголка ее глаза навернувшуюся слезинку.

– Я сейчас так живо представила, что будто бы ты мой отец, с которым я всю свою жизнь проучилась в такой же библиотеке. Мы так же все время сидели друг против друга. И мне так же было с ним хорошо и спокойно, как с тобой сейчас.

– Ну, ты ж меня не зря иногда папашкой обзываешь! – улыбнулся ей Женька. – На самом деле я очень рад, что могу хоть отчасти заменить тебе отца.

– Слушай, у нас все готово? Ведь завтра выступаем! Не забыть бы чего, – спохватилась Лэя.

– Да вроде все должно быть готово, – успокоил ее Женька.

Они, действительно, все подготовили и обо всем договорились. До конца долины их проводит Илаир. Потом им придется спешиться, и он, забрав коней, вернется домой, где его будет ждать Ренк. Верный слуга проводит принца в его замок. Ренк, как и обещал Женька, разучил несколько приемов самообороны через программирование в астрале и старательно закреплял знания во дворе их дома. Стоило немалого старания и Женькиного искусства привирания, чтобы убедить принца не увязываться за ними в страну Высоких Горизонтов. Самым убедительным доводом стало то, что у Лэи просто может не хватить сил, прикрывать так много подопечных от неведомых опасностей. В конце концов, Ренк не захотел себя чувствовать обузой и бесполезным бездельником в походе и мужественно согласился.

На следующее утро, как и месяц назад, маленький отряд седлал лошадей. Но отправлялся он теперь ровно в противоположную сторону. Туман еще скрывал луга и берег озера, но первые мили пути были знакомы, так что плохая видимость не была препятствием к выходу. Вся семья Илаира собралась провожать путников.

Пока все суетились вокруг коней, Женька последний раз опробовал свой примитивный компас, который он начал мастерить еще в пещере, выклянчив у Лэи самую тонкую иглу, которую она, как предусмотрительная девушка-путешественница, имела в своей объемистой "косметичке". Только когда они стали собирать лагерь, его стукнула мысль, что у них не будет никаких ориентиров в стране, напрочь затянутой тучами.

Тогда, Женька оставил иглу в пещере на некоторое время, чтобы она намагнитилась.

Его, правда, беспокоило, что он даже не помнил, пульсирующее поле в пещере или меняющее полярность, да и о направлении этой самой полярности у него не было ни малейшего представления. Уже в доме Лэи он нашел осколок стекла, из которого он вырезал кусочек для компаса. Корпус он вырезал из прочного дерева, и воткнул в центр кусок иглы, а намагниченную (как он надеялся) иглу он продел сквозь позвонок рыбы и, сбалансировав ее, опустил углублением в позвонке на иглу-подставку, под конец пригнув концы иглы книзу так, чтобы ее центр тяжести оказался чуть ниже.

Затем наступил критический момент всего мероприятия. Если игла не намагнитилась или если у Сэйлара вообще нет магнитного поля, то они могли блуждать в загадочной стране сколько угодно. Стрелка вздрогнула, слегка покачиваясь, и лениво стала поворачиваться. Вскоре она замерла, указывая прямо на восток, ну или на запад. Женьке просто думалось, что на восток – прямо на цель их путешествия. Видимо, линза была не только гравитационная, но сколько-то и магнитная. Это заметно облегчало ориентирование в походе. Осталось только прикрепить стекло на компас так, чтобы оно не давало слететь стрелке с опорной иглы и установить стопор для иглы.

Сейчас примитивное, но так нужное приспособление исправно показывало вперед, и не было никакого смысла отказываться от приглашающего указания стрелки. Еще раз оглядев отряд, Женька подошел к Ренку и, по обычаю сэйлов, положил тому руку на плечо. Он пожелал принцу благополучно добраться до замка и стать впоследствии мудрым и справедливым монархом, заодно напомнив об обете молчания, данным ему и принцессе. К своему удивлению, Ренк в ответ произнес почти те же слова, что сказала вчера Лэя:

– Спасибо тебе, что ты пришел в наш мир! Я навсегда сохраню память о тебе.

– Спасибо на добром слове, конечно, – рассмеялся Женька. – Но я начинаю себя чувствовать кем-то вроде кукольного мессии, наподобие вашего воссожженного Сэйлана!

– Почему кукольного? – тихо и серьезно спросил Ренк.

Повисла неудобная тишина. Все молчали, явно выражая согласие с Ренком. Женька аж поперхнулся от возмущения:

– Если вы еще будете унижать мое человеческое достоинство, я могу обидеться. Я здесь исключительно из корыстных побуждений. Я преследую одну, очень хорошенькую принцессу и удовлетворяю свое непомерно развитое любопытство.

– Всем бы такие корыстные побуждения! – вздохнул Илаир и, вздохнув, добавил. – Хорош болтать, а то мы никогда отсюда не выедем!

– Вот и я о том! – воскликнул Женька и расцеловал в щеки Лику и жену Илаира, введя их в немалое замешательство. И затем, запрыгнув на коня, крикнул. – Вперед, труба зовет!

– Какая еще труба?! – насмешливо спросила со своего скакуна Лэя.

– Канализационная! – пояснил инопланетным словом свою мысль Женька, за что получил обещание, что с ним еще разберутся. Он ответил, что ничего не имеет против и весь отъезд прошел в веселой перебранке.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ: СТРАНА ВЫСОКИХ ГОРИЗОНТОВ

ГЛАВА 14. НАВСТРЕЧУ СУДЬБЕ

Весело прогалопировать навстречу судьбе путешественникам удалось лишь с десяток миль. Дальше, приходилось, то спешиваться, то вести коней по ручью, то делать небольшие броски по ровным заливным или альпийским лугам. Женька наслаждался горной природой Сэйлара. Здесь, как и в подобных местах на Земле, природа дышала чистотой, свежестью и первозданностью лугов, лесов и водных пространств. Но все хорошее кончается, и через пару дней пути они уперлись в хаос каменных уступов и набросанных глыб. Женька оглядел горы и оживил в памяти поиски прохода на изнанке реала, после чего махнув всем, указывая путь, повернул налево.

Скоро они достигли каменного плато, по которому нельзя было проехать на лошадях, но, при небольшом старании, можно было вполне пробраться на своих двоих, вернее четверых, так как руки при карабканье на скалы тоже не мешали. Единственно, что не очень понравилось Женьке, это подъем – он оказался круче, чем казался с изнанки. Женька долго смотрел, поворачивая голову назад и вперед, пока его не осенила догадка. Они стояли, чуть наклонившись вперед. Кажется, здесь уже начинало сказываться действие гравитационной линзы, и вектор притяжения смещался немного назад. Он сообщил о своем наблюдении Лэе, отметив по себя, что его умница (так он продолжал про себя называть Лэю) не стала тупить, а, посмотрев туда-сюда, спрыгнула с лошади, и лукаво заметила:

– А ты заметил: мы, кажется, стали чуть легче?! А значит, и подниматься нам тоже будет легче!

– Неужели?! – воскликнул Женька и, спрыгнув с лошади, чуть не упал оттого, что не рассчитал своего полета и зацепил своей ногой стремя. А в результате, не удержался и проговорился. – Умница моя, какая ты наблюдательная!

– Опять?! – послышался возмущенный вопль.

– Пускай! Говори, что хочешь, но ты не просто умница, а умничка, которую я готов на руках носить. Чует мое, ну или Зарово, сердце – не раз ты еще меня здесь вытаскивать будешь из всяких глупостей!

– Ну что ты будешь делать с таким упрямцем! – смилостивилась Лэя. – Ладно, умница, так умница – тебя не перевоспитаешь!

После короткого обсуждения, решили разбить стоянку на обед, после чего начать подъем. Илаир решил остаться лагерем до утра "на всякий случай" и понаблюдать за альпинистами. Хлюп не разделял беспокойства насчет восхождения – лонки от природы умели лучше, чем сэйлы лазать по деревьям и не боялись высоты. Это перед отвесной стеной у магнитной пещеры он сплоховал, а обычное карабканье его нисколько не смущало.

Несмотря на объемные рюкзаки, начало подъема, они прошли почти без остановок, петляя по заранее намеченному пути между нагромождениями глыб. Шли в связке:

Женя – Лэя – Хлюп. Женька настоял на таком порядке, объяснив строптивой начальнице похода, что ее персона самая важная в коллективе, и не потому, что она принцесса, а потому что она волшебница, без которой у них ничего не выйдет.

Хотя про себя Женька берег ее из совсем других, гораздо более эгоистических соображений.

Скоро они подошли к первому серьезному препятствию. Нужно было подняться метра на четыре в узкой расщелине, чтобы потом продолжить подъем по относительно ровному склону. Женька не стал прибегать к услугам своей волшебницы, разумно сберегая ее силы на непредвиденный случай.

– Ты же рискуешь! Здесь нельзя подняться! – не соглашалась Лэя, глядя на отвесные стенки каменного колодца.

– Поверь мне, я ни за что не пойду на необдуманный риск и не оставлю тебя одну посреди этого ведьминого вертепа одну! Так что, спокойно смотри – сейчас я тебе продемонстрирую, как лазают у нас на Земле!

Уговорив Лэю, он начал подъем в распоре. Через три минуты он был наверху и счастливо улыбался Лэе. На самом деле подъем оказался очень легким, наверно еще из-за облегченной силы тяжести. Следующим этапом было поднимание Лэи. Женька решил не рисковать и не оставлять ее напоследок. Хоть она и была стройной и меньше Заровых комплекций, но субтильной ее спортивно развитую фигуру никак назвать было нельзя, да и маленькой он ее называл только из нежности – ростом она была почти с земного Женьку.

Он научил принцессу некоторым приемам альпинизма, лазая с ней и с веревками по стенке сарая во дворе Лэиного дома. Сейчас настала пора ей продемонстрировать, чему она научилась. Они договорились, что Лэя ухватиться за веревку и будет перебирать ногами, упираясь в стену, пока Женька будет тянуть

ее наверх.

Подниматься в распоре она еще не умела.

Основную высоту уступа Лэя преодолела легко. Самым ответственным моментом было преодоление верхней кромки скалы. Лэя вовремя крикнула, чтобы Женька перестать выбирать веревку. Упасть она не могла, так как была подвязана за пояс. Но Женьке не улыбалось ободрать свою принцессу о край уступа, как об крупнокалиберную терку. Слава богу, Лэя четко выполнила все инструкции, аккуратно прижавшись к склону, и, помогая Женьке, ухватилась за верхний край скалы руками. Они совместным усилием вытянули ее корпус почти до пояса над кромкой. А дальше ей осталось, только, удерживая завоеванную позицию и держась за натянутую веревку, упереться другой рукой в уступ и перекинуть ногу. Затем ее спортивное тело само вылетело на скальную плоскость, и она оказалась в объятиях своего радостного учителя по скалолазанию.

С вещами, а тем более с Хлюпом не возникло никаких проблем. Оказалось, что в Хлюпе было много не только от плюшевого Чебурашки, но и от проворного шимпанзе.

Он сказал, чтобы Женька просто держал веревку и через несколько секунд был наверху. У Женьки сложилось впечатление, что он пользовался только руками для лазания по веревке.

Им встретилось еще одно подобное место, но там все обошлось еще проще, так как стена была не вертикальной, а наклонной, и Лэя просто забежала на нее, держась за веревку. К вечеру они вышли на каменное плато. Пройдя по нему с милю, идущий впереди Женька заметил в стороне справа какую-то серую массу. Указав рукой на нее, он спросил Лэю, что она думает по этому поводу. Девушка долго всматривалась, нахмурив бровки, и сказала:

– Сдается мне, я уже видела это, когда оно еще летало.

– Ты что, думаешь это птица? Таких не бывает! Этот стог перьев в небо не взлетит! – недоверчиво испуганно ответил Женька.

– Еще как взлетит! – озабоченно вздохнула Лэя. – Заметь, что мы намного легче, и птица тоже легче. Только здесь, наверно, и есть предел ее возможностей, иначе она вылетела бы из этого края.

Они подошли ближе. Это оказались останки воистину огромной птицы с размахом крыльев около шести – семи метров. Побелевшие кости и разлетевшиеся перья, говорили о том, что мелкие хищники и время сильно потрудились над уничтожением останков, но все же в силуэте еще можно было узнать птицу, похожую на орла.

Белеющий костями череп, нес внушительных размеров клюв, говорящий о том, что птичка кормилась далеко не мирным путем.

– Я видела пару месяцев назад с мостков у дома такое создание, парящее в этой стороне. Я еще сначала не придала значения, а когда вгляделась, то сама себе не поверила, – призналась в своих натуралистических наблюдениях Лэя.

– Да, может, меня такая и не утащила бы, но Хлюпа – запросто, – оценил транспортные возможности пернатого гиганта Женька.

– Не забывай, что здесь все легче, так что и нам следует опасаться таких визитеров с воздуха.

Постояв немного у останков гипертрофированного орла, путники решили немного продолжить путь, прежде чем останавливаться на ночь. Ночное соседство с трупом летающего колосса никого не прельщало.

Ночь прошла без происшествий. Основной трудностью оказалось найти топливо для костра – его пришлось разводить из разного растительного мусора и кустарников, и только для приготовления пищи. Хорошо, что ночь выдалась не холодной. Но спать все равно было жестко – они так и прокрутились втроем всю ночь, прижимаясь и толкаясь друг с дружкой. Не выспавшись, как следует, они наспех перекусили и с первыми лучами солнца поспешили вперед. Благо, там уже виднелся спуск с голой скалы. Где-то ближе к полудню, посреди спуска Лэя заметила, что с виднеющейся впереди равниной что-то не так. Они остановились, вглядываясь в расстелившуюся пред ними в легком мареве зеленую панораму.

– И действительно, что-то не так! – подтвердил Женька. – Вот спускающиеся горные луга. Вот лес начинается. А вот там, правее ручей течет и заливные луга вдоль поймы, туда-то нам и надо. Хм…

– Поняла! – воскликнула Лэя. – Ручей течет вверх!

– Как?! Ах да, действительно, дальше долина будто поднимается! – понял, наконец, Женька.

– Вот она страна Высоких Горизонтов! А я когда-то в нее не верила! – заворожено прошептала Лэя, вглядываясь в затянутый маревом далекий горизонт.

– Что-то еще дальше будет! – озабоченно вздохнул Женька, чувствуя, как его естественно научно-закостенелое сознание начинает трещать по швам от всех этих заморочек, и тут же поспешил себя утешить -С другой стороны, ну где еще таких приключений на свою голову найдешь?!

Поплутав между скал, после обеда они окончательно спустились к лугам. Лэя хотела скинуть надоевшие ботинки на

жесткой подошве, которые они одели по Женькиному настоянию в горы, чтобы уберечь ноги от травм. Но Женька остановил ее, предупредив, что эти горные луга только с расстояния кажутся ровными, а на самом деле полны всяких камней и ухабов. Они еще прошли пару часов, спускаясь по склону, пока Женька не разрешил сменить обувь на обычные, более мягкие ботинки.

Ближе к вечеру они уже шли по пойменным равнинам ручья, замеченного Женькой еще с изнанки реала.

Выйдя к широкому разливу, решили остановиться у берега, прямо на лугу, не дожидаясь заката – сказывалась усталость и плохой сон на скалах. Место было идеальным для стоянки: песчаный берег, сухой, не заболоченный луг, лес с дровами для костра неподалеку. Пока Женька ходил к опушке за древесным топливом, Лэя успела искупаться и встретила его, завернувшись в полотенце.

– Иди, тоже искупайся, пока солнце еще греет! Не бойся, подглядывать не буду! – хитро хихикнула юная и мокрая прелестница.

Женька внял совету и тоже искупался. После тяжелого и местами грязного пути, купание было, как манна небесная. Спустя час они, уже сухие и сытые, сонно наблюдали, как огромный красный шар солнца утопает в синем мареве, стоящем высоко над горизонтом. Сегодня их ждала "мягкая" луговая постель, чем они и не преминули воспользоваться.

***

Дурманящий запах цветущего луга, смешанный с терпким привкусом дыма затухающего костра, навевал Женьке волшебные сны. Он плыл сознанием в тени загадочных лесов и туманов, скрывающих от него какие-то тайны и невиданные доселе пейзажи.

Посреди своего движения он встретил фею в серебристой накидке, похожую на Лэю.

Она подошла и коснулась рукой его щеки. Женьке показалось, что это должно быть что-то очень важное. Но он вдруг понял, что лежит по-прежнему на лугу, и чья-то рука нежно гладит его по щеке. Открыв глаза он увидел Лэю, присевшую рядом с ним и гладящую его по щеке. Ее глаза загадочно и призывно мерцали в призрачном свете двух лун Сэйлара.

– Моя фея, – шепотом произнес Женька, улыбнувшись Лэе.

Потом до него дошло, что на ней тот же замечательный наряд из серебристого шелка, что и во сне, и он спросил. – Откуда у тебя эта красота?

Лэя коснулась пальцами его рта, как бы прося его помолчать, и шепотом спросила:

– Помнишь, как ты обещал слушаться любых моих приказов? – и немного лукаво, немного нервно, улыбнулась.

– Да, моя принцесса! Я всегда в твоем полном распоряжении, – охотно подтвердил данные ей обещания Женька, пытаясь сообразить, к чему клонит его ночная нимфа.

– Тогда не спрашивай меня ни о чем. Пойдем, я покажу тебе что-то, и ты сам решишь, что нужно делать! – Лэя взяла его за руку и тихонько потянула за собой.

При этом она встала, и у Женьки натурально в зобу дыхание сперло. Он успел только сесть и тупо уставился на свою принцессу. Она оказалась в короткой серебристой тунике, сшитой из тончайшего шелка, и поэтому мягко облегающей ее стройное тело. И все бы еще ничего, но ткани в этой тунике было очень мало, и оканчивалась она ровно так, чтобы только-только прикрыть самые интересные женские места. При этом на Лэиных ногах не было больше ничего. Лэя продолжала тихонько тянуть куда-то Женю и он, отойдя от первого культурного шока, нашел в себе силы встать и пойти за своей принцессой.

Они отошли немного вверх по склону, где трава была только по щиколотку и остановились на ровной лужайке. Лэя обернулась и сказала низким голосом, в котором слышалось трудно сдерживаемое волнение:

– Сядь сюда. Я буду танцевать. А дальше ты должен все понять сам.

Женька послушно сел. Лэя отошла от него на несколько шагов и замерла, как будто не завершив шага. И столько в этой ее позе было природной грации, что у Женьки просто отвисла челюсть и потекли слюни. Она стояла, будто серебряная птица, готовая сорваться в полет, освещенная с одной стороны красноватым, с другой – золотистым светом двух лун. Лэя неслучайно выбрала место, ее фигура казалась волшебной на фоне холодного отсвета приближающегося звездного рассвета. Женька почувствовал себя впадающим в какой-то мистический транс. Будто Сэйлар, вместе с его, наверно, самым прекрасным созданием, решили открыть ему, неотесанному пришельцу, самое сокровенное видение из своей сокровищницы чудес.

Но вот дивное мгновение, которое, Женька знал, неизгладимо впечаталось в его сознание, истекло, и Лэя двинулась в волшебном танце. Оказалось, он ничего не знал о красоте Лэи и

даже близко не представлял, насколько пластично ее тело в танце. Умом он пытался понять, что это какой-то особый танец, но тело забивало сознание волной гормонов. Лэе не нужно было никакой музыки. Движения ее были немного от ленивой кошки, только иногда срывающейся в какой-нибудь головокружительный прыжок. И все время ненасытные Женькины глаза ловили на мгновение обнажающиеся груди или самые верхние и самые вкусные части ног.

Несомненно, танец был эротическим, но он имел так мало общего с обычным стриптизом, исполняющимся земными дамами. В Лэиных движениях не было пошлости, а в танце угадывался зов дикой первозданной природы.

Опять не закончив движения, она напряженно замерла, стоя лицом к Женьке, и ее рука потянулась к узлу пояса перехватывающего, как оказалось не тунику, а короткий халатик. Она, неотрывно глядя в Женькины глаза, медленно потянула за конец кушака, и шелк заскользил, начиная открывать ее тело. Но посреди самого интересного момента, она резко отвернулась, сделала еще несколько па с умопомрачительными прогибами тонкой талии и снова встала, не двигаясь, спиной к Женьке, слегка расставив ноги. Женька не дышал. Серебристый шелк стал сам потихоньку соскальзывать с ее плеч и, вдруг, ручьем стек к ее ногам.

Божественной красоты тело предстало в двух шагах перед Женькой во всей своей соблазнительной наготе.

Лэя медленно повернулась лицом. Женька подсознательно чувствовал, как, несмотря на внешнее спокойствие и выверенность движений, в ней со страшным напряжением борются стеснительность и желание. Ее волнение выдавало легкое подрагивание ресниц и влажный блеск глаз, сверкающих изумрудными полумесяцами вокруг огромных колодцев почти круглых от переживания зрачков.

Женька застыл, любуясь этим совершенным творением Сэйлара. У него было чувство, что он может испортить эту красоту, прикоснувшись к ней руками. Его затуманенный взор блуждал от божественно прекрасного лица, скатываясь на золотые упругие груди, оканчивающиеся маленькими розовыми сосками. Он следил за изумительным атласом белой шерстки, стекающим с шеи, сужаясь между грудей и подчеркивающим их контур снизу, белым полем животика, снова слегка сужаясь на талии и опять расходясь на бедрах, чтобы соскользнуть заманчивым белым треугольником между ног.

Наконец он почувствовал, что его ступор может быть воспринят Лэей, как отказ, и он встал на трясущиеся от

переживаний ноги.

К своему ужасу он понял, что его штаны ужасно неприлично встопорщились в известном месте, а показывать свою застенчивость девушке в такой момент было как-то неприлично. Лэя, подбадривающее улыбнувшись, шепнула:

– Теперь, ты!

Женька хотел, было переспросить: "что – ты?", но вовремя остановил свой глупый язык и, замешкавшись, стал расстегивать рубашку. Лэя помогла ему, сняв ее у него с плеч. Женька сам себя почувствовал в роли стриптизера и со страшным замешательством подумал, что он будет делать со своими вздутыми штанами. Лэя хихикнула, заметив его, чуть ли не детское смущение, и Женька, решившись, почти одним движением скинул штаны. По Лэиным округлившимся глазам он почувствовал, что в его внешнем виде что-то не то. Опустив взор, он понял, что было не то, а может и самое то – этого он не знал. Просто его, или вернее арендованный у Зара аппарат был, наверно, раза в полтора больше его земного аналога и явно рвался в бой, как и все животное существо, заключенное сейчас в его мохнатой шкуре.

Однако, Женька титаническим, можно сказать трансгалактическим усилием, подавил эти животные страсти и, нежно подхватив свою сказочную принцессу, осторожно уложил ее на постель их луговых трав. Сам же, встав на колени сбоку, стал покрывать ту поцелуями на свой, земной манер, начиная с лица и постепенно опускаясь все ниже, одновременно гладил золотой шелк грудей и белый бархат живота. Судя по невольным, тихим постаныванием принцессы и подрагиванию, судорожно сжимающих его загривок, прелестных ручек, он тоже сумел удивить свою неземную любовь. Добравшись в своих поцелуях до самого низа прелестного животика, он осторожно раздвинул поднятые и судорожно сжатые колени и стал целовать внутренние, светло золотистые стороны бедер, приближаясь к самому сокровенному месту. И, наконец, не сдержавшись, поцеловал нежные розовые лепестки, обрамленные белой атласной дорожкой, убегающей вниз. Лэино тело выгнулось дугой, будто от удара тока, из ее уст сорвался настоящий стон возжелавшей пантеры.

Женька понял, что издевается над своей юной феей, и услышал глухой рык, издаваемый его собственной глоткой. Больше тянуть не было ни сил, ни нужды. Он поднялся на колени и, приблизив к ней свой внушительный аппарат, осторожно раздвинул лепестки между Лэиных ног. Тепло Лэиного лона обожгло Женькино естество. Его тело разъяренно ревело и хотело

вонзать, сжимать и рвать на кусочки, а душа пела и никак не могла понять, за что ему, совковому недоучке такая неземная честь? Самая красивая девушка планеты, принцесса самой большой страны, умница, а самое главное, неземной красоты душа сейчас сама, по своему желанию, становиться его и только его. В его пустой башке звенели все подвенечные колокола и церковные хоры и органы сразу. Он, сдерживая себя межпланетным усилием, медленно вводил свои (ему не хотелось думать, что Заровы) телеса все глубже, боясь заметить боль в затуманенных глазах его принцессы. Но, видимо природа создает все в пропорции, и он чувствовал, как маленькие, но сильные ручки, продолжают тащить его на себя. Наконец он понял, что боли не будет, и выпустил из себя на волю ненасытного зверя, который пытался разорвать его изнутри.

Они катались по лужайке, страстно извиваясь в приступе любви, пока, наконец, не затихли в финальном экстазе. Они долго лежали, молча и умиротворенно любуясь друг другом, хотя Женька сомневался в достоинствах своего тела. Но Лэя, в основном, неотрывно смотрела в его глаза. Потом в них опять загорелись шаловливые искорки, и Женька почувствовал где-то внизу живота, что, по крайней мере, Лэины руки интересуются далеко не только его глазами. Она игриво поднялась на колени, уперлась в землю вытянутыми руками и, повернувшись к нему боком, хищно прогнулась. Женька снизу глядел на изумительную грацию ее тела. Затем приподнялся на локте и провел по спинке ладонью. Коричнево-золотой ворс встопорщился под его ладонью, и его рука, скользя, уперлась в немного приподнявшийся пушистый хвостик, дрожавший от напряжения. Женька почувствовал, как его тело снова буйно реагирует на эти сэйларские признаки сексуального возбуждения. Он чисто интуитивно двинул ладонь обратно к талии, против шерсти, и Лэя издала грудной стон страсти. Тут он опять применил земные штучки, целуя и лаская ее бедра, послушно выставленные для ласки. Он уже сам не понимал, как сэйла или как человека, сводил его с ума темный сверху и ярко белый снизу, пушистый хвостик, под которым открывалась сокровищница в белых и розовых тонах, заключенная между до стона соблазнительных темно-золотистых бедер. Опять победивший зверь, заставил его накинуться сзади на эту, грациозно изогнувшуюся, подставляющую ему свои прелести, дикую фурию.

Женька не помнил, сколько они так еще резвились и катались по лужайке, сплетаясь в самые невероятные позы. Очнулся он от розового тумана, когда увидел свою юную прелестницу сидящей верхом на его поверженном на спину и, кажется, полностью

истощенном теле. Лэя загадочно улыбалась и чуть не облизывалась, как довольная кошка. Счастье так и струилось из ее глаз.

– Ну что, бедненький мой! Загоняла я тебя! – Лэя наклонилась к нему, коснувшись его своими тугими грудями, и поцеловала, на этот раз довольно умело.

– Ради этого стоит жить и умереть! – патетически охарактеризовал свое состояние Женька, улыбаясь, как последний блаженный идиот.

– Теперь ты мой, что бы ни случилось. Как хорошо, что ты не стал опять упрямиться – я бы наверно не вынесла этого.

– Я знал это, поэтому и не упрямился. Мы же с тобой чувствуем друг друга!

– Но ты не все знаешь! – продолжала загадочно улыбаться Лэя.

– Да, что за танец ты танцевала? Я не думаю, что таким танцам тебя учил отец или мама!

– Ты прав, это танец любви, который танцуют девушки перед своими избранными. Но это очень древний обычай, завезенный некогда в Эриану с одного большого островного государства. Он у нас запрещен, как и все связанное с другими религиями. Ну, в общем, в отцовской библиотеке не только книжки по математике с географией, а я ведь прилежная ученица!.. – Лэя звонко рассмеялась.

– Слушай, – Женька понял, какая мысль его подспудно гложет. – А тебе не было больно? Или… – он почувствовал, что страшно краснеет, но закончил вопрос. – Ты не в первый раз занимаешься сексом?

Женька не знал, куда спрятать глаза и опять услышал Лэин смех:

– Ты что, думаешь, раз принцесса, так на мужиков бросается?! Не беспокойся, мой межпланетный ревнитель, такой вот девочкой тебе и досталась принцесса, можешь, кому хочешь хвастаться!

– Ты не понимаешь, – заоправдывался Женька, не зная, как объяснить его замешательство. – У земных женщин первый раз это больно и так много они этим сразу не смогли бы заниматься.

– Не волнуйся, нам никогда не больно! – несколько чересчур независимо ответила Лэя, и Женька догадался, что и ее сердце посетил укол ревности. Поэтому он сразу решил исправить ситуацию:

– Понимаешь, я гораздо старше тебя и несколько раз пытался создать семью на Земле, но все неудачно. Ну и потом, как ты можешь ревновать к почти абсолютно лысым, как бледные лягушки, бесхвостым и отвратительно-круглоухим созданиям?!

– Но они же тебе нравились! – еще немного продолжая дуться, возразила Женькина фея.

– Кстати, интересно, я их вспоминаю теперь, как-то равнодушно, как представительниц другого вида. Да и, если честно, никого я так не любил, как тебя… и меня никто никогда так не любил!

– Так вот, – вернулась к теме разговора Лэя, убедившись в своих неоспоримых правах на Женькину душу. – Ты не заметил, что на Сэйларе все дети, за редким исключением, разняться в возрасте на четыре года?

– А и правда! – задумался Женька. – Ангелы что-то такое говорили, да я, как всегда, пропустил мимо ушей. Это как-то связано с четырехлетним циклом Сэйлара?

– Догадайся с трех раз! – хитро и довольно улыбалась принцесса.

– Значит, связано… – пришлось дальше думать Женьке. – Тебе будет двадцать – пять раз по четыре… – и вдруг до него дошло. – Так вы можете беременеть только раз в четыре года?! Значит…

– Значит! – кивнула ему одобрительно еще более довольная Лэя.

– Ты что, первый раз можешь сейчас забеременеть?! – воскликнул ошарашенный Женька.

– И забеременею! – заявила принцесса, утвердительно подпрыгнув у Женьки на животе своей восхитительной попой, чем на мгновение сбила ему дыхание, которое итак было немало сперто сногсшибательной новостью. – Слушай! Я несколько дней назад осознала, что пришло время, когда я первый раз могу стать матерью. А после того, как ты вышел на изнанку реала, я поняла, какая я была глупая, что пошла в Венле у тебя на поводу и теперь останусь здесь на Сэйларе вообще ни с чем. Но, слава ангелам – они подарили мне второй шанс, и я немедленно принялась за претворение его в жизнь. Я специально ждала этой ночи, чтобы ты запомнил мой танец в свете двух лун и звездного рассвета. Это был мой единственный шанс, предстать перед тобой во всей красе. До этого было слишком много свидетелей, а потом небо скроется в тучах.

– И это был и останется лучшим моментом в моей жизни! – подтвердил Женька – Не зарекайся! – неопределенно хмыкнула Лэя, а Женька не удержался и обиженно воскликнул:

– Но ведь ребенок-то будет от Зара!

– Не хнычь! – остановила его причитания юная волшебница, готовящаяся стать матерью. – Это не совсем так. Телесно – да, половина наследственности будет от Зара. Но это не важно. У нас

на Сэйларе считают, что новая душа зарождается от любви родителей, и чем они больше любили друг друга при зачатии (я имею в виду, любили, а не упражнялись в сексе), тем красивее душа будет у ребенка и тем больше она будет похожа на родителей. То есть, любя друг друга, мы вкладываем частичку своей души в новую зарождающуюся душу. Чем мы больше любим, тем больше эта частичка достается ребенку, и тем развитее и красивее будет его душа. Ну, а если родители встречаются случайно, то тут уж, как бог пошлет, может, что путное вселиться, а может, и демон в душе воплотиться.

– Слушай, а ведь может быть, ты и права – надо ангелов спросить! Значит, есть надежда, что это будет и мой ребенок? – воодушевленно спросил Женька, жалобно заглядывая в зеленые, сводящие его с ума, глаза.

– При твоей, только что продемонстрированной любви… – заговорщицким тоном проговорила Лэя, совсем склонившись к Женькиному лицу и начала неопытно ерзать, нащупывая своим мягким лоном ожидаемые твердости внизу Женькиного живота. – У тебя, определенно, есть все шансы! – и умудрилась, жадно припав к его губам, одновременно усадить себя на его, вновь окрепший, жизненный рычаг…

Заснули они где-то под утро, не помня сами себя от переполнявшей их любви, и переплетясь телами в самую замысловатую конфигурацию, затерянную посреди бескрайнего цветущего луга.

***

Веселое солнце Сэйлара высоко вскарабкалось по небосводу, разогнав утренний туман и ласково согрев, безмятежно спящую посреди трав, пару влюбленных, добавило теплой сладости в утренние сны, после бурной ночи рождения их новой семьи. Женька, наверно, так бы и проворонил все на свете, если бы Лэя не толкнула его, внезапно вскочив на ноги. Одновременно он услышал ее возглас: "Хлюп!" и тяжелое хлопанье огромных крыльев. До него донесся далекий сдавленный крик лонка:

– Лэя! Помоги!

Посмотрев, куда смотрит Лэя, он увидел, что от них улетает огромный орел – наверно, такой же, какого они видели мертвым на скалах. А в его когтях висит недвижной тушкой Хлюп. Видимо, ноша для орла была явно не по плечу, так как он все никак не мог

подняться ввысь, а тяжело хлопая крыльями, летел над землей, удаляясь к лесу. Женька судорожно зашарил вокруг руками, в поисках хоть какого-нибудь оружия, и понял, что они с Лэей сейчас одеты в то, в чем их Сэйларские матери родили. То есть, сражаться с гигантской птицей ему было абсолютно нечем. У него аж слезы от досады и злости на глазах выступили. Но Лэя уже поняла, что делать, и выстрелила в птицу молнией, подпалив ей хвост, и почти тут же охнула, присев и обхватив голову в испуге. До них донесся возмущенный клекот птицы и громкий, жалобный стон Хлюпа. Птица вильнула, завалившись немного на бок, но жертву не выпустила, а только продолжила лихорадочно махать крыльями, пытаясь взлететь выше приближающейся опушки. Женька с Лэей чисто механически бросились бежать за летящим гигантом, не зная, что предпринять. Любой Лэин удар мог попасть в Хлюпа, и даже если бы удалось сбить птицу, то она просто могла бы погрести свою жертву под собой.

История стала приобретать совсем плохой оборот – птица стала все-таки подниматься над самыми деревьями. На раздумывание не оставалось времени, и Лэя уже приготовилась нанести орлу сокрушающий удар, как вдруг, гигант резко и судорожно захлопал крыльями, выронил в лес Хлюпа и, пролетев по инерции еще какое-то расстояние, со страшным треском ломаемых веток рухнул где-то в лесу.

Лэя с Женькой успели только непонимающе переглянуться и припустили к месту падения хищника и его жертвы. Тем не менее, они оказались не первые у тела пострадавшего, но вполне живого Хлюпа. Когда они проломились сквозь чащу росших на опушке кустов, то увидели, что вокруг мохнатого страдальца суетиться очень на него похожее, весьма симпатичное и одновременно забавное создание. Хлюп пролетел сквозь ветки деревьев и приземлился в густой куст. Сейчас он лежал на боку под кустом и, постанывая, звал Лэю. Плюшевый медвежонок номер два пытался устроить Хлюпа поудобней и разглядывал рану у того на боку, при этом, все время что-то ласково лопоча раненному. При виде подошедших сэйлов, он настороженно выпрямился и Женька с удивлением заметил выпуклости на груди малыша. "Так это же девочка-лонк!" – догадался Женька.

Лэя что-то успокаивающе пролопотала малышке, и та, успокоено, принялась что-то ей объяснять и показывать. Из ее жестов, было ясно, что она стреляла из лука.

Лэя подтвердила Женькину догадку и перевела:

– Она подстрелила эту тварь из лука, представляешь?!

До Женьки дошло что это, наверно, не девочка, а девушка, если не женщина. Просто она была чуть пониже Хлюпа, и поэтому

Женьке показалось, что она совсем молоденькая. Да и ее милая мордашка располагала к тем же выводам. Но рассуждать, и делать предположения было некогда. Женька первым делом решил проверить состояние Хлюпа. Он, хоть и не был врачом, но со своим биохимическо-физиологическим образованием и большой практикой по мучению различных зверушек, надеялся быстро и точно продиагностировать пациента, а главное, что-то предпринять к улучшению его несладкого положения.

Попросив девушек постоять рядом он, в первую очередь аккуратно стал ощупывать кости и целостность суставов. Хлюп разрывался в своих чувствах. Увидев Лэю, он хотел по привычке заплакать и пожаловаться на свою злую судьбу, но вспомнив про свою прелестную спасительницу, в последний момент сдержался и только мужественно постанывал, пока Женька двигал его ноги и руки, выясняя наличие переломов. К счастью, ни одной сломанной кости не нашлось, но было несколько небольших ран и одна, очень сильная и кровоточащая – на боку, скорее всего, оставленная задним когтем лапы, державшей его птицы.

Быстро сориентировавшись, Женька попросил Лэю:

– Лэя, я побегу за нашей аптечкой, а ты сядь сюда и сильно прижми рану рукой, чтобы у Хлюпа не было большой кровопотери. Только не колдуй, чтобы остановить кровь – а то остановишь ее во всем организме, и тогда Хлюпу уже никто не поможет.

– Он выживет? – чуть не плача спросила Лэя. Кажется, ее стало отпускать напряжение и ее материнские чувства к Хлюпу были готовы вырваться наружу.

– Успокойся, все будет в порядке! Я же доктор Айболит! – подбодрил ее Женька и рванул к стоянке на берегу реки.

Расстояние было немалым – туда и обратно намоталась почти целая миля. Женька, пыхтящий, как паровоз, плюхнулся рядом с Хлюпом.

– Уф-ф! Начнем! Лэя, внуши Хлюпу, что ему нисколько не больно, а даже приятно от того, что я буду его ремонтировать.

Лэя пересела к голове Хлюпа и, что-то нашептывая ему, ласково гладила его по голове и чесала за лохматым ухом. Женька, сев со спины Хлюпа, так чтобы тому не были видны его вивисекторские действия. Он расстелил свою, прихваченную по пути рубаху, и разложил на ней нужные вещи: ножницы, иглу, немного чистых тряпок из "аптечки" и главное – бутылочку с их самодельным раствором антибиотика – спиртовым экстрактом корня одного растения, в котором они еще с изнанки нашли бактерицидные вещества. Они сделали эту настойку еще в то время, когда готовили дополнительную дозу лекарства для

выхода в астрал, а применить ее довелось только сейчас. Женька был с одной стороны, искренне рад, что он озаботился лекарством, но с другой стороны, лучше бы его вообще не пришлось применять!

Смочив в настойке иглу с ниткой и одну чистую тряпочку, он, отжав ее, оставил все подсыхать. Сам, взял тряпочку побольше и обильно смочив ее лекарством, раздвинул все еще кровоточащую рану и стал тщательно промывать. Потом выстриг шерсть вдоль рваного края и отрезал лоскутки передавленной и явно мертвой кожи.

Еще раз промыл подготовленную рану. Большие сосуды, к счастью, нарушены не были, так что он просто зашил рану дезинфицированной иглой и нитками, наложив несколько швов. Потом взял подсохшую тряпочку, пропитанную лекарством, и наложил на рану. Взял еще несколько сухих и чистых лоскутков и приложил их сверху.

Получился неплохой антисептический тампон. Теперь оставалось только наложить повязку. Виновато глянув на Лэю, он взял ее сарафан, который он успел схватить в чистом белье принцессы. Потом, надрезав подол, оторвал от него ровную ленту, которой перетянул Хлюпову грудь. Облегченно вздохнув, он выдал эпикриз:

– Если антибиотик действует, то быстро заживет – через недельку сможет нормально двигаться. Вот только крови потерял много – несколько дней будет сильная слабость, – рассказывая диагноз и деловито осматривая повязку, Женька вдруг заметил, что вокруг стоит полная тишина. Заинтересованно оглянувшись на собеседниц, он с удивлением заметил, что Лэя сидит, как изваяние с белым лицом, а маленькая охотница стоит поодаль, вцепившись в ствол дерева, похоже – чтобы не упасть, и круглыми от страха глазами смотрит на Женьку. Женька посмотрел на свои руки, перемазанные в крови и лекарстве чуть не по локоть, и заржал. – Ой, девочки! Только не подумайте, что я страшный доктор Франкенштейн! Будет ваш Хлюп в полном порядке! Надеюсь, конечно.

Увидев, что шутка не помогла, он переменил тактику, чтобы хотя бы Лэю вернуть к действительности:

– Лэечка, милая, прости меня олуха, я специально оторвал подол от твоего сарафана. Понимаешь, он был немного длинноват, а так будет в самый раз – только попку прикрывать! А без одежды никак не получиться. Я не смогу на тебя обнаженную смотреть. Хорошо, сейчас орел отвлекал, а то не знаю, как бы добежал на трех конечностях до леса!

Такая отвлекающая терапия подействовала. К тому же Женька

спрятал все кровавые следы и отер руки влажной тряпкой. Лэин взгляд ожил и она, несколько раз глубоко вздохнув, будто борясь с тошнотой, сказала:

– Ты точно чудеса творишь! Мне не было так страшно даже тогда, на поляне с зарубленными разбойниками. Но вот так ковыряться в живом теле. Это жутко! Ты его резал и сшивал, как тряпичную куклу! Разве так можно?!

– Да я даже не врач! У нас на земле операции на сердце и мозге запросто делают!

А то, что я тут напортачил, любой фельдшер-коновал запросто с самого дикого похмелья сделает! Ничего в этом особенного нет!

– И все равно, ты спас Хлюпа! Ведь он, если бы и выжил, то инвалидом бы остался после такой раны! – Лэя вскочила и бросилась к Женьке со слезами и обниманиями.

– Он же мне, как собственный ребенок!

– Не мне, а нам, – тихонько прошептал ей в ухо Женька, будучи полузадушенным нежными объятиями принцессы. – Мы же теперь одна семья.

Лэя отстранилась и заглянула в Женькины глаза. Она умела так внимательно заглядывать своими зрачками. Женька чувствовал, как будто она читает где-то на дне его глаз все его тайны. Хотя никаких тайн скрывать от нее он и не собирался.

Видимо, разглядев где-то в глубине Женьки полное подтверждение его словам. Она, удовлетворенно, с серьезным видом кивнула и, ничего не сказав, снова его обняла.

Из ее объятий Женьку освободил всхлип очнувшейся маленькой лесной хозяйки. Лэя ойкнув, кинулась к той, успокоительно лопоча что-то на незнакомом Женьке языке.

Он с любопытством наблюдал, как Лэе, видимо, удалось объяснить малышке, что тут произошло, и та, уже не так пугливо посматривая на странного сэйла, подошла к лежащему на боку Хлюпу и, присев рядом, стала осторожно гладить раненного по голове. Насколько Женька понимал мимику Хлюпа, тот был на седьмом небе от счастья, разомлев от внимания сразу двух дам. Лэя, видимо, здорово его "анестезировала", и он попытался даже двигаться. Женьке пришлось тихонько прикрикнуть, предупредив, что рана может открыться и закровоточить, и двигаться строго воспрещается еще с часик – два.

Когда женщины успокоились, Женька сказал, что надо собрать лагерь на берегу, пока его не разобрали какие-нибудь любопытные крокодилы-переростки или кроты-людоеды – с этого мира станется! После эдаких летающих крепостей он уже ничему не удивится. Лэя опять посовещавшись с пушистой малышкой,

сказала:

– Она посидит с Хлюпом, пока мы соберем вещи, и принесем их сюда, – и они, не мешкая, отправились на берег.

Лэя, накинув сарафан с оборванным подолом, чуть не вприпрыжку, радуясь спасению ее питомца, бежала впереди. Женька отметил, что он, кажется, перестарался с длиной подола и достиг абсолютно противоположного эффекта, чем ожидал – временами мелькавшие из под платья крепкие округлости сводили его с ума. И ему пришлось, чуть не рукой придерживая мешающуюся конечность, догонять свою принцессу и исправлять ситуацию. Он подхватил на руки расслабившуюся после стресса девушку, и, уложив в траву, помог ей, и заодно себе, снять оный стресс, предварительно сняв с нее получившийся слишком сексуальным, сарафанчик.

– Откуда у тебя только силы берутся?! – счастливо смеялась пойманная и наколотая на неслабую булавку фея.

– У нас это называется гиперстимуляцией. Если ты и дальше так будешь передо мной скакать, сверкая всякими соблазнительностями, то я умру от перерасхода сил, но мой главный орган борьбы за удовольствия будет несгибаем! Так что сможешь повязать на нем бантик, как павшему геройской смертью на полях постельных сражений!

– Нет, лучше я тебя сберегу и замотаюсь в какую-нибудь страшную тряпку с ног до головы!

– Ну, так не интересно! – пожаловался Женька, опять начиная целовать свою прелестницу.

– Все! Там наш мохнатый ребенок чуть живой лежит, а мы, не знаю, чем занимаемся! – возмутилась Лэя.

– А я знаю: мы души так лечим! Разве не стало легче?!

– Стало, но все равно, давай, поспешим! И, пожалуйста, теперь ты беги впереди! – счастливо смеялась Лэя.

Лагерь был почти в том же состоянии, в котором они оставили его ночью. Никакие кроты с крокодилами им не заинтересовались. Только полотно ткани с подстилки, на которой спал Хлюп, было скинуто в сторону, видимо, когда птица схватила и начала тащить Хлюпа. Женька намыл руки и сказал Лэе:

– Не стоит бросаться тряпками, все эти лоскутки я простираю и прокипячу – будет хороший перевязочный материал!

– Слушай, я только сейчас поняла, какие мы беспечные были! – задумалась Лэя.

– А я еще и полным болваном, потому что не верил рассказам про этих страшилищ! – Но, все равно, здорово! Если бы мы боялись, то ты не подарила бы мне такой ночи!

Так что иногда жизнь стоит того, чтобы делать глупости – без них было бы слишком скучно!

– Мне кажется, эта девушка-лонк нам может сильно помочь. Она-то здесь живет и наверняка много чего знает об этой стране, – продолжала рассуждать Лэя, сама лучась от счастья при Женькином упоминании о прошедшей ночи. – Кстати, ее зовут Шэл.

– А на каком языке вы с ней разговариваете?

– Это язык лонков, живущих в Эриане. Он, говорят, немного отличается от места к месту, но я Шэл понимаю, и Хлюп хорошо помнит этот язык – мы в детстве между собой на нем общались. Он очень простой и состоит, наверно из всего нескольких сотен слов. Но лонкам и не нужны премудрости – они словно дети! – лицо Лэи осветила ласковая улыбка, и Женьке стало ясно, что Лэя готова взять в семью еще и новую подружку Хлюпа.

– Слушай, а тебе не показалось, что они как-то неравнодушно друг на друга посматривали?! – ненавязчиво решил проверить эту гипотезу Женька, пока увязывал свой рюкзак.

– Показалось! Не то слово, Хлюп, по-моему, совсем обалдел! Вообще-то это чревато тем, что он сменит ориентацию привязанности с меня на Шэл, но это, может и к лучшему – он обретет новый смысл жизни и обзаведется семьей.

– Что-то этот день шибко урожайный на новые семьи! – философски заметил Женька и помог Лэе одеть ее станковый рюкзак, который он самолично смастерил перед выходом в поход. Затем навьючил на себя всю свою и Хлюпову поклажу и, немного пошатываясь, пошел к месту недавно разыгравшейся драмы.

Подойдя к пункту воздушной аварии, они заметили, что отношения двух молодых лонков получили продолжение. Шэл уже сидела, положив голову Хлюпа себе на колени, и они о чем-то счастливо ворковали.

– Ты не могла бы снять обезболивание с Хлюпа. Мне надо знать его настоящие ощущения, рана не должна больше так уж сильно болеть, а у него еще могут быть повреждения внутренних органов. Заодно поменьше вертеться будет и рану побережет.

– Решил ребенку счастливый момент испортить? Это тебе завидно, что и ему так же хорошо, как и тебе?! – лукаво посмотрела на него Лэя.

– Ну, я серьезно, а ты… – притворно расстроено протянул Женька.

– Ладно, сейчас попробую, но это не так легко, как кажется. Что я должна ему внушить? Не то ведь, что его рана сильно болит! Ладно, попробую внушить, что ему ничего не внушали и он свободен в своих чувствах, – Лэя собралась и замолчала, а

Хлюп, казалось, не замечал Лэю с Женькой.

Наконец Лэина установка подействовала, судя по тому, как Хлюп сморщился и осторожно прикоснулся к повязке.

– Хорошо! – кивнул Женька и приступил к повторному осмотру пациента, прощупывая ему живот и проверив, не кровоточит ли повязка. Все оказалось в порядке.

Лэя, тем временем, беседовала с Шэл и выяснила много интересного. Как оказалось, племя лонков, в котором жила Шэл обитало здесь испокон веков. По крайней мере, так считала Шэл. Она называла эту местность предгорья. Дальше, вглубь страны, начинался пояс дождей, за которым начиналась пасмурная страна, но туда лонки не ходили. Там обитали "несчастные" или "несчастливые". Кто такие эти "несчастные" Лэя не поняла точно, но, скорее всего, это были большие или уродливые твари, вроде той птицы, что схватила Хлюпа. Шэл сказала, что из всех "несчастных" только птицы по глупости залетают сюда, гонимые голодом. Но для них здесь слишком тяжело и они гибнут или возвращаются, если могут пролететь обратно пояс дождей. Они и солки являются главной опасностью для лонков. Шэл, как раз, была в дозоре, охраняя племя от этих пернатых гигантов, ну, и одновременно в охотничьей вылазке, когда она увидела эту птицу, летящую прямо на нее и держащую Хлюпа в лапе. Она видела, как молния ударила птице в хвост. Ей повезло, что птица летела низко, и Шэл метко запустила стрелу прямо ей под клюв – это единственное место, в которое можно поразить такого пернатого монстра из лука. Маленькая пушистая амазонка принесла показать прислоненный к дереву лук. Женька с немалым уважением взял оружие в руки. Судя по размеру, он бы посчитал, что лук в пору ему, если бы не видел перед собой его подлинную владелицу.

– Как же ты с ним управляешься?! – воскликнул он удивленно, не подумав, что Шэл его не понимает. Но Лэя помогла ему с переводом, и малышка, горделиво усмехнувшись, взяла лук из рук Женьки и в мгновение ока всадила стрелу в дальнее дерево, да так, что кора вокруг стрелы разлетелась вдребезги. Женька, не веря глазам, подошел к стреле и попытался ее вытащить, что не удалось с первого раза, и только раскачав ее двумя руками, ему удалось это сделать.

– Снимаю шляпу! – крикнул он уважительно, с опаской поглядывая от дерева на лесную фурию. Подойдя к Лэе, передавшей его слова довольной малышке, он добавил не для перевода. – А ведь ни за что не подумаешь, глядя на ее ласковые глазки!

– Хорошо, что ты меня с этой стороны еще не узнал, а то

сбежал бы раньше времени! – рассмеялась Лэя.

– Что-то мне подсказывает, что скоро узнаю, – притворно траурным тоном предположил Женька и, вспомнив, спросил. – Кстати, что-то мы какие-то нелюбопытные. На сбитого воробышка посмотреть так и не сходим?

– Действительно, что-то мы совсем о птичке забыли! – воскликнула Лэя и сразу перевела вопрос Шэл.

Та ответила, что "несчастные" несъедобны, но если им интересно, они могут взглянуть на птицу по пути в гости. Шэл продемонстрировала себя радушной хозяйкой и пригласила их к себе в стойбище племени. Женька спросил Лэю:

– Так, на всякий случай, вопросик: А они сэйлами не питаются? – он чувствовал, что глубоко проникся уважением к воинственным способностям забавных родственников Хлюпа.

– Не думаю, сэйлы бы их так не любили, если бы они на нас нападали! Я думаю, Хлюп ей сильно приглянулся, а они не умеют жеманничать, вот она и приглашает нас с ним, вернее, его с нами в гости!

– Ну, тогда давай носилки сооружать для раненого и вещей!

Шэл помогла им, взяв много поклажи на свои маленькие, но сильные плечи. Так что Хлюп, осторожно перемещенный на носилки, с комфортом поехал в гости, чего нельзя было сказать о Женьке и, особенно, о Лэе. Женька поставил ее назад и сделал длиннющие жерди с ее стороны, чтобы она могла глядеть под ноги, а главное, чтобы груз пришелся на его плечи. Но все равно лес был довольно мелкий и густой, и Женьке было жалко его принцессу, вынужденную петлять по зарослям на заплетающихся ногах. Хорошо, что по пути еще не было косогоров и буреломов.

Через сотню метров они увидели пернатого гиганта, застрявшего сразу между несколькими деревьями. Одно крыло заломившись, застряло в кроне дерева, другое подвернулось под птицу. Шея откинулась набок и из горла торчала стрела. Женька спросил у Шэл:

– Может, снимем стрелу? – и после перевода увидел брезгливую ужимку на лице малышки.

– Она сказала, что стрелу не жалко, а эта тварь неприятная, "несчастная". Пусть себе потихоньку тут протухает.

Протащившись мили с три, они, наконец, на трясущихся ногах, вышли к стойбищу.

Оно располагалось на большой поляне среди высоких деревьев. Женька взглянул на кроны деревьев, почти смыкающиеся над поляной на большой высоте. Ему стало понятно, почему лонки живут в лесу – большим птицам фактически нельзя было попасть под деревья, если только упав

камнем в зеленый колодец деревьев.

На поляне стояло несколько домиков, сплетенных из лозы и обмазанных глиной.

Повернув голову, он нашел еще несколько домиков, расположенных невысоко в кронах деревьев. Он вспомнил, как Хлюп любил шастать по деревьям, и понял, что молодые особи, наверняка, любят жить в подвешенном жилье. Похоже, Шэл была именно такой юной особью, так как показала на один, маленький домик, закрепленный в ветвях на уровне двух метров от поверхности земли, и сообщила путникам, что она там живет.

Все Женькины сомнения в радушии ее соплеменников, словно сняло рукой, когда он увидел сбегающихся к ним радостных плюшевых медвежат. Видимо, крик Шэл предупредил всех о добрых намерениях гостей, и этого было достаточно, чтобы устроить праздник. До Женьки стало доходить, что не только у сэйлов большая приязнь к лонкам, но и наоборот, лонки тянулись, как дети, к сэйлам. Их обступили, что-то шумно обсуждая и сочувственно переговариваясь с Хлюпом. Лэя тоже отвечала на их вопросы, и сразу несколько лонков, покоренные ласковым голосом, держали ее сразу за обе руки, что-то лопоча, перебивая друг друга и доверительно заглядывая в глаза. Женьку поразило сходство сцены с детским садом, когда сразу несколько малышей, пытаются завоевать внимание любимой воспитательницы. Он чуть не заржал, но вовремя спохватился и только улыбнулся своей мысли. Несколько лонков сразу заметили его улыбку и подошли к чужаку, но поняв, что от него не добиться ни слова, немного грустно отошли в сторону.

Наконец Лэя сумела, лаково оправдываясь, вырваться из объятий толпы малышей и подойти к Жене.

– Они такие лапушки! Словно дети! – Лэю распирало сочувствие к братьям меньшим.

– Как им тяжело здесь живется! Ведь они многого не умеют и не знают. Наш Хлюп просто мудрец-академик среди них. Они борются с этим диким миром на грани выживания. Они первый раз видят сэйла, говорящего на их языке – вот и обрадовались нам.

– А они видели сэйлов раньше? – спросил Женька.

– Насколько я поняла, судя по их описанию, здесь очень давно проходили инквизиторы в поисках ведьм и колдунов. А о сэйлах-волшебниках у них есть легенды или предания. Кстати они меня считают волшебницей – Шэл им рассказала, как я поджарила хвост той пичуге. А тебя тоже за какого-то колдуна принимают, но боятся подойти! – Лэя хитро усмехнулась и добавила. – Герой! Напугал малышей, и доволен!

– Да, я такой! Страшный! – и оголив клыки в страшненьком оскале, Женька зарычал на Лэю.

Лучше бы он этого не делал! Малыши резко перегруппировались вокруг Лэи. Самые маленькие с воплями бросились прочь, а те, что побольше, образовали плотное кольцо вокруг своей доброй волшебницы и ощетинились палками и каменными клинками.

Даже пару стрел успело нацелиться на Женьку.

– Ну что, получил! Жестокий узурпатор! – Лэя показала свой язычок и весело рассмеялась. Потом что-то громко залопотала лонкам и, подойдя к оторопевшему Женьке, обняла, повиснув у него на шее, и впилась в его губы долгим французским поцелуем. Улетая куда-то в облака от балдежа, Женька только успел подумать: "Как быстро растут ученики, вернее, ученицы!" Наконец оторвавшись от своего ненаглядного пугала для лонков, Лэя обернулась к озадаченно смотрящим на них малышам и еще что-то им объяснила.

– Все! Считай, что я тебе жизнь спасла! – объяснила она ситуацию Женьке. – Ты теперь будешь для них, моим, хоть и страшным, но любящим супругом. Так что продемонстрируй свою любовь, пока не поздно!

Женька с удовольствием обнял и приласкал Лэю, но тут же остановился и спросил:

– Слушай, но не при них же тут сексом заниматься?! А просто так я дольше обниматься не могу – начнутся неприличные последствия!

– Все, достаточно! – смилостивилась принцесса и скомандовала. – Надо Хлюпа устроить. Шэл предложила поместить его в доме ее родителей. Вон в тот домик побольше, который слева.

Они перенесли и устроили Хлюпа в доме. Дом, хоть и был большим по меркам лонков, но Женька с Лэей еле протиснулись с носилками в маленькие двери и не могли до конца выпрямиться под низким потолком. Рана для Хлюпа не прошла бесследно и у него поднялась температура. Женька опять попросил Лэю немного загипнотизировать малыша, чтобы тот зря не мучился и поспал. Женька дал Хлюпу выпить пару ложек гремучей смеси растительного антибиотика и укрыл его одеялом.

Устроив малыша на отдых, Женька с Лэей тут же, неподалеку на полянке соорудили себе маленький походный бивак. Малыши уже вовсю готовили пир на весь мир. На нескольких кострах, что-то кипело в глиняных горшочках и пеклось на деревянных вертелах. Усевшись с Лэей передохнуть на импровизированную лежанку, Женька наблюдал за жизнью стойбища. Всего мохнатых

малышей было десятка полтора – два, но, сколько отсутствовало по делам, было трудно догадаться.

Сейчас почти все присутствующие суетились у костров. Было видно, что сэйлы-путешественники для них событие экстраординарное. О таких случаях они, наверно, слагают сказки и легенды. Как выяснилось позже, когда их пригласили к общему "столу", угощения были простыми, но неплохими на вкус. Они где-то даже соль добывали. Сам "стол" представлял собой устланную большими листьями поверхность, на которой были выложены лесные разносолы, а все участники пиршества расселись прямо на земле вокруг "стола". Главное место на пиршестве было отведено Лэе и Женьке (Куда ж его денешь, если волшебница с ним не расстается!). Женька настоял на особой диете для Хлюпа, его поили мясным отваром и ягодным компотом. На "столе" угощения были в основном из мяса, лесных плодов и грибов. Лэя не пожалела сухих лепешек из походных запасов и лонки с восхищением, смешанным с опаской, пробовали новую еду.

Пока все угощались и беседовали о том, о сем, перед Лэей и Женькой ребром вставал вопрос: Что делать дальше? Сидеть неделю в стойбище у ослабленного Хлюпа им явно не хотелось. После обмена мнениями, решили оставить разговор до завтра.

После пиршества лонки даже в пляс пошли, настукивая веселый ритм палочками на импровизированных тамтамах. В общем, совсем уж мрачной их жизнь назвать было нельзя.

Что больше всего удивило Лэю и Женьку, так это наличие у лонков своих лошадей.

Ближе к вечеру Шэл пригласила путников куда-то прогуляться и все повторяла одно слово: одак. Лэя не смогла понять, что или кто это, но послушно последовала за хозяйкой лесов. Вскоре они пришли к загону, в котором паслось несколько маленьких лошадок, которые сильно смахивали своей лохматостью на земных пони.

Для ослов, они были крупноваты, а для лошадей слишком коренасты.

Шэл сказала, что сейчас время перегнать их на ночь ближе к стойбищу, под охрану лонков. Она крикнула что-то совсем маленькому плюшевому собрату, видимо, ребенку, стоявшему здесь на посту, и они начали споро связывать веревками небольшой табун, цепляя животных за своеобразные уздечки. Женька насчитал двенадцать голов – немало для такого племени. Шэл вскочила верхом на переднюю лошадь и пригласила Лэю с Женькой сесть на других пони. Женька с недоверием примерился к крошечному скакуну и вопросительно посмотрел на Лэю. Та,

поняв его сомнения на счет прочности спины копытных друзей лонков, спросила об этом Шэл. На что та только рассмеялась и ответила, что лонки вчетвером на них катаются – они очень сильные и выносливые. Женька осторожно взгромоздился на самую большую лошадь – к его радости, ноги не достали до земли. Одак под Женькиной задницей даже не шелохнулся – это вселяло надежду, и маленький караван двинулся в стойбище.

Подъезжая к поляне с домиками, Женька уже не сомневался в возможностях этих маленьких скакунов. Вдобавок, меньшая сила тяжести помогала животному легко выдерживать такого большого седока, как Женька. Так что, когда они с Лэей оказались на земле, у них в головах закрутилась одна и та же мысль: как бы раздобыть пару таких лошадок в поход. Удивляла и смирность одаков, принявших на спину сэйлов, как само собой разумеющееся.

Глядя на зачастившую к Хлюпу Шэл, у Женьки начал формироваться некий план действий. Правда, пока он не решался предложить его Лэе. Неизвестно еще, удалось бы им уломать лонков на то, чтобы те подарили им пару лошадей или нет, но ночью произошло событие, которое сильно сработало на руку путешественникам – так сказать, несчастье счастью помогло. Стойбище, как и прикорнувшие под походным навесом путники, видело не первые сны, когда с наступлением звездного рассвета заголосил один из постовых лонков.

Лэя, натренированная последним происшествием с Хлюпом, мгновенно вскочила и встала в боевую позу. Крик доносился от табуна на краю стойбища. В серебристом свете она заметила три черные тени, похожие на солков, движущиеся вдоль опушки.

Лэя не раздумывая, вытянула руки и, что было сил, "пальнула" молнией по первой тени. С опушки донесся жуткий вой. Первая цель закрутилась волчком. Лэя, понимая, что остальные солки не будут ждать и исчезнут в лесу, тут же сконцентрировалась на второй тени и представила, как та горит. Открыв глаза и увидев крутящийся волчком живой факел, она сама испугалась своей жестокости и просто выстрелила по третьей тени молнией, как и по первой.

Спустя несколько мгновений первые подоспевшие мохнатые воины кинулись добивать мучающихся хищников. Лэя только успела попробовать остановить сердце у горящего животного, как остальных животных добили подоспевшие помощники. Лэя внезапно почувствовала приступ слабости и, наверно, плюхнулась бы на землю, если бы не поймавшие ее нежные и заботливые руки. Женька подхватил, как перышко, защитницу лонков и отнес ее обратно на ночное ложе.

Как оказалось утром, Лэя в течение трех секунд уничтожила стаю хищников, терроризировавшую стойбище на протяжении полугода. После этого лонки начали буквально молиться на великую волшебницу. У них в стойбище тоже была старушка, могущая немного колдовать, но ее усилий хватало, если только на разжигание маленьких веточек. При виде столь могучей волшебной артиллерии они, с одной стороны, стали немного опасаться Лэи, а с другой – не знали, как ее отблагодарить за защиту и покровительство. К утру Лэя совсем восстановила силы, и у лонков создалось впечатление, будто она играючи перебила всех солков.

В поддень Женька занялся лечением Хлюпа. Положив примочку, дал отмокнуть ране с часок. Потом осторожно снял тампон и осмотрел рану. Нагноений не было, края только слегка припухли. Все говорило о том, что рана заживает хорошо. Он опять наложил пропитанный антибиотиком и высушенный тампон и снова перевязал Хлюпа.

Тот уже мог спокойно терпеть тупую боль и стал садиться. Вставать своему маленькому пациенту Женька пока запретил. Покончив с лекарским делом, Женька оглянулся и опять нашел неподалеку от себя напряженный взгляд круглых глазенок.

Это Шэл неслышно прокралась в дом и, не дыша, наблюдала за мучениями своего, судя по ее тревожному взгляду, уже очень даже ненаглядного друга. Одобрительно улыбнувшись плюшевой девочке, Женька сдал больного с рук на руки и пошел искать свою половинку.

Отловив Лэю в компании лонков, он отвел ее в сторону и замялся, не зная, как начать разговор. Лэя усмехнулась и сказала:

– Хочешь, я сейчас тебе расскажу все, что ты собираешься у меня спросить?

– Как?.. – Женька хотел спросить "как ты догадалась", но только согласно кивнул.

– Хочу!

– Ты не можешь никак предложить мне оставить Хлюпа с Шэл. И конечно, позарился на их лошадок! – укоризненно высказала ему Лэя.

– Извини, – пристыжено промямлил Женька.

– Дурачок ты мой! Ты так ничего и не понял! – Лэя улыбнулась ему и, нежно обняв, поцеловала в щеку. – Ты спрашиваешь у своей ноги, куда ступать? Ну, или наоборот, стесняется твоя шея спросить голову, куда поворачиваться? Я давно уже сама пришла к тем же выводам, что и ты. Сидеть с Хлюпом – значит потерять еще неделю.

Да и после, он все-таки будет нам, хоть и приятной, но

обузой. А сегодня я заметила, что он даже не вспоминает меня. У него, действительно, теперь другой, лохматый интерес в жизни. И на счет лошадок я уже договорилась. Так что, к берегу внутреннего моря мы можем за несколько дней добраться. Давай, завтра еще на Хлюпа посмотрим и, если он так и не вспомнит толком обо мне, собираем вещи и отправляемся!

– Хорошо, я как раз сделаю ему последнюю перевязку. Дней на пять ему хватит.

Надо только Шэл научить, как снять швы и продезинфицировать после этого рану.

– Надеюсь, теперь солки не будут их еще долго досаждать, и мы найдем Хлюпа здоровым и счастливым на обратном пути, – улыбнувшись, Лэя добавила. – Ну что, будешь еще меня стесняться?!

– Нет, – опять пристыжено ответил Женька.

ГЛАВА 15. СКВОЗЬ ДОЖДИ, ЛЕСА, СТРАХИ И ВОСТОРГ

На следующий день, когда они выезжали в поход на двух самых рослых лошадях лонков, солнце уже стояло почти в зените. Женька с Лэей все утро мастерили седельные сумки и подобие самих седел из рюкзаков и прочих походных материалов.

Хлюпову поклажу они, естественно, оставили больному, в качестве приданного. Рана лонка продолжала заживать и не вызывала больше опасений у доктора Айболита, как насмешливо прозвал сам себя Женька.

Распрощавшись с лонками, вышедшим провожать волшебницу, путники направили лохматых скакунов по направлению к реке, чтобы продолжить свой путь по лугам вдоль поймы. Кроме нескольких мест, где им пришлось спешиваться в зарослях кустарников, путь проходил по ровной поверхности и доставлял только удовольствие.

После полудня горизонт впереди начало затягивать синее марево. Скоро едва перевалившее за полдень солнце спряталось в грозовые облака. Проехав еще с час, Женька натянул поводья, обеспокоено уставившись на сине-черный дождевой фронт, висящий прямо перед ними. Тяжелые тучи иногда подсвечивались сполохами зарниц.

– Кажется, здесь начинается пояс дождей! – высказал он свои сомнения подъехавшей Лэе. – Какие будут соображения?

– Может, остановимся тут? Все равно осталось часа три до темноты.

– А что лонки говорили о поясе дождей? Сможем мы его пересечь за день?

– Нет, не думаю, они говорили, что-то о "несчастных", которые не переходят этот пояс, так как вода льется два дня и только эти огромные птицы пролетают то ли под дождем, то ли над тучами и попадают к ним. Я думаю, что они имели в виду два дня пути пешком под дождем.

– Ладно, остановимся здесь, только отойдем в лес, чтобы птички на нас не позарились, пока мы спим.

Они привычно разбили лагерь. Женька разгрузил и обтер сухой травой лошадок и, стреножив, пустил пастись на лугу, рядом с опушкой. Лэя тем временем приготовила ужин. Но все это время одно новое чувство преследовало их обоих. Впервые они остались совсем одни. После двух ночей посреди стойбища

лонков они могли делать, что им вздумается и когда им вздумается. А вздумываться Женьке стало сразу же, как только они остановились для разбивки стоянки. Наконец, не в силах сдерживаться, Женька запихал в себя остатки еды, осторожно переместился за спину еще ужинавшей Лэи и тихонько обнял ее за талию, слегка соскользнув руками вниз…

Лэя аккуратно отставила плошку в столону и со вздохом спросила:

– Что, тоже невтерпеж?!

– Тоже?! – только успел удивиться Женька, как оказался под кинувшейся на него Лэей.

– А что, ты думал, я бревно какое-нибудь? – прошептала Лэя, покусывая своими острыми клычками его ухо.

Но Женька не стал спешить. Получив в объятия свою принцессу, он растягивал удовольствие, сам еле сдерживаясь, от того чтобы не наброситься на нее и не закончить все в несколько секунд. Но все-таки они не удержались и, спустя некоторое время, вцепились в друг друга, как два изголодавшихся зверя. К счастью, в этот вечер у них был еще не один шанс начать все с начала.

Уже совсем в сумерках Женька ловил отблески костра в кристаллической зелени Лэиных глаз. Она же, лежа на боку, играла его ухом.

– Знаешь, кажется, всю жизнь бы лежал так с тобой рядом, – шепнул Женька.

– Взаимно! – призналась, улыбаясь Лэя.

– А ты не знаешь, почему лонки называют этих огромных тварей несчастными? Я так и не понял, – вспомнилось Женьке.

– Ты знаешь, довольно странно, но лонки жалеют этих чудовищ. Они говорят, что эти переростки изгои, они вечно голодны и одиноки. Кстати они и меня назвали "несчастной", но счастливой "несчастной".

– Постой, что за масло масленое, вернее, наоборот? Ничего не понимаю!

– Я, кажется, сейчас поняла. Наверно они имели в виду то, что я ведьма.

– Волшебница! – сердито поправил ее Женька.

– Хороша волшебница – птичку не пожалела, солков перебила – добренькая!

– Не добренькая, а добрая! А добро иногда должно быть с кулаками! Такова жизнь!

– Женька не на шутку взъелся. – Если бы не твоя пальба, жизнь многих лонков была бы в опасности! – потом вдруг до него дошло, о чем говорила Лэя. – Так что, "несчастные" и волшебницы одного поля ягоды?

– Вроде так, получается.

– Постой, постой! А ведь теперь все здорово укладывается в схему. Звери же часто оказываются на грани жизни и смерти. А что получится, если такая зверюшка начнет несознательно формировать действительность? Она же почти автоматически начнет увеличивать себя в размерах. Почти все звери стремятся стать побольше, чтобы напугать соперников, врагов или жертвы. Некоторые, конечно, пытаются спрятаться и уменьшиться, но мы их, наверно, не заметим. Дальше, они начинают "выдумывать" себе еду, а еда только с виду еда, а внутри, бог знает что. Потом, большинству хищников нужна движущаяся цель, а придумать такое у них просто не хватает ни сил, ни воображения. А ведь они еще могут стать поядовитей, посмертоносней если захотят. И конечно, они одиноки. Действительно, "несчастные". И тогда понятно, почему ты счастливая "несчастная". Потому что ты понимаешь, что происходит, и сознательно управляешь процессом колдовства.

– Это ты загнул, что я понимаю! Ты сам-то понимаешь, что здесь твориться?! – рассмеялась Лэя.

– Ну, тут развернутое лишнее, четвертое измерение создало несколько эффектов: гравитационную линзу, "размягчило" три основных измерения, чем сделало возможным частичное проникновение астрала в реальность. А этим, пользуются не только сэйлы-экстрасенсы, но и воистину "несчастные" животные. Вот и все!

Лэя чуть не давилась, сдерживая смех и давая Женьке выговорить свою "мудрую" мысль до конца. Все же она не выдержала и расхохоталась, под конец Женькиной речи:

– Ты сам-то хоть что-нибудь из этого понимаешь?! Навесил на все этикетки со всякими непонятными словами и тасуешь их туда-сюда.

– А… как ты догадалась до этого? – Женька, в который раз замер с раскрытым ртом, поражаясь Лэиным наблюдениям, и восхищенно пояснил. – Моя умница! Ты еще раз ткнула меня носом, куда тыкают котят! И не спорь! – добавил он, предвидя возмущение Лэи на "умницу". – Ты сама не знаешь, что сейчас, почти дословно, сказала то, чему нас учил Буль, когда мы первый раз попали в астрал! Откуда ты узнала про этикетки или таблички?!

– Я просто представила, как ты их навешиваешь на все эти непонятные явления – это так забавно!

– И ты права. Просто чтобы выжить здесь, я должен придумать всему объяснение.

Это такая психологическая скорлупа, куда ученый все время

прячется от необъяснимых явлений природы, а я ведь ученый, пусть и плохенький, – продолжая разглагольствовать, Женька вдруг заметил, как погрустнело лицо Лэи. Он остановился на полуслове и, подумав, тихо спросил:

– Хлюп?

– Да, – грустно ответила Лэя, – Понимаешь, это все равно, что своего ребенка оставить.

– Понимаю. Хотя ты его не столько оставила, сколько женила, и он сейчас в маленьких, но крепких и ласковых ручках Шэл! Я думаю, дней через пяток он даже может приступить к своим прямым обязанностям! – хитро заметил Женька.

– Каким еще обязанностям? – не поняла Лэя.

Женька, начав совершать коварные поползновения руками, объяснил:

– Прямым… по продлению славного рода лонков! – и нежными действиями напомнил Лэе, что они попусту тратят время в научных беседах и рассуждениях о помощи ближним, когда самые ближние сейчас так нуждаются в обоюдных ласках…

***

Их кони остановились перед туманной стеной мелкого дождя, начинающейся в каких-нибудь ста метрах впереди. Женька, спешившись, подошел к Лэе, сидящей на своем пони и, залюбовавшись, вспомнил, как эффектно она появилась в золотом костюме на вороном коне первый раз перед Ренком. Сейчас конь был маленький и забавный, и золотой костюм отсутствовал, но от этого Лэя как будто только выигрывала. Словно ее красота еще больше контрастировала с простыми вещами окружающими ее. Видя, что ее дорогой инопланетянин опять впал в какую-то дебильноватую прострацию, Лэя спросила с легкой насмешкой:

– Что, опять плохо?

– Нет, слишком хорошо! – мечтательно ответил Женька.

– Ну, это поправимо!

– Правда?! – обрадовано начал пускать слюни Женька. Он понимал, что, действительно, перестал контролировать и себя, и ситуацию, после того, как Лэя сама разрушила все преграды, которые нагромоздила судьба между ними. Он жил сегодняшним днем, не думая, что их ждет впереди и ему порой казалось, что судьба-злодейка начинает потихоньку сдавать позиции. Теперь у него была даже сумасшедшая надежда, что у них с Лэей будет,

вопреки всем рациональным рассуждениям, общий ребенок.

Женька безоговорочно принял Лэину теорию о зарождающейся душе, которой они отдали часть себя, потому что он чувствовал – это так. Вот и сейчас, вместо того чтобы проверить, как Лэя готова к дождевой погоде он полез обнимать и целовать ее прямо так, как она сидела на лошади – благо рост пони позволял это сделать.

– Слушай, я не это имела в виду, а дождь! – возмущенно воскликнула Лэя, а сама наклонилась к Женьке, подставляя ему щеки и губы. – Все, хватит! – Лэя взмолилась. – Мне что с лошади теперь слезать?!

– Все, все, – прошептал, останавливая себя Женька. – Ты знаешь, это, может быть, наибольшая опасность, если в критический момент я не смогу адекватно соображать!

Надевай накидку, а я посмотрю еще раз, хорошо ли укрыты сумки.

Утром Женьке пришла одна удачная мысль. Он спросил Лэю, помнит ли она водостойкую одежду из синтетических тканей, которые она видела в Отраженном реале Земли, когда они катались на водных аттракционах. Лэе удалось неплохо "выдумать" их. Женька ничего не мог сказать об их структуре, но то что дождевые накидки были прочные, легкие и водостойкие не вызывало сомнений. Потом он вспомнил о курсах альпинистского и походного снаряжения, которые должен был провести для Лэи Буль. Теперь явно настал час Лэе сдавать экзамен на знание предмета. Женька попросил ее вспомнить высокие – по голень, водостойкие ботинки из мягкой кожи, и "изобразить" себе и ему по комплекту. Через мгновение он держал в руках новенькие ботинки. Лэе ботинки оказались впору, а Женьке пришлось повторить заказ – первые оказались немного малы.

После этого Лэя почувствовала некоторую слабость, и Женька придумал один эксперимент. Он усадил Лэю себе на колени и, приблизившись вплотную к ее лицу, стал неотрывно смотреть в ее расширенные вертикальные зрачки, стараясь утонуть в них и отдать всю энергию своей души, на какую только был способен. Кажется, душевное донорство удалось даже слишком хорошо. До затуманившегося Женькиного сознания дошел Лэин вопрос "Что это было?", и он сообразил, что Лэе стало легче.

Лэя действительно была прежней, но вот Женька еще с полчаса еле таскал ноги по лагерю, пока не почувствовал, что может отправляться в путь.

Сейчас Лэя красовалась на лошади в высоких походных ботинках и накинутом дождевике. Женька тоже запаковался, насколько мог, и они тронулись под полог сплошного дождя.

Спустя сотню метров мир полностью изменился. Вокруг было столько воды, что казалось, было трудно дышать. Еще через полмили, грозовой фронт остался позади, и только серый дождь, не прекращая, изливался на их головы.

Женька все время пытался удерживать в видимости реку справа, что было трудно, так как она петляла. Других же ориентиров, кроме стрелки компаса попросту не было. Не было неба. Не было ничего вокруг, кроме каких-то необычного вида кустарников и травы, привыкших расти в условиях вечной влажности. Почва под ногами опасно проваливалась, будучи заболоченной постоянными ливнями, не смотря на то, что поверхность лугов все время довольно круто наклонялась к реке. Женька оценил широкие раздвоенные копыта лошадок, не дававшие им проваливаться в разбухший чернозем.

Они проехали немалое расстояние, наверно, с полдня пробыв в пути, когда их постигло первое серьезное испытание. Женька вдруг заметил, что справа больше не видно реки. Он остановился в растерянности. Сначала он хотел оставить Лэю на месте, а сам съездить на разведку, но вовремя спохватился, что он не найдет потом ее среди этих бесконечных кустарников и лугов, скрытых под ситом дождя.

Испугавшись такой перспективы, он взял веревку, притороченную к седлу и, подъехав к Лэе, подвязал один конец к узде ее лошадки, а второй закрепил у своей седельной сумки. Затем, сказав Лэе, что они наверно сбились с пути, повернул строго обратно и, проехав с пару сотен метров, заметил тусклые блики на воде.

Подъехав ближе, он увидел, что река через пару десятков метров кончалась. Он не совсем верил своим глазам. Проехав в самый конец, он спешился и подошел к топкому берегу. До него донесся глухой рев, и он разглядел, как вода, посреди небольшого пруда, где исчезала река, закручивается в крутом водовороте. До Женьки дошло, что поток в этом месте уходит куда-то под землю.

Оставалось ориентироваться только по компасу. Он выставил лошадей друг за другом, осторожно из-за пазухи вытащил компас и под капюшоном сориентировался на местности. Чуть подправил направление вправо, и, заметив в полусотне метров несколько проглядывающих кустов, погнал лошадку на них. Делая корректировку по компасу каждые двести – триста метров они двигались потихоньку вперед. Местность сильно ухудшилась, ровная долина начала превращаться в настоящее болото. Им пришлось сойти с лошадей, чтобы те сильно не проваливались. Теперь Женька радовался кустарникам – их корни хоть как-то удерживали разъезжающуюся под ногами землю.

Через некоторое время этой пытки, снова появился уклон, и Женька, сквозь пелену дождя, увидел впереди воду. Подойдя ближе, он услышал уже знакомый рокот бурлящего где-то потока. Сначала он подумал, что это ручей выныривает из-под земли, но знакомый с элементарными правилами физики он понимал, что уровень поверхности не изменился, и у ручья просто не было никакой возможности вынырнуть на поверхность после того, как он туда занырнул. Объехав запруду слева, они увидели, что теперь река течет им навстречу. Сверившись по компасу, он понял, что они двигаются в правильном направлении.

Они продолжили поход, держась прежнего курса вдоль нового ручья. Несмотря на усталость, останавливаться не хотелось. В голове было только одно упрямое желание: идти, пока не выберутся из этого кошмара. Они перекусили, не слезая с лошадок. Женька остановился и подождал Лэю. Потом достал из ее седельной сумки сухие лепешки и мясо. Хлеб даже не пришлось размачивать специально, было достаточно выставить его из-под дождевика наружу, и можно было есть. Все было так противно сыро, что не хотелось совершать лишних движений. Несмотря на большие и хорошие накидки, вода пыталась проникнуть в любую дырку. Нельзя было поднять руку, сразу прохладный ручеек норовил пробежать до локтя. Пушистые спины лошадок стали напоминать обильно смоченную губку. Пока путники ели, кони пытались покормиться травой, растущей на этом болоте.

Все были поглощены едой и собственными мыслями и очнулись только, когда со стороны реки раздалось какое-то чавканье. Обернувшись, Женька с ужасом увидел черное блестящее создание, с лошадь величиной и сильно напоминающее саламандру.

Зубы только у этой саламандры были больше похожи на крокодильи. Зверюга, видимо, каким-то образом учуяв что-то съестное поблизости от берега, решила не терять время даром и шустро передвигала лапами, ловко таща свое брюхо по мокрой траве.

– Лэя! – только выкрикнул Женька, понимая, что не успевает что-либо предпринять до того, как эта блестящая мерзкая торпеда достигнет Лэиной лошадки.

Однако принцесса не была ни растяпой, ни трусихой и, сходу оценив ситуацию, вскинула руку в сторону твари и выстрелила ей в морду молнией. Так что к лошадиным копытам долетел уже полужаренный кусок огромной колбасы с зубами.

Зверюга, правда, не сдохла, но даже ее маленьких мозгов хватило, чтобы понять, что она, вместо того чтобы пообедать,

сама оказалась в роли жаркого. Тварь замерла на мгновение, очевидно перепрограммируя свое поведение в соответствии с изменившейся обстановкой, и рванула почти с той же скоростью в обратную сторону.

Подскочивший с мечом Женька даже не смог за ней угнаться.

– И что ты собрался с ней делать этой зубочисткой? – насмешливо спросила Лэя, отойдя от испуга.

Женька представил, насколько комично смотрится с коротким мечом против такой твари, и страшно смутившись, отвернулся от Лэи, смотря на ныряющую в воду зверюгу. Спустя пару секунд он почувствовал, что чьи-то руки взяли его сзади за плечи. Это Лэя спрыгнула с лошадки и, подойдя, мягко развернула Женьку к себе.

– Обиделся? Ну прости, пожалуйста! Это я за тебя испугалась. А если бы она на тебя пешего бросилась?! Я же понимаю, что у тебя не было времени думать, и ты кинулся меня спасать, как только мог! – ее извиняющиеся глаза, просящее заглядывали ему в лицо. – Но и ты пойми, мне ведь лучше будет, если эта тварь меня сожрет, чем с тобой что-нибудь случиться! Так что обещай, что впредь будешь и о себе думать!

– Хорошо, буду! – наконец, под натиском Лэиных просьб, Женькина обида прошла, и он, в знак примирения, поцеловал принцессу в мокрые губы.

– Бедняжка! Ты же теперь совсем мокрая! – он рассматривал влажное лицо Лэи, которое стало немного другим, так как намокшая шерстка стала темнее и как бы прозрачнее.

– Не смотри на меня! Я, наверно, как мокрая курица выгляжу! – смущенно улыбалась Лэя.

– Нет, ты прекрасна в любом виде, просто немного другая, и я хочу запомнить тебя такой тоже.

– Лучше скажи, что дальше делать будем? – спросила Лэя.

– А что еще делать? Идем прежним курсом до вечера, если сможем. Надо отсюда выбираться. Ты как, не сильно устала после стрельбы?

– Нет, на это у меня меньше всего сил уходит! Поехали!

Женька, как мог, просушил тряпкой спину Лэиной лошадки и примитивное, но удобное, кожаное седло, усадив обратно свою, почти насквозь мокрую фею. Потом проделал похожую процедуру со своей лошадью и с чмоканьем плюхнулся мокрым задом на спину бедного, не менее мокрого животного. Хорошо, что было относительно тепло – неизвестно, какая погода тут была бы, если бы в Эриане стояла снежная зима.

***

Заметив, что начинает становиться темнее, Женька стал подыскивать место для стоянки. И вот теперь Женька с Лэей стояли в сумерках посреди насквозь мокрого леса, держа под уздцы лошадок. Те луга, по которым они двигались вдоль реки, годились больше для валяния в мокрой грязи, чем для ночлега. Да и соседство с рекой больше не вызывало оптимизма. Так что он очень обрадовался, когда берег стал подниматься и впереди показался холм, поросший каким-никаким лесом. Они свернули перпендикулярно от реки и, спешившись, стали пробиваться через кустарники на опушке, пока не оказались на свободном месте под кронами каких-то лиственных деревьев. Женьку привлекло сломанное почти у комля дерево.

Он как раз раздумывал, как им устраиваться под этим ливнем, как Лэя подала волшебную идею:

– Слушай, а давай я сооружу большой полог над лагерем!

– Погоди, а это мысль! Умница ты моя, что бы я без тебя делал!

– Разве не ясно? Мокнул, как рыба!

– Только давай, сначала все продумаем. Во-первых, не тяжело это будет для тебя?

– Не думаю. Что-нибудь сложное, вроде ботинок "выдумать" гораздо труднее, простые холмы я могу такие большие навыдумывать – тебе не забраться будет!

– Да, я помню твою лестницу! Это, в принципе, объяснимо. Чем сложнее объект, тем больше сил на него уходит. В астрале важны не размеры выдуманного, а затраченная на это информация. Слушай, а сколько твои творения существуют, прежде чем реал "растворит" их?

– Ты знаешь, я сама не очень понимаю. Ботинки и накидки, которые я с утра "придумала" должны были уже раствориться, а они все еще вполне прочные. Может быть, здесь удлиняется срок их жизни?

– Вполне может быть. Ведь реал, наверно, слабеет по мере приближения к капсуле.

Все, потом поговорим, а то мокнуть надоело. Давай так: попробуй "придумать" металлический лист. Ты помнишь что-нибудь из астрала?

– Да, я помню такие очень прочные и легкие серебристые пластины.

– Тогда смотри: представь себе такой железный полог над этой полянкой, на высоте чуть выше наших голов, наклоненный в

одну сторону, чтобы туда скатывался дождь.

Потом "закрепи" этот лист на деревьях, чтобы он не упал нам на голову. И еще, постарайся сделать его тонким, чтобы не расходовать лишней энергии, – Женька отвернулся, а Лэя закрыла глаза, представляя себе их ночной шатер. Звук дождя изменился. Открыв глаза, путешественники увидели серебристый полог, укрывший маленькую полянку и прошивший насквозь несколько окружающих деревьев.

– Да-а! – восхищенно воскликнул Женька. – Деревьям теперь точно конец!

– Необязательно, может завтра все рассосется, – возразила юная зодчая и, расхрабрившись, предложила. – А давай, я еще слой земли с сухой травой "настелю"?!

– Погоди, давай, настели его ближе к этому краю. А тот край оставь для лошадок, пусть они под навесом настоящей травки пощиплют.

Так и сделали – провели лошадей в дальний угол навеса, и Лэя наколдовала сухую подстилку в стороне, ближе к предполагаемому костру, который Женька решил развести в паре метров от настила, чтобы дым не затягивало прямо под полог.

Вы когда-нибудь разводили костер под проливным дождем? – И хорошо, что не занимались этим, почти, что цирковым ремеслом. Женька принялся за заранее облюбованный пень. Тот, как и выглядел, оказался смолистым. Женька, еще по земной привычке, обрубил все трухлявые места и добрался до набитого смолой ядра.

Пришлось немного попотеть, но скоро у него была целая охапка смолистых щепок. В принципе, зажечь их он мог и без помощи Лэи, но как поддерживать костер в условиях постоянно текущей изо всех мест воды, он не знал. Пока он так раздумывал, склонившись над сооруженным очагом, дождь вдруг перестал лить на него сверху. Он удивленно задрал очи небу, и увидел над собой, закрепленный высоко в деревьях небольшой серебристый полог. Оглянувшись, он увидел довольную, но немного устало улыбающуюся, Лэю.

– Спасибо, волшебница! Но побереги силы, полежи немножко, пока я со всем разберусь. Не стоит тратить их на разжигание костра, если это и так можно сделать, – Женька с удвоенной энергией принялся за дело, чуть не силком уложив Лэю – но это было не трудно, так как волшебница все-таки перетрудилась. К тому же они и так измотались за день.

Остальные дела были ему знакомы. Он извел под корень смолистый пень, и пристроил сверху на костер пару сырых бревен, чтобы они горели всю ночь. Наконец, пламя поднялось на

метр и он отступился от костра. Теперь в свете огня надо было просушить Лэю и подмокшие вещи, а также заняться лошадьми. Через час они, с несколько ожившей и просохшей Лэей, ужинали и водили беседы. Женька, при всех своих порывах, имел все-таки совесть и дал девушке просто отдохнуть, а его быструю терапию перекачивания душевной энергии отвергла сама волшебница, сказав, что она не энергетический вампир. Это сравнение заинтересовало Женьку. При всем том, что на Сэйларе были почти все аналоги земным домашним животным, что Женька вполне допускал, исходя из правил рациональности природы, упоминание о вампирах его озадачило. Знакомое слово никак не увязывалось с земными представлениями, и он переспросил:

– А что, у вас есть вампиры?

– А это такие большие ночные бабочки. Они сосут кровь у животных, пока те спят.

– Тогда все понятно. На земле это один вид летучих мышей вытворяет, хотя и насекомые порядочные кровососы, но они не бабочки, а мелкие комары и больно кусаются. Слушай, меня тут заинтересовала одна вещь. Смотри, я тебе нарисую, – Женька расстелил кусок кожи, которым они прикрывали седельные сумки, и стал выцарапывать кончиком ножа на гладкой поверхности схему, поясняя. – Вот смотри, это круг, как мы видим впадину сверху, а вот так она выглядит сбоку в разрезе.

Что мы о ней знаем? Ее заполняет гравитационная линза, исходящая из капсулы, которая где-то на вершине гигантской горы. С космоса видно, как вся впадина затянута сплошными тучами, и мы попали сейчас в зону, где эти тучи выливаются на землю. Если лонки правильно называют эту зону поясом дождей, то он должен ровно по кругу охватывать всю страну. А дальше вглубь страны тучи поднимаются все выше, вернее это мы будем опускаться все ниже, а тучи занимают ровно центральную плоскость линзы, так как, скорее всего, там самая слабая гравитация. Пар просто поднимается вверх со всей впадины и дрейфует к периферии, выпадая здесь ливнями.

– Так получается, что в центральных районах засуха? – прониклась идеей Лэя.

– Нет, я думаю дело несколько сложнее. Ты заметила, что тот ручей, вдоль которого мы шли, исчез и появился другой, встречный ему?

– Да, я даже усомнилась, не повернули ли мы обратно.

– В том то и дело, что не повернули! Смотри, сначала был ручей, стекающий с гор, и он окончился здесь, в предгорьях, и туда же устремился встречный. До меня только сейчас дошло, что это вода выдавливается потихоньку гравитационной линзой через

старые разломы коры, под горами наружу, на поверхность планеты.

– Да, Венла начинается именно так, прямо из земли под горами!

– Значит, вполне может быть, мы как раз находимся у ее настоящих истоков. Давай, теперь дальше посмотрим, что получается. Я думаю, что поверхность впадины более-менее ровная, но искусственная гравитация создает эффект кольцевого водораздела. То есть мы будем некоторое время, как будто подниматься навстречу ручью, хотя на самом деле будем все время снижаться.

– Ой, мудрено! – сказала, внимательно всматриваясь в схему Лэя.

– Да нет, все просто, – Женька нарисовал несколько человечков наклоненных то в яму, то в обратную сторону. – Смотри, здесь мы спускались с "гор", и наклона внутрь почти не было, а теперь мы сильно наклонились вперед из-за смещения вектора притяжения, и нам будет казаться, что мы чуть-чуть подымаемся. Но это не будет все время длиться.

– Почему?

– Потому что в центре страны большое внутреннее море. Значит, где-то по пути к нему будет аридный пояс водораздела.

– Какой пояс?

– Аридный, то есть засушливый. Ну, может, пустыни и не будет, но вполне может быть сухая степь. А потом вода потечет опять нам по пути в море. Там дожди должны будут идти из нижних облаков, так как эти поднимутся на пару десятков миль. Если бы не было нижнего круговорота воды, то за миллиард лет внутреннее море высохло бы. Кстати, даже затрудняюсь сказать, какое там атмосферное давление. Атмосферы три может достигнуть, а мы станем легче раза в полтора – два.

Мы уже, наверно на десятую часть полегчали. И миллиарды лет природа там развивалась по своим законам. Так что, "то ли еще будет, ой-ой-ой!" – Посмотрим, какой ты предсказатель! – заинтересовалась новой игрой в предсказания Лэя. – А мне кажется, что мои волшебные силы растут, и, надеюсь, мы справимся с этими неизвестными силами природы. Сейчас я, например, совсем не устала!

По лукаво-игривому выражению милого лица явно отдохнувшей и просохшей волшебницы, Женька понял, что, наверно, зря решил отложить на сегодня свои приставания, и поспешил исправить свою ошибку. Уснули они опять поздно, под нескончаемое шуршание дождя, отсветы костра и мирное похрапывание лошадок, пощипывающих травку рядом с ними под

навесом.

Проспать беспробудно до утра им не удалось. Более чутко спящая Лэя очнулась от редких сотрясений земли, как будто кто-то большой топал ногой. Наконец, со стороны лошадок одновременно с ударами послышалось шуршание и треск веточек.

Потом опять установилась тишина, и опять глухой удар. Лэя сжала Женькино плечо, и они, не дыша, стали вглядываться, выискивая в темноте ночного гостя. Лошади, похрапывая стали жаться к ложу путников, и вот под краем навеса показался круглый глаз на какой-то склизкой поверхности, Женька озадаченно смотрел на гостя. Животное явно не пролезало под навес. Оно попыталось безуспешно просунуть скользкую широченную морду, и Женька вдруг узнал в нем жабу. Лэя уже встала, и приготовилась "стрелять" поверх лошадей, как визитер одним прыжком взлетел на их импровизированную крышу.

– Ну, точно, лягушка! – крикнул Женька, смотря, как крыша трещит, но выдерживает тяжесть прыгуна весом в двух быков. – Каких же мух она должна есть?!

– Лучше бы нам не видеть ни этих мух, ни этой лягушки. Вот уж действительно, несчастная тварь. Чем же ей питаться при таких размерах? Вот и рыщет по ночам.

Что делать-то будем? Вроде и жалко зверушку, а с другой стороны, потолок нам продавит!

– А ты ее, когда спрыгнет вниз, слегка молнией отпугни, она и убежит, вернее, ускачет.

Так и пришлось сделать. Правда лягушка оказалась на редкость тупая, или Лэя слишком ее жалела, так как та поспешила удалиться только с третьего волшебного укола молнией. Успокоившись, они снова улеглись, и Женька сказал:

– Вот, для чего нужно беречь твои волшебные силы. Ты всегда должна быть в форме!

К сожалению, не только твои силы растут, но и размеры этих милых зверьков тоже.

Поэтому все, что можно сделать руками, я сделаю. А то, на что я еще нужен?

– А то не знаешь? – хитро улыбнулась Лэя и тут же добавила, чтобы ее не поняли слишком буквально. – Все, спать! Нам завтра надо выбраться из этого гнилого края.

***

Они сумели пересечь пояс дождей к вечеру следующего дня. Последних три часа путь лежал под низкими тучами, только иногда прыскающими на них очередную порцию дождика. К моменту, когда надо было делать привал, лес окончательно просох, так что усталые путники с наслаждением избавились от мокрой одежды и сушились у костра. Ночь прошла без происшествий, однако теперь, выбравшись из-под завесы дождей, им предстояло подумать и о питании. Чтобы нормально продолжать путешествие, им нужно было иметь какую-нибудь свежую дичинку на ужин и, желательно – на завтрак. Иначе их неприкосновенные запасы сухой еды быстро подойдут к концу.

Попытавшись добыть какого-то зайцеобразного зверька, выстрелив из лука, Женька, с огорчением проследил за стрелой, исчезнувшей в неизвестном направлении, и удрученно вздохнул:

– Кажется, добытчик из меня никакой. Сейчас бы дробовик сюда!

– А что такое дробовик?! – не унывая, спросила Лэя.

– Да это ружье. Но прошу тебя, не экспериментируй с "выдумыванием" оружия – это может стоить нам жизни! – испугался Женька, представив, как он будет стрелять из такого непроверенного ружья.

– А зачем мне оружие. Пристраивайся сзади по курсу, и если какая пичуга или кролик выскочит, будет тебе жаркое.

– А ты сможешь? – осторожно спросил Женька, намекая на девичью сердобольность.

– Слушай, гость инопланетный, ты за кого меня принимаешь? Я выросла в деревне и хорошо понимаю, откуда мясо на столе берется! Нам выживать нужно, а не девичьи слезы лить! А напрасным живодерством я заниматься не собираюсь! И вообще, после монахов с разбойниками на мне столько грехов висит, что от нескольких загубленных зверюшек ничего не измениться!

– Хорошо, согласен, но смотри внимательно, а то зверюшка может и со слона размером попасться!

– Тогда, тем более, мне надо впереди ехать!

– Ладно, я буду по компасу сверяться и тебе кричать, если отклонишься с пути, – Женька вынужден был согласиться, и пристроился ведомым за Лэиной лошадкой.

С этого момента Женька почувствовал себя совсем беспомощным в мире странных чудовищ. Зато они всегда были со свежим мясом, причем, без большого напряжения для Лэи. В Женькины охотничьи обязанности входило только потрошить и свежевать тушки, пока принцесса немного отдыхала после охоты. Памятуя о странных экспериментах у нее дома, самой "придумывать" пищу Лэе не хотелось. Во-первых, такая еда могла

исчезнуть в животе, а во-вторых, было непонятно, из чего она, в конце концов, состоит, и к чему такая диета приведет.

Поскольку ручей сильно петлял, они решили ехать прямо через лес. Тем более что деревья, в основном, были довольно высокие, и ехать под ними было легко. За два дня путешествия под кронами деревьев не произошло ничего сверхъестественного, если не считать встречи с большущим солком, который, правда, мог быть вполне обычным для этих мест. Лэя оказалась быстрее этого хищника, размером с двух среднестатистических земных медведей и умеющего лазать по деревьям – настоящей машины для убийства. Получив хорошую плюху от фирменного электрошокера принцессы, зверюга галантно поспешила уступить дорогу, даже не помышляя о плотном завтраке.

Путники тоже решили, что данная дичь немного великовата даже для обеда, и на этом стороны вполне дипломатично разошлись, ну если не считать несколько рассерженных воплей и рыков солка после шокотерапии.

По-настоящему захватило у них дух, когда они, продравшись через кустарники, вышли из леса. Перед ними развернулась бесконечная степь. Впервые они увидели, почему этот край зовется страной Высоких Горизонтов: перед ними не было обычного горизонта. Тающая в дали степь поднималась все выше, пока окончательно не растворялась где-то далеко в мареве воздуха. Стоящий, как вкопанный, Женька почувствовал, что кто-то взял его за руку. Это Лэя выбралась вслед за ним из кустарников, ведя на поводу свою лошадку, и сама, не в силах оторвать взор от захватывающе неправильного зрелища, просто, молча, коснулась его ладони. В небе они заметили пару уже хорошо им знакомых гигантских птиц. Наконец, Лэя выразила свой восторг:

– Да, не врали, значит, книжки!

– По-моему, так больше умалчивали, чем сообщали, – Женька согласился с несовершенством географических описаний этой местности, и хвастливо спросил. – Ну что, оправдываются мои прогнозы?!

– Оправдываются: вполне потянешь на придворного предсказателя до первого повешения за ошибку, – оценила его таланты Лэя.

– Шутки – шутками, но нам надо серьезно подготовиться. Во-первых, по моим предположениям, степь в середине может быть высохшей, и нам надо запасти воду для лошадок, если мы хотим пересечь это травяное море. Во-вторых, видишь тех, знакомых птичек?

– Да, – только кивнула Лэя.

– Мне не улыбается наблюдать, как ты будешь отстреливаться от них всю дорогу.

Так что я предлагаю сделать маскировку. Надеюсь, птички не умнее наших военных и не сообразят, что под двумя кустами движутся конные сэйлы.

– Ну, насчет конных сэйлов, для наших лошадок, сильновато сказано. Только объясни мне: что это за маскировка?

– Скоро сама увидишь. Только не смейся! Возвращаемся к ручью, по которому мы прошли полчаса назад.

– Шутишь?! Через этот частокол?!

– Это, может быть, наш последний шанс напиться вдоволь и наполнить все бурдюки водой! Тем более что их у нас всего два и довольно маленьких!

– Ты что забыл? Я тебе сейчас быстро еще парочку организую!

– Ты мне еще воду организуй! Хотя, погоди, ботинки два дня держались. А сейчас мы еще ближе к линзе. Давай, делай бурдюки! По крайней мере, первый день из них пить будем. Только ничего больше не "придумывай", а то ослабнешь, а нам еще часа четыре по степи галлопировать. Да! Чуть не забыл, нужно еще сухого хвороста захватить, а то придется тебе воду в котелке своей магией кипятить. Больше энергии потратишь, чем с едой получишь!

– Ты не путай душевную и желудочную энергию! В крайнем случае, и вскипятила бы.

Хотя ты прав, легче сухих веток прихватить.

Через час они, заправленные под завязку водой, как с наружи, так и внутри, стояли на том же месте. Вернее Лэя сидела на пони, а Женька наводил камуфляж.

Довольно скоро они представляли собой два симпатичных самоходных куста. Причем кустик поменьше все время норовил посмеиваться, а куст побольше все ворчал, что вот выедут они в степь, так сразу станет не до смеха. Ведь птички здесь погрузоподъемней будут – воздух-то плотнее, а жертвы легче. Несмотря на недоверчивое хихиканье Лэи, большие птицы не обращали на них внимания – действительно, принимали их за пару, хоть и ненормально двигающихся, но совершенно несъедобных, кустов. В результате, они до вечера покрыли довольно большое расстояние, так как лошадки резво бежали по оптимальной для них поверхности.

Женька остановился, присматривая место для ночлега, и обернулся назад. Его изумленный вскрик остановил, едущую впереди Лэю. Зрелище, развернувшееся вокруг них, стоило того, чтобы посмотреть. Они стояли на дне огромной, очень пологой чаши и смотрели на темневшие в милях десяти-пятнадцати кусты

и лес, поднимающиеся темной массой над несуществующим здесь горизонтом. А ведь они как будто все время немного поднимались, видя постепенно восходящую поверхность перед собой.

– Смотри! Отсюда видно весь профиль этой огромной раны на теле Сэйлара! – сказал Женька, сняв несколько веточек, мешающих обзору. – Если бы не гравитационная линза, то все это пространство было бы заполнено водой.

– Но почему мы стоим на ее дне? – удивилась Лэя. – Ведь до центра впадины еще несколько сотен миль?

– В этом-то и состоит весь фокус гравитационной линзы. Она смещает вектор притяжения от центра планеты немного наружу от себя, все время ослабляя силу притяжения при приближении к капсуле. Поэтому в любой точке этой впадины мы будем стоять почти строго вертикально к поверхности земли, и нам будет казаться, что мы стоим на самом дне, а горизонты будут исчезать где-то вверху.

– Умом вроде все понимаю, но глаза не хотят верить, что я стою, на самом деле, под наклоном к действительной поверхности Сэйлара, – призналась Женьке Лэя.

– Вообще-то у меня такое же чувство, что меня обманывают. Но у меня все-таки тренировка: я в астрале в таких местах бывал!.. Впрочем, я тебе еще покажу. И кстати, это неплохая зарисовка для создания своего мира в астрале. Мне кажется, что силами ваших волшебников такая пирамида уже может где-нибудь существовать.

Только ваши ангелы пока о ней не догадываются.

– Ой, а ты не знаешь, что это за темные пятна там, вдали?! – Лэя указывала на высоко поднятый горизонт степи. Женька долго вглядывался в них. Ему показалось, что одно пятно слегка движется. Вдруг его осенила догадка:

– Это стада! И такие стада, что на пути у них лучше не становиться, особенно, когда они мигрируют на водопой или смену пастбищ. Ну, прямо африканская саванна!

– А почему мы до сих пор никаких больших животных не встретили? – удивилась Лэя.

– Не знаю, может там трава вкуснее, а может здесь слишком влажно. Заметила, какая почва мягкая. Ведь такое стадо вмиг всю поверхность здесь в грязное болото превратит! Здесь они могут пастись в другой сезон – более засушливый.

– Хм… я была не права. Смотри, вон там, далеко на опушке кормиться маленький слоник. Странно, в Эриане таких животных не водиться, только на юге, на одном из самых больших островов.

Женька вгляделся. Лэя своим острым глазом заметила на

опушке леса, в кустарниках, левее того места, откуда они выехали, маленькую фигурку слона, больше похожего на мастодонта. Что-то Женьке показалось не так. Он прикинул расстояние и высоту деревьев, и охнул:

– Да ты хоть представляешь насколько маленький этот слоник?

Лэя побледнев, тоже произвела сравнения слоника с деревьями, на фоне которых он пасся:

– Ведь он ростом, почти с высокие деревья!

– Будь он нормальным слоном, мы бы его вообще не разглядели отсюда! Да, вот что делает с природой ослабленная сила тяжести, хороший корм и возможность поколдовать над своей внешностью.

– Господи, так что же нам теперь делать?! – несколько паникуя, спросила Лэя.

– Сейчас надо думать о ночлеге. Вернее, как мы сможем дожить до утра, если здесь и хищники такие же большие, как травоядные? – "спокойно" рассуждал Женька.

– Нам хватит и нормальных, если их будет много. Но я знаю, что я сделаю! Я сооружу железный забор вокруг лагеря.

– А ты помнишь, когда мы были на аттракционах, там некоторые их них были ограждены железной сеткой?

– Да, помню, я еще удивлялась, из чего она сделана, а ты объяснил, что из крашеного железа.

– Помнишь, еще мы там видели большую купольную палатку над павильоном?

– Да.

– Хорошо, я думаю, будет неплохо, если ты сможешь "выдумать" такую палатку из металлических прутьев, толщиной в палец, пусть даже с редкой ячеей – хоть в две ладони. Этого будет достаточно, лишь бы прутья были прочные. И главное, не перегрузи себя!

– В принципе, я не могу себя совсем перегрузить. Меня может "не хватить" на задумку или я просто упаду в обморок от усталости, но это поправимо. Все! Не отвлекай!

Скоро перед ними стоял купол из толстенной металлической сетки, накрывающий участок метров шесть в поперечнике. Лэя гордо улыбалась, всем видом показывая, что она нисколечко не устала. Женька обошел сооружение и вдруг, не удержавшись, захохотал:

– А вход-то где?! – и тут же подбежал к своей волшебнице с извинениями и ласками – настолько резко ее счастливое выражение сменилось на обиженное. Даже слезинки появились в глазах. Скоро Женька уже потратил чуть ли не весь свой арсенал

ласковых слов, а принцесса продолжала дуться.

"И поделом тебе, растяпа! Сам бы такое сделать попробовал! Как же легко одним словом наплевать в душу, когда она счастливо и беззащитно развернута перед тобой.

Вот теперь исправляй положение, как хочешь!" – расстраивался Женька, прыгая, как клоун, вокруг все еще сердившейся девушки. В конце концов, ему надоело распинаться, и он прибег к самому верному оружию – решив рассмешить свою Несмеяну. Он встал напротив, вплотную к ее лицу, уморительно надув щеки, сложив скорбной трубочкой губы и нахмурив брови, спародировав насупленное личико принцессы. Потом сильно хлопнул себя по надутым щекам, издав глупый хлопок, и растянул рожу в еще более глупой улыбке.

– Попробуй, повтори! – жульнически улыбаясь, попросил он у Лэи.

Этого принцесса не выдержала и, засмеявшись, стукнула его кулачками в грудь:

– Чурбан! Я старалась изо всех сил, а он насмехается!

– Я же у тебя уже сто раз прощения попросил! Самой-то не стыдно! Кстати, кажется твои упражнения, действительно, не отнимают так много сил, как раньше! Наколдуй дырку в заборе и все дела!

– А вот дырку сделать трудно. Я с этим уже сталкивалась. Надо на ее месте что-нибудь придумать! – задумалась Лэя.

– Точно! – подхватил идею Женька. – Нам же какая-никакая дверь нужна, а то: "заходите все, кому не лень!" Скоро они разместились в импровизированном загоне, и ночь прошла без эксцессов под далекие отголоски птичьих криков, рыка и мычания. На следующий день они двигались, лавируя между разгуливающими стадами, что было не трудно, так как видимость была на десятки миль вокруг. Степь была полна живности, от копытных, самой разной величины, до хищников, напоминающих и кошачьих, и собачьих, а иногда и приматов. Только два раза не удалось избежать опасных ситуаций.

Один раз на них налетело внезапно сорвавшееся в галоп стадо крупных бзубров или буйволов. Хорошо, что Женька, в свое время начитавшийся книжек про индейцев с бизонами и насмотревшийся телепередач про африканскую саванну, заподозрил что-то неладное, когда завидел приближающееся к ним сбоку облако пыли. Учуяв гул земли, он сообразил, что это тысяча копыт месит сейчас саванну по направлению к ним. Он успел только истошным воплем позвать Лэю, и, подъехав к ней, выкрикнул:

– Лэя, спасай! Ставь узким клином забор из двух листов

железа против того стада, а то они нас растопчут, как мух!

К счастью, Лэя быстро соображала, и через мгновение, между ними и приближающимися первыми быками выросло несокрушимое препятствие. Лэя немного перестаралась с его массой, поэтому устало улыбалась. Но рассуждать было некогда и Женька, схватив ее лошадь под уздцы, завел всех под укрытие. Буквально тут же раздались толчки о железные стенки, а топот и рев животных заполнили все вокруг, окуная путников в пыль и душные ароматы стада. Минут через десять все внезапно стихло, и путешественники смогли, наконец, поделиться впечатлениями. Женька рассыпался в благодарностях и похвалах. Чего уж тут мелочиться – счет шел на секунды. Лэя признательно пропустила все мимо ушей и спросила:

– А ты заметил того быка, впереди стада?

– Да уж, мудрено было не разглядеть. Вот это точно "несчастный" выродок. Наверно, раза в три больше остальных был.

– Да, тот слоник, что мы видели вчера, тоже их этих "несчастных". Но этого быка не выгнали из стада, а слону не повезло – кажется, он один бродил.

Второй опасный случай приключился, когда они на третий день похода по степи уже завидели, начинающуюся вдали, темную зелень кустарников и деревьев. Стая больших то ли обезьян, то ли кошек, видимо, приняла их за пару кустов и решила исследовать на пригодность своим нуждам. Строить защиту путники не успевали, и Лэе пришлось поработать своеобразной электрической пушкой. Даже Женьке довелось помахать мечом, прикрывая Лэины тылы. Так что пара зверюшек получила скверные режущие раны, прежде чем вся стая поняла, что толку от этих кустов не добьешься.

Главное, что путники и их лошадки пока что целыми выходили из всех передряг.

Женька прикинул в уме и удивился:

– Ты знаешь, сколько раз я был бы съеден или убит, если бы не ты?! – спросил он у Лэи.

– Ну и сколько, мой подзащитный? – Лэя довольно улыбнулась, поправляя слетевшие во время драки веточки, которые успели изрядно пожухнуть, но свое дело правили.

– Если считать с лягушкой-переростком, то это шестой раз! Хотя я не беру в счет последние ночевки под твоим решетом.

– Не представляю, как здесь управлялись инквизиторы?! Может их монахи-нюхачи могли немного помочь, но они ведь очень слабые маги.

– Ладно, о грустном! Нас, кажется, ждет смена пейзажей! –

указал Женька на темно-зеленую дымку деревьев впереди.

Он не ошибся – на ночевку они уже устраивались в лесу. Очередной удивительный сюрприз страна Высоких Горизонтов преподнесла им на следующий день. Они привычно держали курс по компасу через лес, местами пробиваясь сквозь кустарники, местами обходя буреломы, болотца и озерки, форсируя ручьи и держа ухо и глаз востро, на случай появления дичи или хищников. Где-то после полудня, едущая впереди Лэя остановилась, натянув поводья. Поскольку не последовало никаких действий, Женька подъехал ближе и посмотрел, что так сосредоточенно изучает Лэя. Перед ними среди нормальных деревьев стоял золотисто-коричневый столб, выглядящий, будто нога слона, покрытая войлоком. Вся странность была в том, что ширина этой "ноги" была метров десять, а разглядеть, на какую высоту вверх уходит этот столб, мешали другие деревья. В отличие от так ничего и не понявшей Лэи, Женька радостно заорал, догадавшись:

– Секвойя! Это же мамонтово дерево! Откуда оно здесь взялось?! – Женька подогнал лошадь к самому стволу, соскочил на землю и, бросившись к дереву, стал гладить его по золотистому войлоку коры. – Ага! Вот и отличия. Лэя, иди сюда, я тебе сейчас расскажу про эти деревья!

– Это дерево?! – удивленно спросила Лэя подъезжая. – Слава богу, а то я подумала, что еще за тварь такая! Но оно же шире, чем другие деревья в высоту достигают?!

Когда она подняла глаза, она поняла, насколько Женька был прав: ствол не был раздут в ширину. Просто высота дерева была невероятной. Крона его простиралась где-то в небесах, паря над остальным лесом. Женька в это время разглядывал росток, пробившийся от ствола сбоку.

– Все-таки есть различия. На Земле это хвойное дерево, а здесь у него плотные, удлиненные, но все-таки, листья, – и задумавшись, посмотрел на усыпавшие землю сухие плоды, напоминающие орехи, величиной с ноготь. – На наше счастье плоды мелкие, так что попадание в голову будет не смертельно.

– А что, это опасно? – уже с осторожностью поглядывала наверх Лэя.

– Я гулял на изнанке такого леса в Калифорнии на Земле и подцепился к экскурсии послушать, что о деревьях рассказывает экскурсовод. Кстати, почему я и знаю про такие деревья довольно много. Так вот, пока они там бродили, внезапно раздался сильный звонкий щелчок, почти как от удара рикошетящей пули. Экскурсовод отскочил от дерева и поднял плотную, как камешек шишечку размером с полкулака.

Оказывается, эта шишечка, когда летит с семидесяти метров высоты, может быть смертельно опасной! Но в остальном, это чудесные деревья. Ты сама увидишь! Эти деревья должны расти лесом – иначе им трудно удерживаться при штормах. А при здешней плотности воздуха и небольшого ветерка достаточно, чтобы серьезно надавить на такого гиганта. Зато меньшая сила тяжести позволяет им спокойно расти чуть не под небеса. Я думаю, что это дерево достигает восьмидесяти метров, как и на Земле. То есть, сто локтей по-вашему будет.

– Смотри, какая у него кора – так и хочется гладить. Теплая, мягкая, – сказала Лэя, прикоснувшись ладонями к стволу.

– Да, эта мягкость подкупает чувства, – согласился Женька. – На самом деле, наверно, как и на Земле, этот войлок очень плохо горит. Ведь этим деревьям приходиться выдерживать более десятка лесных пожаров за свою многотысячелетнюю жизнь. Эта кора может быть от локтя до двух в толщину. Смотри, какие смешные наплывы она делает над корнями, напоминая слоновью ногу. Я даже не знаю, за что их прозвали мамонтовыми деревьями: за размер, или за форму комля, напоминающую ногу мохнатого слона – мамонта.

– А и правда, я, как увидела это чудо, сначала подумала, что за ужасный слон-переросток среди деревьев стоит! – рассмеялась Лэя своей ошибке.

Налюбовавшись первым деревом, они продолжили путь, с любопытством вглядываясь в лес. Через полчаса они повстречали еще одну золотистую ногу. Затем лес разделился на два этажа: нижний кустарник из обычных деревьев и верхний – из все гуще смыкающихся крон растительных гигантов. Наконец они оказались в сказочном лесу, состоящим только из мамонтовых деревьев. Их сознание не могло смириться со смещением масштабов воспринимаемой действительности. Они казались себе гномами, бредущим между корней величавых деревьев. Никаких других ориентиров, чтобы вернуть их к реальности, не было. Даже трава здесь не росла, и они свободно двигались по ровной лесной подстилке сквозь сюрреалистическую колоннаду золотистых стволов. Ощущение мизерности путников добавили интересные находки, встречавшиеся им по пути.

Когда они наткнулись первый раз на рухнувшего гиганта, до них дошла вся масштабность этого живого создания. Огромный ствол при падении треснул в нескольких местах, и было видно, как сквозь метровой толщины кору, проглядывала темная древесина.. Они, даже на лошадях не доставали головами и до четверти его толщины.

– Смотри, это дерево не гниет, не горит, и скорее всего не

плавает. Вот так пролежит сотни две-три лет, пока не распадется! – высказал свои мысли по этому поводу Женька.

– Какие-то сумасшедшие масштабы жизни! Государства, если не цивилизации сменятся, пока такое существо вырастет и состарится! – удивленно заметила в ответ Лэя.

Дальше им встретилось место с очень интересными экземплярами, пострадавшими от огня. Видимо, здесь когда-то, пожар в подлеске из обычных деревьев был настолько силен, что досталось и некоторым гигантам. Особенно эффектно выглядело одно дерево, наполовину выгоревшее вдоль почти всего ствола, чернея страшной раной на весь лес вокруг. Однако это не помешало второй половине успешно расти и зеленеть.

Другой гигант, состоящий из трех сросшихся стволов, умудрился выгореть с земли, и внизу образовалась настоящая пещера. Зачарованные путники даже заехали внутрь черного грота прямо на лошадях. Но окончательно добило их воображение дерево, треснувшее или выгоревшее снизу так, что под ним образовался проезд, по которому можно было проложить дорогу. Путешественники свободно проехали бок о бок под деревом, и еще места оставалось с лихвой. Женька только прокомментировал:

– На Земле, на таких пеньках устраивали танцплощадки с оркестром!

– Здесь это делать некому. Сколько чудес остается не увиденными! – сокрушенно вздохнула Лэя в порыве желания поделиться со всем белым светом своими впечатлениями.

Они еще два дня пересекали этот сказочный лес. У них даже возникла проблема с розыском травы для лошадей. К счастью, кое-где в распадках с ручьями, гиганты иногда сдавали позиции обычным зарослям и даже полянкам с травой. По Женькиным расчетам, они должны были скоро выйти на берег моря. Он заметил, что постепенно, начиная с пояса дождей, становилось все теплей. С другой стороны, приходилось только удивляться, что температура вообще не зашкаливала, если учесть, на какую глубину они спустились. Все-таки верхние облака, которые плыли где-то на недосягаемой высоте десятков тысяч метров, служили хорошим экраном и способствовали равномерному распределению температуры под ними.

Но все хорошее когда-нибудь кончается. Атмосфера менялась на влажную, и дождики стали привычными спутниками, и наконец, гиганты сдались. На их место заступил лес, больше похожий на дождевые джунгли. Условия путешествия усложнились сразу в несколько порядков. Сначала, не разобравшись, путники застряли на открытом участке у поймы

ручья. На самом деле, эта открытая от леса зона заросла настолько густыми кустарниками, похожими на земной бамбук, что Женьке пришлось сойти с лошади, и орудовать своим мечом, как мачете, прорубая дорогу сквозь эту чащобу. Он быстро сообразил, что надо держаться в тени тропических гигантов, где, если и были травы и лианы, то их можно было все-таки срубать, не сходя с лошади.

Скорость их продвижения снизилась раза в три-четыре. Женька опасливо поглядывал по сторонам, ожидая нападения каких-нибудь ядовитых гадов, или насекомых. Но, к счастью, то ли этот мир был добрей к своим обитателям, чем Земля, то ли им просто везло, но никакой смертельной заразы на них не нападало. Лэя тоже ничего определенного не могла подсказать – сама с удивлением и опаской разглядывала кишащую жизнью природу.

Было и много красивого вокруг: с величественных гигантов свешивались гирлянды лиан и огромные веера листьев, похожих на папоротники растений, под пологом леса перелетали птицы и огромные бабочки самых различных окрасок. Путешественникам явно везло, так как только один раз встреченная тварь показала, какие здесь таятся опасности. Видимо, любимое время рыскать в поисках пищи для всяких голодных детей природы было в утренних сумерках, так как нападение случилось в предрассветный час.

На этот раз путники вместе со своими маленькими скакунами спокойно спали под очередной железной решетчатой накидкой, которые Лэя штамповала, как на конвейере.

Их разбудил треск железных прутьев. Вскочив, Лэя с Женей разглядели какие-то толстые, черные и мохнатые кольца вокруг их убежища. Лэя не растерялась и, схватив ветку, зажгла ее в поднятой руке наподобие факела. Перед ними предстала жутковатая картина: огромная змея, поблескивающая черным мехом, по сравнению с которой анаконда показалась бы невинным червячком, сделав три оборота вокруг их убежища, пыталась добраться до еды, сдавливая железную скорлупу решетки. Сбоку в решетку ударила огромная голова, сверкнувшая рядом отменных острых зубов.

– Это же горный питон! – узнала ночного визитера Лэя. – Но господи, какой же он огромный! Помнишь мой костюм наездницы с лентами из шкуры этого животного?

– Да уж, трудно забыть твой эффектный выезд перед принцем! Только больно многовато здесь сейчас намотано шкуры этого млекопитающего, прикидывающегося змеей!

Пока они так обменивались мнениями, голодное создание

пришло в себя после ослепления огнем и решило продолжить типичную змеиную практику сдавливания предполагаемой жертвы. Женька пожал плечами и сказал:

– Товарищ не понимает. Моя принцесса, может, пояснишь ему, что нехорошо так с гостями обращаться?

– Что ж с ним таким невоспитанным поделаешь. Возьмет и раздавит клеточку, а я столько над ней трудилась! – подхватила веселый тон Лэя и пощекотала змея легким ударом тока.

Но веселья не получилось. То ли зверюга была голодна, то ли тупа, а может, просто разряд тока вызвал конвульсивный спазм всех мышц, но железная клетка вдруг стала со страшным треском быстро проминаться внутрь. Лэя, испуганно вскрикнув, перешла к радикальным методам. Непонятно, где она подсмотрела методы газовой резки металлов, но она изобразила что-то очень похожее, сходу разрезав и железную решетку, и все три кольца шерстяного змея Горыныча. В результате, четыре самостоятельных витка этой жуткой ночной колбасы стали выплясывать тропическую самбу, щедро поливая все вокруг кровью. К тому же, все это сопровождалось воистину диким верещанием и воем. Хорошо еще, что длился этот танец только несколько секунд, а то, как Лэя призналась потом, можно было и поседеть от такого концерта.

Несмотря на раннюю побудку, ни спать, ни есть никому после этого не хотелось.

Так что путники, быстро упаковав вещи, отправились дальше в поход. Вечером того же дня они, пробившись сквозь кустарники, выбрались на песчаный пляж внутреннего моря. Лэя с Женькой буквально свалились с лошадей. С облегчением плюхнувшись на песок и обняв друг друга, они стали любоваться причудливой картиной чуть вогнутого зеркала серой воды, уходящей в бесконечность и сливавшейся где-то высоко в синеватом мареве с такими же серыми тучами. В их головах была одна мысль на двоих: "Они дошли до моря! Дошли, несмотря на все препятствия!" Они еще не знали, как пересекут это водное пространство, и какие опасности ждут их на пути, но то, что они добрались до сюда, вселяло надежду в собственные силы – они смогут сделать и все остальное возможное и невозможное, чтобы спасти от неминуемой катастрофы этот, несмотря ни на что, прекрасный мир.

Они сидели на песке, вытянув ноги к лениво облизывающей их воде и прислонив головы друг к другу. С боков похрапывали, прядающие ушами, еще две лохматые головы их верных спутников. Они молчали. Им опять были не нужны слова, чтобы продолжать постоянный диалог: "а знаешь…", "как здорово…", "ты видел…", "а может быть…"

ГЛАВА 16. НАЙТИ СЕБЯ

Начинало смеркаться и Женька, с сожалением нарушив миг покоя, спросил:

– Ну что, моя принцесса? Поздравляю с достижением внутреннего моря!

– Как же долго мы до него добирались! – вздохнула Лэя.

– Ну, судя по расстоянию, совсем и не долго. Полтора десятка дней не прошло, как из твоего дома вышли. Представляешь, если бы пешком пришлось идти?!

– Ужас, это, наверно, с месяц такой пытки было бы!

– Да, спасибо лонкам!

– Как там Хлюп без нас?! – Лэя опять начала грустить.

– Скорее всего лучше, чем ты сейчас – сидишь и печалишься, вместо того чтобы радоваться достигнутому рубежу! – немного ворчливо попытался растормошить Лэю Женька.

– Действительно, не время хандрить! Лучше скажи, что дальше делать будем?

Кажется, уже темнеет.

– А все очень просто! – ответил Женька, всматриваясь в береговую линию справа. – Если карты в книжках не врали, то там должен быть длинный мыс, далеко вдающийся в глубину внутреннего моря. Кстати, судя по изгибу береговой линии, похоже, что это именно так.

– Тогда, идем направо?!

– Да, прямо по пляжу, по самой кромке влажного и плотного песка. Мне кажется, береговая линия здесь должна быть преимущественно песчаной, если, конечно, какие-нибудь мангровые заросли не встретятся!

– А почему?

– Здесь равнина, значит море, по крайней мере, в прибрежной зоне должно быть мелким. А волны за миллионы лет превратили все каменные породы в песок и болото.

Нам надо найти какое-нибудь место для стоянки посуше и безопасней.

Пройдя с полчаса вдоль берега, они наткнулись на идеальное место для лагеря в дельте небольшого ручья. Постоянно мигрирующая в песке вода, создала прекрасный холмистый островок, поросший травой и мелкими кустиками, и ограниченный, с одной стороны ручьем, а с другой – морем. Даже дрова нашлись в виде пары сухих деревьев, некогда выброшенных волной на островок.

Немного досадным было то, что ночи постепенно удлинялись по мере их продвижения вглубь впадины, и теперь им приходилось ровно половину суток проводить в лагере.

С полночи, правда, можно было ориентироваться без света костра, так как появляющиеся где-то за облаками звезды пробивались сюда своим светом, но для путешествия этого было явно мало. Зато у них было время приводить все в порядок, ухаживать за лошадьми, неспешно готовить еду и, самое главное, заниматься друг другом. Кроме игр и ласк у них было неограниченное количество тем для разговоров.

За их спинами стояли два совершенно разных мира. Так что языки у них уставали от постоянных бесед, в которых они узнавали мир, вселенную и, конечно, своего партнера по путешествию.

Утром, после прекрасно проведенного отдыха, Лэя все же показалась Женьке задумчивой.

– Плохо спалось, мой котенок? – Женька любил называть Лэю котенком, после того, как она призналась, что так всегда называл ее отец. Хотя котята на Сэйларе и были несколько другие, но маленькие пушистые любимцы, всегда владеют сердцами своих хозяев, вне зависимости от длины носа или ушей, как самих питомцев, так и их хозяев. Лэя, во всяком случае, просто таяла от такого обращения, чем Женька и стремился пользоваться при любом удобном случае.

– Нет, не плохо. Дело в другом – нас ждут в гости! – говоря это, Лэя как бы прислушивалась к себе.

– Надо готовиться к бою?! – насторожился Женька.

– Нет! Успокойся. – Лэя улыбнулась. – Ты подумал, что я озабочена. Нет, я просто прислушиваюсь к своим ощущениям. Где-то рядом есть такая же, как я!

– Волшебница? – Женька от удивления даже присел.

– Да! Понимаешь? Я впервые могу встретиться с себе подобной! Как это странно и интересно! Она уже ждет и приглашает меня в гости.

– А как мы ее найдем?

– Сама не знаю, но мне кажется, что нам надо просто продолжить двигаться вдоль берега и если ее присутствие будет усиливаться, то мы на правильном пути.

Не раздумывая долго, путники покончили с завтраком и, запаковав вещи, отправились дальше по пляжу. Климат здесь был жаркий и душный от сырости, висевшей в воздухе. Вид на море был унылый. Свинцовая поверхность воды только местами нарушалась легкой рябью, поднимаемой легким ветерком с берега. Низкие тучи вот-вот грозили разразиться дождем.

"Местной растительности надо с удвоенной силой фотосинтезировать, чтобы компенсировать недостаток света" – "глубоконаучно" посочувствовал растениям Женька.

– Ну, как твоя коллега? – поинтересовался он, спустя час их путешествия по пляжу.

– Ждет нас?

– Да я ее чувствую все сильней. Так что, мы движемся в правильном направлении.

– А далеко еще до нее?

– Я не знаю, у меня ведь нет опыта в этих ощущениях. Монахи – не в счет. Они были слабые маги да еще и прятаться умели. Но сегодня точно до нее дойдем.

Они увидели ее после полудня, когда обогнув очередной мысок, вышли на новый пляж.

Она стояла на кромке песка в довольно длинном для сэйлов платье. Подъехав ближе, они увидели, что на ней надета накидка от дождя – частого гостя в этих местах.

Это была немолодая женщина. Женьке было трудно разобраться в ее возрасте, но Лэя сразу определила, что ей было лет восемьдесят – дряхлой старухой не назовешь, сэйлы доживали и до ста двадцати лет, но возраст, все же, почтенный.

Женьке сразу понравилось ее лицо. Посеребренные сединой волосы, придавали умудренности красивым, немного строгим чертам. Ее, казавшиеся усталыми глаза светились добротой и пониманием. Но это было и понятно – они с Лэей уже чувствовали главное друг в друге – теплоту души, а остальное было неважно.

Женька несколько удивленно наблюдал со стороны, как Лэя, не доехав до женщины пары метров, соскочила с лошадки и бросилась обниматься с ней, не спросив ту даже об имени. Насколько Женька знал – это не было принято у сэйлов на официальных приемах. Такая встреча больше походила на обнимания матери и дочки после долгой разлуки. Женька даже немного приревновал Лэю, но, не подав вида, чинно спустился с лошади и поприветствовал тетеньку стандартным поклоном:

– Женя. Слуга этой милой принцессы, к вашим услугам!

– Ноа. Рада приветствовать столь редких путников в этих богом забытых краях! – мягко улыбаясь, ответила Ноа.

Женька услышал хихиканье сзади себя. Оказывается, его представление сильно рассмешило Лэю, и она не удержалась от комментария:

– А меня зовут Лэя. Ноа только не слушай, пожалуйста, этот его бред про слугу.

– Да я поняла, что это не простой сэйл, но что у него внутри,

просто не поддается моему пониманию. Тебя, моя девочка, я чувствую, как саму себя, а его не пойму. Ты ведь не колдун и крепко сидишь в своем теле, – обратилась уже к Жене волшебница. – Но, мне кажется, что ты чужой этому телу, а почему – мне не ясно.

– Ну что вы все обо мне, да обо мне. Вам ведь наверно интересней обсудить свои волшебные дела! – Женька, пользуясь своими скользкими дипломатическими талантами, увел разговор с темы, на которую он не был готов откровенничать с первой попавшейся волшебницей. Он ничего не имел против открытых и добрых отношений, но видя полностью обезоруженную Лэю, решил для начала немного подержать ухо востро.

Но то ли Ноа была умнее их всех вместе взятых, то ли почувствовала настороженность Женьки, а может и действительно, повелась на его хитрость, но только она вдруг, прервав расспросы, спохватилась:

– Ох, какая же я растяпа! Простите меня! Я так давно не видела гостей, что совсем забыла, что их обычно приглашают в гости! Так что, дорогие путники, куда бы ни лежал ваш путь, сегодня вы остановитесь у меня в гостях и по-сэйловски отдохнете! Пойдемте: здесь недалеко. Я чувствовала, что вы приближаетесь по кромке берега, и специально вышла вам навстречу.

Волшебница повела их по грунтовой дорожке, пробитой, как зеленый тоннель среди самой разнообразной листвы тропических растений. Неспешно ведя спутников к дому, Ноа продолжала радушные объяснения:

– Я устроилась чуть в стороне от моря. Знаете, в этих местах и так хватает сырости, а смотреть на вечно унылую водную поверхность – не велико развлечение.

Надеюсь, мой дом вам понравиться. Я, знаете ли, увлекаюсь садоводством. Что еще остается делать в одиночестве? А в цветах и растениях столько красоты. Я еще и бабочек бы выращивала, но они любят свободу, и я предпочитаю их привлекать цветами.

– А как Вы здесь управляетесь одна? – Женьку распирало любопытство.

– Ну, это не трудно, ты наверно видел, на что способна твоя спутница? А когда все время на месте, то немножко тут поколдуешь, немножко там, все и устраивается.

Я руками, если только для удовольствия, что-нибудь делаю.

– Но ведь все наколдованное исчезает! – удивился Женька.

– Понятно! – улыбнулась понимающе Ноа. – Вы только что прибыли в эти места.

Здесь, на берегу моря "выдуманные" вещи сохраняются до

месяца, а если временами сосредоточивать на них свое "внимание", они будут существовать сколь угодно долго.

Женька не заметил, как они вышли на открытое место.

– Вот и мое место жительства! – с некоторой гордостью в голосе, сказала хозяйка.

– Добро пожаловать!

Они стояли на краю пологого холма, увенчанного небольшим каменным домом, увитым цветущими лианами. Весь холм представлял собой парк, состоящий из террас, на которых красовались бесконечно разнообразные цветы, оттеняемые зеленью причудливо постриженных кустов и небольших экзотических деревьев. Между газонов пролегал целый лабиринт дорожек. Над растениями то тут, то там порхали гигантские бабочки самых невероятных расцветок. С одной стороны холм огибала небольшая речка, делая запруду, утопающую в зелени чудесных и незнакомых деревьев.

– Воистину, такого сада нет, не то что у королей, но и в раю! – неожиданно для себя проговорился о своих познаниях в райской жизни Женька, пребывая в полном восторге от увиденного.

– А как здесь уютно! – восхищенно подхватила Лэя.

– Спасибо, вы первые ценители моих трудов за многие-многие годы! – в голосе Ноы чувствовалась искренняя признательность, но она, как заботливая хозяйка, продолжала ухаживать за гостями, и не только двуногими. – Давайте разместим ваших лошадок под тем дальним навесом, там растет очень сочная травка, и есть где спрятаться, если пойдет дождь.

Они отвели пони и, разгрузив их от поклажи, прошли в дом. Оказалось, что дом стоял на ровном безукоризненном зеленом газоне. Конечно, было понятно, что справиться с такой красотой без волшебства не смогли бы и пять сэйлов, а надо было еще обеспечивать себя едой. Женька даже скинул ботинки под навесом у лошадок, чтобы прогуляться по мягкой траве босиком.

Следующий час они провели в цветущем саду, Лэя не могла отказать себе в этом, хотя Ноа и приглашала их настойчиво к столу. Потом они осмотрели ее фруктовый сад. Оказалось, что изобилие тропических деревьев давало ей возможность обеспечивать себя вкусной пищей. Она давно не грешила охотой, перейдя на вегетарианское питание. Но и не "синтезировала" себе еду, так как питательные свойства "выдуманной" еды приближались к нулю, и она годилась, если только для временного утоления голода. Наконец, хозяйке удалось заманить путников за стол, и они смогли оценить прекрасные вкусовые качества растительных блюд. Для гостей у волшебницы нашлось даже выдержанное вино собственного производства, с очень

оригинальным ароматом и немного терпковатым вкусом тропических фруктов.

Домик был небольшой, но очень уютный. Как раз такой, какой нужен одинокой женщине. Простое убранство не могло обмануть гостей, почувствовавших удобство мебели и всей внутренней обстановки. После позднего обеда они перешли к очагу, служащему одновременно камином, и устроились для беседы.

– При здешнем теплом климате нет нужды в обогреве, но камин помогает немного просушивать дом, а тратить на это свои душевные силы просто глупо, – начала беседу с непринужденного замечания Ноа.

– Ноа, а ты можешь рассказать о себе: как ты здесь очутилась, как живешь? – попросила Лэя.

– Да, а я пока проведаю лошадок, да и искупаться в пруду, можно было бы с дороги, – засуетился Женька, почувствовав, что Лэя вызывает на откровенность хозяйку. – А вы тут без меня посекретничаете, как две настоящие волшебницы!

– Слушай, любимый мой слуга! Не мельтеши, пожалуйста! – немного иронично остановила его дергания принцесса и обратилась к Ноа. – Мне, действительно, очень важно хоть что-нибудь узнать от старшей и более мудрой коллеги. Но Женино присутствие здесь просто необходимо! – и добавила Женьке. – И не прикидывайся обыкновенным сэйлом, когда ты им не являешься!

– Ну, на счет мудрой, это излишне! Откуда здесь в одиночестве мудрости наберешься?! – возразила старшая волшебница.

– Ноа, если ты расскажешь о себе, то мы расскажем о том, зачем мы здесь и кто мы такие, – проигнорировала скромничание волшебницы Лэя и тут же виновато спросила разрешения у Жени. – Можно, я все расскажу?

Женька задумался. Рассказывать все первому встречному не выглядело очень уместным, но он уже не раз убеждался, что Лэина интуиция срабатывала намного лучше и безошибочней, чем все его умные расчеты. Увидев извиняющийся взгляд Лэи и задумчивость Женьки, Ноа понимающе улыбнулась. Было видно, что ей стало понятно, какой из Женьки слуга, раз принцесса, извиняясь, спрашивает его разрешения. Наверно этот понимающий взгляд и решил дело. Таиться от проницательной хозяйки было и не прилично, и довольно глупо.

– Хорошо, все, кроме того, как я попал сюда, и как ты выходила в астрал. Эта тайна должна оставаться абсолютной, – наконец, согласился Женька. – Но сначала мы со всем вниманием

и благодарностью выслушаем Вашу историю, Ноа.

– Только при одном условии! – весело воскликнула волшебница. – Ты перестанешь мне "Выкать". Это только добавляет мне груза лет. Так что пожалей одинокую женщину!

– Договорились, теперь я буду тебе "тыкать" и невежливо перебивать, когда вздумается! – ответил весело Женька и обстановка в беседе сразу перешла на другой, более доверительный и дружеский уровень.

Старой кудеснице было о чем рассказать. Еще девочкой она слышала рассказы о многих волшебницах и волшебниках когда-то населявших эти края. Она родилась в семье содержателя городской библиотеки в одном городе, который находился довольно близко от кольца гор, опоясывающих эту страну. В детстве у нее было слабое сердце, и однажды, сильно заболев, она попала на небеса, но отец вместе с одним лекарем сумели спасти ребенка почти от верной смерти. Позже с ней стали происходить похожие чудеса, что случались с маленькой Лэей. Только они больше проявлялись в виде внушения. Маленькая Ноа просто непроизвольно гипнотизировала домашних. На самом деле это было очень опасно для нее, так как в городе были монахи-нюхачи, и ее поимка инквизицией была только делом времени.

К счастью или несчастью девочки, ее отец был очень начитанным человеком, и почти сразу обнаружил эту беду. В семье было несколько детей, и менять их жизнь ради одного ребенка родители не могли. Тогда отец решил увести девочку в место, где, он знал, инквизиция не могла толком ничего с ней сделать. Так она оказалась в этой стране вместе с сэйлами, для которых ее странные свойства были нормой. Но ее отец ошибся в одном – данные о стране Высоких Горизонтов, почерпнутые им из книг, устарели, чуть ли не на сотню лет. Благодаря успешной деятельности инквизиции, число волшебников сильно сократилось.

Хотя инквизиция не могла почти ничего противопоставить колдунам внутри страны, становясь беспомощной перед магической силой, она взяла магов измором. Принятая две сотни лет назад политика тотального поиска и уничтожения всей чародействующей молодежи, привела к тому, что приток новых волшебников в эту страну иссяк. Молодых девушек и юношей просто разыскивали с помощью нюхачей и уничтожали еще до того, как они сами узнавали о своих возможностях.

– Негодяи! – только шепнула Лэя, вспоминая охоту на ее семью, и утерла выступившие на глазах слезы.

Отцу Ноы, на ее счастье, удалось разыскать одну старую колдунью, на самом краю предгорий, где сейчас жили лонки. На

самом деле эта волшебница, на свой страх и риск обходила предгорья в поисках молодежи, в надежде, что кто-нибудь минует ловушки инквизиции и проникнет через горы. Она и почувствовала молодую коллегу.

Это была последняя удача старой ведуньи в ее поисках. Она забрала Ноа к себе, сюда, на берег внутреннего моря.

Ноа открыла для себя новый прекрасный мир, в котором они были владыками. К этому времени совсем немного волшебников осталось жить вокруг берегов внутреннего моря.

Можно было бы перебраться и на центральный остров, но он пугал своей непонятностью и неприветливостью даже их, творящих чудеса. К тому же, климат острова почти не пригоден для жизни из-за постоянных дождей. В сочетании с сумасшедшими обитателями морских глубин, которые, говорят, любят посещать тамошние берега, он был последним местом, где желал бы жить любой маг.

Время шло. Девочка училась премудростям, которые ей открывала старая волшебница и книги из ее библиотеки. Девочка превратилась в красивую девушку, и однажды их посетил странствующий вокруг моря кудесник. Он был значительно старше Ноа, но его мужество, такт и ум покорили сердце девушки, несколько лет не видевшей никаких сэйлов, кроме ее учительницы. Волшебник, тоже очарованный молодой красавицей, признался в своих чувствах, но посчитал, что не может злоупотреблять ее молодостью. И все равно, девушка упрашивала его остаться с ней или взять ее с собой. Тогда он поставил ей условие, что он уйдет завершить свой поход и вернется к ней через год, и если она к тому времени не передумает, то они будут жить вместе.

Но судьба решила все по-своему. Рвение инквизиции дошло до того, что им стало мало рейдов в предгорья, и они отправили огромный отряд Святого Огня к берегам моря. Из многосотенного отряда до моря дошла, если только сотня солдат и пара монахов-нюхачей. Они выследили двух волшебниц. Но и видавшая виды старая ведьма почувствовала, что происходит и, загнав юную и неопытную Ноа на мыс, сделала так, что та не могла выбраться оттуда до тех пор, пока все не кончилось. Ноа только слышала гром и видела вспышки, раздававшиеся со стороны их дома. А когда преграда исчезла, она нашла на месте дома выжженное поле, усеянное обгоревшими трупами сэйлов. Она не могла найти среди них свою учительницу и не чувствовала ее больше рядом. Спасся ли кто из инквизиторов – она не знала, но было впечатление, что там никто не выжил.

– Да, я припоминаю из хроник инквизиции, что они посылали

огромный отряд Святого Огня для окончательной расправы над всеми ведьмами и колдунами лет семьдесят – шестьдесят назад. Из него никто не вернулся, – тихо сказала Лэя.

– Господи, какие же сволочи эти ангелы! Не могли ничего лучше, чем инквизиция, придумать. И главное толку – ноль. Теперь нам надо расхлебывать всю эту ихнюю дурь! – не удержался от эмоционального восклицания Женька, чем немало озадачил рассказчицу.

Лэя пообещала Ноа, что все объяснит позже, а сейчас им интересно дослушать ее рассказ, и хозяйка продолжила. Несколько дней после этого побоища были самыми трудными в ее жизни. Она ушла жить сюда, еще ближе к мысу. На поле боя было страшно ходить. Ведь души умерших блуждают в этой стране пока окончательно не истощатся. Это было сверх ее сил, наблюдать, как душа ее учительницы мечется над местом их бывшего дома. Но это длилось только одну ночь, потом от души осталась только тень, которая не обладает сознанием. Тот лес много лет был полон таких теней-приведений, которые можно увидеть ночью в сумеречном свете, пробивающемся сквозь тучи от звезд.

– Не удивляйтесь, если повстречаете такого гостя в лесу ночью. Иногда души больших животных долго неприкаянно бродят среди лесов, – предупредила Ноа.

Но ее отчаянное одиночество не длилось долго, Вскоре вернулся ушедший странствовать волшебник, и она нашла утешение в объятиях единственного живого сэйла, какого она знала на тот момент. Он остался с ней, сказав, что ее дом оказался самым милым местом, какое только нашлось вокруг моря. Они прожили с ним счастливую жизнь. Но пять лет назад он ушел в свой последний путь к поясу гор.

Только там душа может попасть на небеса.

Этот мир давал чародеям огромные силы, но взамен требовал платы. Самое большое для Ноа наказание было, то, что она не могла иметь детей, так как сэйлы здесь были бесплодны. Лэя при этих словах, судорожно схватила Женьку за руку, что не ускользнуло от взора хозяйки, но она благородно не заострила на этом внимания и продолжила рассказ. Непонятно, почему это случалось, но женщины могли зачать ребенка только за поясом дождей, а долгое проживание здесь вообще лишало их такой возможности. С другой стороны, может быть это и к лучшему, так как у них рождались бы обычные дети, беззащитные в этом мире.

Другая кара заключалась в том, что, умирая здесь, душа обречена на вечную смерть.

Поэтому сэйлы, чувствующие приближение последнего часа,

старались выходить к поясу гор, где открывался путь на небеса, как и сделал ее муж. А принимать физическую смерь от инквизиции или умирать своей смертью, для стариков не имело большого значения.

Из-за того же странного свойства вязкого астрала здесь существует еще один запрет для волшебников. Им нельзя гулять во снах, как бы этого не хотелось их душе. А ведь душа, отведавшая раз полет в небеса, своевольно просится туда снова и снова. Старая колдунья долго приучала Ноа контролировать свои сны. В прошлые времена смерть от случайного выхода души во время сна, была не очень редким делом в стране Высоких Горизонтов. Если душа выйдет здесь из тела, она не попадает на небеса, а начинает блуждать, как тень в этом мире и потом не может попасть обратно. По преданиям, очень редко душе все-таки удавалось вернуться, и иногда, после этого души таких чародеев умели попадать на небеса прямо отсюда.

Но все это только древние слухи. На этом повествование хозяйки закончилось, и Женька спросил первый вопрос, пришедший ему на ум:

– А почему лонки называют гигантских животных-переростков "несчастными"?

– Да? Я не знала… но вообще-то очень верное название. Даже когда они умирают, их души еще долгое время неприкаянно бродят по этому миру. Для не осознающих, что с ними происходит, животных бремя колдовства непосильно. Они не ведают, что творят – действительно, несчастные.

Настал Лэин черед рассказывать старшей коллеге, кто они такие и с чем пожаловали в страну. Как ни странно, но волшебница очень хорошо все восприняла, и удивило ее только то, что Лэя умудрилась прожить до девятнадцати лет за пределами этой страны. Наоборот, она даже с какой-то жадностью слушала все подробности астральных перипетий и причину возникновения страны Высоких Горизонтов. Самое замечательное, что ни рассказ об инопланетном происхождении Женьки, ни известие, что Лэя кронпринцесса Эрианы не повлияли хоть как-то на ее открытое и доброжелательное отношение к молодым путешественникам.

В конце концов, разговор свелся к тому, что Женька все пытался осилить понимание, что же на самом деле происходит здесь, на берегу этого загадочного моря, а женщины пытались помочь ему, чем могли.

– Я хорошо понимаю, по крайней мере, надеюсь, что понимаю, как в астрале душа творит реальность, будучи сама информацией, и творя информацию вокруг себя. Но уже на

изнанке реала душа не может свободно творить, что ей вздумается. Максимум, что она может – это видоизменять себя и свободно перемещаться. Да еще способна транслировать и воспринимать информацию. А что получается здесь? Вы же творите как душа в свободном астрале!

– Но мы тоже ограничены в своих возможностях! – возразила Лэя.

– Мне кажется, что чем ближе к капсуле, тем больше эти ограничения зависят не от окружения, а от потенциала самой души. То есть, в астрале максимум, что может создать душа – это якорь. Не многим больше этого дома с участком.

– А может, здесь астрал проникает в реальность? – предложила Лэя. – Ты же сам говорил что-то об этом!

– Постой, постой! А почему астрал здесь такой, как будто нету никакой изнанки?

– Ангелы же говорили, что тут четвертое измерение замешано! – вспомнила Лэя.

– Так, представим, что сюда воткнулось четвертое измерение. Что произойдет? Мир развалиться, потому что он продукт трех измерений.

– Но он не развалился! – возразила Ноа.

– Значит, четвертое измерение может образовать еще три дополнительных трехмерных сочетания с уже существующими парами. Получиться четыре трехмерных пространства наложенных друг на друга. Чушь какая-то! – Женя пытался сосчитать на пальцах и не справлялся с собственными рассуждениями.

– А, по-моему, это близко к истине, – сказала старшая волшебница. – Я видела, как ведут себя души, попадающие в эти складки реальностей. Они бродят между них и создают свои псевдореальности и не находят выхода, пока этот мир не высосет до конца их энергию.

– Кстати это объясняет, почему свободный астрал смешивается с реалом. Изнанки-то здесь настоящей тоже нет! – добавила Лэя.

– Так-так-так, – протарахтел Женька. – А еще кто-то говорил, что женщины не умнее мужчин. Ах да, вы же Сэйларские женщины!.. Прибавим к рассуждениям еще то, что четвертое измерение все-таки не совсем здесь развернуто. Тогда и получается весь этот винегрет из мягкого реала со складками каких-то псевдореальностей вместо изнанки, и проникновение чистого астрала в размытый реал. И все это будет только усиливаться по мере продвижения к горе… и все-таки откуда здесь берется материя под силой воздействия ваших

полуосвободившихся душ?!

– А мне так все логичным кажется, – сказала Лэя. – Просто мы действуем на астрал.

Он структурируется. А поскольку тут натолкано целое месиво пространств и каждое с уймой своей энергии, то матрица астрала просто формирует материю в соответствии с приданной ей структурой. А размягченный реал пытается возвращать все назад, но ему трудно с нами бороться, потому что его сил здесь явно не хватает!

– Ну, ты даешь! Обставила меня в мастерстве развешивания этикеток с табличками на целый порядок! – восхитился Женька.

– У кого учимся?! – Лэя довольно намекнула на Женькину страсть все объяснять, и подвела итог, рассмеявшись. – А не все ли равно, как объяснять, главное, наврать себе поувереннее и успокоиться!

– Не знаю, не знаю. Иногда даже ложное знание может стать спасительным, если оно может объяснить, что делать в конкретной ситуации, – Женя сам не знал, как скоро этот тезис может подтвердиться в действительности.

В результате этой гимнастики ума все пришли в полный восторг от собственного идиотизма и на славу посмеялись над хилыми попытками с лету разгадать целую кучу загадок мироздания. Затем Ноа предложила Женьке немного поупражняться в экстрасенсорике:

– Здесь любой должен начать чувствовать мысли и присутствие другого, – сказала она.

– Кстати, я уже накачивал Лэю один раз энергией еще на краю этой страны. Правда после этого она не давала мне этого делать.

– А ты закрой глаза и "прислушайся" к нам. Попробуй, а мы тебе поможем!

Женька закрыл глаза и стал до боли "вслушиваться". Через некоторое время до него донеслась мысль, передающая что-то вроде "Не тупи, дорогой!" – это было явно послано Лэей. Потом еще слабее дошла мысль "Поздравляю, я слышу тебя!" – это была Ноа. Женька открыл глаза со счастливой улыбкой и крикнул:

– Получилось! Спасибо Лэя – я не тупил! – чем немного смутил расшалившуюся принцессу.

Время приближалось к вечеру, и Женька предложил выбраться на свежий воздух, проведать лошадок и разобраться с багажом, пока не стемнело. Когда они пошли к импровизированной конюшне, Лэя остановила Ноа и Женьку на полпути и спросила разрешения поколдовать на свободной лужайке. Хозяйка не возражала и отвернулась вместе с Женькой к

конюшне. Лэя, видимо, долго собиралась с мыслями, так как только спустя некоторую паузу их обдало волной воздуха. Женька встревожено обернулся, и очумело уставился на Лэино творение. Но что-либо сообразить он не успел, так как заметил, что Лэя покачнулась, и ему пришлось ловить в объятия норовившее упасть тело своей феи.

– Опять ты хулиганишь? – мягко ворчал он и приказал принцессе. – Смотреть в глаза!

Впившись своим взглядом в ее темные вертикальные зрачки, стал накачивать "незадачливую" волшебницу своей энергией. Однако та быстро отвела взгляд и сказала, весело и довольно улыбнувшись, что вполне достаточно. Оказалось, что юная кудесница была очень даже "задачлива", так как на лужайке стоял вполне модерновый домик с большими окнами и стильной отделкой. Но самое большое удивление ждало Женьку и, особенно, Ноа внутри дома. Юная хозяйка, первой зайдя в темный коридор, хлопнула, не глядя, рукой по стенке слева, и им в глаза ударил мягкий электрический свет.

Женька, опешив, узнал в отделке и планировке интерьеры домов Отраженного реала.

Блестящий паркет с мягким ворсистым ковром, профилированная отделка стен, стильная мебель цельного дерева теплых тонов… Женька прошмыгнул дальше, на кухню. Там тоже все было напичкано современной техникой вроде плиты со стеклокерамическим покрытием и посудомойки. Женька защелкал выключателями – все работало! Только микроволновка подкачала. Лэя смущенно опустила веки – она не знала принципа ее работы. Но в холодильнике было холодно, плита грела и так далее. Женька, не удержавшись, рванул искать ванную комнату. Нашлось все!

Отдельный сверкающий чистотой и работающий туалет. Ванна с душем и горячей водой.

– Как это все работает?! – чуть не плача в истерике, спросил Женька.

– Ну, я точно не знаю… я просто мысленно вывела все коммуникации, как ты говорил, в другие пространства. Оказывается, работает!

– Где же та электростанция и водонапорная башня?! Я уж не спрашиваю, кому на голову ты канализацию вывела! А, с другой стороны, ну и пусть! Я сейчас завою – так хочется в ванне полежать! Да что говорить, хоть по-человечески на унитазе посидеть! Умница моя, какой же я осел был, думая, что девушке хоть раз увидевшей такую красоту, рай в шалаше останется милым!

– Не передергивай! Рай останется с милым! А где – это уже дело десятое… хотя, надо признаться, наверно, все-таки ты прав, – хитрющее потупила очи, вкусившая яда технической цивилизации принцесса.

Пока Женька так причитал, радуясь и бегая по всему дому, Ноа медленно и недоверчиво осматривала все мелкие детали, как бы убеждаясь в их реальности.

Наконец, остановившись у сияющей довольной улыбкой Лэи, озабочено посмотрела нее:

– Как ты сумела все это за один раз "придумать"? Я ничего не понимаю в этой обстановке, но мне ясно, что это все очень сложно! Я, например, и пятой части всего этого не навыдумываю за один раз. Твоя сила просто невероятна, – проговорила она как-то нерадостно.

– Ой, а я думала, что ты сразу себе дом "придумала"!

– Нет, я его строила частями, сначала стены, потом крышу, потом отделку. Но не в этом дело. Меня беспокоит другое. Твоя душа слишком сильна и слишком свободна для этого мира. Понимаешь, она держится на одной ниточке в твоем теле, и я очень за тебя боюсь. Ты умеешь контролировать свои сны?

– Нет! Я даже не знала, что это возможно, – призналась Лэя.

– А давно ты не выходила в астрал во сне?

– Я даже и не помню, как давно.

– Вот это-то и плохо: твоей душе в любой момент может приспичить погулять, а я даже не знаю, чем тебе помочь. Самое лучшее было бы покинуть немедленно этот мир, но ты ведь не согласишься, да и не сделать этого теперь быстро… Единственное, что я могу тебе посоветовать: если такое случиться, и ты осознаешь, что гуляешь не в астрале, а где-то еще, постарайся не паниковать и искать свое тело. По преданиям те, кто все-таки возвращался, находили свое тело с помощью чего-нибудь необычного. И еще, у них тоже была очень сильная душа, такая, как у тебя.

Слабакам там не выжить и нескольких часов. Если там окажешься, у тебя будет часов десять, чтобы найти свое тело. Во всяком случае, за сутки от всех остаются только плотные оболочки со следами информации.

– Я же не знала… – пригорюнилась Лэя.

– Извини, я тебя запугала. Будем надеяться, что ничего и не произойдет. Но я не могла не предупредить тебя.

Притихший Женька подслушивал этот разговор, и сердце его опускалось от страха куда-то ниже пояса. К такому обороту дела он не был готов. Его юной фее, его котенку угрожала страшная опасность, а он ничего с этим не мог поделать: ни защитить, ни

предупредить!

– Ладно, прорвемся! Быстренько сделаем все дела в этом мире и вернемся – деланно весело сказала Лэя. – Мы в этом доме отдохнем ночь, а потом я тебе покажу, как этим всем пользоваться. Я это сама подсмотрела вот у них! – Лэя ткнула пальцем в сторону погрустневшего Женьки. – Ноа, это просто рай для женщины! Это будет моим подарком тебе, когда мы уйдем.

На дворе уже почти стемнело, когда они добрались до лошадей. Поглаживая и похлопывая верных мохнатых тружеников, Женька задумался и сделал предложение Ноа:

– Ты сможешь позаботиться об этих лошадках? Ты говорила, что до мыса можно дойти за день. Мы это смогли бы сделать пешком. Дальше они не смогут нам помочь и нам некуда их пристроить.

– Хорошо, я позабочусь о них, но я хотела проводить вас хотя бы до мыса.

– Я думаю, будет достаточно, если ты проводишь нас до пляжа. Я бы не оставил надолго такой дивный сад в этих местах без защиты.

– Ты прав, я все время слежу за появлением гигантских гостей, слоняющихся по здешним джунглям, – со вздохом призналась Ноа. – Кстати, мы можем отойти еще чуть в сторону леса, может нам удастся разглядеть души животных, бродящих там вслепую. Это может быть полезным для вас.

– Ой, как интересно! – воскликнула Лэя.

– Не столько интересно, сколько грустно. Пойдемте – сами увидите, – невесело улыбнулась Ноа.

Они отошли по дорожке дальше в лес. Вокруг уже была почти полная темнота.

– У нас несколько минут на то чтобы их заметить. Эти призраки видны только при таком, очень слабом освещении и лучше всего их видно в утреннюю половину ночи, а не сейчас. В полной темноте или днем их не заметить, – поясняла Ноа.

Они стояли и ждали. Им повезло – они увидели светлую прозрачную тень огромной кошки или пантеры. Она вынырнула откуда-то сбоку и стала проходить прямо перед всей компанией. Женька рискнул и, подбежав по почти не видимой дорожке к призраку, и коснулся его. Рука прошла насквозь. Тогда он сам прыгнул сквозь светлую тень. Ничего не произошло. Призрак двигался своей дорогой, как будто выискивая что-то и никак не находя. Женька поделился своими мыслями:

– Похоже, что это наложение складок других пространств. Я не понимаю световое это воздействие или информационное. Может быть, здесь и я могу воспринимать прямую информацию.

Но то, что это плотная оболочка души пантеры-переростка, нет никаких сомнений. И то, что я прошел сквозь ее, а она не среагировала, говорит за то, что эта кошка не на изнанке, а в каком-то из параллельных пространств.

Будь она на изнанке, то она бы распалась или реинкарнировала, если бы только не заякорилась на какую-нибудь аномалию. В этих складках она бродит, не зная, куда попала. Значит плотные оболочки душ сэйлов, тоже так бродили? – спросил он у Ноа.

– Да, теперь я понимаю, что случилось с воинами. Их души сгорали за сутки, как огонь, а плотные бессмысленные оболочки блуждали еще по складкам реальности, чуть не годами.

Они еще немного постояли, но полная темнота, опустившаяся вокруг, выгнала их обратно к саду. Сделав несколько шагов, они завидели электрический свет в окнах домика, сделанного Лэей.

– Стойте! Отвернитесь, пожалуйста! – вдруг воскликнула Лэя, подпрыгивая на месте и хлопая в ладоши, явно захваченная какой-то новой идеей. Я хочу сделать еще один подарок Ноа!

Ни старая волшебница, ни Женька не могли отказать скачущей от воодушевления девушке. Женька только проворчал, отворачиваясь:

– Смотри, только не перетрудись опять!

Они постояли немножко, как вдруг лужайка вокруг слегка осветилась. Уже догадавшись о Лэиной придумке, Женька быстро обернулся и ахнул. Ноа, вообще, застыла рядом, не способная произнести ни слова, а Лэя вприпрыжку и весело смеясь, понеслась по освещенным низкими садовыми фонариками дорожкам. Сад преобразился, как по мановению волшебной палочки. Низкие фонарики подсвечивали клумбы с цветами и дорожки, так что сад приобрел сказочное очарование. В конце концов, хозяйка сада пошевелилась и медленно пошла, разглядывая свое преобразившееся детище. Когда они снова встретились посреди клумб, в глазах хозяйки стояли слезы.

– Я не знаю, как тебя благодарить, моя девочка! – расчувствовалась Ноа.

– Самая лучшая твоя благодарность, это то, что тебе понравилось! На самом деле это ведь не моя придумка. Я когда-то подсмотрела такое в астрале. Тебе просто необходимо попасть в туда после смерти – там у тебя будут сады еще получше. И мы еще когда-нибудь обязательно там погуляем!

– А как ты провела электричество по саду? – спросил любопытствующий Женька.

– Очень просто, вся цепь замкнута на выключатель в коридоре нашего домика!

– А проводка?

– Какая проводка?

– Ну, кабеля, по которым ток идет.

– Хм… я не подумала. Нет там никаких кабелей, ток сам по изнанке лучами к каждому столбику подходит, – наконец сообразила Лэя.

– Ну ты даешь! Даже в Отраженном реале провода прокладывают!

– А, устаревшая технология! – с видом космического профессионала-электрика, ответила юная хулиганка, нарушающая законы физики. – Главное, что у меня все работает!

Вечер прошел в беседах и объяснениях преимуществ новой техники старшей коллеге.

Только ночью Женька сообразил, что, несмотря на все нежения в ванной и на атласном белье в шикарной кровати, отныне он лишен спокойного сна. Лэя как-то беспечней отнеслась к предупреждениям волшебницы и, нашалившись с Женькой, уже тихонько посапывала носиком, уткнувшись в его плечо. А его чуть не трясло от мысли, что ее душа вот-вот может покинуть тело и тогда случиться… Он не мог и не хотел представлять себе этот ужас.

Он напряженно вслушивался, не изменится ли ее дыхание. Вся ночь так и прошла в каком-то кошмарном бдении. Женька временами проваливался в вязкую дрему, потом опять просыпался с чувством сосущего страха. Он нашел средство проверять, на месте ли душа Лэи. Он целовал свою спящую красавицу или тихонько гладил ее волосы, и она отвечала во сне ему улыбкой. Тогда он успокаивался и опять ненадолго засыпал. Однако ничего страшного в эту ночь не случилось, и утром, тепло распрощавшись с Ноа, они продолжили свой поход по песчаной кромке берега…

***

К вечеру путники достигли окончания мыса, тянущегося длинной песчаной косой в море. Они, как обычно, разместились на стоянку, закрывшись железной решеткой и крышей от дождя. С утра им предстояло думать, как переплывать море. Женька чувствовал себя, как выжатый лимон. Беспокойная ночь и долгий переход пешком сделали свое дело. Как он не пытался следить за Лэиным сном, он все-таки проспал… …Лэя оказалась на своей

небесной полянке. На лугу все так же росли ее любимые цветы, и зеленела сочная молодая трава. Лэя присела на траву, ощущая, как давно она не была здесь и как она соскучилась по родителям и Арсену. Она стала привычно звать их к себе, но никто не откликнулся. "Наверно, сильно заняты.

Подожду немножко и потом еще позову" – подумала Лэя и легла в траву, вбирая в себя аромат безмятежно покачивающихся цветов. Ей было хорошо – это было ее личное место на небесах, где ее душа всегда отдыхала. Подождав, она снова стала звать ангела и родителей, но опять ответом была только тишина. "Странно" – подумалось ей: "может быть, что-нибудь случилось?" Беспокойство начало медленно просачиваться в ее душу.

Наконец, она встала и принялась звать всех, кого знала, так сильно, как только могла. Ответа не было. Тогда она пошла по полянке, разыскивая, хоть кого-нибудь, кто мог бы ей помочь. Она заметила, что вокруг полянки видны какие-то тени.

Вглядевшись, она поняла, что вокруг нее стоит призрачный лес, видимый, как будто за мутным стеклом. Она решила посмотреть, что это такое, и прошла сквозь эту прозрачную слегка мутную пелену. Но до леса она не добралась. Вместо этого оказалось, что ее лужайка стала тоже прозрачной, а она стояла на новой, меньшей по размеру полянке. Она в панике метнулась обратно, но, пройдя пелену, попала еще куда-то, так как лужайки исчезли, а призрачный темный лес вокруг сменил свои очертания.

Лэя, чувствуя, что начинает уставать, присела на клочок травы, бывший у нее под ногами. В голове крутилась какая-то мысль, которую надо было вспомнить. Она закрыла глаза и стала вспоминать… … Женьку как будто ударило током. Он даже подскочил во сне. Открыв глаза, он понял, что проспал слишком долго. Вокруг разливался слабый призрачный свет.

Значит, ночь перешла за свою половину. Он лихорадочно стал всматриваться в Лэино лицо. Оно было мертвенно спокойно. Чувствуя, что случилось именно то, о чем предупреждала Ноа, он попытался ласками добиться какой-нибудь реакции от Лэи, но, не получив ответа, начал трясти ее за плечи. Глаза принцессы оставались плотно сомкнутыми. Женьку охватило чувство паники и отчаяния. Сейчас душа его любимой неприкаянно бродит где-то рядом, а он не может ей ничем помочь! Он закрыл глаза и "закричал" про себя что было сил: "Лэя!". Сначала он ничего не воспринимал.

Потом, на грани чувств, появился далекий зов родной души. Женька выскочил из клетки и, закрыв глаза, стал поворачиваться вокруг. Вдруг он почувствовал, откуда идет отчаянный призыв о помощи. Он кинулся туда, не разбирая дороги. Он не помнил, как

продирался сквозь чащу, но вдруг увидел призрачный силуэт его принцессы, сидящей на клочке такой же призрачной лужайки. Он кинулся к ней и проскочил насквозь, как в туман. Обернувшись, он снова увидел ее вставшей и слепо озиравшейся вокруг… … Лэя вдруг почувствовала чей-то родной зов. В сознании блеснула мысль: "Женя!

Как я могла о нем забыть? Он зовет меня. Где же он?" Лэя чувствовала, как он приближается. Но вот Женя уже с другой стороны, а она не видит его. "Ах да, вот его смутная тень. Это точно он!" – Лэя кинулась к любимому и прошла очередную складку, оказавшись в новом месте. Теперь она видела призрачный контур берега и опушку темного леса с другой стороны. Паника вдруг сменилась отчаянной решимостью. Мысль о Жене пробудила все воспоминания о последних событиях. Она заставила себя сесть на тот клочок травы, который опять появился под ее ногами, и закрыла глаза.

"Возьми себя в руки! Так мечась, ты наверняка погубишь себя! Не будь размазней!" – мысленно приказывала она себе с какой-то отрешенной ожесточенностью: "От тебя зависит судьба любимого и целого мира! Так что у тебя нет права на проливание слез!" Аутотренинг помог. Ее мысли заработали, как часы: "Значит так, душа моя дорогая! Погулять тебе захотелось?! Напомнили тебе, что можешь по небесам послоняться, ты и рада стараться?! Нет уж, не выйдет!" Она начала рассуждать. Первое наблюдение: их рассуждения о складках реальности, кажется, имеют под собой почву, так как ее душа сейчас тем только и занималась, что прыгала из одного параллельного зыбкого пространства в другое. Второе, довольно неприятное наблюдение: пытаясь выйти на объект, видимый в реале, она все время попадает не туда, проваливаясь в другое пространство и меняя ориентировку по отношению к реалу. Значит, пытаться выйти к объектам в реале, например, к своему телу, таким путем невозможно. Третье – если правда, что кто-то мог выходить в астрал и возвращаться в свое тело, то есть другой путь. Какой?

Она уже пыталась дозваться ангелов, но ее зов просто затерялся в этих складках несуществующих реальностей. Что же делать?.. …Женька выл в отчаянии. Тень Лэи, которая только что кинулась к нему, вдруг растворилась бесследно. Он стоял посреди темного леса и не знал, что делать. Он чувствовал, что она не погибла, но она больше не звала его, и он не мог определить, где она находится. Он медленно побрел через лес, чисто интуитивно выйдя на их стоянку с клеткой. Он с испугом заметил, что оставил дверь открытой – ведь любая голодная зверюга могла напасть на бесчувственное тело Лэи. Со вздохом

некоторого облегчения он нашел все нетронутым. Сев напротив Лэиного тела, Женька припал к ее груди, прислушиваясь к дыханию. Сердце принцессы медленно отсчитывало оставшееся время. "Насколько же ее хватит? До полудня?" – панически пытался сосчитать в уме Женька – "Нужно придумать что-то другое. Что-то, что бы позвало ее к телу, вне зависимости от всех этих складок пространств!" Он вспомнил, как они с приятелями вызывали друг друга с изнанки Земли, издеваясь над телами в первых экспериментах, но решил приберечь издевательства на крайний случай. А пока он решил попробовать другую вещь. Женька склонился над самым лицом, спящей беспробудным сном любимой, и осторожно оттянул ее верхние веки большими пальцами рук. Глаза были немного закачены кверху, но, к счастью, безжизненные вертикальные зрачки больше чем наполовину были видны. Он пристроился, упершись лбом в лоб, так чтобы заглянуть сверху в ее глаза. Наконец это ему удалось.

Он решил повторить свои эксперименты по накачиванию ее души своей энергией. Он не знал, получиться ли хоть что-то из этого. Ведь души его любимой сейчас не было в теле. Тем не менее, он нашел ее потухшие зрачки и с упорством маньяка пытался нащупать контакт и вкачать в нее свою силу. Вдруг ему это удалось. Его взгляд будто воткнулся в ее зрачки, и он почувствовал, как маленький ручеек его души стал перетекать в безжизненные глаза. Но что-то в этом было необычное, глаза оставались такими же отчужденными, а энергия потихоньку принималась.

Женьке просто отдавался процессу до конца, не мучая себя сомнениями. В конце концов, сознание начало покидать его. Он только успел отклониться, чтобы не навалиться на Лэю всем весом, как провалился в беспамятство… …Постепенно Лэя стала чувствовать чье-то присутствие. Как будто где-то вдали зажегся маленький маячок, все время посылавший сигнал нежности и любви. Это не был Женя, и не было ее собственное тело. Она никак не могла понять, что это, такое родное, и в тоже время незнакомое. Она чувствовала, что потратила слишком много сил в напрасных метаниях по ложным пространствам. Отбросив все лишние мысли, она сосредоточилась на выходе из этой ловушки. Если она не может найти свое тело в реале, все время оказываясь в новых местах, надо попытаться выйти в открытый астрал. Как же туда попасть?! Когда-то она представляла себе свою лужайку в астрале и оказывалась на небесах, а сейчас она очутилась в какой-то складке пространства. Вспомнив объяснения Жени об ориентировке в астрале, она попробовала представить себе занавес одной из виденных пирамид. Открыв глаза, она увидела

его перед собой, однако чуть сместив взор, она заметила все тот же призрачный лес вокруг. Уже поняв, что вновь обманула сама себя, она шагнула в занавес северного сияния и оказалась опять в окружении прозрачного призрачного леса.

"Так, занавеску себе выдумала и потратила последние силы!" – обозлено на себя подумала Лэя, все время ощущая на краю сознания теплый маячок: "Что же это или кто это такой, и как к нему добраться? Думай! Думай! Думай!" Лэя сковала себя железным усилием воли. Ей нужно было использовать последний шанс на спасение.

Нужно найти выход из этого лабиринта! И вдруг ее посетила отчаянная мысль: "К черту все эти пространства!" Надо представить себе отсутствие чего-либо вокруг, вернее, отсутствие всего. Она красочно вспомнила открытый астрал, в который первый раз вывел ее Женя. Заставив себя сосредоточиться из последних сил на полной черноте без какого-либо пространства, она открыла глаза и почувствовала, как ее душа воспрянула, свободно паря в, ставшей такой родной, черноте. Она, чуть ли не физически, ощутила отсутствие сосущей тяжести складок ложных пространств и изнанок. Изо всех оставшихся сил она воскликнула: "Арсен! Папа!

Мама!" и тотчас вокруг ее появились заботливые лица. Сама собой образовалась ее привычная полянка. Она в полузабытьи наблюдала, как вокруг ее суетятся ангелы и родители, что-то говоря, жалея и успокаивая ее. Наконец она почувствовала, как ее накачивают силой. Мысли снова приобрели четкость и ясность. Наконец, она встала и обнаружила множество астральных жителей, обеспокоено следящих за ней.

Она счастливо улыбнулась и сказала:

– Спасибо! Теперь все будет в порядке! Я знаю, как справляться с мягким реалом.

Обеспокоенные ангелы и родственники стали исчезать один за другим, оставив ее наедине с родителями, Арсеном и Заром. Оставшимся с ней близким хотелось узнать, как дела у Лэи, каким образом ей удалось выйти в астрал из ловушки страны Высоких Горизонтов. А ей хотелось узнать, как дела в астрале у родителей и Зара, но она знала, что в реале Женя сейчас буквально сходит с ума, и поэтому, она найдет путь к своему телу. Пусть для этого ей понадобиться хоть сто раз выходить в астрал на дозаправку, она сделает это. Так что, поблагодарив всех и попрощавшись, она сосредоточилась на своем теле и прыгнула прямо в него, как учил ее Женя. Однако в том-то видимо и было отличие Жениной технологии от обычных астральных снов, что ей не удавалось полностью и адекватно управлять действиями

своей души. Вот и сейчас она оказалась не в своем теле, а только в непосредственной близости от него. Увидев свое лежащее тело и привалившегося к нему недвижного Женю, она сильно заволновалась, не понимая, что произошло, сделала движение, пытаясь войти в тело. Однако картинка опять провернулась, и она зависла посреди прозрачного леса.

"Стоп!" – скомандовала она себе и, заставив успокоится, закрыла глаза и сосредоточилась на своих ощущениях. Опять где-то в уголке сознания затеплился знакомый маячок. Что же это такое? Маячок как бы потускнел, видимо, теряя силы, но теперь Лэя была полна энергии и потянулась к нему всеми своими чувствами.

Маячок, словно почувствовав ее, засветился сильнее любовью и лаской. И вдруг ей стало ясно, кто это такой родной, похожий на Женю и ее саму, и в тоже время незнакомый ей: "Это же девочка! Это ее ребенок! Только что зародившаяся душа, еще ничего не знающая и не понимающая, но уже умеющая дарить любовь и жаждущая ее в ответ!" Ей стало ясно, как она вернется. Она просто отрешилась от всего и, сосредоточившись на этом тихом и маленьком зове, потянулась к нему…

Открыв глаза, она не смогла сдержать одновременно радостный и испуганный вскрик.

Радость была от того что она вернулась, и теперь она знала – у них все будет в порядке. Но ее испугало то, что стало с головой Жени. Она сняла его руку со своего плеча, повернув на спину, и стала трясти. Спустя некоторое время тот открыл глаза. Она, догадавшись, что его душа истощена, схватила его голову в свои руки и, впившись в глаза, проделала обратный процесс, накачав Женю энергией.

Женька, почувствовав, что прилив бодрости захлестывает его, отвел взгляд и услышал веселое и укоризненное замечание:

– Что ты теперь Зару скажешь?! Видел бы ты свою голову – седой, как старик! – Лэя, научившись Женькиным повадкам, покрывала его лицо поцелуями. Женька, почувствовав, что тело вновь слушается его, не остался в долгу и обнял свою вернувшуюся фею.

– Как же ты сумела вернуться?! Да еще вся так и светишься энергией! – удивлялся он, никак не веря в свое счастье.

– А это спасибо тебе за то, что поддержал своей энергией! – таинственно улыбалась Лэя.

– Значит, я смог через твое тело послать тебе свою силу? Странно как-то, – не понимая, спросил Женька.

– Нет! Ты все равно не догадаешься! – прошептала Лэя, растягивая счастливый момент. – Я сначала нашла путь в чистый

астрал и там заправилась под завязку.

Вернее, меня ангелы заправили.

– Так кого же я тогда заряжал? – не догадывался Женька.

– А ты догадайся, кто еще мог быть в моем теле, пока я отсутствовала? – хитро и счастливо улыбалась Лэя.

– Ангел, что ли какой… Что-о?! – дошло вдруг до Женьки. – Неужели?!

– Да! И это девочка. И еще, если тебе интересно, то половина ее души твоя! Я это четко почувствовала! Она еще совсем крошечная, несмышленыш, но сколько в ней любви! Когда ты ей помог своей энергией, она стала меня звать, а я была слишком ослаблена и не поняла, что это такое. Но после астрала, я сразу распознала, кто меня зовет. Я на нее, как на маячок вышла! Она бедненькая, пока дозвалась, столько сил на меня, глупую потратила! Но теперь все в порядке! Я ее чувствую каждую секунду и ей сейчас хорошо! И еще, теперь мне не страшны никакие параллельные пространства. Я знаю, как отсюда в астрал выходить и обратно в тело возвращаться!

Женька ошалело молчал и глупо улыбался: "Бывает же в жизни! Только что, казалось, все потерял, а сейчас приобрел это все обратно, да еще и в двойном размере!" И наверно, не было во всем Сэйларе более счастливых существ, чем они, обретшие снова друг друга и связывающую их третью душу. И даже безжалостный пасмурный мир страны Высоких Горизонтов, шаг за шагом сдавал свои позиции перед силой их любви…

ГЛАВА 17. НАД МИРОМ

Они не спешили в это утро. Женька чуть ли не облизывал свою фею – все никак не мог ею налюбоваться, прислушивался к ее стройному животику, будто за пару недель там что-то могло уже зашевелиться. Даже додумался высказать мысль о том, как жаль, что они не начали влюбляться еще в Венле – сейчас бы, мол, что-нибудь да зашевелилось. Лэя только тихонько посмеивалась и нежилась в его руках, якобы обиженно ответив, что она была тогда совсем не против, и он сам во всем виноват.

Женька каялся и лил крокодильи слезы, сам по крокодильи раздумывая, с какой бы стороны приступить к его лакомому кусочку. Лэя чувствовала, что его уверения о том, что теперь он ее любит за двоих, совершеннейшая правда – теперь он, любил еще и маленькое будущее создание, которое, действительно, было порождением их любви. Потом Женька вдруг испугался, а не помешает ли их будущему ребенку их излишние выражения любви. Лэя только смеялась, уверяя его, что не слышала, чтобы это кому-нибудь помешало, и потом, она всегда на связи с их будущей малышкой, и первая узнает, если той что-нибудь не понравиться. Женьку вдруг понесло на фантазии, какая у них будет умная и красивая дочка – в общем, получилась почти точная копия Лэи. Принцесса опять смеялась скудости инопланетной выдумки. В результате, было уже давно засветло, а они все еще шептались, обнимались, целовались и занимались всякими несерьезными, но такими важными для них глупостями.

Голод все-таки заставил их мысли повернуть на деловой лад, и после очень позднего походного завтрака влюбленная парочка вышла на песчаную косу. Они созерцали унылое водное пространство, по которому ветер гнал легкую рябь от берега. Им нужна была лодка, или яхта, или еще что-нибудь, что может передвигаться по воде, и чем быстрее, тем лучше. Мореходность их транспорта тоже имела не последнюю роль. Женька не обманывался на счет спокойности моря. Ветер дул из-за леса и здесь просто был не заметен. А им предстояло пересечь 150 – 200 миль водного пространства. Низкие тучи могли спровоцировать любой шквал. Малая сила тяжести и высокая плотность воздуха тоже способствовали легкому разгону волн даже при небольшом ветерке. А уменьшившаяся почти в два раза сила тяжести не помогала в грузоподъемности судна, так как вода тоже была легче и пропорции водоизмещения сохранялись.

Проблема была в том, что хоть Лэя теоретически и могла

"выдумать" почти все, что угодно, но ее запасы знаний по кораблестроению были почти равны нулю. Это было их самой большой оплошностью при подготовке к походу. Женька вынужден был признать, что является большим головотяпом, не способным продумать и нескольких шагов вперед, не то, что проведение экспедиции. Надо было удивляться, как он еще про компас вспомнил. С другой стороны, никто и не мог предположить, что на внутреннем море вообще не будет лодок или судов.

Выяснения с Лэей показали – она может "придумать" максимум то, что она видела, а это были суда и лодки на реке Венле. Женьку не вдохновляло отправляться в море на речном баркасе, и он насел на бедную девочку, заставляя ее вспоминать все, что она видела в астрале. Вдруг его стукнуло по голове:

– Я же тебе мельком показывал нашу пирамиду! Помнишь, мы добрались до порта, перед тем, как ушли оттуда. А там в порту стояли несколько яхт.

– Да, я мельком видела там несколько красивых белых кораблей.

– Ну, корабли, это слишком громко для тех посудин, но вот с обводами и оснасткой у них все в порядке. Ты смогла бы такую небольшую, метров на десять, яхту, ну, то есть лодку, придумать.

– Но… – растерялась Лэя. – Ты же знаешь, что я не видела, как там все устроено.

Там ведь мачты, паруса и, как его, киль или руль должны быть.

– Хм… – задумался Женька. – А если я тебе буду рассказывать подробности, а ты понемногу будешь выдумывать, как Ноа свой дом строила? Ты ведь можешь фантазировать?

– Да, конечно могу, но для фантазии мне нужно ощутить хоть какие-нибудь детали.

– Хорошо я буду подыскивать сравнения и рисовать тебе эскизы, а ты будешь ваять потихоньку.

Они начали с того, что Лэя "выдумала" большие листы бумаги и карандаш. Сначала Женька долго объяснял, как должен выглядеть корпус яхты. Как выяснилось, кораблестроитель из него тоже был никудышный, и поэтому он ограничился самой примитивной конструкцией яхты. Вскоре, в метрах пятидесяти от берега в воду плюхнулась новенькая, беленькая и вся блестящая яхта. Правда, пока без мачты и руля. Женька сначала обрадовано, затем озадаченно смотрел на творение принцессы.

Лэя правильно приводнила яхту подальше, так как ближе к берегу было явно мелко.

– А как мы до нее доберемся? – запоздало начал думать

Женька.

– Я сейчас к ней дорожку изо льда сделаю! – воодушевилась Лэя.

– А ты не устала сразу столько придумывать? – обеспокоился за свою начинающую корабельщицу Женька.

– Нет, это же не дом, а просто болванка корпуса. А лед проще всего делать, не надо ничего нового придумывать, только воду заморозить. Сил не больше, чем на молнии уйдет.

– Только покрой лед снегом или как-нибудь сделай его шершавым.

В общем, скоро к яхте пролегла ледяная дорожка покрытая снегом. Они бодро пробежали до яхты и, обнаружив, что она на плаву, начали ее "оборудовать". В первую очередь "бросили" якорь и перетащили вещи с берега. Потом Женька объяснял, что такое руль и румпель, из какого дерева нужно делать мачту, как растянуть ванты и из каких простыней "шить" паруса, а Лэя "выдумывала" и "передумывала" неудавшиеся варианты. В результате после полудня усталая Лэя услышала удивленную похвалу Женьки:

– У нас, кажется, получилось! Лэя, ты просто чудо! – Женька бегал по всей яхте и проверял грот и стаксель, крепление вант и шкотов – все было в порядке.

– Все, да не все! – рассмеялась Лэя в ответ. – Каюту-то еще вообще не оборудовали!

– Да, верно! Совсем забыл, – заоправдывался Женька и предложил. – Ты отдохни немного, а я сбегаю на берег за водой – надо запасы в дорогу сделать. Нам все-таки даже при хорошем ветре почти сутки идти, а если штиль будет, то вообще не известно сколько.

– Давай, я с тобой! Заодно пообедаем или поужинаем. Кстати, когда выходить в море будем?

– Я думаю, завтра. Тебе надо ночь отдохнуть и быть в полной готовности.

На завтра Женька еще в сумрачном свете заоблачных звезд, поднял паруса и обрубил за ненадобностью якорный канат. Поскольку Лэя не знала ни принципа действия, ни устройства ни одного двигателя, Женька рассчитывал на силы природы. Лэя тоже попробовала поупражняться в "придумывании" ветра, и ей без труда удалось "придумать" небольшой толчок в паруса. Сильный порыв воздуха она попросту боялась делать, предупрежденная Женькой о печальных последствиях. Однако создание постоянно дующего ветра, требовало постоянного "внимания" и это уже было нелегко. Поэтому решили пока ограничиться натуральным ветром, благо его хватало, после того,

как они отошли подальше от берега.

Целый день прошел в скучном сидении за румпелем. Лэя неплохо переносила качку, и большую часть времени просто проспала, впервые столкнувшись с убаюкивающим свойством морских волн. Ветер подымал небольшую волну, чуть больше метра – вполне приемлемую для яхты. Низкие тучи периодически проливались дождем. На компас можно было не смотреть, так как ветер не менялся и постоянно дул в фордевинд (сзади). Так что Женька просто расправил паруса бабочкой и зафиксировал румпель – яхта сама держала себя на курсе. Он, конечно, подумывал о спинакере. Но рисковать Лэей, впервые идущей под парусом, он даже не мыслил. А одному справляться со всем хозяйством, в случае чего, было небезопасно. Из-за однообразия пейзажей и безделья, самой большой проблемой было не уснуть за румпелем. Все-таки Женьке пришлось пару раз посадить за руль Лэю, а самому прилечь вздремнуть.

Уже ближе к вечеру, когда он дремал во второй раз, его разбудил испуганный крик Лэи:

– Женя! Иди, посмотри! – она сидела, раскрыв рот и уставившись куда-то вперед и вверх.

Женька вылез из каюты и посмотрел вперед. Оказывается, облака под напором шквала разошлись на некоторое время, и пред ними предстало странное и пугающее зрелище.

Над стелющимися вдалеке облаками в небо поднималась бесконечная темная скалистая стена, срытая местами в серых обрывках облаков, которые опять укрывали ее вверху, становясь гуще. Еще они разглядели впереди над водой, каких-то белых птиц, похожих на переросших альбатросов, но их размера было не разобрать из-за отсутствия хоть какой-нибудь перспективы. В последний момент, когда разрыв в облаках сместился вправо, им удалось рассмотреть далекий пологий правый край горы. До Женьки дошло, в чем дело, и он объяснил Лэе, когда картинка скрылась за облаками:

– Это и есть гора, к которой мы стремимся.

– Но она необъятна и почти вертикально уходит вверх! – испуганно сказала Лэя.

– Это обман зрения. Видела правый склон?

– Да.

– Весь вулкан очень пологий, как Килиманджаро в Африке. Это было видно по его краю.

– Но почему же, перед нами была почти вертикальная стена?

– Это мы немного наклонены вперед к горе, и поэтому мы ее видели над облаками, а она кажется наклоненной к нам. Это все та же вогнутость впадины с гравитационной линзой вытворяют

шутки. Потом она казалась стеной из-за своей огромной величины, что в ширину, что в высоту. Одно здесь странно, почему склон, при своей пологости, совершенно голый, без какой-либо растительности?

Больше до вечера ничего не произошло и Женька, приспустив паруса на случай, если ветер усилиться, заступил на ночную вахту. Где-то за полночь он очнулся от какого-то мягкого толчка, выплыв дремы, в которую он постоянно впадал. Корпус яхты сотрясся, как будто она наткнулась на песчаную или илистую отмель. Ее стало медленно разворачивать к ветру и паруса опасно натянулись.

– Лэя, аврал! Что-то случилось! – крикнул Женька своей спящей красавице и попытался выправить положение яхты рулем.

Но руль, будто завяз в песке. В призрачном свете впереди были видны только волны.

Женька быстро отдал шкоты, и паруса захлопали по ветру. Однако судно не выпрямилось, а продолжало клониться на бок. Выскочившая, испуганная и зевающая на ходу, Лэя, сообразила зажечь, заранее "придуманный" на такой случай факел. То, что они увидели с правого борта, не вселило в них оптимизма. Лэя даже чуть не выронила факел от испуга.

– Что это за мерзость?! – гадливо морщась, воскликнула принцесса.

– Не хватало еще всяких дебильных Кракенов тут! – зло прокомментировал Женька появление над бортом яхты толстенного щупальца, усеянного присосками с тарелку величиной.

– Лэя ты можешь организовать по-быстрому небольшую льдину на сотню локтей вокруг и эдак на тридцать – глубину. А то эта осьминожина, или о скольки ногах она тут у вас, утопит нашу посудинку в два счета!

Через мгновение раздался треск корпуса корабля, и гигантское щупальце, немного подергавшись, безжизненно повисло.

– Ах ты! Мать-перемать мою пустую голову! – непонятно на каком языке выругался Женька. Мы же льдом корпус яхты раздавили! Ох, и осел же я!

– Да ладно, новую придумаем. Я на лед сильно и не потратилась! – довольная своим успехом, беспечно отмахнулась Лэя.

– На всякий случай надо самое необходимое скидать в мешки! – и они с Лэей, при свете факела начали собирать пожитки.

Самой необходимой оказалась в новых условиях еда – сухие

лепешки, подаренные Ноа и бурдюк с питьевой водой. Женька прихватил еще дождевик и оружие, когда они почувствовали, что пол под ногами снова стал постепенно крениться. Они, с заплечными мешками, выскочили обратно на палубу, пытаясь рассмотреть при свете факела, что произошло. Вокруг ничего нового не появилось, но вся льдина наклонилась в ту же сторону, куда до этого была наклонена яхта, Подняв факел выше, Женька вгляделся в сторону уклона. На краю льдины появилась какая-то масса, медленно наползающая на уходящий под воду край их импровизированного айсберга.

Кажется, они вступили в воды, кишащие всякой гадостью, о которой предупреждала Ноа. Чувствуя, что надо придумывать что-то кардинальное, Женька посмотрел наверх и подумал: "Сейчас бы влететь повыше от всей этой мерзости!" – Лэя! Я придумал, что надо делать! – заорал он радостно и добавил. – Сейчас удираем, а потом ты можешь колотить своего тупого слугу за его безмозглость, сколько твоей душе будет угодно!

– Да погоди ты! Что надо делать?! Куда удираем? Эта гадина скоро или сюда доползет, или всю льдину утопит! – затараторила Лэя, воодушевленная надеждой на спасение.

– Помнишь, в Отраженном реале мы на аттракционах летали на воздушном шаре?

– Да, но я боюсь, что не смогу "выдумать" горючего для горелки.

– И не надо! Ты представь такой шар, но круглый и герметичный, сделанный из тонкой и плотной непроницаемой ткани, ну вроде наших дождевиков. Затем представь, что он заполнен легким газом – он называется гелий. Я думаю, названия знать не обязательно, так как, пусть он хоть вакуумом заполнен – лишь бы был легче воздуха. Теперь, помнишь стропы и корзину? Шар должен удерживаться этой веревочной сеткой.

– Да, помню! – с сосредоточенной готовностью ответила юная волшебница и уже закрыла глаза, как Женька крикнул:

– Не забудь "привязать" корзину к яхте, а то наш летательный аппарат удерет до того, как мы успеем запрыгнуть!

– Хорошо! – ответила Лэя, а Женька проверил, как дела у жаждущего с ними встречи головоногого, не испугавшегося даже холода льда, ради теплого общения с гостями.

К сожалению путешественников, дела у тупого хозяина глубин, шли неплохо, он уже подтопил всю свою половину льдины и дотянулся первым щупальцем до борта яхты. К своему ужасу, Женька заметил вторую такую же тушу, показавшуюся над кромкой льдины по близости с первой.

Пока он разглядывал визитеров из морских глубин, что-то

произошло, так как он услышал какой-то хлопок и заметил, как качнулась корма яхты. Обернувшись, он увидел довольно большой шар, рвущийся в небо и натянувший привязывающий его трос, как струну.

– Шикарно! Молодец! Лэя, становись на борт яхты и бери заплечный мешок! – с этими словами, Женька подхватил фал, подтянулся руками на привязывающем корзину канате и, как обезьяна, забрался вовнутрь. Благо при их нынешнем весе это делать было несложно. Тут же свесившись обратно, он крикнул:

– Привязывай мешок!.. – он не договорил сразу по двум причинам. Умница Лэя, несмотря на некоторую слабость, после "придумывания", уже привязала один мешок к фалу и собиралась привязать второй. Но Женька с ужасом увидел, что к ее ноге тянется склизкая толстая колбаса щупальца и заорал. – Бросай все и хватайся за мои руки!

Лэя, сразу поняв по истерически-испуганному воплю Женьки, что не время оглядываться и рассуждать, просто прыгнула вверх из последних сил. Благодаря своему легкому весу она подлетела больше, чем на метр, и свесившемуся до пояса вниз, Женьке удалось схватить в замок одну ее руку. В условиях обычного тяготения он бы вывалился из корзины, но сейчас он, как Тарзан или Супермен, вытащил свою принцессу, словно перышко, в корзину, и тут же схватился за фал с подвязанным мешком. К счастью, мешок оказался именно с едой. Из режущих инструментов в Женькиных руках остался только нож на поясе, но сейчас ему было и его с лихвой достаточно, чтобы перерезать якорный канат.

Они резко взмыли вверх. Внизу осталась, быстро уменьшающаяся и удаляющаяся вбок, полузатопленная льдина с двумя бесформенными массами уже вовсю оплетающими своими щупальцами яхту.

– Да, недолго нам послужила твоя прекрасная лодочка! – сказал Лэе Женька, глядя, как скрывается их недолгое водное пристанище и обернувшись к своей уставшей, но упокоившейся принцессе сказал. – Ну, теперь можешь начинать меня бить, чем попало! Мне нужно было до этого транспорта еще где-то в степной зоне додуматься!

– Бить тебя, у меня и сил-то нет! А шар я сумела бы выдумать разве что на берегу моря, не раньше, – тихонько сказала Лэя.

– Тогда слушай мою команду! – Женька присел пред Лэей и сказал, приготовившись к своей фирменной накачке Лэиных глаз. – Буду тебя лечить, пока ты меня не побьешь.

И не вздумай отворачиваться!

Лэя все-таки отвела глаза, когда почувствовала себя легче,

зная, что может "выпить" Женькину душу до дна. Теперь они сидели, одинаково немного уставшие и довольные своим спасением, в корзине шара, недвижно зависшей посреди серой сырой пелены облаков. Через несколько минут они поняли, что все-таки быстро поднимаются, так как пелена вдруг осталась внизу, и они только иногда проскакивали вверх, сквозь отдельные клочья сырой ваты. Постепенно становилось светлей. Видимо, сказывалась меньший слой туч над головой. Да и рассвет должен был скоро подоспеть. Прежде чем выяснять обстановку, они решили попросту немного вздремнуть… …За пару часов приятной дремоты, полусидя-полулежа в объятиях друг друга, два незадачливых яхтсмена порядочно подкривили себе спины, и теперь пытались привести себя в порядок, применяя что-то из методов массажа, которые смог припомнить из прошлой жизни Женька. На большую разминку в тесной корзине просто не было места.

– Надо было побольше гнездышко "выдумать"! – призналась в своей оплошности Лэя.

– Ерунда, все просто прекрасно! А со всякими мелочами мы с твоими способностями без труда справимся! – оптимистично заявил Женька.

– Кстати, о мелочах… – смущенно спросила Лэя. – Мы долго будем летать в этой корзинке?

– Маленькая моя! – Женька обнял и поцеловал Лэю. – Ты еще будешь меня стесняться?

Я же тебя люблю, всю со всеми проявлениями твоей натуры.

– И все-таки, мне не хотелось бы представать перед тобой в… несколько некрасивом виде.

– Так, я сейчас делаю ножом дырку в углу пола, а сам понаблюдаю за тучами – все равно надо определить, куда мы движемся и на какой высоте находимся. И не смей меня стеснятся! Это, в конце концов, смешно после всего, что с нами и между нами произошло! – сказал Женька и приступил к выполнению своего плана.

Наблюдения за облаками и за проглядывающей местами горой, давали несколько неутешительную картину. Было похоже, что они зависли на высоте двух-трех тысяч метров над уровнем нижних туч, а до верхнего слоя сплошной облачности вообще было далеко. Нижние тучи определенно двигались к горе, тогда как верхние, похоже, или стояли на месте, или ползли от горы. Их же шар, скорее всего, висел, не двигаясь никуда.

– Ладно, приводим себя в порядок, завтракаем, а потом придется спускаться, – сделал выводы Женька.

– А почему надо спускаться? – спросила Лэя.

– Только нижний слой воздуха движется с большой скоростью к горе. Если нам удастся зависнуть в нем, то мы, меньше чем за час, долетим до суши.

– Так давай, сначала начнем спускаться, а потом, на ходу позавтракаем! – внесла разумные коррективы в план действий Лэя.

– Давай! – согласился Женька и почесал в своей пышной гриве, вспомнив свою земную привычку. – А как мы спустимся-то? Надо же газ стравливать потихоньку, а клапана-то у нас и нет!

– Ну, так давай, объясняй устройство этого клапана, буду усовершенствовать наш шар на ходу! – решительно ответила принцесса.

– Главное, чтобы наш шарик не разлетелся при этом на кусочки! – с опаской посматривая на раздутый до предела шар, предупредил Женька. – Мы же на такую высотищу залетели! Его сейчас распирает от давления. Ты какую-то прямо-таки железную ткань "придумала"! Так что, надо продумать все хорошенько, прежде чем вносить коррективы.

Но Лэя показала себя настоящим профессионалом не только в кораблестроении, но и в воздухоплавании, и скоро Женька начал стравливать газ из шара с помощью простого и надежного приспособления. Как ни странно, их аэростат сначала рванул вверх. Женька сообразил, что шар стал легче, когда давление газа снизилось, и продолжал выпускать газ, пока их летательный аппарат, наконец, не стал снижаться.

Потом они завтракали, продолжая потихоньку снижаться вниз, и заодно все время сглатывали, восстанавливая вдавление в закладываемых ушах. К окончанию завтрака они уже проделали половину пути до нижних туч. Женька только подтравливал все время газ из слегка скукожившегося шара.

Он, мягко говоря, немного не рассчитал, и они попав в слой туч стали снижаться ниже, может, потому что клапан травил газ, а может, шар сильно намок, угодив в дождевое облако. Так или иначе, они скоро оказались под тучей, поливающей, как из лейки море под ними. Вдали уже показался берег. Шар несся по направлению к нему, постепенно снижаясь. На море разгуливала нешуточная волна. Над водяными валами парили воистину исполинские альбатросы. К счастью они не интересовались тем, что летало выше их.

Женька решил использовать по максимуму скорость ветра под тучами и ждал, пока шар совсем не снизится, прежде чем Лэя снова "зарядит" его легким газом. Они подлетали вплотную к берегу, и увидели, что их несет прямо на лежбище каких-то огромных ластоногих или рептилеобразных животных, плотно

занимающих своими исполинскими телами всю кромку прибоя. Огромным, с автобус величиной, тушам не было дела ни до прибоя, ни до ветра. Когда Женька увидел в волнах выгнутую спину какой-то твари, величиной с кита, он не выдержал и крикнул Лэе:

– Давай! Накачивай!

Лэя послушно и четко выполнила команду. Газовый баллон над головой снова раздулся на полную катушку. Но корзина продолжала снижаться. Женька хотел уже крикнуть Лэе, что бы она еще накачала шар, но сообразил, что это их прижимает к воде порывом ветра, и надо только чуть-чуть выждать. А сделать это было очень трудно, так как корзина даже немного задела волну, обдавшую брызгами путешественников. Только после того, как разгулявшаяся стихия отвесила корзине хорошего водяного шлепка, та стала, постепенно ускоряясь, взмывать вверх.

Они пронеслись над самым лежбищем, чуть не задевая гигантов за спины и стали уходить по касательной вверх. Но и, поросший какими-то кустами и чахлой травой, берег стал постепенно подниматься. Они еще заметили под собой гнездовья множества птиц на скалах, и опять скрылись в облаках.

– Да, на что способна природа, когда жратвы от пуза и сила тяжести в пять раз меньше обычной, – сделал естественнонаучное наблюдение бывший биолог.

– Господи, и как же мы собирались там причаливать на яхте?! – пораженная картиной неприветливого пейзажа, воскликнула в ответ Лэя, пытаясь рассмотреть Женино лицо в серой сырой дымке. – Ее просто разбило бы о скалы! И еще эти монстры вдобавок!

– Наверно было бы трудно, но я думаю, ты бы справилась! Заморозила бы к едрене Фене все эти волны вместе с крокодилами и моржами и прошла бы победным маршем настоящей волшебницы по всей этой нечисти! – нашел в тумане ее руки и губы Женька. – Одним словом, поздравляю! Кажется, мы преодолели очередной, непреодолимый для обычного сэйла, рубеж. И все благодаря тебе, моя волшебная принцесса.

– Да уж, именно мне – которая почти слепо действует, не отходя ни на шаг от четких инструкций инопланетянина.

– Кое кого, да за его инструкции по шее, чем потяжелее, надо отходить, да нету желающих. Сам себя ведь не поколотишь, – намекнул на свои промахи Женька.

– Но ведь ты же сам говорил как-то, что не ошибается тот, кто ничего не делает, – напомнила ему старую истину Лэя.

– Ладно, признаю свои заслуги на пользу вашего отечества! – пошутил Женька и потом соткровенничал. – Ты знаешь, что меня

подвигло на участие во всей этой операции?

– Что?

– Страх за тебя. Я думаю, мое нутро решило еще в первый раз, когда я увидел тебя, что я не оставлю тебя одну в этом мире. Но я все время немного сомневался, особенно вначале, а буду ли я лучшим защитником для тебя, чем Зар? Я все-таки был чужаком здесь. Но сейчас я понял, что, несмотря на всю мою бесполезность в роли волшебника, я все-таки помогаю тебе своими знаниями, и вместе мы сумели подобраться к самой цели. Еще каких-нибудь сотня миль и мы у нее!

– Можешь не сомневаться, без тебя вся миссия провалилась бы, и не один раз. Да и мне, наверно, не жить было бы… Кстати, мы уже над тучами – что дальше будем делать? Волшебница ждет твоих новых инструкций!

Делать дальше им пришлось много чего. Они были вынуждены все время ловить поток воздуха, идущий по склону вверх. Накачанный шар норовил взлететь вверх и зависнуть на месте, а после травления газа он ускорялся и хотел разбить корзину в щепки о скалы. Так они и скакали, как кенгуру, зато очень быстро достигли потолка подъема – где-то четырех тысяч миль, а вглубь острова продвинулись на несколько десятков миль.

Дальше настала пора снижаться. Шар, на пределе своего подъема, летел прямо на скалу. Это был очередной момент, когда их миссия могла окончиться неудачей. Их спасение зависело только от успешной Лэиной работы. Женька предупредил ее, что бы та "придумала" якорь с веревкой и тут же была готова к следующей операции: выдумать большущий стог сена на месте их столкновения со скалой. Женька скомандовал:

– Давай!

Лэя тут же "скинула" якорь на длинной веревке и повернулась к приближающейся скале. Женька отслеживал, как натянулась веревка, и корзина стала стремительно валиться на скалистую поверхность. Он еще раз крикнул:

– Стог!

Прямо перед ними выросла целая гора сена, и они с маху влетели в нее, разметав траву вокруг. Они продолжили движение, пулей вылетев из корзины, и приземлившись в мягкий стог. Сверху их тут же накрыло стропами и тканью шара.

Женька, отчаянно барахтаясь, спешил к Лэе. При такой посадке можно и шею свернуть запросто, а терять свою принцессу он не собирался. Они столкнулись нос к носу, накрытые тканью шара. Оказывается, Лэя, точно также отчаянно работая руками и ногами, пыталась добраться до Жени. Они обнялись, облегченно

замерев на мгновение.

– Ура! Спасибо за ювелирную точность, моя принцесса! – наконец, тихо сказал Женька и спросил. – Ты цела, котенок?

– Да, а как ты, мой штурман?

– Все в полном порядке. Но больше никаких посадок на горы в штормовой ветер. Мы выжили только благодаря тому, что весим, как маленькие дети, да еще твоей ловкости и волшебным талантам. Дальше пойдем пешком! Осталось меньше ста миль.

При нашем теперешнем весе, мы пройдем все это расстояние за три-четыре дня.

Выбравшись из стога, они оглядели место посадки. Шар продолжало трепать напористым ветром. Они поняли, что им сильно повезло, так как во многих местах тучи ползли вверх прямо по скальной поверхности, снижая видимость до нуля.

Женька опять зарылся в стог перед самой корзиной и через некоторое время нашел мешок с провизией. Настоящая еда – это было единственное, что им действительно было нужно сейчас. Все остальное могла "выдумать" Лэя. Глядя, как принцесса начинает мокнуть на моросящем дожде и сильном ветру, Женька взял ее за руку и завел обратно за стог. Сделав под шаром удобное и гнездышко в стоге, он пригласил Лэю:

– Давай перекусим, отдохнем и спланируем, что и как будем делать дальше!

– А я-то думала, зачем он девушку на сеновал повел? – хитро улыбнулась Лэя. – Оказывается для совещаний! Размечталась, короче говоря!

– Ну, у нас совещание будет без галстуков, как у земных президентов иногда случается. Только мы можем пойти немного дальше, если принцесса, конечно, будет не против… …Когда они уже "обсудили" все самое важное без галстуков, как, впрочем, и безо всего другого, то настало время заняться и остальными мелочами, вроде обеда и экипировки. Поскольку это не вызвало больших проблем, то вскоре они, сытые и одетые, выходили в путь. Идти предстояло все время вверх. Но склон был пологий, вес их приближался к пятнадцати килограммам, а в спину подталкивал неслабый ветерок. Так что они могли подниматься на гору чуть ли не бегом, тем более, что температура немного снизилась, и больше не было так душно, как в самом низу.

Нового из экипировки, Женька попросил Лэю сварганить по паре хороших ботинок, наколенникам и наладонникам, чтобы не раниться понапрасну о скалы, если случиться падать. Дождевики у них уже были в корзине шара. Некоторую трудность представляла сама скала. Она была сырая, и по ней стекало множество ручейков, без сомнения где-то образующих целые

реки. Но с другой стороны, поверхность была почти ровная, абсолютно не тронутая эрозией. Женька никак не мог понять, почему так получалось. Было такое впечатление, что она, как образовалась когда-то, миллиард лет тому назад, так и осталась до сих пор целехонькой. Как это могло произойти при постоянном поливе водой, было загадкой.

Они весело, чуть не вприпрыжку, бежали по горе вверх. Здесь, наверху не было никакой живности, ни растительности. Вечером Лэе пришлось выдумывать защиту от ветра и дрова для приготовления горячей похлебки. Для ночевки она опять соорудила небольшой стожок сена, так понравившийся им на привале. Когда развели огонь, Женька обратил внимание Лэи на странный перелив каменных граней под ногами. Наклонившись вплотную к скалам, он заметил, что рельеф камней и царапины, как бы троятся или немного размазаны.

– Что бы это значило? – озадаченно сам у себя спросил Женька.

– А я, кажется, догадываюсь! – воскликнула Лэя, тоже приблизив лицо к самой скале. – Эта гора находиться сразу во всех четырех пространствах, которые ты вычислил. И кстати, поэтому она не выветривается и не вымывается. Как сдвинешь песчинку, находящуюся сразу в нескольких реалах?

– Правда, поэтому-то и растения не могут здесь расти, и вода скатывается почти дистиллированная, – дошло до Женьки.

– Интересно, а как же тогда можно капсулу сдвинуть, если она и порождает все эти завихроны? – задумалась Лэя.

– Не знаю. Может, по принципу "против лома нет приема"? Ведь все эти воздействия ветра и воды довольно мягкие, а если чем тяжелым по скале ударить? Женька тут же взял нож и ударил наотмашь по камню. Присмотревшись, он увидел микроскопическую царапину и удовлетворенно хмыкнул. – Все ясно, капсулу можно просто сдвинуть, она ведь не единое целое со скалой. Интересно, мы тоже "проваливаемся" в эти пространства через размягченный реал?

Женька подошел вплотную к Лэе и внимательно вгляделся в ее ресницы, изумрудную радужку и зрачки.

– Нет, не похоже. Наверно, для этого надо очень долгое время и неподвижность, как у горы, – облегченно констатировал Женька и спохватился. – А как чувствует наша маленькая? Мне все не дает покоя, то, что Ноа сказала о стерильности сэйлов в этой стране.

– Успокойся, папаша-паникер. Все в порядке! Я же чувствую. Ведь жизнь уже зародилась, и стерильность сэйлов ей уже не грозит. И потом, животные-то здесь размножаются и очень даже

неплохо.

Еще два дня прошли в монотонном подъеме. Температура сильно упала. По Женькиным расчетам они были где-то выше тридцати километров. По меркам Земли они были бы уже в ближнем космосе, охваченные космическим холодом, а здесь они еще не выбрались на поверхность планеты. Женьку беспокоила декомпрессия, но, то ли содержание азота в атмосфере Сэйлара было меньше, то ли они просто так интенсивно дышали, что кровь успевала избавиться от излишков газа, но никаких сильных побочных эффектов не возникало. Температура падала, но очень медленно.

Вместо четырех градусов на километр, как на Земле, только где-то на градус на милю подъема.

Склон постепенно становился круче, но несильно. Наконец они уперлись в нижний край снежной шапки. До Женьки дошло, что им повезло не попасть под снежную лавину, и было желательно, чтобы снег и дальше не съехал нигде под ними. Однако, присмотревшись к плотному насту, он понял, что, скорее всего, колебание температуры сейчас шло немного на минус и сход подтаявших снегов им не грозит.

Ветер все время постепенно стихал, но неприятная влажность сохранялась, так как при охлаждении все больше воды конденсировалось из воздуха. Последние мили перед поясом снегов им приходилось преодолевать, надев стальные крючья на ботинки, чтобы не скользить по корке льда. Зайдя на край снежного поля, он обратился к одетой в зимний комбинезон Лэе:

– Попробуем идти по снегу прямо в ботинках. Кажется, он довольно плотный.

Женька проверил, хорошо ли затянуты края штанин на ее ботинках, чтобы туда не попал снег. Лэе была непривычна новая одежда, и Женька считал нужным следить, чтобы у нее было все в порядке с экипировкой.

Спустя несколько миль он все-таки провалился, и сразу по пояс. Выбравшись и усевшись на снег, он предупредил Лэю:

– Здесь можно проваливаться сколько угодно. Поэтому помни, что, как только начинаешь проваливаться, надо ложиться. Тогда твое тело останется на поверхности.

– А как же мы дальше будем подниматься? – растерянно спросила Лэя. – Можно бы лыжи выдумать, но они же назад начнут съезжать.

– Сейчас я тебе объясню, как сделать снегоступы. Они широкие, но не скользят. В них мы до вершины вмиг дотопаем. Осталось-то миль десять. В любом случае, к вечеру надо перевалить кромку кратера. Там ветра вообще не должно быть.

Покажи-ка руки!

Лея протянула ему ладошки в шерстяных рукавичках. Они были мокрые, а ее руки прохладные. Женька укоризненно покачал головой и спросил:

– А ноги, как? Теплые?

– Теплые, теплые! Ты уж совсем со мной, как с маленькой, возишься. Будто я снега не видала!

– Снег-то ты видела, но в горах, каждая мелочь может стать смертельно опасной.

Вот простудишься, как я тебя лечить здесь буду? Так что, меняй рукавицы или суши эти, – ворчал, как старый дед на Лэю Женька, а сам разогревал ее прохладные пальчики в своих руках.

К вечеру они перешли кромку кратера, перевалив ее в самом низком месте. Перед их глазами развернулась ровная снежная равнина скрывающаяся местами в клочьях тумана. По закругленности кратера Женька оценил его диаметр примерно в миль пятнадцать-двадцать. На дальней стороне кромки кратера можно было разглядеть большой провал, через который видимо когда-то давным-давно изливалась лава. Им осталось спуститься на снежную равнину и заночевать. Женька достал из-за пазухи чудом сохранившийся компас. Стрелка быстро крутнулась, уверенно показав на центр равнины.

– Ну что, заночуем здесь или дойдем до капсулы?

– Я бы дошла, только до темноты успеем?

– А что нам темнота? Если сделаешь длинные лыжи и палки к ним, то мы, при своем весе, за пару часов у центра будем. Как раз успеем!

– Тогда лови лыжи с палками!.. …Стрелка компаса крутилась в сгущающихся сумерках. Они стояли прямо над капсулой.

– Все, – прошептал Женька, не веря сам себе. – Мы дошли. Лэя, мы дошли!

Лэя стояла, вслушиваясь в Женькины слова, и пыталась постигнуть их смысл.

Двадцать дней сплошного риска прошли не зря. Где-то под их ногами лежало то, что держало на себе весь их мир, как всякие сказочные животные держали мир на своих спинах, судя по описаниям в древних книгах. Где-то здесь, под снегом скрыта маленькая капсула с четвертым измерением, творящая чудеса и создавшая волшебную страну Высоких Горизонтов. Лэя молча подошла на лыжах к Жене и, неловко вывернувшись, обняла его, уткнувшись в куртку.

Пока они так выказывали свои чувства, спустилась полная темнота. Женьке было страшновато ночевать над самой капсулой, и он предложил Лэе отойти обратно по своим следам. Лэя

сделала факел, и они при его свете отошли с полмили, заночевав прямо на снегу. Лэя сочинила палатку и пуховой двухместный спальник, следуя Женькиным инструкциям. Уже забравшись в него, Лэе, вместо того, чтобы заняться чем-нибудь интересным, пришла в голову мысль о спасении мира, и она, разлегшись на Женьке (благо вес позволял), стала излагать свои соображения:

– Я вот что подумала: надо ведь что-то с капсулой делать. Я сегодня попробую выйти в астрал и принять от них энергетический канал сюда, чтобы потом создать здесь защиту вокруг капсулы подключенную к нему.

– А ты сможешь выйти в астрал? – обеспокоено спросил Женька.

– Не уверена, да и страшновато конечно, но, мне кажется, я могу это сделать.

Тогда, когда я потерялась в этих складках реальности, и вы с нашей малышкой спасли меня, я научилась управлять своими снами. Пару ночей после этого я "вспоминала", что я во сне и была готова выйти в астрал. Здесь главное настроиться перед сном на то, что мне надо выйти "туда", и тогда я вспоминаю об этом во сне.

– Меня сейчас больше беспокоит, как ты вернешься?

– Но вы же меня не оставите? Я теперь маячок откуда угодно услышу. Помоги только немного малышке меня позвать, но оставь энергии и себе. Она ведь растет и становится сильнее, так что много поддержки и не надо.

– Хорошо, я буду за тобой следить. Но что мы будем, вернее ты будешь, делать дальше?

– Я захвачу канал, и, вернусь. А завтра мы найдем точное расположение капсулы и я должна огородить ее чем-нибудь. Кстати, как ты думаешь, что будет лучше всего, гранитная стена или стальная плита?

– Слушай, а если сделать какой-нибудь выверт пространства? Ну, например, сможешь ты представить пространственное зеркало, так, чтобы всякий туда входящий выворачивался наизнанку и выходил из него обратно.

– Хм… Трудновато что-то. Это надо представить, чтобы тело переходило в другое пространство и там поворачивалось и затем возвращалось обратно в исходное.

Слушай, а не повлияет ли это на саму капсулу, вдруг она сама провалиться в какое-нибудь пространство?

Они оба задумались. Наконец Женька высказал мысль:

– Не должно повлиять. Все-таки здесь нет по-настоящему четвертого измерения, оно где-то внутри капсулы и само провоцирует все эти фокусы. Мне кажется, не трогая причины, мы

не сможем на нее повлиять. А самая важная функция, гравитационная, не должна зависеть от пространственных зеркал.

– Я еще посоветуюсь с ангелами. Мне кажется, легче сделать не зеркало, а эффект растянутого пространства. Я окружу капсулу прозрачным цилиндром, входя в который, любое тело будет мгновенно проскакивать его по астралу и выходить с другой стороны. То есть стенки будут порталом в астрал и обратно. Пусть только снег да дождь смогут свободно ложиться на землю. Как ты думаешь, это будет безопасно для капсулы?

– Да, так как весь фокус будет работать только для движущихся объектов, а капсула неподвижна. Только, что будет с теми, кто прыгнет сверху?

– Не знаю, наверно выйдут в реал внутри горы, предположила Лэя – Как то не очень милосердно… да, я кажется, придумал. Сделай высокий острый конус с метровым буферным слоем, ну или хотя бы в локоть толщиной. Так чтобы твоя телепортация срабатывала только тогда, когда объект целиком попадал в его зону, а то будет половина сэйла с этой стороны, а половина с той.

– А и пусть будет. Внутри-то разрыва нет. Так как пространства в конусе, как бы не будет существовать для внешних объектов – объяснила Лэя. – И лучше его сделать так, чтобы никто и не видел, что находиться внутри. Тогда никто и не догадается, что здесь есть конус, – завершила обсуждение Лэя. – Давай спать.

Чувствую, будет сегодняшний сон посложнее иной работы… … Лэя поймала себя на мысли, подспудно беспокоящей ее: "Я же должна выйти в астрал!", и представила себя на своей небесной полянке. "Открыв глаза" она увидела цветущий луг на фоне белесой призрачной пустыни с рваным контуром кратера вокруг. "Понятно – опять я "творю" в складках псевдореальностей!" – стало ей ясно. Лэя отрешилась от всего, представив черноту астрала. "Надо же, как просто!" – удивилась она, увидев пустоту свободного астрала, и тут же подумала: "Просто – если знаешь!" Надо было действовать, и она позвала всех ангелов, которых только вспомнила.

Арсен и Ленгли явились по первому зову и во всеоружии. Быстро устроили совет на все той же Лэиной полянке, которая послушно развернулась под ними. Лэя спросила, можно ли дозваться до Землян? Лен повслушивался в себя и сказал, что Буля нет в астрале, а Слава будет через пару минут. Лэя стала излагать свой план действий.

Ангелы не возражали. Только попросили, во время придумывания, представлять себе четко, что капсула со скалой внутри Лэиного конуса остается неизменной, чтобы обезопасить мир от случайной катастрофы.

Наконец подоспел Славка и радостно бросился обниматься с Лэей, приговаривая:

– Жива-здорова! Вижу, что "на привязи"! Значит, спишь, а не представилась, – намекнул Славка на связывающую "пуповину" идущую от Лэи к ее телу и продолжил тараторить. – Наслышан о чудесах, что ты творишь! Где вы сейчас, уж не до самой ли капсулы добрались?!

– Да! – успела вставить слово Лэя. – Мне нужен подпитывающий канал для защиты капсулы. Вот я и здесь.

– А как ты собираешься ставить защиту? – спросил Слава, и Лэе пришлось снова пересказывать свою идею.

– Почему бы и нет?! – похвалил ее Славка. – С тамошним мягким реалом это вполне может удастся. Ну, если не получиться, закатай там все в гранит и все дела. Сил-то хватит?

– Так у меня ваш канал еще будет! Из него и подчерпну, если что.

– Отлично! Ну, расскажи, как вы там? Как Женька, жив еще? – полюбопытствовал Славка.

– Да все в порядке, живы-здоровы. Без Жени мне бы не справиться было, это уж точно! – почему-то с гордостью за него ответила Лэя.

– Значит, прав он был, когда отправился на Сэйлар! – прокомментировал Славка.

– Еще как прав! – лукаво улыбнулась Лэя, невольно погладив себя по животу.

От Славки не укрылся странный жест, и он спросил:

– Ты его не съела? А то улыбаешься как-то уж больно сыто при мысли о нем! – пошутил Славка.

– Да нет, просто нас уже трое! – ошарашила ангелов с божествами принцесса, продолжая довольно улыбаться. – Кстати, наша крошка уже сумела спасти меня!

– Да как же это?! – удивленно спросил Славка, и Лэе пришлось вспоминать ее блуждания по складкам псевдореальностей.

Когда они уже все обсудили, настал самый сложный момент. Лен переведя всех на энергетический уровень, подключил себя к Лэе лучом похожим на тот, каким она была связана с собственным телом.

– Когда очнешься в реале, эта связь будет висеть на тебе, до тех пор, пока ты не перебросишь ее мысленно на объект в момент его "создания". То есть представляй, что он подключен к этому каналу. Я надеюсь, что это сработает, – сказал он после завершения "операции".

– Хорошо, следующей ночью я выйду повторно в астрал и

проверю, работает ли канал.

И тогда мы отправимся в обратный путь.

– А как вы обратно доберетесь? – спросил Славка, заметив озабоченное выражение, появившееся на лице принцессы.

– Пока не знаю. Там… такие гады огромные и такой встречный ветер, что простой сэйл и часа не выжил бы… Ладно, что-нибудь придумаем. Ведь у меня с собой такая светлая голова!.. Я имею в виду Женину, а не свою! – рассмеялась Лэя, увидев непонимающее рассматривание ангелами ее головы, и завершила пустой разговор. – Все! Я пошла, а то там наверно моя малышка меня заждалась! Привет маме с папой!

И действительно, стоило Лэе сосредоточиться на своем теле, как она почувствовала призывный маячок, явно ставший сильнее с прошлого раза. Лэя "не раскрывая глаз" потянулась прямо к нему и очутилась в темноте спальника. Высунув руку, она откинула клапан и увидела в призрачном заоблачном свете звезд, что ее дорогой инопланетянин снова наступил на те же грабли, то есть перестарался со своей помощью их малышке. Пришлось ей его тормошить и по-особому смотреть ему в глаза.

Астральный энергетический канал работал вовсю, так как она свободно под-завязку "зарядила" Женю, и все равно, энергия продолжала переполнять ее изнутри.

Нетерпеливо дождавшись утра, она, поторапливая Женю, рвалась к месту действия.

Ее переполняли одновременно сразу несколько чувств: и страх за опасность операции, и любопытство – получиться ли телепортационное "зеркало", и гордость за значимость дела, которое они собирались выполнить. А больше всего сейчас ее интересовало, как же выглядит капсула на самом деле?

Женьке пришлось повозиться с определением, точного местоположения капсулы. Он попросил Лэю подождать, а сам стал ходить с места на место, выясняя, где стрелка переставала крутиться и начинала указывать в центр круга. Наконец на снегу обозначился круг, диаметром в двести локтей. Женька подошел к Лэе и спросил:

– Как до капсулы добираться будем? Она где-то под этим кругом.

– Я думаю, что надо просто растопить весь снег, тогда и капсулу увидим! – предложила Лэя.

– Погоди! Здесь же снега может быть несколько десятков метров. Представляешь, сколько воды будет! И потом, сколько же тебе энергии придется потратить?!

– Ты забыл, что энергии у меня сейчас неограниченный запас, главное не сбросить бы энергетический канал на другой объект!..

Хотя, что я говорю! Снег топить, никакого объекта не надо, так что не куда и канал сбрасывать! Все! Не мешай и отойди подальше! А воду я буду тонким слоем так разогревать, что она сразу испариться!

Женька отошел за спину своей, ответственной по волшебной части, партнерши и остался, на всякий случай, на подхвате. Вскоре от круга, намеченного Женькой на снегу, повалил столб горяченного пара, сопровождающегося жутким шипением.

Процедура длилась с полчаса. Лэя стояла с закрытыми глазами перед белым вертикальным столбом, пока шипение не стало стихать. Тогда она открыла глаза и обернулась к Жене:

– Кажется, я достигла скалы. Дальше надо осторожно. Подождем несколько минуток и подойдем смотреть.

Подойдя к огромному белому колодцу, похрустывая ледяной корочкой под снегоступами, они убедились в грандиозности Лэиной работы. Глубина колодца составляла, чуть ли не тридцать метров. Колодец сверкал ледяными стенками, а на его дне чернела ровная и сухая каменная поверхность. Почти в центре колодца белело метровое пятно недотаявшего нега.

– Это там! – воскликнула Лэя, указывая на белое пятно пальцем.

– А как мы будем спускаться? – Спросил Женька только для того, чтобы подзадорить Лэю.

– Один момент! – уверенно сказала волшебница, и с противоположного конца колодца опять повалил пар. – Готово! Принимай работу!

– А чего так далеко? – спросил Женька.

– Это для того, чтобы жизнь малиной не казалась! – ответила Лэя земной поговоркой, и Женька глубоко задумался, когда же это он ей такое говорил, но Лэя сбила его с этой глубокой мысли, сказав. – Мне так удобнее лесенку было представлять, а пока мы вокруг бегаем, она немного застынет и станет прочнее.

Проделав наперегонки небольшой забег вокруг колодца и скоростной спуск по ледяной лесенке, любопытные путешественники очутились перед белым пятном. Это оказалось углубление в скале, присыпанное снегом. Женька попытался зачерпнуть рукой, но наткнулся на прочный наст из успевшего застыть снега.

– Отойди, а я аккуратненько попробую его растопить! – приказала волшебница, и Женька послушно сдал назад.

После минутки шипения и рассеивания заполнившего колодец пара, они, наконец, увидели конечную цель своего путешествия. На небольшой глубине, закрепленная на трех каменных опорах лежала, поблескивая темной полированной

поверхностью, абсолютно круглая, толстая каменная линза, размером, чуть меньше диаметра углубления.

– Ничего не понимаю! – заворожено уставившись на капсулу, прошептал Женька. – Приходи и бери! Но как она так сохранилась?!

– Ты забыл? Она, как и вся эта гора, немного съехала в другие пространства и стабилизировалась там, – невозмутимо ответила Лэя.

– Но, как же твердые осадки?! Ее же должно погрести под осадочным слоем! – продолжал жаловался Женька.

– Очнись! Какие осадки?! Гора стерильно чистая. Ветер дует только отсюда наружу.

Стерильный вековой снег, и ничего больше! Но ты прав, какой осел додумался оставить линзу без защиты?

– Но наверно, тогда и не было в ней нужды? А может, в этом зарыт еще какой смысл – почем нам знать? – философствовал Женька.

– Ладно! Полюбовались и хватит! Надо делом заниматься. Даже трудно поверить, что стоит ее пошевелить, и по всему Сэйлару пройдут тайфуны и содрогнуться горы!

– Кстати, неизвестно еще, сколько она весит. Может у нее бесконечная плотность.

– Тогда бы она провалилась в гору! Ладно, я колдую!

Лэя собралась, встав в сторонке и отведя Женьку от капсулы. Она мысленно перебрала в уме все параметры: "Невидимый конус в пятнадцать локтей высотой и три локтя шириной в основании, заглубленном в скалу, прозрачные стенки перебрасывают на противоположную сторону конуса любой предмет, размером больше снежинки или песчинки, неизменная структура реала внутри конуса сохраняется,… кажется все. Ах да, энергетический канал прицепляется к конусу,… поехали!"…

Открыв глаза, она увидела, что на месте капсулы нет ничего кроме ровной скалы!

– Женя! – испуганно вскрикнула она. – Я погубила мир! Капсула провалилась куда-то в другие пространства!

Женька тоже сначала испугался, но подскочив к Лэе, понял, что по-прежнему весит как ягненок и с облегчением рассмеялся:

– Нет! Гравитация та же! Значит капсула на месте!

– Где же она тогда? – растерянно спросила Лэя, делая шаг по направлению к месту, где только что была капсула.

– Стой! – крикнул Женька и схватил свою растерянную фею за руку. – Это может быть опасно для жизни!

Он стал медленно обходить центр площадки по кругу и, оказавшись на противоположной стороне, крикнул:

– Смотри внимательно!

Он продолжал медленно двигаться, и Лэя заметила, как стали немного искажаться пропорции его силуэта, как будто она смотрела на него через стеклянную бутылку.

Женька, видимо, найдя точку, так чтобы конус оказался точно между ними, попросил:

– Кинь в меня чем-нибудь!

Лэя растерянно захлопала себя по карманам. Потом спохватилась и "выдумала" себе снежок прямо на ладони, размахнулась и пульнула им в Женьку. Тот изготовился его поймать, но снежок вдруг посередине полета изменил траекторию немного вверх и угодил Женьке прямо в лоб.

– Ой! – охнула от неожиданности Лэя и рассмеялась.

– Понятно! Конус работает! Плоскости-то не параллельны, вот он и подлетел. Ну что ж надо пробовать на себе! – и не успела Лэя ничего возразить, как Женька пробежал и прыгнул прямо на стенку предполагаемого конуса.

Его подкинуло, вывернув немного вперед ногами, но он приготовился к такому эффекту и не упал, а, притормозив ногами, оказался прямо пред Лэей со счастливо ухмыляющейся рожей. И заработал увесистую оплеуху от Лэи. Она закрыла лицо руками и ее плечи затряслись.

– Ну что ты! Не пускать же было вас двоих на этот аттракцион?! – начал канючить Женька, поняв, что только что жестоко стрессанул беременную женщину. – Ну прости своего осла, я же говорил что у меня голова пустая!

– Я вдруг представила, как мне в объятия вываливается твой труп! – наконец смогла говорить плачущая Лэя.

Женька рискнул обнять трясущиеся плечи. Лэя не сопротивлялась – кажется, ее стало отпускать. Женька подхватил ее на руки и, отойдя от колдовского конуса, уселся прямо на скалу и усадил принцессу себе на колени, как маленького ребенка.

Так они и сидели, молча, наверно, с полчаса, пока Лэя совсем не расслабилась и не смогла говорить. Как это ни странно было для Женьки, она сказала:

– Прости, пожалуйста, я, наверно, становлюсь беременной психопаткой!

– Ты еще просишь прощения?! – удивился Женька. – Я, действительно, совершенно не подумал о тебе. Я теперь понял – это двойной эгоизм, рисковать без причины, да еще у тебя на глазах! Кроме того, что я осел, оказывается, я еще и большая свинья!

– Что это ты себя все сравниваешь с весьма полезными

животными? – наконец слегка улыбнулась Лэя, взглянув на него мокрыми от слез глазами.

До Женьки дошло, что он вкладывает в сэйларские слова земной смысл.

– А, это все нестыковка этимологии, – и поняв, что еще больше путает принцессу, пояснил. – Просто на Земле осел считается очень тупым, а свинья еще и страшной грязнулей. А вообще-то не обращай внимания! Я обещаю тебе, что постараюсь теперь не волновать тебя без нужды.

– Интересно, которое это обещание по счету, которое ты даешь мне?! – уже хитро улыбаясь, посмотрела Лэя.

– Мне простительно – я не помню предыдущих обещаний! – шутливо признался Женька.

– И я не помню, – грустно вздохнула Лэя и тут же рассмеялась. – Но мне кажется, что главное, это твое отношение, а не то, что ты обещаешь. Я надеюсь, в следующий раз перед таким прыжком ты будешь думать не о том, какой ты смелый, а том, что со мной будет, если с тобой что-нибудь случиться!

– Да, ты права. Это хороший урок. Но, так или иначе, твой конус проверен.

Капсула надежно укрыта. Если только этот кратер не захотят снести или взорвать целиком.

– Мне кажется, что даже это не удастся. Ведь гора не поддается выветриванию, а любой взрыв, это просто быстрое выветривание! – совсем воспрянувшая Лэя, вскочила на ноги и потянула за собой Женьку:

– Давай заметать следы! Я хочу поднять хорошую метель, чтобы хоть частично закрыть этот колодец в снегу. Пойдем наверх!

Они взобрались по ступенькам, взглянули в последний раз на ровную каменную поверхность и двинулись к своей палатке. До вечера им еще нужно было спрятаться под навесом кромки кратера и устроить снежный буран. Ночью Лэя опять посещала астрал, где угодила на великое и тайное празднование, устроенное в ее честь. Все посвященные в тайну ангелы и Лэины родители поздравляли ее и друг друга с тем, что книга Сэйлара стала читаться на тысячелетия вперед.

А на следующее утро они неслись вниз по снежному склону на собственных попах.

Женька иногда тормозил, прижимая ноги к снегу и втыкаясь в него по пояс, чтобы поджидать летящую сзади Лэю.

– Помни, скользи с остановками, внимательно смотри вниз и не разгоняйся слишком быстро! Не дай бог, попадется уступ или трещина – ноги ведь можно переломать, – время от времени

предупреждал он свою расшалившуюся фею.

Женька придумал этот способ спуска на ходу, когда сел на снег и поехал вниз, на скользком комбинезоне нисколько не проваливаясь в снег. Им было нужно спуститься хотя бы на милю-другую вниз, то есть миль пять по склону. Съехав таким способом до нужного рубежа, он дождался Лэю и попросил ее понаблюдать за облачным слоем, начинающимся где-то чуть ниже кратера. Они долго смотрели и Лэя, наконец, вынесла вердикт:

– Облака очень медленно ползут от горы. А зачем это нам?

– Я еще когда поднимался сюда, заметил, что верхние облака движутся от горы. Но чем ближе к вершине, тем медленнее. Мне кажется, что это те тучи, которые движутся в средней плоскости гравитационной линзы. Наверно, там самый сильный эффект ослабления гравитации. Видимо поэтому там и собирается весь конденсат.

Эти облака должны упираться в края впадины, образуя пояс дождей у предгорий. Нам нужно сделать только воздушный шар и полететь вместе с тучами к предгорьям, вот и все.

– Но ведь они движутся так медленно! – возразила Лэя.

– Это здесь медленно, потом они разгоняются, подпитываемые восходящими потоками.

Весь тот ветер, который дул сюда, там, наверху дует обратно, и я не удивлюсь, если мы на пятый день окажемся у предгорий!

– Но ведь наш первый шар не поднялся и на пять миль! Как мы сможем подняться на такую высоту? – нашла еще одно препятствие для полета Лэя, боясь начать радоваться легкому возвращению.

– Это все относительное дело. Если ты здесь "выдумаешь" шар, который легче воздуха, то тогда и здесь он поднимется на три-четыре мили от стартовой высоты.

Однако ты права – стратосферные шары, гораздо больше по величине обычных, но ведь мы, с точки зрения воздухоплавания, находимся ниже уровня моря. Так что, на всякий случай, "придумай" шар раза в два больше и корзину пошире – хотя бы локтя три в ширину. Ведь нам придется лететь пять-семь дней. И еще одно, нам надо набивать бурдюки снегом и топить в них воду. Если наполним два бурдюка, то еды и питья нам хватит на неделю, а Зарову телу, перед возвращением хозяину, вообще очень полезно устроить чистку недельной голодовкой… Как ты думаешь, "придуманный" шар не развалится за этот срок на периферии впадины? – Женька попытался сразу увести разговор с опасной темы, увидев искру боли в Лэиных глазах при упоминании о скором расставании.

– Не думаю. Только если в самый последний день. До пояса

дождей выдумки сохраняются больше двух суток, а здесь месяцами, – Лэя и сама боялась темы возвращения, как огня.

– Тогда за дело! – провозгласил деланно веселым голосом Женька.

Спустя пару часов он подтравливал газ из шара, впервые за двадцать дней щурясь на солнце, и пытаясь зависнуть над плотным слоем облаков…

ГЛАВА 18. НАЙТИ ДРУГ ДРУГА.

Чашка была на своем месте, и даже застаревшие следы от кофе никуда не исчезли.

– Не мавзолей еще, но мемориальная чашка в память о бывшем сотруднике – это приятно, – заметил Женя.

Они сидели с Витьком в кофейной комнате, и он впитывал всеми фибрами ностальгическую атмосферу лаборатории, в которой провел добрый десяток лет. Все та же фильтровальная бумага вместо скатерти и отсутствие печенья или конфет.

Зная эту традицию, Женька прихватил по пути сюда коробку какой-то сладости в магазине. Пришлось, правда, опять наврать, что он два месяца по страшно важным и еще более страшно секретным делам, болтался в командировке в местах столь отдаленных, что никто из присутствующих там не бывал (что частично соответствовала действительности). Прослушав сводку последних околонаучных сплетен в исполнении Витюхи, Женька сказал:

– А ты, гляжу, растешь над собой. Теперь моя помощь в лабе не особо и нужна. Как девчонки, не забодали тебя своими достижениями?

– Не-е, у меня свой подход. К ним ведь нужно относиться, как природному явлению.

– Стихийному бедствию, имеешь в виду? – ехидно ухмыльнулся Женька.

– Ну иногда и так, а иногда и наоборот, могут очень даже наваять чего-нибудь приличного. Особенно Иринка. Она, вообще, очень самостоятельная, – признался Витек – Конкуренты растут?! – деланно озабоченно спросил Женька. – Она при мне уже неплохо справлялась.

– Да ладно, конкуренты! Счастье, что в лабе хоть кто-то еще более-менее соображает, что к чему и почему!

– Ну, а как Любочка?

– А что Любочка? Все так же – жизнь бьет ключом и все по голове, причем в основном, по моей!

– Ну ничего, куда без этого в нашей работе?

Они уже битый час сидели и сплетничали с Витьком за чашкой кофе. Девчонки, как всегда, налетев шумным шквалом, почирикали и разлетелись по рабочим местам, стесняясь проявлять явные признаки безделья при бывшем и настоящем начальствах.

Женька заметил, что Виктор, наверно, лучший руководитель,

чем Женька. Было видно, что он терпимее и снисходительнее к девичьим ляпам, а это снижало стресс, и лаборатория становилась для них более привлекательным местом в жизни, а соответственно, в коллективе была заметна лучшая и слаженная работа. К тому же Иринка, действительно, крепко поджимала Витьке хвост своей усидчивостью и работоспособностью.

Женька второй день сидел в реале Земли и привыкал к своему старому имиджу.

Сначала было все по-хорошему непривычно и интересно. Буль сдал объект по всем правилам. Даже справку о здоровье и всяких анализах умудрился оставить на тумбочке у телефона. На самом деле, он умерил свой аппетит и скинул пару килограмм из тех четырех, что умудрился нагулять за первый месяц. Было забавно слышать комментарии о своем теле, как о взятой напрокат машине: там прыщ вскочил, там ссадину посадил, переломов, ожогов, и инфекций нет, прическу такую-то сделал…

Первый день он ходил, ностальгически вспоминая места, запахи и звуки. Сходил в магазин, принял ванну, смотрел телевизор, узнавая новости последних двух месяцев.

На второй день он решил сходить на работу, где все еще числился консультантом, и продолжил свое ностальгическое рефлексирование в лаборатории.

Выбил его из колеи звонок на мобильник. Это была какая-то Люся – подруга Буля.

То есть, теперь это была и подруга Жени, по-совместительству, так сказать.

Женька еще вспомнил, как смеялся, слушая сбивчивые и путанные объяснения Буля, что де мол, не смог бы он пообщаться по телефону с некоей Люсей от своего имени и не обижать девушку. Женька еще припомнил Булю, каким винтом тот понесся в реал соблазнять всех женщин сразу. Да, Буля подвело его ангельское отношение к жизни.

Он решил дарить любовь направо и налево и не заметил, как сам попался на этот хитрый крючок, теперь не зная, как с него соскочить. Да и не хотел соскакивать, наверное. Во всяком случае, не Женьке его было судить – чья бы корова мычала!..

Звонила эта самая несчастная или, наоборот, счастливая Люся. Пришлось врать соответственно инструкции, оставленной Булем. Кто бы мог подумать – ангел учил его врать! Хотя, чего там: они всегда врали. Взять любое святое писание – это ж какой-то адаптированный перевод для умственно неполноценных. А соврать во благо одной страждущей души, сам бог велел. Ну пусть не бог, но ангел, уж точно. Вот Женька и врал, отговариваясь, какая она хорошенькая и как он ее любит, но он

сейчас в отъезде за тридевять земель и в тридесятом государстве и встретиться не сможет. Что, в общем-то, и не было таким уж наглым враньем, учитывая отдаленность Буля. Так что опять получился адаптированный перевод с ангельского.

И все-таки, этот разговор вывел его из себя. В голове пошли кругом вопросы, на которые не было ответа: "Кто он такой и его ли теперь это тело? Что он вообще здесь делает и что ему нужно от жизни? А может, он просто сошел с ума и сейчас настал миг просветления?" Нет, не сошел – на телефоне висел номер неизвестной ему Люси. "А позвоню-ка я Федьке, хоть поболтаем!" – пришла спасительная мысль.

Но тут его ждал прокол – Федя был недоступен на всех телефонах и частотах.

Ноги сами вынесли его из института и повели в магазин на дозаправку. По своей старой холостяцкой привычке он ничего лучше не придумал, как пойти домой и напиться. Правда, в надежде на то, что Федька все же объявиться, он решил начать с пива.

Плюхнувшись на диван и открыв банку, он так и замер, отхлебнув только пару глотков и забыв об окружающей его реальности. Мысли так и вертелись вокруг событий последних дней. А событий было так много, что ему их было трудно переварить. Сначала вспомнился Буль, который пытался шутить, как всегда, но это ему плохо удавалось. Все-таки сильно он очеловечился, пожив в реале. Стал слишком серьезно относиться к окружающей действительности и своим личным отношениям в частности, растеряв по дороге остатки своей ангельской мудрости.

Женька спрашивал его:

– Ты же такой старый, как же тебя эдак угораздило втюриться, как мальчишку?!

– Сам дурак! – буркнул ангел в ответ.

– Надо признать, ты прав по всем позициям, – пришлось согласиться Женьке.

– Я думаю, что только сейчас и сумел постичь всю мудрость мироздания.

– И в чем же она?- приготовился к ангельскому откровению Женька – В ощущениях и взаимодействии душ. А высшей формой этих взаимодействий является любовь, – мечтательно ответил ангел.

– Ну, открыл Америку! Это и без тебя было известно!

– А вторая часть мудрости заключается в том, что каждый должен дойти до этого сам! Никакие учебники не помогут, – немного грустно завершил свою философскую мысль Буль.

– Оно и видно, что ты дошел до этой мудрости!

– Представь себе, да! И ты, кажется, тоже!

– Только объекты наших воздыханий разбросаны по разным сторонам галактики! – грустно усмехнулся Женька.

А до этого было пышное празднование в небесной Эриане. Все приглашенные сэйлы были страшно расфуфырены, и Бульский драный джинсовый костюм мог бы вызвать удивление, если бы не большая разница в культурах двух цивилизаций. Сэйлы просто не поняли, что этот костюм далеко не парадный. Ленгли торжественно сообщил, что Женька вместе с Лэей отныне имеют статус спасителей Сэйлара и им были вручены какие-то висюльки, наподобие тех, что иногда вешает президент своим подданным, разыгрывая спектакль перед телезрителями. Висюлька хорошо блестела, и только Женька подумал, что если к ней приделать крючок, то можно неплохо ловить рыбу, как Буль ему шепнул на ухо:

– К этой финтиклюшке прилагается открытый и неограниченный астральный кредит.

– А что это значит? – тихонько спросил Женька.

– А это значит, что в твоем распоряжении столько астральных ресурсов, сколько ты пожелаешь или сколько выдержит их цивилизация. Это, помимо всего, еще и знак огромного, можно сказать, безграничного доверия к твоей благородности.

– Значит, наша Служба уже обеспечила себе финансовую базу?

– Ну, это тебе видней! – шепнул еще раз Буль, а торжества, тем временем, продолжались.

Лэя была просто ослепительна. Наконец до Женьки дошло, кого он посмел полюбить.

Действительность точно соответствовала поговорке: "любить так королеву, украсть так миллион!", вернее, несколько превосходила ее – любил он не престарелую королеву, а юную восхитительную принцессу, а увел не миллион, а вообще, весь банк Сэйлара.

А до этого был выход в астрал. На изнанке его и Лэю уже ждали и рукоплескали.

Женька сразу попал в объятия Славки, Федьки и Буля, а Лэю окружили родители, Зар и ангелы. Так что снова они встретились только на празднике.

А вот до этого… – мысли перескочили к моменту заоблачного полета на шаре, когда они начали исподволь прощаться друг с другом. Они не говорили об этом – это было слишком больно. Хватило ляпнутой Женькой перед полетом фразы про сдачу тела Зару, которая расколола изнутри их беспечное счастье,

выдерживавшее до этого любые трудности магического мира, но спасовавшего перед надвигающейся угрозой разлуки.

Лэя была бесконечно ласкова с ним все шесть дней полета и страшно сокрушалась, что он ничего не ест. Женьке стоило немалого труда убедить ее, насколько это полезно для него и насколько противопоказано Лэе в ее теперешнем положении.

Женька ужасно беспокоился по поводу того, что она вынуждена пить дистиллированную воду и есть одни лепешки. Он инструктировал ее, сколько и каких фруктов, овощей, рыбы и мяса она должна будет есть, чтобы ребеночек родился здоровым. Лэя сумела "выдумать" несколько книг, которые она читала когда-то в библиотеке и они коротали время за изучением истории Сэйлара. Иногда, по ночам Лэя во сне выходила в астрал и передавала приветы Женьке от его приятелей и обратно, но сильно астральными путешествиями не злоупотребляла, так как это все-таки было связано с некоторым риском.

У Женьки все время крутился на языке вопрос: "Не жалеет ли Лэя о том, что сблизилась настолько с ним?", но глядя в ее глаза, понимал, что только обидит ее такими словами. Было видно, как значительнее и мягче становится ее взгляд, когда она мельком гладила свой животик, как бы пытаясь нащупать, не стал ли он увеличиваться. Она почти каждый день счастливо рассказывала ему, что она чувствует их малышку. И хотя это и повторялось раз от раза, как на сломанной пластинке, Женька с радостью выслушивал эту весть вновь и вновь, как самое великое откровение.

С каждым часом полета становилось теплее, и на шестой день они увидели за облаками горы. Это было горное кольцо, опоясывающее страну Высоких Горизонтов.

Женька лихорадочно всматривался в изломы каменных хребтов, пытаясь найти знакомые очертания. Ошибка влево или вправо могла быть очень большой. Но им повезло. Когда они уже оказались над самой кромкой зоны дождей, Женька понял, что одна заснеженная вершина характерной формы, далеко справа была совсем рядом с ними, когда они шли через горы. До района, где они оставили Хлюпа, было около дня пути – не так уж и много, учитывая сравнительную безопасность здешних мест.

Было видно, что ожидание предстоящей встречи с Хлюпом добавило бодрости начинавшей тихо грустить Лэе.

Оказалось, что Хлюп провел время в гостях с большой пользой. Он действительно переориентировался с Лэи на Шэл и чувствовал себя превосходно, только немного скучая по хозяйке. Подходя к стойбищу, Лэя волновалась, какая будет у малышей реакция на то, что они оставили их лошадок у Ноа. Но те даже и

не вспомнили о лошадях, так они были рады прибытию великой волшебницы. Хлюп уже занимал в племени второе место после вождя и провел широкую агитационную работу в пользу своей бывшей хозяйки. Его образованность была на несколько порядков выше соплеменников, поэтому за уважением ему далеко ходить не пришлось. К тому же, впервые за долгое время племя оценило почти беспечную жизнь в отсутствие их главных врагов – уничтоженных Лэей солков.

Но главной неожиданностью для путешественников оказалось то, что Хлюп, прокравшись к ним втихаря от соплеменников, стал клянчить взять его с Шэл в дом к Лэе, чем, признаться, сильно обрадовал принцессу. Она только попросила его самого уладить этот вопрос с племенем. Поэтому, к дому в долине они подходили уже вчетвером. Кстати, выяснилось, что Шэл не очень сильно отстала от Лэи в деле продолжения своего рода.

Женька оставался еще пару дней у Лэи в доме, якобы отдыхая после похода, а на самом деле оттягивая момент расставания. Но надо было возвращать тело Зару.

Женька и так уже два месяца беспардонно им пользовался, изрядно его затаскав и испортив прическу. Так что они все-таки собрались и отправились в самый трудный свой поход – к магнитной пещере. Они так и не поговорили с Лэей, как они будут жить дальше. Женька боялся этой темы, а Лэя просто грустила, но в отличие от прошлого раза, когда они приходили к пещере, в ней была какая-то уверенность.

Было видно, что она ни о чем не жалеет. Только перед самым выходом она, наконец, сказала:

– Всякое может случиться. Но об одном я очень тебя прошу – не кори себя за то, что воспользовался моей слабостью. Это было моим решением, и я счастлива, что поступила так, а не иначе. Ведь в любом случае, под сердцем у меня останется частичка тебя, и этого у меня никто не отнимет!

Сейчас Женька сидел с полной банкой пива в руках и пытался понять, что же все-таки произошло. Хотел ли он осознать, что значит для него Лэя? Может быть… и судя по всему, его хватило только на неполных два дня. Он остро ощутил, что уже ничто на Земле не сможет заполнить эту пустоту. Его сердце осталось где-то там, на другом конце галактике. Его украла очаровательная волшебная принцесса. А еще, где-то там, в бесконечной дали росла новая, родная ему душа. Он посмотрел на руку, сжавшую пивную банку и расплескавшую пиво по полу, и только решил приступить к напиткам покрепче, как зазвонил телефон. Это Федька появился-таки в зоне досягаемости телекоммуникаций и

решил нарушить покой Женькиной жизни.

– Привет, Кот! Чем занимаешься? – послышался веселый бас физика.

– Сижу, думаю, – уныло ответил Женька.

– Не думаешь, а киснешь! Так вот, на сегодня отставить все думы и пьянки! Я только что "оттуда". Таша приглашает нас и специально тебя в гости через пару часов! – энергично гудело в трубке.

– Но… – попытался отнекаться Женька, чувствуя, что ему не до посиделок.

– Никаких но! Во-первых, вечеринка затевается из-за тебя! Таша ведь не участвовала на чествовании нашего героя. Во-вторых, она хочет нас собрать, пока у нее есть время. Ей со дня на день рожать, а потом с маленьким ангелочком не разгуляешься! И, в-третьих, неужели ты откажешь беременной женщине, тем более к которой сам неровно дышал когда-то?

– Сдаюсь! – вздохнул Женька. Действительно, Таше он не мог отказать.

– Тогда встречаемся у нее через два часа. Мне еще надо свое тело погонять, чтобы не залеживалось!

– Тогда до встречи! – Женька еще сидел некоторое время, плохо соображая, что ему делать, но все-таки очнулся и пошел прибирать в квартире. Не оставлять же бардак при выходе в астрал. Пьянку пришлось перенести до лучших времен.

***

Первой мыслью, когда он вышел в астрал, было посмотреть, что делает Лэя, но он сдержал свой порыв, чувствуя, что совсем расклеится и испортит всем праздник, если увидит ее. Надо было держаться хотя бы ради Таши. Так что он отправился прямо в Отраженный реал. Для начала в свою контору, сделать рекогносцировку на местности, а заодно прийти в гости к назначенному времени, а не как попало, что он любил проделывать раньше. В конторе был только Буль и, кажется, тоже занимался схожими вещами – пытался пивом восстановить свое нарушенное ангельское равновесие (Ну не душевным же его называть?).

– Ну что, герой. Освоился на Земле? – как-то без прежнего огонька спросил Буль.

– Да уже надоело! Все дела здесь, а там, сходил к себе в

институт, позвонил родителям, и все. Сегодня чуть не напился. Хорошо, Федька позвонил – приказал у Таши быть, кстати, через пять минут. Ты идешь?

– Иду, а как же? Где еда и выпивка, там без ангела не обойдется!

– Особенно такого падшего, как ты!

– Ну не такой уж я и падший. Я просто дискредитированный. Знаешь, что это у нас ангелов значит?

– Знаю – пьяница и бабник! Хотя нет, последнее в последнее время не подтверждается.

– Что последнее в последнее не подтверждается?

– На хорошего ангела-бабника ты не тянешь. Упал ниже планки. Больше одной дамы не осиливаешь!

– Сам такой!

– А кто спорит? Пошли что ли – Таша ждет!

Они ввалились из чуланчика на втором этаже и сразу услышали Ташин голос снизу:

– Привет мальчики! Идите вниз, а то девочки заждались!

Пока они спускались, сзади ввалился Федька – видимо прямо из реала. Внизу их ждал накрытый стол и Славка, суетящийся вокруг раздавшейся в талии Таши. Он сразу бросился к приятелям и заорал:

– Да здравствует победоносная гвардия астральных спасателей!

– Что за пошлость! – возмутился, скривившись, Женька. – Ты еще под козырек возьми и парадом пройдись. А я этот парад принимать буду, как Брежнев или Сталин.

У меня уже зубы от всего этого болят! То в мессию хотели записать, то теперь в Гагарины. Что за потребности у всех какие-то дебильные? Буль, это не ты говорил:

"Не сотвори себе кумира"? Единственная мудрая фраза, которую я помню из библии.

Там, кстати, они еще есть?

– По-моему этот мессия совсем от своей важности с катушек съехал – не даст приятелям пошутить! – притворно грустно сказал Славка и добавил. – Идите, хоть с девочками поздоровайтесь.

– А что, у нас много девушек? – удивился Женька. – А я думал, Таша одна будет.

– Не все же мне одной быть! – сказала Таша, обнимаясь с ним и протягивая руки через выпирающий живот. – И у меня подружки могут быть, не только у вас. Вот знакомьтесь, это Лена, мы с ней недавно дружим!

Женька повернулся, и его словно ударило током. Чуть в стороне от накрытого стола стояла девушка. Ростом она была

чуть пониже Таши, с темно-русыми, немного мелированными или выгоревшими волосами, точеным носиком, выразительными губами и ярко-зелеными глазами. Очень красивая девушка. Но не в красоте было дело. Что-то в ней показалось знакомое. "Нет, обознался" – промелькнула мысль. Такую девушку он запомнил бы, если встретил раньше. Может из родственников-бабушек? Но она не напоминала никого из родни.

– Рад познакомиться, – пробормотал смущенно Женька, когда дошла очередь познакомиться до него, и, не удержавшись, спросил. – Мы не могли с Вами встречаться раньше?

Рука незнакомки, задержавшаяся на мгновение, буквально жгла ему ладонь.

– Нет, во всяком случае, не в этом виде, – как-то странно ответила девушка приятным мягким голосом.

Женька ничего не мог понять. Его мысли буквально плясали в голове. Мысленно он рвался к Лэе, а душа вдруг среагировала на эту девушку. Да так, что он готов был голову потерять. Пока он закрывал глаза, все было в порядке, он понимал, что скучает по своей принцессе. Как только он видел Лену, у него начинала ехать крыша. Таша, как назло, усадила его между собой и Леной. Он натурально страдал, разрываясь между двух чувств.

Разговор за столом шел своей чередой. Таша все расспрашивала о его миссии, но Женька отвечал скупо, чувствуя, что, как только вспоминает о Лэе, ему делается плохо. Потом ему удалось перевести разговор на Ташу и ее ребенка. Оказалось, что она ждет мальчика, и роды могут наступить когда угодно. Славка весь цвел и пах от счастья, как майская роза, и обещал, что на этом они не ограничатся.

Женька же поймал себя на том, что пытается понять, что его так привлекало в Лене?

Ну, мало ли бывает красивых девушек, особенно в астрале?! Лена вела себя немного странно, как-то угловато, будто стесняясь сделать лишнее движение или сказать не то слово. То есть, поведением она ни как не могла бы спровоцировать его ненормальную реакцию. "Что, соскучился по женщинам своего вида, гулена!?" – подумал Женька, и тут же понял, что дело не в этом. Так сильно, до этого, он реагировал только на одну известную ему девушку, и то не человеческую.

Он укорял себя за измену Лэе, но душа не принимала всерьез увещевания ума. В конце концов, ему стало совсем плохо от мысли, что Лэя где-то там, на Сэйларе одна, беременная, с двумя мохнатыми детьми-"помощниками" на руках, должна управляться с примитивным средневековым хозяйством, пока он тут, в шике и неге празднует свои похождения. "Помогает ли ей Зар?" – от этой

мысли он чуть не взвыл в приступе ревности и со звоном уронил вилку на тарелку. Потом вскочил, страшно извиняясь, и выскочил на воздух подышать.

Может, он напугал своей выходкой Ташу, а может, просто пришло время, но пока он прохлаждался вместе с вышедшим покурить Федькой, у Таши прошла первая схватка.

Тут же все планы пришлось менять. Таша попросила Женю и Лену проводить их со Славой в роддом. Женька считал ниже своего достоинства отказывать прихотям беременной женщины, но самое ужасное оказалось, что ему пришлось сесть на заднее сидение флаера рядом с Леной. Славка мягко, но без промедления вывел машину в воздух, и они понеслись к ближайшему городку. За окнами раскинулся восхитительный пейзаж из гор и зеленых долин, но Женька, как робот, смотрел только вперед. Его ногу жгло колено Лены в черных обтягивающих джинсах, которое временами касалось его. Отодвинуться было, все равно, что показать свое неравнодушие. Так что он терпел, позволяя ноге болтаться в соответствие с пируэтами флаера. Пока они летели, у Таши случился еще один спазм, и какое-то время было не до своих переживаний. Слава богу, у создателей этого мира хватило милосердия, и схватки не доставляли беременным женщинам таких болей, как на Земле. Поэтому Таша пока неплохо справлялась со своим положением.

Они с Леной так и промолчали всю дорогу, и пока провожали роженицу до корпуса роддома. Подождав с Леной в приемном покое, они вскоре узрели выскочившего Славку. Он радостно сообщил:

– С Ташей все в порядке, она родит где-нибудь через три часа. Жень, Таша попросила отвезти Лену к нам. И заодно, отгони флаер. Мы здесь, видимо надолго, так что нечего ему тут болтаться.

Отказывать опять было неудобно, и Женька, распрощавшись с будущим папашей, отправился с Леной к летающей машине. На улице начинало смеркаться. Женька, против воли, остался с такой для него опасной девушкой один на один. Он по своей привычке, с галантностью портового грузчика, предложил гостье пройти в кабину и, вздохнув, как будто вручную разгрузил вагон картошки, плюхнулся на водительское место. Навигатор, проложил маршрут до Ташиного дома, и он выжал педаль газа.

Машина неуклюже дернулась в его руках.

– Извините Женя, если я Вам в тягость. Просто не хотелось Ташу обижать… – вдруг произнесла Лена, напряженным голосом.

– Нет, что ты! Ты… Вы очень красивая девушка! Просто мне как-то не по себе.

Может, Ташины роды так взволновали! – как всегда, полуправдой-полувраньем ответил Женька.

– Это так здорово, родить ребенка от любимого человека! – вдруг вырвалось у Лены.

– Что, тоже хочется? – не удержался Женька от бестактного вопроса, так уж эмоционально высказала свою мысль Лена.

– Да! – просто ответила она. – Только обязательно от любимого, а не абы как!

– А в астрале иначе и не получится! Здесь халтуры не терпят! – успокоил ее Женька.

Потом они снова замолчали, и Женька посадил машину на полянку у Ташиного дома.

Обежав флаер, Женька галантно подал руку замешкавшейся с ремнями безопасности Лене. Лучше бы он этого не делал. Она выпрыгнула из кабины и непроизвольно оказалась в его объятиях. Женька закрыл от страха глаза, и ему показалось, что он держит в своих руках Лэю. Его губы ощутили прекрасное мягкое прикосновение девичьих губ, и он, не удержавшись, прошептал:

– Лэя, – и тут же испуганно открыл глаза, нервно отодвинув от себя девушку. Она счастливо смеялась:

– Попался!

– Я… я не хотел. Я не знаю, как это получилось, – хриплым голосом оправдывался Женька.

– А в Эриане сейчас полдень! – продолжала счастливо смеяться Лена и вдруг снова кинулась ему на шею. – Теперь ты мой! Никуда не денешься!

Женька стоял в полном ступоре и молчал. Лена немного отстранилась и, взяв его голову в свои красивые ручки, приблизила свои глаза вплотную к его, каким-то до ужаса знакомым жестом. И вдруг ее зрачки стали вытягиваться вертикально, а веселые глаза стали до боли ласковыми и родными.

– Какой же я осел! – прошептал Женька и крепко обнял озорную девушку. – Лэя! Ты чуть не свела меня с ума! Хоть бы пожалела – я ведь тебе еще пригожусь!

– Нет, прости, но это было очень мне нужно. Да и тебе тоже!

– Так значит, вы с Ташей все это подстроили?! – начал догадываться Женька, ведя за руку свою новую подругу в дом.

– Да, ты уж прости, но мне нужно было убедиться кое в чем, ответила Лэя, на ходу прижимаясь к Жене.

– В чем? – не стал деликатничать Женька с вопросами, но получил уклончивый ответ.

– Не спеши. Сейчас узнаешь! – загадочно улыбнулась Лэя-Лена и повела его на второй этаж.

Заведя Женьку в спальню на втором этаже, она включила слабое освещение и остановилась на мягком длинноворсном паласе. Оглянувшись, Женька увидел их в большущем зеркале. Лэя повернулась к нему и, взяв за плечи, объяснила, чего она хочет:

– Ты полюбил меня в моем теле, будучи подобным мне. Ты понял, что главное в любви все-таки душа. Я тоже хочу это понять и любить тебя таким, каков ты есть.

– Но я же страшный! – испуганно возразил Женька.

– Неправда. Разве я страшная для тебя сейчас?

– Ты прекрасна! Честно сказать, я еще не видел столь восхитительной девушки, – вынужден был признаться Женька.

– Ты зря сравнивал вас с голыми лягушками, потакая моим страхам. Я поняла – тебе надо было сравнивать вас с дельфинами – гладкими, стройными и красивыми! Я поняла вашу красоту и попросила Славу дать мне чуть-чуть информации Ташиной души, чтобы я смогла изменить свой внешний вид в астрале в соответствии с параметрами ваших тел. Так что, вот так я выглядела бы, будучи человеком!

– Ты восхитительна в любой ипостаси! – прорвало Женьку на божественные сравнения.

Лэя подошла к Женьке и стала расстегивать его рубашку. Женька чуть не заскулил от страха:

– Я же напугаю тебя!

– Ты опять за свое! Я здесь решаю, кого мне бояться, а кого любить! Поэтому молчи и слушайся! – глубоко дыша, прошептала Лэя и добавила. – Не ломай красоту момента!

Она неумело справилась с рубашкой и принялась за штаны.

– Я сам! – пропищал Женька, но Лэя остановила его руки и продолжила свое дело.

Вскоре он стоял в костюме Адама, а Лэя внимательно его разглядывала в зеркало и прямо перед собой, гладя руками по всем местам. Потом удовлетворенно кивнула и, поцеловав, шепнула ему в ухо:

– Теперь ты меня раздень!

Женьке ничего не оставалось делать, как выполнять каприз девушки, хотя делать это было ой как нелегко! Астральная плоть бунтовала, пытаясь сорваться с места в карьер. Он все-таки довел операцию до конца, даже не стал рвать на ней лифчик и трусики, как того очень ему хотелось. В результате всех этих действий, они оказались совершенно голыми перед зеркалом. Лэя, обняв его одной рукой за шею, любовалась на их отражение.

– Посмотри, разве не красиво?! – шепотом спросила она.

Женька всем телом чувствовал, как дрожь желания била ее

тело и он сказал.

– Одна штука, на мой взгляд, не очень смотрится. Но неужели у тебя есть настоящее желание ко мне?!

– Особенно из-за этой штуки! – призывно улыбнулась Лэя и совсем тихо шепнула. – Я готова!

Женька уже хотел подхватить ее и уложить на стоящую по-соседству кровать, но Лэя остановила его жестом и сказала:

– Не здесь. Идем! – и повела его к чуланчику для выхода в астрал.

– Лэя! – взмолился Женька у самой двери. – Ты хоть знаешь?!..

– Знаю! И хочу! – перебила его тихим, но твердым тоном Лэя.

– Правда?! – воскликнул Женька, обнимая голую подругу. – А я все не решался тебе предложить!

– Да я еще до похода во впадину узнала о слиянии душ – мне родители тогда рассказали, да не было времени на все это. Но теперь я готова, и ты, надеюсь, готов принять меня и такой, в человеческом облике?

– Конечно, ты права! Теперь я понимаю, что моя душа сразу стала рваться к тебе, когда я сегодня увидел тебя. Надо было просто сознание отключить!

– Ну что, пошли?! – Лэя потянула его в кабинку перехода.

Через мгновение они оказались в черноте астрала. Женька повесил мысленную завесу и обернулся к Лэе. Он хотел что-то сказать, наверное, как и она, но оба только нежно смотрели в глаза друг другу. Слова были излишни. Откуда-то взялась воздушная постель, как будто сотканная из лепестков цветов. Они обнимались и ласкали друг друга. Лэя под руками Жени, то принимала вид принцессы Сэйлара, то опять становилась человеческой девушкой. Женька тоже произвольно менялся в соответствии с желаниями Лэи. Они любили друг друга и духовно и физически, пока не настал миг полного единения. В какой-то момент не осталось отдельного Жени и Лэи. Это новое создание с удивлением ощутило, что вспоминает все мельчайшие события и ощущения детства и юности Лэи, одновременно помня все, что происходило с Женей. Оно почувствовало, что знает и помнит массу интересного из истории и мироздания Земли и Сэйлара. Оно ощутило прелесть искусства и природы двух миров.

Оно почувствовало божественную силу астрала, который как послушный ручей, тек через его сознание, готовый раскрыть любое знание или ощущение для нового божества.

Для них было не понятно, да и неважно, сколько длилось это состояние – миг или вечность. Только спустя какое-то время после этого слияния, они вдруг снова ощутили себя в объятиях

друг друга. Но теперь, они слышали и знали, что каждый миг происходит с другим – его ощущения и мысли. И это было восхитительное чувство удовлетворения душевного голода, потому что, оказывается, к этому и только к этому стремились их души с самого первого момента, как они встретились.

А все остальное было несущественно, кроме одного, вернее, одной, которая уже заждалась свою маму в реале Сэйлара. Но теперь и у Жени была возможность ощущать их малышку, умеющую пока что лишь одно – любить и ждать.

Женька снял защиту и они уже намеривались прыгнуть к Сэйлару, когда до их сознания мягко коснулась осторожная мысль:

– Поздравляю с рождением!

– Кто ты? – удивленно спросили хором Лэя и Женя.

– Я тот, по чьему подобию созданы вы, и тот, который создается по вашему подобию… -?

– Новое божество, как ребенок, может позволить себе быть непонятливым, – донеслась ласковая мысль. – Я астрал, бог, матрица, кто угодно… я безлик, потому что многолик. Я не имею желаний, так как знаю все… но я выражаю вам свою признательность за ваши чувства. Ради этого стоило затевать игру. Играйте дальше и несите миру свою любовь. Это единственное оружие против ненависти – такова жизнь.

ЭПИЛОГ

Женька строгал доски для новых кроваток. Большое лето перевалило за свою половину, и нужно было готовиться к приему в этот мир его новых жителей. Лэя грелась на солнце, подставляя ему свой подросший животик. Женька постоянно чувствовал ее мысли, и сейчас она шепталась с их малышкой. Это было забавно подслушивать, так как разговор состоял только из чувств и выражал что-то вроде:

"Тебе хорошо малыш?", "Хорошо! Я люблю тебя мама!" "И я тебя люблю!" Женька послал мысль: "А я вас обеих люблю, сильно-сильно!" Малышка уже различала их мысли и ответила: "Я люблю тебя, папа!" Эту незамысловатую беседу они могли вести часами. И хотя малышка еще ничего не понимала и выражала только чувства, Женька знал, что у них будет совершенно исключительный ребенок – ему казалось, что такой светлой и большой души еще наверно не знали ни Сэйлар ни Земля.

– Тебе Илаир говорил, что он письмо от Ренка привез? – спросила разомлевшая на солнышке будущая мамочка. Женька с удивлением на нее посмотрел. Связь между ними, когда они оба были в реальных телах, несколько ослаблялась, но не настолько, чтобы он не услышал мысли Лэи о письме.

– Что-то я не расслышал твоей радости от этой новости? – спросил Женька.

– А это потому, что малышка как раз начала хулиганить у меня в животе и я больше о ней думала.

– Ну и о чем он пишет?

– Не знаю, надо почитать. Сейчас посмотрю, – она достала конверт из кармашка на платье и принялась за чтение.

В письме ничего особенного не оказалось. Гораздо важнее был сам факт переписки, тайно организованной Илаиром через его знакомых в Рестане. А самым важным был доверительный тон письма – они с Лэей как бы держали руку на пульсе души будущего монарха и, пока что, он радовал их своим умом и изменившимся отношением к жизни. Если все у него и дальше пойдет так, то Эриану ожидает достойный правитель.

Женька, насколько только мог, постарался модернизировать быт Лэи. Он даже умудрился с Илаиром сделать водопровод и канализацию, установив ванну и цивилизованный туалет. Хотя Лэя и могла свободно выходить в астрал во сне, сам он для этого нуждался в препарате. Так что ему пришлось организовать настоящую экстракцию и примитивную очистку на сорбентах,

какие смог найти. В результате, у них были достаточные запасы сухого очищенного препарата и установка из двигающихся магнитов, заменяющая Женьке и Зару Федькин генератор магнитного поля.

Для того, чтобы добыть их, ему пришлось почти две недели пробыть в пути и разбить приличный шурф, зато сейчас он и Лэя могли свободно выходить в астрал прямо из ее дома.

Сейчас ему было смешно вспоминать, какой приятный сюрприз преподнесла им судьба.

Они уже настроились с Лэей, что им придется большую часть жить в разных концах галактики и встречаться только в астрале. Что, в общем-то, было тяжело, но переносимо, так как, несмотря на расстояния, они постоянно вели тихий мысленный диалог и чувствовали друг друга, если что-то случалось. Но судьба их резко изменилась, когда к Лэе подошел смущенный Зар и спросил, не может ли Женя побыть в его теле, и пустить Зара в астрал. Не будь Лэя женщиной, если бы не раскрутила смущенного приятеля. В конце концов, Зар сознался, что у него в астрале осталась своя зазноба. Причем, это была девушка-ангел, которая стояла на низкой иерархической ступеньке и боялась засветиться перед начальством в несанкционированных взаимодействиях с душой, к тому же живого человека. А если учесть, что Зар был носителем вселенской тайны, то ее судьба действительно могла быть незавидной. Видимо разлука так сильно допекла парня, что он решился открыться Лэе. Обрадованная открывающимися перспективами, Лэя решилась тоже поведать ему о своем мелкобожественном статусе спасительницы отечества и пообещала тому устроить все его дела.

Вот так и получилось, что Женька частенько подменял Зара на Сэйларе, пока тот миловался с обретшей с ним свое счастье девушкой-ангелом в небесной Эриане.

Причем, Зар все реже появлялся на Сэйларе, как, впрочем и Женя на Земле.

Несмотря на все Женькины сомнения, с Заром у них сложились просто отличные отношения, и тот приступ ревности, который застиг Женю у Таши в гостях, был последним осложнением такого рода. Зара сильно изменила его астральная любовь – он забыл бряцать оружием и стал ровно дышать в сторону Лэи, сочувствуя и помогая ей как настоящий брат. Будучи на постоянной связи с Лэей, Женька чувствовал, что Зарово тело в отсутствие Женькиной начинки совершенно ее не привлекало.

Обрадованный Буль всякий раз с удовольствием подменял

Женьку на Земле, обихаживая в его теле свою ненаглядную Люсю. Таким образом, Женька чувствовал себя каким-то межастральным Фигаро, который успевал и пожить сразу в двух мирах, и вести свои дела в астрале, и путешествовать по разным мирам с Лэей, когда она выходила во сне в астрал. А выходила она почти каждую ночь, когда Женьки не было с ней на Сэйларе.

Славка с Федькой несли службу помощи страждущим душам и их родственникам в реале.

Женька регулярно навещал Ташу и крестного сына, не упуская каждой возможностью посплетничать между ними, божествами. Лэя тоже частенько наведывалась к Таше, действительно, сильно с ней сдружившись – видимо сказывалась частичка Таши в Лэе, и они чувствовали некоторое родство своих душ. Лэе, к тому же, понравилось щеголять в человеческом виде, что она и проделывала частенько в астрале. А на Сэйларе Лэя с Шэл вовсю готовились стать мамами, и все окружающие старались сделать приход новых жителей в мир как можно комфортнее.

Однако хорошо долго не бывает, и однажды, когда Женька в очередной раз вышел погулять по астралу и заглянул в свой скучный кабинет душевной службы ДСП (наведываться туда он считал своим астральным долгом), то на столе его ждал конверт. У Женьки все замерло от предчувствия каких-то непредвиденных событий. Так просто конверты у него на столе не оказывались. Взяв конверт в руки, он увидел имя отправителя – Служба Равновесия…

Ванта – Хельсинки 28.03.2008

ЛЭЯ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ВЕДЬМА?

Глава 1. Лэя

Глава 2. Инквизиция

Глава 3. Изгнание

Глава 4. Странные сны

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: ИНОПЛАНЕТЯНИН?

Глава 5. Дела астральные

Глава 6. Дела Земные

Глава 7. Миссия возможна

Глава 8. Ключи от мира

Глава 9. Принять решение

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ: РАБОТА НАД ОШИБКОЙ

Глава 10. Сэйлар

Глава 11. На перегонки со смертью

Глава 12. Воспитание Монарха

Глава 13. Мессия-эгоист

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ: СТРАНА ВЫСОКИХ ГОРИЗОНТОВ

Глава 14. Навстречу судьбе

Глава 15. Сквозь дожди, леса, страхи и восторг

Глава 16. Найти себя

Глава 17. Над миром

Глава 18. Найти друг друга

Эпилог

This file was created

with BookDesigner program

bookdesigner@the-ebook.org

29.11.2008